

Agatha Christie
ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Тринадцать загадочных случаев
Спящий убийца

Annotation

Тринадцать загадочных случаев Несколько милейших людей нашли для себя забаву: они собираются по вторникам у камина и рассказывают друг другу загадочные криминальные истории, случившиеся в недавнем прошлом. В каждой такой истории — с лихвой жутких и таинственных подробностей. Не хватает лишь одного: ответа на вопрос — а кто же убийца? Так почему же все эти леденящие душу загадки не были разгаданы прежде? Может быть потому, что здесь, у камина, блистательная мисс Марпл слышит их впервые? Спящий убийца Молодая новобрачная Гвенда Рид делает все возможное, чтобы ее новый дом выглядел современным. Но в доме вдруг начинают происходить странные вещи, которые словно отбрасывают Гвенду в мрачное прошлое. Ей мерещатся призраки, каждый шаг по дому превращается в пытку и становится настоящим испытанием для ее разума. Гениальная мисс Марпл берется помочь девушке и пока не знает, что ей придется распутывать преступление, совершенное много лет назад...

- [Агата Кристи](#)
 -
 - [Тринадцать загадочных случаев](#)
 - [Клуб «Вторник»](#)
 - [Святылище Астарты](#)
 - [Золотые слитки](#)
 - [Кровь на панели](#)
 - [Мотив и возможность](#)
 - [Отпечатки пальцев святого Петра](#)
 - [Синяя герань](#)
 - [Компаньонка](#)
 - [Четверо под подозрением](#)
 - [Трагедия под рождество](#)
 - [Трава смерти](#)
 - [Происшествие в бунгало](#)
 - [Смерть мисс Роуз Эммот](#)

- Агата Кристи

-
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Агата Кристи

Тринадцать загадочных случаев

© Девель Л. А., Девель А. А., перевод на русский язык, 2008

© Турбин И., перевод на русский язык, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Тринадцать загадочных случаев

Клуб «Вторник»

— Да, загадочные случаи!.. — Реймонд Уэст выпустил изо рта облачко дыма и, любуясь им, медленно с удовольствием повторил: — Загадочные случаи...

С чувством исполненного долга он посмотрел по сторонам. Широкие черные балки, пересекающие потолок комнаты, и добротная старинная мебель создавали атмосферу старины. Все это импонировало вкусам Реймонда Уэста. Он был писателем. Дом своей тетки Джейн Марпл он всегда считал достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка дома. На ней было черное муаровое платье со множеством складок по талии. Брабантские кружева каскадом спадали с груди. На руках — черные кружевные митенки. Черная шляпка подчеркивала белоснежность волос. Она вязала что-то белое, мягкое, пушистое. Ее словно выцветшие голубые глаза — кроткие и добрые — изучали племянника и его гостей.

Сначала она взглянула на улыбающегося Реймонда, потом на брюнетку с короткой стрижкой — Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то светло-кариими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотрела на холеного, умудренного жизненным опытом сэра Генри Клиттеринга. В комнате были еще двое: доктор Пендер, пожилой приходский священник, и мистер Петерик, высохший маленький человек, который никогда не снимал пенсне, однако всегда смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех взглядом и с милой улыбкой принялась за свое вязанье.

Мистер Петерик слегка откашлялся — обычно этим он предварял все свои высказывания — и обратился к Реймонду:

— Как вы сказали, Реймонд? Загадочные случаи? Какие же случаи вы имеете в виду?

— Да никакие, — вмешалась Джойс Ламприер. — Просто Реймонду нравится звучание этих слов, ему доставляет удовольствие произносить их.

Реймонд с упреком посмотрел на нее. Она откинула назад голову и засмеялась. Мисс Марпл снисходительно улыбнулась.

— Сама наша жизнь — загадочный случай, — глубокомысленно произнес священник.

Реймонд выпрямился.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал он. — Я имею в виду вполне определенные случаи, в которых никто не смог разобраться, то есть события имели место, но объяснить их так и не смогли.

— Знаю, что ты хочешь сказать, дорогой, — заговорила мисс Марпл. — Вот, например, вчера с миссис Каррадерз произошло нечто очень странное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных креветок, потом зашла еще в два магазина и, придя домой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она вернулась в два последних магазина, но креветки словно сквозь землю провалились.

— Очень подозрительная история, — серьезно заметил сэр Генри.

— Тут могут быть, конечно, различные объяснения, — сказала мисс Марпл, и щеки у нее слегка порозовели. — Например, кто-то их...

— Милая тетя, — прервал ее Реймонд. — Речь не о будничных провинциальных историях. Происходят убийства, пропадают люди, и сэр Генри, если бы пожелал, мог бы рассказать нам немало подобных случаев.

— Я никогда не говорю о работе, — спокойно сказал сэр Генри. — Не в моих правилах говорить о работе.

Сэр Генри до недавнего времени был комиссаром Скотленд-Ярда.

— Я полагаю, многие из них полицией так и не раскрыты, — заметила Джойс Ламприер.

— Ну, мне кажется, это же общеизвестный факт, — сказал мистер Петерик.

— Интересно, — продолжал Реймонд, — кому лучше всего удастся раскрывать преступления? Мне всегда представлялось, что полицейские страдают отсутствием воображения.

— Это точка зрения непрофессионала, — сухо сказал сэр Генри.

— Что касается психологии и воображения, то тут уж дело писателя... — улыбнулась Джойс и с иронией поклонилась Реймонду, но он оставался серьезным.

— Литературный труд дает возможность взглянуть на человека изнутри, — торжественно произнес он, — дает возможность уловить такие мотивы, мимо которых прошел бы обычный человек.

— Знаю, дорогой, что твои книжки очень умны, — сказала мисс Марпл. — Но вообще люди не столь приятны, как ты их себе представляешь.

— Милая тетя, — мягко возразил Реймонд. — У каждого свои взгляды. Боже меня упаси подвергать их сомнениям.

— Я имею в виду, — насупив брови и считая петли, сказала мисс Марпл, — что многие люди кажутся мне ни плохими, ни хорошими, а, знаешь ли, просто глупыми.

Мистер Петерик снова откашлялся.

— По-моему, Реймонд, вы придаете слишком большое значение воображению, — заявил он. — Для нас, юристов, воображение слишком опасно. Оно может чересчур далеко завести. Факты, прежде всего объективные факты, — это единственный способ добиться успеха.

— Ба! — воскликнула Джойс, тряхнув головой. — Здесь я с вами не согласна. Я женщина, а у женщин есть интуиция, в которой отказано мужчинам. К тому же я еще и художница и замечаю вещи, которых вы не видите. Кроме того, как художник, я отлично разбираюсь в человеческой природе. Я знаю изнанку жизни так, как, возможно, не знает ее даже присутствующая здесь мисс Марпл.

— Я думаю, это не так, милая моя, — сказала мисс Марпл. — В провинции иногда случаются очень огорчительные вещи.

— Сейчас в моде подсмеиваться над священниками, — заметил доктор Пендер. — Но приходится выслушивать от людей разное, и нам известны такие стороны человеческого характера, которые для других — книга за семью печатями.

— Итак, — сказала Джойс, — наше собрание, оказывается, достаточно компетентно. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня какой день? Вторник? Давайте же собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь загадку, загадочную историю, на которую он сам знает ответ. Сколько же нас тут? О, пятеро. Надо бы еще хотя бы одного!^[1]

— Вы забыли обо мне, милая, — широко улыбнулась мисс Марпл. Джойс немного растерялась, но быстро нашлась:

— Это замечательно, мисс Марпл. Мне как-то в голову не пришло, что это вас может заинтересовать.

— Это же очень увлекательно, — сказала мисс Марпл. — Особенно в компании таких умных джентльменов. Боюсь, что я не обладаю достаточным интеллектом, но все же годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить некоторое представление о человеческой природе.

— Несомненно, ваше участие будет весьма ценным, — уважительно заметил сэр Генри.

— Кому же начинать? — спросила Джойс.

— По счастью, среди нас столь достойный человек, как сэр Генри, — сказал доктор Пендер. — Какие же могут быть сомнения?.. — Он оставил фразу незаконченной, многозначительно поклонившись бывшему комиссару.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

— Пожалуй, нелегко подобрать случай, который представил бы для вас интерес. Но вот припоминаю один, который, по-моему, подойдет. Может быть, вам попадалось сообщение об этом деле в газетах год назад. О нем писали как о нераскрытом. Но так случилось, что несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Факты очень просты. Трое сели поужинать. Среди прочего были поданы консервированные омары. Позднее все трое почувствовали себя плохо. Вызвали врача. Двое поправились, третий умер.

— Ого! — воскликнул Реймонд.

— Как я сказал, факты просты, — продолжал сэр Генри. — Смерть наступила в результате отравления птомаином — так было записано в свидетельстве о смерти, — и тело было предано земле. Но история на этом не кончается.

— Поползли слухи, не так ли? — сказала мисс Марпл. — Обыкновенно всегда так бывает.

— Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара — скажем, мистер и миссис Джоунз. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джоунз — коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена — ничем не примечательная женщина лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк — жизнерадостная женщина под шестьдесят. Ничего особенного в них не было.

Осложнения возникли неожиданным образом.

Накануне злополучного ужина мистеру Джоунзу пришлось ночевать в одной из гостиниц в Бирмингеме. Промокательная бумага на пресс-папье в его номере была совершенно новой, и на следующий день горничная от нечего делать принялась с помощью зеркала читать отпечатавшиеся на ней слова. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джоунз появилось в газетах, горничная рассказала своим подругам о том, что ей удалось прочитать: «Полностью зависим от своей жены... когда она умрет, я буду... сотни и тысячи...»

Вы, может быть, помните, что незадолго до того нашумело дело о жене, отравленной мужем. Много ли было нужно, чтобы расшевелить воображение горничных? Мистер Джоунз задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! Оказалось, что у одной из горничных были родственники в городке, где жили Джоунзы. Она написала им о возникших подозрениях. Те сообщили ей, что мистер Джоунз проявлял внимание к дочери местного врача, молодой тридцатитрехлетней женщине. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел. В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джоунза в убийстве жены. Мы ни минуты не сомневались, что это всего лишь деревенские сплетни, но тем не менее с молчаливого общего согласия провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и, пожалуй, ни на чем не основанного предубеждения. Но оно на удивление оправдалось. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Скотленд-Ярду пришлось потрудиться, чтобы выяснить, откуда мог взяться этот мышьяк.

— О! — воскликнула Джойс. — Интересно. Это то, что надо.

— Естественно, подозрение падало на супруга. Ему была выгодна смерть жены: он получил хотя и не сотни тысяч, но все же солидную сумму — восемь тысяч фунтов. У него не было своего состояния, но он отличался экстравагантным вкусом и был равнодушен к дамскому обществу. Мы осторожно выяснили, насколько обоснованны слухи о флирте Джоунза с дочерью врача. Оказалось, что их дружба прекратилась месяца за два до смерти миссис Джоунз. Сам врач, человек весьма уважаемый, был смущен результатами повторного вскрытия. Ведь тогда его вызвали около полуночи, и он видел, как страдали все трое. Он понял, что состояние миссис Джоунз критическое, и велел принести из его кабинета опиум для успокоения

болей. Однако спасти миссис Джоунз не удалось. Но у врача и мысли не было, что совершено преступление. Он был убежден, что причиной смерти была разновидность ботулизма. На ужин, кроме омаров, подавали салат, бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. Правда, к приходу врача от омаров ничего не осталось и консервная банка была выброшена. Он расспрашивал служанку — Глэдис Линч. Та не переставая плакала и повторяла, что консервы не казались испорченными.

Таковы факты, которыми мы располагали. Если Джоунз и дал жене яд, то вряд ли сделал это во время ужина, потому что все трое ели одно и то же. И еще одна деталь: он вернулся из Бирмингема перед самым ужином, стол уже был накрыт, и у него не было возможности заранее подложить что-либо в пищу.

— А компаньонка? — спросила Джойс. — Эта жизнерадостная особа?

— Мисс Кларк мы не забыли, — закивал сэр Генри. — Уверю вас. Но у нее не было мотива для преступления. Миссис Джоунз ей ничего не завещала, поэтому со смертью своей благодетельницы ей опять было бы нужно как-то пристраиваться.

— Да, пожалуй, это оставляло мисс Кларк вне подозрений, — задумчиво сказала Джойс.

— Вскоре один из моих помощников докопался до нового факта, — продолжал сэр Генри. — После ужина мистер Джоунз пошел на кухню и велел приготовить рисовый отвар для жены, которая плохо себя почувствовала. Он сам отнес ей этот отвар в спальню. Казалось, это можно было бы считать уликой.

Мистер Петерик одобрительно кивнул.

— Налицо мотив, — загнул он один палец. — Удобный случай, — загнул второй. — Легкий доступ к ядам: служащему фармацевтической фирмы нетрудно добыть яд.

— И человек сомнительной морали, — добавил священник.

Реймонд Уэст взглянул на сэра Генри:

— Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

— Тут нас постигла неудача. До сих пор все шло гладко, а тут вдруг неожиданность. Джоунз не был арестован, потому что мисс

Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джоунз, а она сама.

Мисс Кларк, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джоунз. Та сидела в кровати, а чашка с отваром стояла около нее. «Я неважно себя чувствую, — сказала она. — Напрасно на ночь ела омаров. Попросила Алберта принести чашку отвара, а вот теперь расхотелось». «А жаль, — ответила мисс Кларк. — Отвар такой хороший, без комков. Глэдис хорошая кухарка, теперь мало кто умеет так готовить отвар. Я и сама не прочь отведать его, мне так хочется есть».

— Я должен пояснить, — сказал сэр Генри, — мисс Кларк очень беспокоила ее полнота, и она сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей его, — сказала ей миссис Джоунз. — Если господь сотворил тебя полной, так и будь такой. Пей — это тебе не повредит». Тут мисс Кларк и приговорила всю чашку. Это разбивало нашу версию о муже в пух и прах. К тому же Джоунз дал вполне удовлетворительное объяснение фразам на промокательной бумаге. Он сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу дать займы денег. В письме он напомнил брату, что полностью зависит от жены и сможет помочь ему только после ее смерти. Он писал, что сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

— Значит, версия полностью отпала? — спросил мистер Пендер.

— Да, версия рухнула, — подтвердил сэр Генри.

Наступило молчание.

— И это все? — наконец спросила Джойс.

— Год назад расследование на этом закончилось. Лишь сейчас Скотленд-Ярд получил разгадку этой истории, и через два-три дня об этом, наверное, можно будет прочитать в газетах.

— Разгадку этой истории... — медленно повторила Джойс. — Давайте минут пять поразмышляем, а потом выскажемся.

Реймонд Уэст кивнул и засек на своих часах время.

Пять минут истекло, он взглянул на доктора Пендера:

— Может быть, вы начнете?

— Должен признаться, затрудняюсь, — ответил Пендер. — Думаю, супруг все же дал жене яд, но вот как он это сделал — ума не приложу.

— А вы, Джойс?

— Компаньонка! — решительно заявила Джойс. — Все это — компаньонка! Откуда нам знать, какие у нее мотивы? Толстая, некрасивая, немолодая — это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джоунза. Она, конечно, могла возненавидеть миссис Джоунз и по каким-то другим причинам. Подумайте только, что значит быть компаньонкой: все время лебезить, не противоречить, где-то смолчать, сдерживать обиду. Однажды она не выдержала и убила ее. Она, вероятно, положила мышьяк в чашку с отваром и солгала, что сама выпила его.

— Мистер Петерик?

— Трудно сказать. Располагая такими фактами, не знаю, что и думать. — Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев обеих рук.

— Но вам следует высказаться, мистер Петерик, — сказала Джойс. — Вы не должны скрывать своего мнения. Таковы правила игры.

— Мне нечего возразить против фактов, — сказал адвокат. — Но, вспоминая множество аналогичных случаев, я думаю, что это все-таки муж. А мисс Кларк выгородила его по тем или иным причинам. Между ними могла существовать какая-либо договоренность. Возможно, он понимал, что его заподозрят, а она, видя перед собой в будущем одну лишь нищету, согласилась сказать на допросе, что она выпила отвар. Впрочем, за это ей могла быть обещана определенная сумма. Если так, то это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

— Не согласен ни с кем из вас, — сказал Реймонд. — Вы забыли о весьма важном обстоятельстве. А дочь врача? Я хочу дать вам мое решение. Все трое почувствовали себя плохо. Послали за доктором. Он нашел, что миссис Джоунз, которая съела большую порцию, страдает сильнее других. Он посылает, как вы нам сказали, за таблеткой опиума. Врач не сам идет, а посылает. И кто же дает посланному лекарство? Ясно — его дочь. Весьма вероятно, что она сама и готовит его. Она любит Джоунза, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что средство обеспечить ему свободу в ее руках. Таблетки, которые она посылает, — это чистый мышьяк. Вот мое мнение.

— Ну, теперь вы, сэр Генри, — с воодушевлением произнесла Джойс.

— Минутку, — сказал сэр Генри. — Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл печально покачала головой.

— Очень грустная история, — сказала она. — Она заставила меня вспомнить о мистере Харгрейвзе. Его жена ни о чем и не подозревала, пока он не умер. А тогда выяснилось, что он завещал все состояние женщине, с которой жил долгие годы и от которой имел пятерых детей. В свое время она служила у них горничной. После того как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом... Разумеется, это не помешало ему остаться церковным настоятелем и одним из уважаемых людей в городке...

— Милая тетушка, я не вижу никакой связи с покойным мистером Харгрейвзом, — прервал ее Реймонд.

— Факты удивительно схожи, — спокойно продолжала мисс Марпл. — Предполагаю, что бедная девушка во всем созналась...

— Какая девушка? — не понял Реймонд.

— Бедная Глэдис Линч, разумеется. Надеюсь, что Джоунза повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу, но, к сожалению, ее тоже повесят. — Мисс Марпл повернулась к сэру Генри: — Я ведь права, не так ли? Все совершенно ясно. Нельзя не обратить внимание на слова «сотни и тысячи» в письме^[2].

— Что же тут может быть общего?! — воскликнул Реймонд.

— Обычно кухарки посыпают этим цветным горошком пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я связала это со словами «сотни и тысячи» в письме Джоунза. Мышьяк был именно в них. Джоунз оставил его девушке и заставил посыпать пирожные.

— Этого не может быть! — воскликнула Джойс. — Ведь все ели пирожные.

— О, вы не совсем правы, — возразила мисс Марпл. — Компаньонка на диете. Человек, который хочет похудеть, никогда не ест сладкого. А Джоунз, он просто стряхнул горошек и ел пирожное. Все было задумано и исполнено очень умно; но крайне жестоко.

Все с нетерпением посмотрели на сэра Генри.

— Мисс Марпл попала в самую точку, — медленно начал он. — Глэдис забеременела от Джоунза, и он решил устранить жену, чтобы беспрепятственно жениться на девушке. Он подделал «сотни и

тысячи» и дал Глэдис, чтобы она украсила пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умирая, она во всем призналась.

— Великолепно, тетушка! — воскликнул Реймонд и поднялся с места. — Один — ноль в вашу пользу. Просто вообразить себе не могу, как это вы во всем разобрались.

— О, милый, вы даже не представляете себе, сколько я повидала в жизни, — сказала мисс Марпл. — Такие люди, как Джоунз, жестоки и беспощадны. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джоунз ее в покое не оставит. Все это так удручает, что и говорить об этом больше не хочется. Не могу вам передать, каким это было в свое время ударом для миссис Харгрейвз. И все девять дней в городке не смолкали пересуды.

Святилище Астарты

— А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

— У меня жизнь прошла тихо, — сказал он. — В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

— О! — подзадорила его Джойс Ламприер.

— Он запомнился мне на всю жизнь, — продолжил священник. — Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

— Вы заставляете меня содрогнуться! — воскликнул сэр Генри.

— Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

— Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, — заметила мисс Марпл. — Старый мистер Сидерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки — через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции поправлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слыхала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

— Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, — заговорил Петерик.

— Мне известны два «призрака», которые представлены вполне конкретными людьми, — заметил, усмехнувшись, сэр Генри.

— Я думаю, — сказал Реймонд, — нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

— Атмосфера создана, — сказала она, — можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

— Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-то о Дартмуре^[3]. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» — так называлось его приобретение.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой — заядлые лошадики с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондз и была мисс Диана Ашли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая, слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Ашли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондза.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечательно: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон

открывался вид на Мур^[4], на далеко простирающиеся возвышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века — круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники друидов^[5], следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, — сказал Хейдон. — Вы знаете, что оно называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, — он показал рукой, — часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских поселенцев. Пойдемте взглянем на нее».

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? — спросил он. — Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», — спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща Астарты»^[6].

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, — это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты — на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоящая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды... — негромко повторила Диана Ашли с мечтательным и отсутствующим видом. — Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, — сказал капитан Роджерс, не к месту рассмеявшись. — Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, — сказал он. — До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Ашли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, — сказал он. — Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, — пояснил Хейдон. — Богиня луны».

«Богиня луны! — воскликнула Диана. — А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» — спросил он.

«Да, — ответил я с достоинством, — не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это же только дурачество. Дик^[7] не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы...»

«Если бы?»

«Ну, — он принужденно засмеялся, — вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, — сказал он. — Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондз?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему — не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! — закричала она. — Неприятно! Прошу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Ашли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Ашли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявили на обед, началось настоящее веселье. Роджерс с женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондз — шеф-поваром, леди Маннеринг — сестрой милосердия, а ее дочка — пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло — монахом. Диана Ашли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, — кокетливо провозгласила Диана, — вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Выходила луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Разумеется, она не пошла спать», — сказал Ричард Хейдон.

«Я видела, как она около четверти часа назад пошла в том направлении», — Виолетта Маннеринг показала в сторону роци, которая при лунном свете выглядела черной и мрачной.

«Интересно, что она задумала? — сказал Ричард Хейдон. — Какие-нибудь проделки, клянусь. Пойдемте посмотрим».

Заинтригованные тем, что задумала мисс Ашли, мы поспешили за ним. Однако мне очень не хотелось заходить в эту темную, не предвещавшую ничего хорошего рощу. Казалось, нечто сильнее меня удерживает, заставляет не идти туда. У меня возникло совершенно определенное убеждение, что это место особенно опасное. Я думаю, что не я один почувствовал то же самое, но как-то неудобно было в этом признаваться. Деревья стояли настолько плотно, что лунный свет почти не проникал сквозь них. Вокруг слышались тихие звуки, шепот, вздохи. Было крайне жутко, и, не сговариваясь, мы держались все вместе.

Мы вышли на открытую поляну посреди рощи и остановились как вкопанные в изумлении: на пороге святилища стояла чья-то фигура, полностью укутанная в прозрачный газ, рогатый полумесяц поблескивал в темной массе ее волос.

«Бог мой!» — сказал Ричард Хейдон, и пот заблестел у него на лбу.

Но Виолетта Маннеринг оказалась наблюдательнее.

«Так это же Диана! — воскликнула она. — Что это с ней случилось? Ой, она на себя не похожа!»

Фигура в дверном проеме подняла руки, ступила вперед и заговорила монотонным голосом: «Я жрица Астарты. Осторожно, ко мне не приближаться — в моих руках смерть».

«Не надо, дорогая, — стала умолять ее леди Маннеринг. — Нам страшно, на самом деле страшно».

Ричард кинулся к ней.

«Бог мой, Диана! — закричал он. — Ты великолепна!»

Действительно, как сказала Виолетта, Диана была совсем другой. В ее глазах появился какой-то жестокий блеск, на губах — незнакомая улыбка, я такой у нее не видел.

«Осторожно! — крикнула она. — Не приближайтесь к богине. Если прикоснетесь ко мне — смерть!»

«Ты великолепна, Диана! — закричал Хейдон. — Но, пожалуйста, прекрати. Мне что-то это совсем не нравится».

Он пошел к ней, и она вскинула руку в его направлении.

«Стой! — крикнула она. — Еще шаг — и я убью тебя магией Астарты».

Ричард Хейдон посмеялся и пошел еще быстрее, как вдруг случилась странная вещь. Он замер на мгновение, затем как будто остушился и упал. Он лежал ничком и не собирался подниматься.

Тут раздался истерический хохот Дианы. Его жуткое звучание нарушило безмолвие поляны.

С проклятиями Эллиот кинулся вперед.

«Это невыносимо, — кричал он, — поднимайся, Дик, поднимайся, дружище!»

Но Ричард Хейдон продолжал лежать. Эллиот Хейдон подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Он склонился над Ричардом и всмотрелся ему в лицо. Потом резко поднялся на ноги и встал, слегка покачиваясь.

«Доктор, — позвал он. — Доктор, ради бога, сюда. Я... я думаю, он мертв».

Саймондз бросился вперед, а Эллиот размеренными шагами вернулся к нам. Он стал как-то странно рассматривать свои руки.

В этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Это я его убила! — закричала она. — Боже мой! Я не хотела, но я убила его!»

И, потеряв сознание, она упала в траву.

«Давайте же скорее выбираться из этого страшного места! — закричала миссис Роджерс. — С нами тут бог знает что может произойти! Какой ужас!»

Эллиот крепко сжал мне плечо.

«Это невозможно, — отчетливо прошептал он. — Я вам говорю, этого не может быть. Человека нельзя так убить. Это... это противоестественно».

Я попытался его успокоить.

«Это можно как-то объяснить, — сказал я. — Вероятно, у вашего брата было слабое сердце, а об этом не знали. Испуг, потрясение».

«Вы меня не понимаете, — перебил он меня, протянул свои руки, и я увидел на них красные пятна. — Дик умер не от потрясения, его закололи в сердце, а оружия нет».

Я с сомнением пристально посмотрел на него. В этот момент Саймондз, осмотрев тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и весь дрожал.

«Мы что, с ума все сошли? — произнес он. — Что это за место? Почему тут происходят такие вещи?»

«Значит, это правда?» — спросил я.

Он кивнул:

«Рана такая, как будто ее нанесли длинным тонким кинжалом, но кинжала там нет».

Мы посмотрели друг на друга.

«Этого не может быть, — горячился Эллиот Хейдон. — Он, наверное, упал. Должно быть, валяется где-то на земле. Давайте посмотрим».

Мы безрезультатно обыскали все вокруг. Виолетта Маннеринг вдруг заявила:

«Диана что-то держала в руках. Что-то вроде кинжала. Я видела. Видела, как он сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард не приблизился к ней и на три ярда», — возразил Эллиот Хейдон, покачав головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«У нее в руках сейчас ничего нет, — заявила она. — И на земле ничего не видно. Ты не ошибаешься, что видела его, Виолетта? Я не видела».

Доктор Саймондз подошел к мисс Ашли. Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и огляделся.

— Теперь благодаря огромному количеству детективов, — сказал он, — мы все хорошо знаем, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Каждый уличный мальчишка теперь это знает.

Но мы в то время таких вещей не знали и отнесли тело Ричарда Хейдона в его гранитный дом и положили на кровать. Дворецкого отправили на велосипеде за двенадцать миль вызвать полицию.

Затем Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте, — сказал он. — Я вернусь в рощу. Необходимо отыскать оружие».

«Если оно вообще было», — засомневался я.

Он крепко схватил мою руку и сильно встряхнул.

«Вбили себе всякие предрассудки в голову. Вы что, думаете, он умер от сверхъестественной силы? Так я пойду и разберусь во всем».

Я был решительно против этого и пытался разубедить его, но безрезультатно. Одна мысль о густой роще наводила на меня ужас. У меня возникло предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот упрямо стоял. Он, я думаю, сам боялся, но не хотел признаваться в этом. Он ушел как следует вооруженный и настроенный добраться до сути загадки.

Ночь была отвратительная, никто и не пытался заснуть. Приехала полиция. Они отнеслись ко всему с откровенным недоверием и проявили сильное желание устроить допрос мисс Ашли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймондзом, который был категорически против. Мисс Ашли вышла из состояния обморока, или транса, и он дал ей сильное снотворное. До наступления дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Только к семи часам утра все хватились Эллиота Хейдона, и тут вдруг Саймондз спросил меня, где он. Я объяснил, что сделал Эллиот, и это еще больше расстроило Саймондза.

«К чему он туда пошел? Это... это напрасный риск».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, нет. Я думаю, святой отец, нам лучше пойти посмотреть».

Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отважиться на это. Мы отправились вдвоем и еще раз зашли в эту проклятую рощу. Мы кричали, но никто не отзывался. Через некоторое время мы вышли на поляну. В раннем утреннем свете она была тусклая, призрачная. Саймондз сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Минувшей ночью при лунном свете мы видели здесь тело человека, лежащего ничком. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейдон.

«Боже мой! — вырвалось у Саймондза. — И его тоже!»

Эллиот Хейдон был без сознания, но слабо дышал. На этот раз причина трагедии была ясна. Длинное тонкое оружие осталось в ране.

«В плечо попало, не в сердце. Повезло, — прокомментировал доктор. — Бог знает, что и думать. Во всяком случае, он жив и сможет нам рассказать, что произошло».

Но этого-то как раз Эллиот Хейдон и не смог сделать. Его рассказ был крайне туманным. Он безуспешно пытался разыскать кинжал и наконец, прекратив поиски, остановился у святылища. К этому

моменту он все больше и больше убеждался в том, что кто-то следит за ним из-за деревьев. Он противился этому ощущению, но не мог от него избавиться. Он говорил, что подул холодный странный ветер, который, казалось, шел не из-за деревьев, а изнутри святилища. Эллиот заглянул вовнутрь. Увидел маленькую фигуру богини и почувствовал, что происходит нечто странное, возможно, это был оптический обман. Фигура как будто стала расти. Потом его что-то ткнуло — он воспринял это как удар в лоб — и сбило с ног. При падении он почувствовал острую, жгучую боль в левом плече.

Кинжал на этот раз был идентифицирован. Он был найден при раскопках кургана, и купил его Ричард Хейдон. Где он хранился, в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала — и разубедить ее не удалось, — что мисс Ашли умышленно заколола Ричарда. Но, учитывая единодушные свидетельства, что она не приближалась к нему ближе чем на три ярда, у полиции не было никаких оснований надеяться на поддержку обвинения против нее. Таким образом, дело как было, так и осталось загадкой.

Воцарилось молчание.

— Возразить вроде нечего, — нарушила молчание Джойс Ламприер. — Все это настолько жутко, уму непостижимо. У вас-то самого есть объяснение, доктор Пендер?

— Есть, — кивнул старик. — Есть объяснение, то есть не совсем объяснение. Все же кое-что остается непонятным.

— Я бывала на спиритических сеансах, — сказала Джойс. — Так что вы можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Я полагаю, что все объясняется особым гипнозом. Девушка, возможно, и на самом деле превратилась в жрицу Астарты и так или иначе заколола его. Может быть, она метнула кинжал.

— Или это был дротик, — предположил Реймонд Уэст. — В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копье, которым она заколола его на расстоянии, и, кроме того, не исключен массовый гипноз. Я имею в виду, что вы были готовы к мысли о присутствии сверхъестественной силы и поэтому ничего другого не увидели.

— В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами, — заговорил сэр Генри. — Я считаю, что человек

прятался в чаще и оттуда мог довольно метко бросить нож или кинжал, при условии, конечно, что он профессионал. Признаю, это кажется довольно надуманным, но представляется единственной реальной версией. Вы помните, у второго было вполне отчетливое впечатление, что в роще кто-то следил за ним? В том, что мисс Маннеринг утверждает, будто мисс Ашли держала в руках кинжал, а другие не подтверждают этого, нет ничего удивительного. Будь у вас такой же опыт, как у меня, вы бы знали, что показания пятерых человек об одном и том же могут невероятно отличаться друг от друга.

Мистер Петерик кашлянул:

— Но во всех этих версиях мы упускаем из виду один существенный факт, — заметил он. — Куда же девалось оружие? Мисс Ашли вряд ли могла незаметно убрать вонзившийся дротик или копье, ведь она стояла посреди открытого пространства. Если кинжал метнул скрывшийся убийца, то он бы остался в ране. Я думаю, надо отбросить надуманные версии и строго придерживаться фактов.

— И о чем же говорят факты?

— Ну... одно представляется совершенно ясным. Рядом с человеком, когда ему был нанесен удар, никого не было. Таким образом, единственный, кто мог заколоть его, — это был он сам. Налицо самоубийство.

— Но с какой же стати ему было совершать самоубийство? — скептически спросил Реймонд Уэст.

Адвокат откашлялся.

— Ах, об этом опять-таки можно только догадываться, — сказал он. — Догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, если исключить сверхъестественную силу — во что я ни на миг не поверю, — это единственно возможное объяснение случившемуся. Он сам себя заколол и, когда падал, взмахом руки выдернул кинжал из раны и отбросил его в деревья. Я думаю, это хотя и маловероятно, но возможно.

— Я предпочитаю не говорить, что нет сомнений, — вступила в беседу мисс Марпл. — Все это приводит меня в сильное замешательство. Но невероятные вещи все-таки случаются. В прошлом году на приеме у леди Шарпли, в саду, мужчина, игравший в часовой гольф^[8], споткнулся, зацепившись за цифру, потерял сознание и не приходил в себя в течение пяти минут.

— Но, дорогая тетя, — мягко заметил Реймонд, — его ведь не закололи, верно?

— Конечно нет, дорогой, — ответила мисс Марпл. — К этому я и веду. Нет сомнений, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, но мне бы хотелось узнать, обо что он споткнулся. Возможно, о корни дерева. Он засмотрелся на девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

— Вы говорите, что существует только один способ, которым могли убить сэра Ричарда, мисс Марпл? — сказал священник, с любопытством поглядывая на нее.

— Печальная история, я предпочитаю не думать об этом. Он был правша или я ошибаюсь? Я имею в виду, что, для того чтобы нанести себе удар в левое плечо, он должен был быть правшой. Я всегда так жалела беднягу Джека Бейнза во время войны! Он прострелил себе ногу после ожесточенного сражения у Арраса. Он мне рассказывал об этом, когда я приходила навещать его в госпиталь. Как он потом стыдился! Не думаю, что этот несчастный Эллиот Хейдон много выиграл от своего злодеяния.

— Эллиот Хейдон? — поразился Реймонд. — Вы думаете, это он?

— Не понимаю, а кто же еще это мог сделать? — слегка приподнимая брови, удивилась мисс Марпл. — Разумеется, в том случае, если, как мудро выразился мистер Петерик, смотреть на факты и не принимать всерьез всяких там языческих богинь, в которых нет ничего хорошего. Эллиот подошел к нему и перевернул. Для того чтобы совершить преступление, ему надо было повернуться к вам спиной, чтобы достать кинжал из-за пояса. Помнится, в молодости я танцевала с мужчиной, одетым главарем бандитов. У него было пять видов ножей и кинжалов, не передать, до чего неудобно было с ним танцевать.

Все взгляды устремились на доктора Пендера.

— Я узнал правду, — сказал он, — пять лет спустя после трагедии. Мне пришло письмо от Эллиота Хейдона. Оказывается, он догадывался, что я его подозревал. Он написал, что это было внезапным искушением. Он тоже любил Диану Ашли, но был всего лишь обыкновенным адвокатом. Устраняя Ричарда со своего пути, наследуя его титул и недвижимость, он надеялся на блестящую перспективу. Кинжал он вынул из-за пояса, когда склонился над

братом. Он и задуматься не успел. Просто вонзил его и вложил в ножны. Себе он нанес рану позднее, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда в экспедицию на Северный полюс на случай, как он выразился, если не вернется. Не думаю, чтобы он собирался возвращаться, и знаю, что, как заметила мисс Марпл, его преступление ничего ему не дало. «Пять лет, — писал он, — я живу в аду. Я надеюсь, что смогу искупить свою вину хотя бы достойной смертью». Наступила тишина.

— И он погиб достойно, — сказал сэр Генри. — Вы изменили имена в своем рассказе, доктор Пендер, но я, кажется, догадался, кого вы имели в виду.

— Как я и говорил, — продолжил священник, — не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Я по-прежнему считаю, что роща оказывала зловещее воздействие, которое руководило поведением Эллиота Хейдона. До сих пор не могу вспоминать о святилище Астарты без содрогания.

Золотые слитки

— Не знаю, подойдет ли история, которую я хочу рассказать, — начал Реймонд Уэст. — У меня нет для нее объяснения, однако обстоятельства дела настолько интересны, что мне хочется изложить ее в порядке постановки проблемы. Возможно, рассуждая логически, мы вместе в ней как-то разберемся.

Эти события происходили два года назад, когда я поехал на Троицу^[9] в Корнуолл с человеком по имени Джон Ньюмэн.

— В Корнуолл? — резко переспросила Джойс Ламприер.

— Да. А что?

— Нет, ничего. У меня история тоже про Корнуолл, о рыбацкой деревушке под названием Рэтхоул. Неужели и вы о том же самом?

— Нет. У меня деревня называется Полперран. Она на западном побережье Корнуолла, там очень дикая скалистая местность. Мы с Джоном были представлены друг другу за несколько недель до поездки, и я нашел его чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с воображением. Благодаря своему последнему увлечению он арендовал Пол-Хаус. Прекрасно разбирался во времени Елизаветы, ярко и наглядно описывал мне передвижение испанской Армады^[10]. И с таким энтузиазмом, будто бы он сам был тому свидетелем. Что это, перевоплощение? Непонятно. Совершенно непонятно.

— Не преувеличивай, дорогой Реймонд, — ласково пожурела его мисс Марпл.

— Какие преувеличения? — слегка раздраженно отозвался Реймонд Уэст. — Этот Ньюмэн в самом деле был одержимым, поэтому он и оказался мне интересен. Ну как полезное ископаемое, что ли. Оказывается, некое судно, принадлежащее Армаде, у которого на борту находились несметные богатства — золото из испанских владений, — потерпело крушение неподалеку от побережья Корнуолла, на известных своей коварностью Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюмэн, предпринимались попытки поднять корабль и достать ценности. Полагаю, подобные истории не новость, хотя количество мифических кораблей с сокровищами

значительно превышает их действительное число. Образовалась одна компания, но обанкротилась, и Ньюмэну удалось купить права на все эти дела — или как это там называется? — за бесценок. Он всем этим очень проникся. По его словам, дело было только за новейшей научной аппаратурой. Золото там, и у него не было ни тени сомнений в том, что его можно достать.

Когда я слушал его, мне подумалось, насколько же часто вот так получается. Богатый человек, такой, как Ньюмэн, преуспевает без каких-либо особых усилий, и, по всей вероятности, денежное выражение его будущей находки почти не имеет для него значения. Должен сказать, что его азарт заразил меня. Я видел, как гонимый штормом галеон^[11] прибывает к берегу, треплет, разбивает о чернеющие скалы. «Галеон» — это звучит романтично. А слова «испанское золото» завораживают и школьника, и взрослого. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к XVI веку, и меня радовала перспектива заполучить драгоценный местный колорит от хозяина Пол-Хауса.

Я отправился в пятницу утром с Паддингтонского вокзала в приподнятом настроении от предвкушения предстоящих радостей. Вагон был пуст, лишь один человек в противоположном конце сидел ко мне лицом. Высокий, с солдатской выправкой. Я не мог избавиться от впечатления, что где-то раньше видел его. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я сталкивался с ним, когда делал серию статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, выяснилось удивительное совпадение: он тоже направлялся туда. Я не хотел показаться назойливым и не стал спрашивать о целях его вояжа, а заговорил о собственной поездке, упомянув об испанском галеоне, потерпевшем крушение. К моему удивлению, инспектору было о нем все известно.

«Это «Хуан Фернандес», — сказал он. — Ваш знакомый не первый гробит деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Романтические выдумки».

«А может быть, вообще вся история выдумка? — спросил я. — И никакого корабля здесь нет?»

«О, сомнений нет, корабль затонул, — отвечал инспектор, — как и многие другие. Вы бы удивились, если бы знали, сколько крушений

произошло в этой части побережья. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто» — это и привело меня сюда».

«Помню, я читал об этом, — заговорил я, — надеюсь, никто не погиб?»

«Никто не погиб, но кое-что погибло. Не все знают, а ведь на борту «Отранто» был слиток золота».

«Да?» — заинтересовался я.

«Естественно, мы привлекли водолазов, но золото ушло, мистер Уэст».

«Ушло? — изумился я. — Как оно могло уйти?»

«В том-то и дело, — сказал инспектор. — Пробоина достигла особой кладовой. Водолазы без труда пробрались туда, но там ничего не было. Вопрос в том, украли золото до крушения или после? Было ли оно вообще на корабле?»

«Любопытный случай».

«Очень любопытный случай, если поразмыслить, что такое слиток. Ведь это не бриллиантовое ожерелье, которое можно сунуть в карман. Если представить, насколько он велик и тяжел, так все покажется абсолютно невозможным. Может, фокус-покус устроили до отправки судна, ну а если нет, то, должно быть, золото сумели изъять за эти полгода. Я еду туда для того, чтобы разобраться».

Ньюмэн встречал меня на вокзале. Он извинился, что приехал за мной на сельском грузовичке из имения, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонтировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы аккуратно вырулили по узким улочкам из деревни. Поехали вверх по крутому склону, потом немного по очень извилистой дороге и наконец достигли ворот с гранитными столбами — Пол-Хаус.

Место было великолепное: крутой обрыв, дивный вид на море. Старому зданию было лет триста или четыреста, к нему было пристроено современное крыло. За ним шли сельскохозяйственные угодья в семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в Пол-Хаус, — приветствовал меня Ньюмэн, приглашая в дом, — под знак золотого галеона». И он показал туда, где над дверью в передней висела прекрасная копия испанского галеона с полными парусами.

Мой первый вечер был наиболее замечательным и поучительным. Хозяин показывал мне старые рукописи с «Хуана Фернандеса», карты с отмеченным на них пунктиром местоположением корабля, схемы подводной аппаратуры, и это, можно сказать, уже окончательно и бесповоротно заинтриговало меня.

Я рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом, чем он очень заинтересовался.

«Странные люди здесь, на побережье, — задумчиво произнес он. — Контрабанда и ожидание кораблекрушения у них в крови. Когда корабль идет на дно у их берега, они расценивают его не иначе как свою законную добычу. Есть тут один, я вас с ним познакомлю. Интересный экземпляр».

Утро на следующий день стояло ясное. Ньюмэн отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Его звали Хиггинс. Это был угрюмый человек с невыразительным лицом, его участие в разговоре в основном сводилось к междометиям.

После того как они переговорили между собой по сугубо техническим вопросам, мы отправились в «Три якоря». Большая кружка пива до некоторой степени развязала язык этой заслуживающей внимания личности.

«Детектив прибыл из Лондона, — пробурчал он. — Твердят, что на судне, которое затонуло тут в ноябре, была пропасть золота. Да, но ведь оно не первое тут потонуло и не последнее».

«Правильно! Правильно! — вмешался хозяин «Трех якорей». — Ваша правда, Билл Хиггинс».

«Вот так вот, мистер Келвин», — подтвердил Хиггинс.

Я с некоторым любопытством посмотрел на хозяина. Это был заметный человек — смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью. И еще одна особенность: он все время избегал вашего взгляда. Я заподозрил, что именно о нем Ньюмэн говорил как об интересном экземпляре.

«Мы не желаем, чтобы чужаки совали нос к нам на побережье», — довольно агрессивно заявил он.

«Вы имеете в виду полицию?» — улыбнулся Ньюмэн.

«Имею в виду полицию и всех прочих, — многозначительно заявил Келвин, — понимаете, мистер?»

«Послушайте, Ньюмэн, а ведь это прозвучало угрозой», — сказал я, когда мы поднимались в гору, домой.

Он засмеялся:

«Глупости, я здесь никому ничего плохого не делал».

Я с сомнением покачал головой. В Келвине было что-то злобное, темное. Чувствовалось, что помыслы могут завести его бог знает куда.

Думаю, что именно с этого момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я проспал вполне нормально, но на следующую ночь сон у меня был тревожный и прерывистый. Наступило воскресенье, мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюмэн заметил, что у меня испортилось настроение.

«Что с вами, Уэст? Вы сегодня комок нервов».

«Не знаю, — признался я, — у меня дурное предчувствие».

«Погода такая».

«Да, наверно».

Больше я ничего не сказал. Днем мы выехали на моторной лодке Ньюмэна, но разошелся настолько сильный дождь, что мы рады были скорее вернуться домой и переодеться во все сухое.

А вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюмэн выглянул в окно.

«Проясняется, — отметил он. — Не удивлюсь, если через полчаса будет прекрасная погода. Тогда пойду прогуляться».

«А меня ужасно клонит в сон. — Я зевнул. — Не выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. В предыдущую ночь я не выспался, а в эту ночь забылся тяжелым сном. Я все еще находился под гнетом острого предчувствия беды, меня одолевали кошмары. Страшные пучины, громадные пропасти, я блуждаю над ними и знаю: оступись я — и смерть. Я проснулся, когда стрелки часов показывали восемь. Голова невыносимо болела, ужас ночных кошмаров еще преследовал меня. Чувство это было настолько сильным, что, открыв окно, я отпрянул назад от нового страха: первое, что я увидел, был человек, копающий могилу.

Понадобилось минуты две, чтобы я взял себя в руки, только тогда я разобрался, что могильщик — это садовник Ньюмэна и что «могила»

эта предназначается для трех кустов роз, которые лежали на земле в ожидании, когда их заботливо посадят в землю.

Садовник взглянул наверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Доброго утра, сэр. Замечательное утро, сэр».

«Кажется, да», — задумчиво отозвался я.

Однако, как и сказал садовник, утро действительно было замечательное. Солнце светило ярко, небо было голубое, безоблачное, и это предвещало чудесную погоду на целый день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюэна в доме не было прислуги. Две сестры среднего возраста, жившие на ферме неподалеку, ежедневно приходили удовлетворять его скромные запросы. Вот и сейчас, когда я входил в комнату, одна из них ставила на стол кофейник.

«С добрым утром, Элизабет, — поздоровался я. — Мистер Ньюэн еще не появлялся?»

«Он, должно быть, ушел рано утром, сэр, — ответила она. — Когда мы пришли, его не было».

Мое беспокойство возобновилось. Оба предыдущих утра Ньюэн спускался к завтраку довольно поздно, и я представить себе не мог, чтобы он рано поднялся. Движимый тревожными мыслями, я помчался к нему в спальню. Там никого не было, постель была не тронута. Беглый осмотр комнаты натолкнул меня еще на одну мысль: если Ньюэн ушел прогуляться, то он, должно быть, ушел в том же, в чем был вечером, — одежды в комнате не было.

Теперь я был уверен, что мое предчувствие беды оправдалось. Ньюэн, как и говорил, ушел на вечернюю прогулку. И по какой-то причине не вернулся. Почему? Что с ним случилось? Не упал ли с обрыва? Надо немедленно отправляться на поиски.

Через несколько часов я собрал большую группу помощников, и мы вместе начали розыск по всем направлениям вдоль обрыва и на скалах внизу. Но никаких следов Ньюэна не обнаружили.

В конце концов, отчаявшись, я отыскал инспектора Бадгворта. Он помрачнел.

«Я думаю, это дело нечистое, — проговорил он. — Здесь есть несколько подозрительных субъектов. Вы видели Келвина, хозяина «Трех якорей?»»

Я ответил, что знаю такого.

«А вам известно, что он отбыл срок четыре года назад? Оскорбление действием».

«Меня это не удивляет».

«По-моему, все тут думают, что ваш приятель слишком любит соваться не в свои дела. Надеюсь, что до серьезного дело не дошло».

Розыск продолжился с удвоенным рвением. Только к концу дня наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюмэна в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, а в рот его был запихан носовой платок.

Он совсем обессилел, но, когда ему растерли запястья и лодыжки и дали сделать хороший глоток виски, смог рассказать, что с ним произошло.

Погода прояснилась, и около одиннадцати часов вечера он вышел прогуляться. Он прошел некоторое расстояние вдоль обрыва и вышел на место, из-за большого количества пещер известное как Убежище Контрабандистов. Там он заметил, как несколько человек что-то выгружают из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. По-видимому, это был тяжелый груз, его несли в одну из самых дальних пещер.

Ньюмэн заинтересовался. Оставаясь незамеченным, он подошел к ним поближе. Вдруг его кто-то увидел, и поднялась тревога. Тут же два огромных моряка схватили его и избili до потери сознания. Когда Ньюмэн пришел в себя, то обнаружил, что лежит в машине, которая движется, подпрыгивая на многочисленных ухабах и рытвинах, насколько он мог догадаться, по дороге от побережья в деревню. К его великому удивлению, автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь, пошептавшись друг с другом, его наконец вытащили и бросили в глубокую канаву, где его вряд ли могли скоро найти. Потом грузовик укатил. Ему показалось, что они выехали в другие ворота, на четверть мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и по речи — корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт восторженно воскликнул. «Будьте уверены, тут-то они и запрятали золото! — воскликнул он. — Достали со дна морского и держали где-то в укромной пещере. Все знают, что мы обыскали все пещеры в Убежище Контрабандистов и теперь переходим на другое место. Очевидно, ночью они переносили свое добро в ту пещеру, где

мы уже были. Они были уверены, что мы не полезем туда еще раз. К сожалению, в их распоряжении было по крайней мере часов восемнадцать и они могли спокойно распорядиться имуществом. Раз в ту ночь их застал мистер Ньюмэн, то вряд ли мы теперь найдем здесь что-нибудь».

Инспектор поспешил на поиски. Он нашел неопровержимое свидетельство того, что слиток спрятали и, как предполагалось, снова забрали. Никаких данных о его новом местонахождении не было.

Впрочем, одно подозрение было, и инспектор сам навел меня на него следующим утром.

«По этой дороге мало ездят на автомобилях, — сказал он, — поэтому в нескольких местах мы обнаружили очень четкие следы шин. На одной из шин отстает треугольный кусочек и оставляет характерную отметину. Видно, как они заезжали в ворота, и заметен слабый след выезда из других ворот. Так что нет никаких сомнений — это та машина, которая нам нужна. Вот только зачем они выехали из дальних ворот? Мне кажется, это совершенно ясно: грузовик из деревни. Мало у кого в деревне есть собственные грузовики. У двоих, ну, может быть, у троих. У Келвина, хозяина «Трех якорей», есть».

«Келвин кто по профессии?» — спросил Ньюмэн.

«Странно, что вы меня об этом спрашиваете, мистер Ньюмэн. В молодости Келвин работал водолазом».

Мы с Ньюмэном переглянулись. Головоломка, казалось, сама собой мало-помалу разрешалась.

«Вы не опознали Келвина среди тех людей на пляже?» — спросил инспектор.

Ньюмэн покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос. У меня и времени-то не было, я ведь и понять ничего не успел».

Инспектор любезно разрешил пойти с ним до «Трех якорей». Гараж находился на боковой улице. Главный вход был заперт, но, повернув в переулок, мы обнаружили маленькую дверь, которая не была закрыта. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Вот, клянусь Юпитером! — возликовал он. — Вот она, собственной персоной на заднем левом колесе. Итак, мистер Келвин, теперь, я думаю, вы не выкрутитесь».

Реймонд Уэст смолк.

— Ну? — не терпелось Джойс. — Пока мне непонятно, что здесь загадочного, — вот если не нашли золота...

— Естественно, не нашли, — нарушил Реймонд молчание. — И Келвина не обличили: думаю, он оказался им не по зубам. Но как он это все устроил — не представляю. Естественно, на основании улики — отметины на шине — его арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напротив въезда в гараж находился коттедж, который на лето был снят одной дамой-художницей.

— Ох уж эти дамы-художницы! — рассмеялась Джойс.

— Да, действительно, «уж эти дамы-художницы»! Так вот, кстати, она уже несколько недель болела и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, которая была в ночную смену, пододвинула кресло к окну. Шторы были подняты, и она заявила, что не могла не увидеть, если бы автомобиль выехал из гаража. Она поклялась, что он не выезжал из гаража в ту ночь.

— Что из этого, — невозмутимо фыркнула Джойс. — Да сиделка заснула. Они всегда спят.

— Э, такое, как известно, случается, — рассудил мистер Петерик, — но мне кажется, что мы подходим к фактам, не поразмыслив над ними как следует. До того как принимать к сведению показания медицинской сестры, мы должны как следует убедиться в ее добросовестности. Что это за алиби, которое возникает с такой подозрительной быстротой? Оно кажется сомнительным.

— Имеются также показания художницы, — продолжал Реймонд. — Она свидетельствовала, что испытывала сильные боли и не спала почти всю ночь. Она бы обязательно услышала грузовик, так как он необычайно шумит, а ночью после бури было очень тихо.

— М-да, — хмыкнул священник. — Это, несомненно, дополнительное свидетельство. А у самого-то Келвина есть алиби?

— Он говорил, что находился дома и лег спать в десять вечера, но подтвердить это никто не мог.

— Сиделка спала, — снова вмешалась Джойс, — и больная вместе с ней тоже. Больные всегда думают, что ночами не смыкают глаз.

Реймонд Уэст вопросительно посмотрел на доктора Пендера.

— Знаете, я сочувствую этому Келвину, — сказал тот. — Мне кажется, это как раз тот случай, когда «дурная слава по дорожке бежит»: Келвин был в заключении. Кроме отметины на шине, которая, без сомнения, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, за исключением его несчастливого прошлого, против него ничего нет.

— Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

— Как всегда, — засмеялся он, — мне кое-что известно по данному делу. Так что, очевидно, пока не следует высказываться.

— Так, идем дальше — тетя Джейн, неужели вам нечего сказать?

— Минутку, дорогой, — пробормотала мисс Марпл, — собьюсь со счета. Две с накидом, три лицевые, одну снимаем, две с накидом — так, все. Что ты говоришь, дорогой?

— Твое мнение?

— Тебе мое мнение не понравится, дорогой. Молодежь не любит этого, я заметила. Лучше ничего не говорить.

— Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

— Изволь, дорогой Реймонд. — Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника. — Я считаю, что следует быть более разборчивым в выборе знакомых. Ты такой доверчивый, дорогой, так легко поддаешься обману. Полагаю, это из-за того, что ты писатель и излишне впечатлителен. Что за история с испанским галеоном! Будь ты постарше да знай жизнь получше, ты бы сразу насторожился. К тому же человека ты знал без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

— Вот так вот, Реймонд, — поддразнил он. — Мисс Марпл, вы замечательный человек. Ваш знакомый Ньюмэн, мой мальчик, на самом деле носит другое имя. В настоящий момент он не в Корнуолле, а в Девоншире, в Дартмуре, точнее, в Принстаунской тюрьме. Мы взяли его не по делу о краже слитка, а за ограбление кладовой одного лондонского банка. Затем занялись другими его делами и обнаружили большую часть украденного золота, оно было зарыто в саду Пол-Хауса. Неплохо было придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про крушения галеонов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и золото. Но

нужен был козел отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюэн разыграл свою маленькую комедию очень хорошо, и наш друг, Реймонд, как известный писатель, выступил в роли безупречного свидетеля.

— А отметина на шине? — возразила Джойс.

— Ох, я сразу поняла, дорогая, хотя ничего и не смыслю в моторах, — начала мисс Марпл. — Люди меняют колеса, вы знаете, я часто такое наблюдала, и, конечно, они могли снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюэна. Выхать на грузовике через одни ворота на пляж, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. Потом они, должно быть, вернули колесо назад и снова поставили на грузовик мистера Келвина, а в это время кто-то связывал мистера Ньюэна в канаве. Не слишком-то приятно это было для него, и, вероятно, его искали дольше, чем он ожидал. Я полагаю, что человек, который считался садовником, и занимался этим делом.

— Почему вы говорите «считался садовником», тетя Джейн? — спросил с любопытством Реймонд.

— Как же он мог быть на самом деле садовником! — возмутилась мисс Марпл. — Садовники не работают в Духов понедельник^[12]. Это всем известно. — Она улыбнулась и свернула вязанье. — Именно эта мелочь и навела меня на верный след, — объяснила она и взглянула на Реймонда. — Когда будешь иметь свой дом, дорогой мой, и у тебя будет собственный сад, будешь знать и такие тонкости.

Кровь на панели

— Вот любопытно, — сказала Джойс Ламприер, — не очень-то хочется рассказывать эту историю. Произошла она давно, точнее, пять лет назад. И до сих пор меня преследует. Улыбаюсь безмятежно, а в глубине души все еще таится ужас. И странное дело, в этюде, который я тогда написала, отразилось это состояние. Когда вы видите его в первый раз, перед вами просто набросок крутой корнуоллской улочки. Но если смотреть на него достаточно долго, то появляется в нем что-то зловещее. Никогда не выставляю его на продажу и сама никогда не смотрю на него. Я держу его в мастерской подальше от глаз.

Местечко называлось Рэтхоул. Это такая маленькая странная корнуоллская рыбацья деревушка, очень живописная, даже, может быть, слишком живописная. Уж очень сильна в ней атмосфера патриархального корнуоллского Чайного дома. Там сохранились мастерские, где коротко стриженные девушки в блузах пишут красками на пергаменте девизы. Мило, отдает стариной, но так неказисто.

— Знаю, знаю, — сказал Реймонд Уэст, тяжело вздыхая. — Помоему, сущее бедствие для автомобилей. Туда ведут плохие и узкие дороги, да и в самой-то этой живописной деревушке ездить опасно.

Джойс кивнула:

— Действительно, дорога в Рэтхоул узкая, крутая, прямо как стенка дома. Но продолжаю. Я приехала в Корнуолл на две недели порисовать. В Рэтхоуле есть старая гостиница «Полхарвит Армс». Считается, что это единственный дом, уцелевший после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году.

— Не было обстрела, — сказал Реймонд Уэст, хмуря брови. — Будьте поаккуратнее с историческими событиями, Джойс.

— Неужели? Во всяком случае, они установили пушки где-то на побережье и стреляли, и дома рухнули. Впрочем, дело не в этом. Гостиница — замечательное старинное здание с портиком на четырех колоннах. Я выбрала подходящее место и уже принялась было за работу, как показалась машина. Медленно петляя по холму, она спускалась вниз. И конечно же, она обязательно должна была

остановиться у гостиницы, где мне ее больше всего недоставало. Вышли двое — мужчина и женщина. Я их как следует не рассмотрела. На ней были льняное розовато-лиловое платье и такая же шляпа. Мужчина вскоре возвратился и, к моему великому удовольствию, отогнал машину на набережную. Он прошел мимо меня обратно к гостинице. В это время еще одна противная машина, петляя, спустилась с холма. В ней была женщина в ярчайшем ситцевом платье, я такого никогда не видела, все такими алыми цветами, а на голове огромная соломенная шляпа — кубинская, что ли? — и тоже яркая, алого цвета. Женщина не остановилась перед гостиницей, а проехала по улице немного дальше. Когда она вышла из машины, мужчина удивленно воскликнул:

«Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться в такой дали! Столько лет не виделись! Да, я здесь с Марджори. Это моя жена. Ты должна с ней познакомиться».

Они пошли бок о бок по направлению к гостинице. Я увидела, как другая женщина вышла из дверей и пошла им навстречу.

Я успела мельком взглянуть на женщину по имени Кэрол, когда она проходила мимо. Напудренный добела подбородок и ярко накрашенные губы, я подумала — просто подумала, — так ли уж Марджори будет рада этому знакомству. Я не видела Марджори вблизи, но издали она производила впечатление чопорной и не слишком модной женщины.

Разумеется, это не мое дело, но, знаете, иногда встречаешься со странными вещами, и потом невозможно удержаться, чтобы не порассуждать об этом. Они остановились недалеко от меня, и я невольно слышала кое-что из их разговора. Мужчина — оказалось, его зовут Деннис — предлагал взять лодку и прогуляться вдоль побережья. По его словам, в миле отсюда находилась известная пещера, которую стоило осмотреть. Кэрол тоже хотела осмотреть пещеру, но она предлагала отправиться туда пешком через скалы. Она сказала, что терпеть не может лодок. В конце концов они остановились на том, что Кэрол пойдет берегом по тропинке через скалы, а Деннис и Марджори возьмут лодку и прогуляются вкруговую.

Разговор о купании и у меня вызвал желание освежиться. Утро выдалось на редкость жаркое, работа у меня шла неважно. К тому же я решила, что полуденное солнце будет более эффектно. Так что я

собралась и отправилась на небольшой пляж, который облюбовала в противоположном от пещеры направлении. Превосходно выкупалась, позавтракала консервированным языком и двумя помидорами и к полудню возвратилась, полная сил, чтобы продолжить работу.

Казалось, весь Рэтхоул спит. Я не ошиблась: полуденное солнце сделало предметы более выразительными. «Полхарвит Армс» была центром моего этюда. Косые солнечные лучи освещали площадку перед гостиницей, создавая весьма любопытный эффект. Я поняла, что купальщики благополучно возвратились, потому что два купальных костюма, один алого, а другой синего цвета, сушились на балконе.

У меня не удался эскиз, на мгновение я наклонилась кое-что подправить. Когда я снова подняла голову, то увидела как из-под земли появившегося человека. Он стоял, прислонясь к одной из колонн гостиницы. Он был одет по-морскому, и я решила — рыбак. У него была большая темная борода, и если бы мне потребовался натурщик для свирепого испанского шкипера, то лучшего не представить. Я принялась работать в лихорадочной спешке, пока он не двинулся с места, хотя, судя по его виду, он готов был подпирать колонну вплоть до скончания века.

Когда он все же отошел от колонны, я, к счастью, уже запечатлела то, что хотела. Он подошел ко мне и заговорил. О, что он мне наговорил! «Рэтхоул, — сказал он, — был весьма замечательным местом». Мне это уже было известно, но, скажи я ему об этом, меня бы это не спасло. Он поведал историю обстрела — я хочу сказать, разрушения — деревни, сообщил о том, что хозяин «Полхарвит Армс» был убит последним — заколот шпагой офицера-испанца на пороге собственного дома, — и о том, как кровь его брызнула на плиты панели и никто в течение столетий не смог смыть этих кровавых пятен.

Рассказ очень соответствовал тяжелой, навевающей дремоту атмосфере дня. Голос у него был вкрадчивый, и тем не менее в рассказе содержался какой-то пугающий подтекст. Манеры заискивающие, хотя в то же время угадывалось, что он был жесток. Он заставил меня отчетливо представить все ужасы инквизиции и жестокостей, совершенных испанцами.

Он рассказывал, а я продолжала писать, как вдруг поняла, что, увлеченная его рассказом, я изобразила то, чего не было. На белой

плите тротуара перед входом в гостиницу в ярких лучах солнца у меня отчетливо выделялись пятна крови. Казалось невероятным, что голова могла сыграть такую шутку с руками, но когда я взглянула еще раз на площадку перед гостиницей, то поразилась еще больше. Моя рука просто написала то, что увидели глаза, — капли крови на белой плите тротуара.

С минуту мой взгляд был прикован к этому месту. Потом я закрыла глаза и сказала себе: «Не будь же такой глупой, не может там быть никакой крови». Но когда я снова открыла глаза, пятна крови никуда не исчезли.

Мне стало не по себе, и я прервала поток красноречия рыбака.

«Послушайте, — сказала я, — у меня не очень хорошее зрение. Это что там на панели, пятна крови?»

Он посмотрел на меня снисходительно-добродушно.

«В наши дни, леди, уже нет никаких пятен. То, о чем я вам рассказал, было почти пятьсот лет назад».

«Конечно, конечно, — сказала я, — но сейчас на панели...» И замолчала. Я поняла, я осознала, что он не увидит того, что вижу я. Я поднялась и трясущимися руками стала собирать свои вещи.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился молодой мужчина, приехавший утром на машине. Он растерянно смотрел по сторонам. На балкон вышла его жена и сняла купальные костюмы. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Скажи, дружище, ты не видел, вернулась ли леди, что приехала на второй машине?»

«Дама в платье с цветами? Нет, сэр, не видел. А вот утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю. Мы вместе там купались. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Не может же она так долго возвращаться. Скалы здесь не опасны?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше всего взять человека, знающего эти места». Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но молодой человек бесцеремонно оборвал его и помчался к гостинице.

«Марджори! — крикнул он жене на балконе. — Кэрол еще не вернулась. Странно, правда?»

Я не слышала ответа Марджори, а ее муж продолжал:

«Но мы не можем больше ждать. Нам надо поскорее попасть в Пенритар. Ты готова? Я сейчас подгоню машину».

Он подогнал машину, и они уехали. А мне не давала покоя мысль, действительно ли я видела кровь или это была игра моего воображения. И как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела тротуар. Конечно, никаких пятен крови не было. Никаких, все это было плодом моей возбужденной фантазии. Хотя почему-то мне все это показалось еще более странным. И тут я услышала голос рыбака.

«Леди, вы действительно видели здесь кровь?» — спросил он, с любопытством глядя на меня. Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. У нас здесь существует поверье, леди: если кто-нибудь увидит здесь кровь...» — Он остановился.

«И что тогда?» — спросила я.

«Говорят, — продолжал он своим вкрадчивым голосом с корнуоллскими интонациями, но свободно и хорошо владея речью без местного акцента и корнуоллских оборотов, — говорят, что если кто-нибудь увидит здесь кровь, то в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Какой ужас! Я почувствовала, как по спине у меня побежали мурашки.

Он продолжал объяснение:

«В церкви, леди, есть интересная доска о смерти...»

«Спасибо. Довольно», — решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к коттеджу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина — Кэрл. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Ее шляпа была цвета крови...

Я одернула себя: что это такое, всюду мне мерещится кровь.

Затем я услышала шум ее машины. Интересно, подумала я, она тоже направляется в Пенритар? Но она поехала налево, в противоположном направлении. Я видела, как машина взбиралась по холму и исчезла. Почему-то я с облегчением вздохнула. И Рэтхоул, казалось, снова погрузился в крепкий сон.

— Если это все, — сказал Реймонд Уэст, когда Джойс остановилась, — то я сразу скажу свое мнение: это объясняется несварением желудка, пятна перед глазами — после приема пищи.

— Нет, не все, — сказала Джойс. — Послушайте продолжение. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком «Трагедия на берегу моря». В ней говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Лэндер. Они с мужем проживали там в гостинице. Они собрались идти купаться. Но тут поднялся холодный ветер. Капитан Дейкр заявил, что для купания слишком свежо, и отправился с несколькими постояльцами играть в гольф неподалеку. Однако миссис Дейкр сказала, что ей не холодно, и пошла в бухточку одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и отправился с приятелями на пляж. Они нашли ее одежду у камня, но не обнаружили никаких следов несчастной леди.

Спустя почти неделю было обнаружено ее тело — его выбросило на берег на некотором расстоянии от места происшествия. На голове была глубокая рана, полученная ею до наступления смерти: по официальной версии, она нырнула и стукнулась головой о камень. Насколько я могу судить, смерть ее наступила как раз через сутки после того, как я увидела кровь на панели.

— Я протестую, — сказал сэр Генри. — Это не загадочный случай, а сплошная мистика. Мисс Ламприер, очевидно, медиум.

Мистер Петерик, как всегда, сначала кашлянул.

— Одна вещь меня как-то настораживает, — сказал он, — это рана на голове. Я полагаю, не следует исключать возможности неблагоприятного поступка. Но я вижу, у нас нет данных, на которые можно было бы опереться. Галлюцинация, или видение, мисс Ламприер, несомненно, явление интересное, но мне не совсем ясно, на чем, по ее мнению, мы будем строить рассуждения.

— Несварение желудка и совпадения, — сказал Реймонд. — Так или иначе, а ведь даже неизвестно, с теми ли людьми это связано. К тому же это проклятие, или как его там, наверное, относится только к местным жителям.

— У меня ощущение, что морской волк имеет отношение к этой истории, — сказал сэр Генри. — Но я согласен с мистером Петериком, что мисс Ламприер дала нам очень мало деталей.

Джойс повернулась к доктору Пендеру, который, кивнув ей, с улыбкой сказал:

— Рассказ очень интересный, но я присоединяюсь к сэру Генри и мистеру Петерику, — данных, чтобы сделать какие-то выводы, слишком мало.

Тогда Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та в ответ улыбнулась ей.

— Я тоже, дорогая Джойс, считаю, что вы не совсем правы, — сказала она. — Конечно, я — это другое дело. Я имею в виду то, что мы, женщины, больше внимания обращаем на одежду. И поэтому я считаю, что не совсем честно предлагать решение этой проблемы мужчинам. А все дело, я думаю, в быстром переодевании. Ах, какая мерзкая женщина! И еще более мерзок мужчина.

Джойс с удивлением посмотрела на мисс Марпл.

— Тетушка Джейн, простите, мисс Марпл, — поправились она, — мне кажется, я даже уверена, что вы все знаете.

— Конечно, милая, — сказала мисс Марпл. — Мне, сидя здесь, в спокойной обстановке, гораздо легче, чем было тогда тебе, разобраться во всем. А будучи художником, ты еще и очень впечатлительна, ведь верно? Сидя в этой комнате с вязаньем в руках, имеешь дело только с фактами. Кровь на тротуар попала с купального костюма, висевшего на балконе. А поскольку он был красного цвета, то преступники и не заметили, что он был в крови. Бедняжка, ведь она была так молода!

— Простите, мисс Марпл, — прервал ее сэр Генри. — Знаете ли, я в недоумении. Мисс Ламприер, по всей видимости, понятен предмет разговора, но мы, мужчины, пока что в абсолютном неведении.

— Теперь я расскажу вам конец истории, — сказала Джойс. — Это было год спустя. Я была в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг чувствую, что такое уже происходило на моих глазах раньше. Мужчина и женщина на тротуаре передо мной встречают женщину в ситцевом ярко-красном, или даже пунцовом, платье: «Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться через столько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я сразу же узнала. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоуле. Жена была другая, то есть вместо Марджори — Джоан, но женщина такого же типа: молодая, тоже скромно одетая,

ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. Они заговорили о купании. Я скажу вам, что я сделала. Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Я опасалась, что меня примут за сумасшедшую, но мне было не до того. К счастью, все обошлось благополучно. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, он приехал как раз по этому делу. Ох, до чего же неприятно рассказывать об этом — оказывается, Деннис Дейкр уже был на подозрении у полиции. Деннис Дейкр было одним из его вымышленных имен — он пользовался разными именами в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников или друзей, женился на них, страховал их жизнь на большие суммы, а потом — ах, какой ужас! Женщина по имени Кэрол была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же плану. Благодаря этому полиция и вышла на него — страховые компании заподозрили неладное. Он обычно приезжал в какое-нибудь тихое местечко со своей новой женой, потом появлялась вторая женщина, и они вместе отправлялись купаться. Потом жену убивали, Кэрол надевала ее платье и возвращалась в нем в лодке. Потом они уезжали куда-нибудь из этого места, не забыв поспрашивать, не возвращалась ли Кэрол. Как только они выезжали из деревни, Кэрол снова быстро переодевалась в свое приметное, огненно-красное цветастое платье, наносила свой яркий грим, возвращалась пешком обратно и уезжала на автомобиле. Они знали направление течения и соответственно выбирали место мнимой гибели намеченной жертвы. Потом Кэрол отправлялась на пустынный пляж, оставляла одежду убитой у какого-нибудь камня, уходила в своем цветастом ситцевом платье и спокойно дожидалась, пока муж присоединится к ней.

Я думаю, когда они убивали Марджори, кровь попала на купальный костюм Кэрол, а поскольку он был красный, они ее, как говорит мисс Марпл, не заметили. Ну а когда купальник развесили на балконе, кровь и накапала. Ух! — Она содрогнулась. — До сих пор у меня это перед глазами.

— Совершенно верно, — сказал сэр Генри. — Теперь я припоминаю. Настоящее имя преступника было Деннис. Я просто забыл, что одной из его вымышленных фамилий была Дейкр. Это была очень ловкая пара. Мне всегда казалось невероятным, что никто не замечает подмены человека. Но думаю, что мисс Марпл права —

одежда запоминается легче, чем лица. И преступники пользовались этим настолько тонко, что, хотя мы и подозревали Денниса, уличить его было нелегко.

— Тетушка Джейн, как это так вам удается? — спросил Реймонд, глядя на мисс Марпл.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что на свете всюду происходит одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Была, знаете ли, такая миссис Грин, так она похоронила пятерых детей, и все они были застрахованы. Так что, естественно, возникают подозрения. — Она покачала головой. — В деревенской жизни так много зла. Надеюсь, вам, мои дорогие молодые люди, не придется узнать, как много зла в этом мире.

МОТИВ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Мистер Петерик откашлялся гораздо многозначительнее, чем обычно.

— Опасаюсь, что после потрясающих рассказов, которые мы слышали, моя незамысловатая история покажется вам совсем пустяковой, — извиняющимся тоном произнес он. — В ней нет кровопролития, но мне она кажется интересной и очень остроумной. К счастью, я знаю, в чем ее загадка.

— Уж не юридическая ли казуистика? — спросила Джойс Ламприер. — Я имею в виду статьи закона, дело «Барнэби против Скиннера» в 1881 году и тому подобное.

Мистер Петерик, сияя улыбкой, понимающе посмотрел на нее поверх пенсне:

— Нет, нет, моя дорогая юная леди. Вам не следует опасаться на этот счет. История, которую я собираюсь рассказать, проста и незатейлива, в ней может разобраться любой.

— Так никаких юридических ухищрений? — погрозила ему спицей мисс Марпл.

— Конечно, конечно, — заверил мистер Петерик.

— Ну ладно, я в этом не уверена, но готова послушать.

— История касается моего бывшего клиента. Я буду называть его мистер Клоуд — Саймон Клоуд. Это был весьма состоятельный человек, и жил он в большом доме неподалеку отсюда. Его единственный сын погиб на войне. Остался ребенок — маленькая девочка. Ее мать умерла при родах, и после смерти отца девчушка стала жить у деда, который сразу к ней сильно привязался. Маленькая Крис могла делать со своим дедушкой все, что угодно. Я никогда не встречал человека, более занятого ребенком, чем он. Не могу передать вам его горе и отчаяние, когда девочка в возрасте одиннадцати лет заболела воспалением легких и умерла.

Бедный Саймон Клоуд был безутешен. К тому же вскоре еще один из его братьев скончался. Дети брата оказались в весьма стесненных обстоятельствах. Саймон Клоуд великодушно предоставил им свой дом. И вот у него поселились две девушки — Грейс и Мэри — и

юноша — Джордж. Старик был добр к детям брата, но никогда не проявлял к ним такой любви и привязанности, как к своей маленькой внучке. Для Джорджа в банке неподалеку нашлась работа. Грейс вышла замуж за молодого способного ученого-химика по имени Филипп Гаррод. Мэри была незаметной, замкнутой девушкой, она осталась жить в доме и заботилась о своем дяде. Я полагаю, она любила его в свойственной ей сдержанной манере. Судя по всему, все шло мирно. Замечу, что после смерти маленькой Кристобель Саймон Клоуд пришел ко мне и поручил составить новое завещание. По этому завещанию его состояние, очень значительное, делилось между племянником и племянницами: каждому по трети.

Шло время. Однажды, случайно повстречавшись с Джорджем Клоудом, я поинтересовался о дяде, которого некоторое время не видел. К моему удивлению, Джордж помрачнел.

«Очень бы хотелось, чтобы вы как-то повлияли на дядю Саймона, — удрученно сказал он. Выражение его честного, не блещущего красотой лица свидетельствовало о тревоге и замешательстве. — С этими спиритическими сеансами все хуже и хуже».

«Что за спиритические сеансы?» — удивился я.

Тогда Джордж рассказал мне, что мистер Клоуд заинтересовался этим занятием, начал входить во вкус и тут случайно познакомился с медиумом, американкой, некоей Эвридикой Спрагг. Джордж охарактеризовал ее как мошенницу, возымевшую над Саймоном Клоудом огромную власть. Она практически постоянно находилась в доме и проводила массу сеансов, во время которых перед безумствующим от любви к внучке дедом предстал дух маленькой Крис.

Скажу вам прямо, я не отношусь к числу тех, кто не приемлет спиритизм. Как вам уже говорил, я доверяюсь фактам и думаю, что если подходить к этому беспристрастно и взвесить факты в пользу спиритизма, то выяснится много такого, что нельзя отнести на счет мошенничества и чему нельзя просто не придавать значения. Поэтому я верю и не верю.

Однако, с другой стороны, спиритизм легко становится объектом надувательства и жульничества. Из того, что мне рассказал Джордж Клоуд об этой Эвридике Спрагг, я понял, что Саймон Клоуд попал в

плохие руки и что миссис Спрагг, вероятнее всего, мошенница высшей марки. Старик, будучи в практических делах человеком проницательным, мог быть запросто обведен вокруг пальца там, где дело касалось его любви к покойной внучке.

Чем дальше я обдумывал ситуацию, тем мне все больше становилось не по себе. Я любил молодых Клоудов, Мэри и Джорджа, и понимал, что эта миссис Спрагг и ее влияние на их дядю в будущем могут привести к неприятности.

Я нашел предлог и зашел к Саймону Клоуду. Я понял, что миссис Спрагг обосновалась в доме как почетный и близкий гость. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы мои опасения подтвердились. Это была крепкая женщина среднего возраста, вызывающе одетая. Она оперировала лицемерными фразами о «наших возлюбленных, которые отошли в мир иной» и другими вещами подобного рода.

Ее муж, мистер Абсалом Спрагг, худой, высокий мужчина с меланхоличным выражением лица и каким-то скрытым взглядом, также обитал в доме. Я пригласил к себе Саймона Клоуда и тактично поинтересовался о его новых знакомых. Он был полон энтузиазма. Эвридика Спрагг — замечательная женщина! Она ниспослана ему богом в ответ на его мольбы! Деньги ее ничуть не волнуют, ей доставляет радость помочь страждущему сердцу, у нее просто материнские чувства к маленькой Крис, и он готов относиться к ней как к дочери. Затем он стал описывать мне некоторые подробности: как он слышал голосок Крис, как ей хорошо, как она счастлива быть вместе с мамой и папой. Все эти сентиментальности, насколько я помню Кристобель, были ей совершенно не свойственны. По словам Саймона, девочка упорно утверждала, что «мама и папа любят дорогую миссис Спрагг».

«Ну, — прервался он, — вы, конечно, смеетесь надо мной, Петерик».

«Нет, не смеюсь. Отнюдь. Есть люди, занимающиеся этим предметом, свидетельства которых я бы не колеблясь принял и оказал бы доверие и уважение любому рекомендованному ими медиуму. Я полагаю, у этой миссис Спрагг хорошие рекомендации?»

Саймон разразился потоком восторгов по поводу миссис Спрагг. Она ниспослана богом. Он повстречал ее на водах, где провел летом два месяца. Случайная встреча, и такой удивительный результат!

Я ушел очень недовольным. Мои худшие опасения подтвердились. К тому же я не видел выхода из этой ситуации. Все же, как следует поразмыслив, я написал Филиппу Гарроду, который, как я только что упоминал, женился на старшей Клоуд — Грейс. Я крайне сдержанно обрисовал ему ситуацию. Я указал на опасность того, что подобная женщина может оказать решающее воздействие на старика. И я предложил поискать возможность ввести мистера Клоуда в контакт с какими-то достойными уважаемыми медиумами. Я считал, что устроить это не составит Филиппу Гарроду труда.

Гаррод действовал быстро. Он понял то, чего не понял я, — здоровье Саймона Клоуда было в очень опасном состоянии. И, как человек практичный, он не имел желания допустить, чтобы его жену, ее сестру и ее брата лишили наследства, которое по праву принадлежало им. Он появился на следующей неделе и привел с собой в качестве гостя известного профессора Лонгмана. Лонгман был первоклассным ученым, и его причастность к спиритизму вызывала почтительное отношение к последнему. Блестящий ученый, он и человеком был чрезвычайно прямым и честным.

Результат визита был крайне неудачен. Оказалось, что Лонгман во время своего пребывания в доме не сказал ничего определенного. Было проведено два сеанса, при каких условиях — я не знаю. Находясь в доме, Лонгман уклонялся от разговоров, но после ухода он написал Филиппу Гарроду письмо. В нем он признавал, что не сумел уличить миссис Спрагг в мошенничестве, тем не менее, по его личному впечатлению, явления были ненастоящими. Он писал, что если мистер Гаррод сочтет уместным, то может показать это письмо своему дяде, а также предложил свести мистера Клоуда с абсолютно честным медиумом.

Филипп Гаррод отнес письмо дяде, но результат оказался не таким, как он ожидал. Старик пришел в неопишуемый гнев. Все это интриги, позорящие миссис Спрагг! Это клевета и оскорбление святой! Она уже говорила ему о том, как ей ужасно завидуют. Он заметил, что даже Лонгман был вынужден признать, что не обнаружил мошенничества. Эвридика Спрагг пришла к нему в трудный час его жизни, поддержала его, и он будет защищать ее, даже если бы это привело к ссоре со всеми членами семьи. Она значит для него больше, чем кто бы то ни был в мире.

Филипп Гаррод был выпровожен из дома безо всяких церемоний. Приступ сильного гнева подорвал здоровье Клоуда. Его состояние заметно ухудшилось. Он практически слег, и уже не было сомнений в том, что он так и останется прикованным к постели, пока смерть не облегчит его страдания.

Через два дня после ухода Филиппа я получил срочный вызов от Саймона Клоуда и спешно отправился к нему. Клоуд лежал в постели и даже на мой неискушенный взгляд выглядел очень больным. Дыхание у него было прерывистым.

«Мне осталось жить совсем немного, — произнес он. — Не спорьте со мной, Петерик. Я чувствую это. Но перед тем как умру, я собираюсь выполнить свой долг перед единственным человеческим существом, которое сделало для меня больше, чем кто-либо в мире. Я хочу написать новое завещание».

«Как только вы мне поручите это, я сразу же составлю документ и вышлю вам», — ответил я.

«Так не пойдет, дорогой мой, — прохрипел он. — Ведь я могу и до утра не дожить. Я написал вот здесь, чего хочу. — Клоуд пошарил у себя под подушкой. — А вы скажите мне, все ли тут верно».

Он достал лист бумаги с какими-то небрежными каракулями. Все было вполне просто и ясно. Он оставлял по пять тысяч фунтов племянницам и племяннику, а все остальное состояние полностью вверял Эвридике Спрагг «с благодарностью и восхищением».

Мне это было не по нраву, но что же поделаешь. О сумасшествии не могло быть и речи: голова у старика работала не хуже, чем у других.

Клоуд позвонил служанкам. Тут же явились горничная Эмма Гонт — женщина средних лет, которая много лет проработала в доме и теперь самоотверженно ухаживала за Клоудом, — и кухарка Люси Дейвид — светловолосая миловидная женщина лет тридцати. Саймон Клоуд в упор взглянул на них из-под кустистых бровей.

«Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мое завещание. Эмма, передай мне авторучку. Не с этой стороны, — раздраженно заворчал он. — Ты что, не знаешь, что она в правом ящике?»

«Нет, она как раз здесь, сэр», — сказала Эмма и протянула ручку.

«Значит, в прошлый раз ты ее не туда положила, — пробурчал старик. — Терпеть не могу, когда вещи не кладут на место».

Продолжая ворчать, он взял у нее ручку и переписал подправленный мной черновик на новый лист бумаги. Потом расписался. Эмма Гонт и кухарка Люси Дейвид тоже поставили свои подписи. Я сложил завещание и положил его в продолговатый голубой конверт. Как вам известно, оно обязательно должно было быть написано на обыкновенном листе бумаги.

Только служанки собрались выходить из комнаты, как Клоуд с перекошенным от удущья лицом откинулся на подушки. Встревоженный, я наклонился к нему, а Эмма Гонт тут же вернулась. Однако старику полегчало, и он слабо улыбнулся:

«Все в порядке, Петерик, не беспокойтесь. Во всяком случае, теперь я умру с легким сердцем, ведь я сделал, что хотел».

Эмма вопрошающе взглянула на меня, можно ли ей идти. Я кивнул, и она пошла, но вдруг остановилась и подняла голубой конверт, который я от волнения выронил. Она подала его мне в руки, я сунул конверт в карман пальто, и она ушла.

«Вам все это не по нутру, Петерик, — заговорил Саймон Клоуд. — Но вы, как и все, небеспристрастны».

«Дело не в пристрастности, — возразил я. — Вполне возможно, что миссис Спрагг именно тот человек, за которого себя выдает. Я бы не стал возражать, если бы вы оставили ей какую-то небольшую долю в знак благодарности, но, говоря откровенно, Клоуд, лишать наследства свою плоть и кровь в пользу чужого человека — неправильно».

С этими словами я повернулся и ушел. Я сделал все, что мог, высказав свое отрицательное отношение.

Мэри Клоуд встретила меня в холле.

«Выпейте чаю на дорогу. Проходите сюда». И она повела меня в гостиную.

В камине горел огонь, комната выглядела уютно и приветливо. Мэри помогла мне снять пальто. Вошел ее брат — Джордж. Он взял пальто, положил на стул в дальнем конце комнаты и вернулся к камину, где был накрыт стол для чая. Во время чаепития возник какой-то вопрос насчет имения. В свое время Саймон Клоуд сказал, что не хочет им заниматься и предоставляет все решать Джорджу. Джорджа очень беспокоило такое доверие его персоне. По моему предложению, мы

после чая прошли в кабинет, и я познакомился с соответствующими бумагами. Мэри Клоуд при сем присутствовала.

Через четверть часа я собрался уходить и пошел в гостиную за пальто. В комнате была миссис Спрагг. Она стояла на коленях возле стула с пальто. Казалось, она делает что-то совершенно ненужное с кретоновым ковром. Увидев нас, она, сильно покрасневшись, поднялась.

«Этот ковер не укладывается как следует, — пожаловалась она. — Подумать только! Хотелось получше подогнуть».

Я взял пальто, оделся. И только тут заметил, что конверт с завещанием выпал из кармана и валяется на полу. Я снова положил его в карман, попрощался и ушел.

Дальше опишу свои действия подробно. Вернувшись к себе в офис, я снял пальто и достал завещание из кармана. Я стоял у стола, держал документ в руке, когда вошел служащий. Кто-то желал говорить со мной по телефону, а мой аппарат на столе не работал. Вместе со служащим я вышел в приемную и пробыл там минут пять, разговаривая по телефону.

Когда я закончил, ко мне опять обратился служащий:

«Мистер Спрагг хочет видеть вас, сэр. Я провел его к вам в офис».

Я отправился к себе. Мистер Спрагг сидел у стола. Он поднялся и с несколько излишним рвением поприветствовал меня. Затем он приступил к длинной сбивчивой речи. По-видимому, это была попытка оправдать себя и свою жену. Он опасается, что люди говорят, и т. д., и т. д. Все знают, что его жена с детства отличалась чутким сердцем и добрыми помыслами, и т. п., и т. п. Боюсь, я с ним не слишком церемонился. Я думаю, в конце концов он понял, что визит его неуместен, и, как-то неожиданно завершив беседу, он ушел. Тогда-то я вспомнил, что оставил завещание на столе. Я взял его, заклеил конверт и убрал в сейф.

И вот я перехожу к сути истории. Два месяца спустя мистер Саймон Клоуд умер. Не буду вдаваться в подробности. Просто констатирую факты. Когда я вскрыл конверт с завещанием, там оказался чистый лист бумаги.

Он сделал паузу, окинул взглядом внимательные лица и с явным удовольствием улыбнулся:

— Вы, конечно, понимаете, о чем речь? Два месяца запечатанный конверт лежал в моем сейфе. К нему никто не имел доступа. С тех пор как завещание подписали и до того момента, когда я спрятал его в сейф, прошло слишком мало времени. Итак, кто же все-таки успел, у кого была возможность и в чьих интересах было это сделать?

Напомню основные моменты: завещание подписано мистером Клоудом и положено мною в конверт — пока все хорошо. Затем оно было положено мною в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу. Пальто было передано ему на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и познакомиться с его содержанием. По-видимому, то, что конверт оказался на полу, а не в кармане, свидетельствует о том, что она именно так и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у нее была возможность заменить завещание чистой бумагой, но не было мотива. Завещание было в ее пользу. Заменяя его пустым листком бумаги, она лишала себя наследства, которое так жаждала получить. То же относится и к мистеру Спраггу. У него также была возможность. На две или три минуты он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но опять-таки он ничего от этого не выигрывал. Итак, перед нами интересная задача: два человека, которые имели возможность вложить чистый лист бумаги, не имели мотива для этого, и двое, у которых был мотив, не имели возможности. Между прочим, не будем исключать из подозреваемых Эмму Гонт. Она души не чаяла в молодых хозяевах и не переносила Спраггов. Я не сомневаюсь, что она попыталась бы совершить подлог, если бы задумала. Но на самом деле она отдала конверт, подняв его с пола. Несомненно, у нее не было возможности открыть конверт. Она не могла ловким движением рук подменить его другим конвертом, потому что конверт, о котором идет речь, был принесен в дом мною и вряд ли у кого-нибудь нашелся бы такой второй.

Он огляделся, одарив собравшихся улыбкой:

— Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил все ясно. Было бы интересно услышать ваше мнение.

Ко всеобщему удивлению, мисс Марпл не смогла удержаться от смеха. По-видимому, ее тут что-то очень позабавило.

— Что с вами, тетя Джейн? Может быть, и нам можно посмеяться? — спросил Реймонд.

— Я вспомнила маленького Томми Саймондса, этого озорного мальчишку, но, надо сказать, иногда страшно уморительного. У детей с такими невинными мордашками вечно что-нибудь происходит. На той неделе в воскресной школе он вдруг спрашивает учительницу: «Как правильно сказать: желток в яйцах белый или желтки в яйце белые?» И мисс Дерстон принялась объяснять, что принято говорить: желтки в яйцах белые или желток в яйце белый. А этот озорник и говорит: «А бы сказал, что желток в яйце желтый!» Ну как не озорник! И старо как мир, я это еще с детства знаю.

— Смешно, конечно, дорогая тетя Джейн, — смягчился Реймонд, — но ведь это не имеет отношения к интересной истории, которую рассказал мистер Петерик.

— Как же не имеет! — возразила мисс Марпл. — Тут же подвох. И история мистера Петерика тоже с подвохом. Вполне в духе адвоката! Ах, старина! — И она, посмотрев на него, с укоризной покачала головой.

— Удивительно, вы в самом деле все поняли? — оживившись, спросил адвокат.

Мисс Марпл написала несколько слов на клочке бумаги, сложила и передала ему.

Мистер Петерик развернул записку, прочел и взглянул на пожилую даму с восхищением.

— Друг мой, — сказал он, — существует ли для вас что-нибудь неразрешимое?

— Мне с детства такое известно, — ответила мисс Марпл. — Я сама подобные штуки устраивала.

— Что-то никак не сообразить, — сказал сэръ Генри. — Чувствую, что тут у мистера Петерика какой-то хитроумный юридический фокус.

— Ну что вы, — возразил мистер Петерик. — Что вы. Все совершенно просто. Не стоит так прислушиваться к мисс Марпл. У нее свой взгляд на вещи.

— Нам надо добраться до истины, — принялся рассуждать Реймонд Уэст. — Конечно, все выглядит довольно просто. По сути дела, пять человек притрагивались к конверту. Ясное дело, Спрагги могли сунуть свой нос, но в то же время очевидно, что они этого не

делали. Остаются трое. Тут представляется прекрасная возможность проделать то, что делают фокусники у вас на глазах. Мне кажется, что бумагу мог изъять и подменить Джордж Клоуд в тот момент, когда он нес пальто в дальний конец комнаты.

— А я считаю, что это девица, — заявила Джойс. — Я думаю, что горничная побежала и рассказала ей все, а та достала другой голубой конверт и просто подменила их.

Сэр Генри покачал головой.

— Я с вами обоими не согласен, — медленно начал он. — Такие вещи только для фокусников, и делаются они на сцене или в романах, но в реальной жизни, в особенности под пристальным взглядом такого человека, как мой друг мистер Петерик, мне кажется, осуществить их невозможно. Но у меня есть одна версия — версия, но отнюдь не больше. Мы знаем, что незадолго до этого в доме побывал профессор Лонгман и притом не сказал почти ничего определенного. Логично предположить, что Спрагги были озабочены последствиями его визита. Если Саймон Клоуд не посвящал их в свои дела, что вполне вероятно, они могли думать, что Клоуд послал за мистером Петериком совсем из других соображений. Возможно, они считали, что мистер Клоуд еще раньше успел составить завещание в пользу Эвридики Спрагг и теперь в результате открытий профессора Лонгмана или же напоминаний Филиппа Гаррода о правах плоти и крови он послал за мистером Петериком, чтобы срочно устранить ее от наследования. В этом случае предположим, что миссис Спрагг решила осуществить подмену. Она и делает это, но в самый неподходящий момент входит мистер Петерик. У нее даже нет времени прочесть документ, и она поспешно уничтожает его, бросив в огонь.

Джойс решительно покачала головой:

— Она бы никогда в жизни не сожгла его, не прочитав.

— Объяснение не очень убедительное, — признал сэр Генри.

— Не могу утверждать, что у меня сложилось какое-то определенное мнение, — сказал доктор Пендер. — Думаю, что подмену могли осуществить либо миссис Спрагг, либо ее муж. Мотивом, возможно, послужило то, о чем сказал сэр Генри. Если бы миссис Спрагг прочла завещание после ухода мистера Петерика, то оказалась бы в затруднительном положении: ведь признаться в своем поступке она не могла. Правда, она бы могла положить завещание в

бумаги мистера Клоуда в надежде на то, что его обнаружат после смерти наследователя. Но его почему-то не нашли. Вполне вероятно, что Эмма Гонт наткнулась на завещание и из преданности хозяевам умышленно уничтожила его.

— Я считаю, что объяснение доктора Пендера самое правдоподобное, — возвестила Джойс. — Не так ли, мистер Петерик?

Адвокат покачал головой:

— Продолжу с того, на чем остановился. Я был огорошен, как и все вы, я был в полном недоумении. Не думаю, что я когда-нибудь добрался бы до истины, скорее всего — нет, но меня просветили. Это тоже было тонко сделано.

Приблизительно месяц спустя я пошел пообедать с Филиппом Гарродом. Мы разговорились, и уже после обеда он упомянул о любопытном случае, который привлек его внимание.

«Мне хотелось бы рассказать вам о нем, Петерик, конфиденциально, конечно».

«Разумеется», — ответил я.

«Один мой приятель, у которого имелись виды на наследство от родственника, был сильно опечален тем, что, как выяснилось, родственник этот вознамерился завещать имущество совершенно недостойной особе. Боюсь, мой приятель был не очень щепетилен в выборе средств. В доме была девушка, преданная интересам тех, кого я называю законной стороной. Он дал ей ручку, заправленную соответствующим образом. Девушка должна была положить ее в ящик письменного стола в комнате хозяина, но не в тот ящик, где обычно лежала ручка. И когда хозяину понадобилось бы засвидетельствовать подпись на каком-либо документе и он бы попросил ручку, то она должна была подать ему ручку-двойник. Вот и все, что нужно было сделать. Никакой другой информации он ей не давал. Девушка была преданным человеком и в точности выполнила его указания».

Он прервал рассказ и произнес:

«Надеюсь, я вас не утомляю, Петерик?»

«Напротив, — отозвался я. — Вы меня очень заинтересовали».

Мы встретились взглядами.

«Вы моего приятеля, конечно, не знаете?»

«Конечно нет», — ответил я.

«Тогда все в порядке», — успокоился Филипп Гаррод.

Петерик выдержал паузу и потом сказал с улыбкой:

— Вам ясно, в чем дело? Ручка была заправлена так называемыми исчезающими чернилами — водным раствором крахмала с добавлением нескольких капель йода. Получается насыщенная черносиняя жидкость, но написанное исчезает через четыре-пять дней.

Мисс Марпл усмехнулась.

— Исчезающие чернила, — подтвердила она. — Известное дело. Сколько развлекалась ими, когда была девочкой. — И она с улыбкой посмотрела на всех, а мистери Петерику погрозила пальцем. — Все же это подвох, мистер Петерик, — сказала она. — Впрочем, как раз в духе адвокатов.

Отпечатки пальцев святого Петра

— Теперь ваш черед, тетя Джейн, — сказал Реймонд Уэст.

— Да, тетя Джейн, мы ждем от вас чего-нибудь такого особенного.

— Ну вот, смеетесь надо мной, дорогие мои, — посетовала мисс Марпл. — Вы думаете, раз я прожила всю жизнь в глуши, то вряд ли расскажу что-нибудь интересное.

— Боже избави, чтобы я считал жизнь в деревне безмятежной и небогатой событиями, — запальчиво возразил Реймонд. — После того, что мы от вас услышали, кажется, во всем мире царит спокойствие по сравнению с Сент-Мэри-Мид.

— Человеческая натура, дорогой, в сущности, везде одинакова, — заметила мисс Марпл. — Только в деревне есть возможность внимательнее наблюдать за ней.

— Вы неподражаемы, тетя Джейн! — воскликнула Джойс. — Надеюсь, вы не против, что я вас так называю? Не знаю даже почему.

— Так уж и не знаешь, милая? — покачала головой мисс Марпл. Она с лукавой улыбкой взглянула на девушку, заставив ее покраснеть.

Реймонд Уэст засуетился и смущенно прокашлялся. Мисс Марпл посмотрела на обоих, снова улыбнулась и опять сосредоточилась на своем вязании:

— Конечно, жизнь моя, можно сказать, небогата событиями. Но я приобрела некоторый опыт в разрешении возникающих иногда различных загадок. Некоторые из них были поистине хитроумны. Рассказывать о них не имеет смысла, потому что они связаны со столь незначительными событиями, что вам было бы просто неинтересно. Вот, например, кто сделал дырку в кошелке миссис Джоунз? Или почему миссис Симс только один раз надела свою новую шубу? Но для того, кто исследует человеческую природу, это очень любопытные факты. Постойте, припоминаю кое-что для вас интересное: случай с мужем моей племянницы, бедняжки Мейбл...

Произошло это лет десять-пятнадцать назад. Событие это, к счастью, уже в прошлом, с ним покончено, все забыли о нем. У людей короткая память — счастливое обстоятельство, всегда думаю я.

Мисс Марпл прервалась и забормотала себе под нос:

— Надо просчитать этот ряд. Раз, два, три, четыре, пять, потом три накида. Правильно. Итак, на чем я остановилась? Ах да, бедняжка Мейбл...

Мейбл — моя племянница. Замечательная была девушка. В самом деле очень хорошая девушка, только чуть, что называется, того. Любила разыгрывать маленькие трагедии и в расстроенных чувствах могла наговорить больше, чем бы хотелось. Она вышла замуж за некоего мистера Денмана, когда ей было двадцать два года. Боюсь, этот брак не был особенно счастливым. Я все надеялась, что их знакомство кончится ничем, поскольку мистер Денман отличался очень тяжелым характером. Он был не из тех людей, кто бы терпимо относился к слабостям Мейбл. К тому же мне стало известно, что в его роду были душевнобольные. Но девицы тогда были такими же упрямыми, как и сейчас, и такими, наверное, будут всегда. И Мейбл вышла за него замуж.

Я редко виделась с ней после свадьбы. Раза два она была у меня в гостях. Супруги приглашали меня к себе много раз, но, по правде говоря, я не люблю ночевать в чужом доме, и у меня всегда находились какие-нибудь отговорки. Десять лет они прожили вместе, и вдруг мистер Денман внезапно умер. Детей они не имели, и все его деньги остались Мейбл. Я, конечно, написала ей и готова была навестить ее, но она в ответ прислала мне вполне благоразумное письмо, и я сделала вывод, что вдова отнюдь не убита горем. Я подумала: ничего удивительного, ведь мне было известно, что последнее время они не ладили. Не прошло и трех месяцев, как я получила от Мейбл прямо-таки истерическое письмо. Она умоляла меня приехать, писала, что обстоятельства складываются все хуже и хуже и что она так долго не выдержит.

И вот, — продолжала мисс Марпл, — я определила любимую Клару в пансион, отправила столовое серебро и кружку короля Карла в банк и двинулась в путь. Мейбл я нашла в отчаянном состоянии. Дом «Долина мирт» был довольно большой и прилично обставлен. Имелась кухарка, горничная, а кроме того, еще и медицинская сестра, ухаживающая за старшим Денманом, отцом мужа Мейбл, у которого, как говорится, были «не все дома». Обычно он вел себя тихо,

прилично, но временами вытворял невообразимое. Я ведь говорила, что в семье были психически больные.

Я была потрясена, увидев, как изменилась Мейбл. Она стала какой-то издерганной, сплошной комок нервов; я даже не решилась прямо спросить у нее, что случилось. Пришлось действовать исподволь. Я стала расспрашивать ее о знакомых, о которых она всегда писала мне в письмах. Спросила о Галахерах. К моему удивлению, Мейбл сказала, что вряд ли теперь будет с ними встречаться. Я назвала еще некоторых других ее знакомых — ответ тот же. Тогда я стала увещевать ее, что нечего, мол, капризничать, запираяться ото всех и погружаться в мрачные мысли, что особенно глупо порывать с друзьями. Вот тут ее и прорвало, и правда вышла наружу.

«Это не я, это всё они! Тут ни один человек теперь не желает со мной разговаривать! Когда я иду по Хай-стрит, все сворачивают в сторону, чтобы не встретиться со мной. Я словно прокаженная. Это ужасно, я не могу больше этого вынести! Придется продать дом и уехать за границу. Но с какой стати мне уезжать из такого дома? Я ведь ничего плохого никому не сделала».

Я была так расстроена, что не передать. Я в то время вязала шарф старой миссис Хей и от волнения потеряла две петли, потом долго не могла их отыскать.

«Мейбл, дитя мое, ты меня поражаешь. В чем же причина всего этого?» — спросила я.

Мейбл и в детстве была страшно упрямой. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее все-таки ответить на мой вопрос. Она принялась твердить о злых языках, о людях, у которых в жизни нет ничего, кроме сплетен, и которые забивают другим головы всякой чепухой.

«Это мне понятно, — сказала я. — Но, очевидно, с тобой связана какая-то история. Что за история, ты должна знать не хуже других. И ты мне ее расскажешь».

«Это так страшно», — простионала Мейбл.

«Конечно, страшно, — согласилась я. — Но что бы ты ни рассказала мне, это не удивит и не испугает меня. Теперь, может быть, признаешься, что о тебе говорят?»

Вот тут-то все и выяснилось.

По-видимому, смерть Джеффри Денмана, поскольку она произошла внезапно, вызвала различные толки. А если сказать короче, напрямик, как я потребовала от нее, люди говорили, что она отравила мужа.

Я полагаю, вам известно, что нет ничего более страшного, чем такие разговоры, и с ними всего трудней бороться. Когда люди говорят всякое у вас за спиной, вы не можете ни отрицать ничего, ни опровергнуть, а слухи нарастают и нарастают, и невозможно их пресечь. Я знала наверняка: Мейбл не способна на преступление. Но, рассуждала я, опостылевший дом, разбитая жизнь — не слишком ли это дорогая плата за какую-то, быть может, и совершенную ею глупость?

«Нет дыма без огня, — настаивала я. — Ты должна мне сказать, с чего все началось. Должно же было быть что-то?»

Мейбл была очень растеряна и только бормотала, что ничего, ничего не было, за исключением, впрочем, того, что Джеффри умер совершенно неожиданно. Вроде был абсолютно здоров еще за ужином, а ночью ему вдруг стало плохо. Вызвали доктора. Тот уже ничего не мог сделать. Муж скончался через несколько минут после прибытия врача. Решили, что смерть наступила в результате отравления грибами.

«Так, — не отступала я, — полагаю, что внезапная смерть могла дать повод для сплетен. Но, без сомнения, были, наверное, еще какие-нибудь дополнительные факты. Ты ссорилась с Джеффри или было у вас что-нибудь в этом роде?»

Она призналась, что у них была ссора накануне, утром за завтраком.

«И слуги, наверное, слышали?» — спросила я.

«Их не было в комнате».

«Но, милая моя, — заметила я, — вероятно, они были недалеко от дверей».

Я же прекрасно знала, как хорошо слышен пронзительный истерический голос Мейбл. Да и Джеффри Денман тоже, когда сердился, повышал тон.

«Из-за чего вы поссорились?» — допытывалась я.

«А, обычное дело. Все одно и то же изо дня в день. Из-за какой-то мелочи началось. А когда Джеффри стал невыносим и начал говорить разные гадости, я высказала все, что о нем думала».

«Значит, ругались как следует?»

«Это не моя вина...» — отвечала племянница.

«Дитя мое, — продолжала я, — чья это была вина, значения не имеет. Не об этом речь. В таких местечках, как ваше, личные дела каждого в той или иной степени становятся достоянием окружающих. Вы с мужем все время ссорились. Однажды утром вы повздорили особенно сильно, и ночью — эта внезапная загадочная смерть... Это все или было еще что-нибудь?»

«Я не знаю, что вы имеете в виду под «еще что-нибудь», — пробурчала Мейбл.

«Только то, что сказала, милочка. Если ты наделала каких-то глупостей, ради бога, не скрывай. Я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы помочь тебе».

«Мне никто и ничто не может помочь, — обреченно произнесла Мейбл. — Только смерть».

«Доверься немного больше Провидению, милая, — сказала я. — Теперь я знаю совершенно точно, что ты еще кое-что от меня скрываешь».

Мне было хорошо известно, что даже в детстве она всегда что-нибудь недоговаривала. Потребовалось время, но в конце концов я узнала все. Оказывается, она ходила утром в аптеку и купила мышьяк. Ей пришлось, конечно, расписаться за него. Естественно, аптекарь не молчал об этом.

«Кто ваш врач?» — спросила я.

«Доктор Ролинсон».

Мейбл показала мне его на следующий день. У меня слишком богатый жизненный опыт, чтобы верить в непогрешимость врачей. Часть из них — люди сведущие, а часть — нет. Почти всегда даже лучшие из них не знают, чем вы больны. Сама я избегаю врачей и их лекарств.

Я сочла, что надо действовать. Надела шляпку и пошла к доктору Ролинсону. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла, — милым стариком, доброжелательным, рассеянным, до жалости близоруким, туговатым на ухо и в то же время в высшей степени обидчивым. Он почувствовал себя на коне, когда я упомянула о смерти Джеффри Денмана, и долго говорил о различных видах грибов, съедобных и ядовитых. Он сказал, что расспрашивал кухарку и

та призналась, что один или два гриба показались ей тогда «немного подозрительными», но раз уж они из лавки, решила она, то должны быть хорошими. Но чем больше она о них потом думала, тем больше грибы представлялись ей необычными.

«Сначала это были грибы как грибы, а потом стали оранжевыми в красную крапинку. Чего только эта публика не припомнит, если постарается», — подумала я.

Денман, когда к нему явился врач, совсем не мог говорить. Он не мог глотать и скончался через несколько минут. Доктор, по-видимому, не сомневался в своем заключении. Но было ли это упрямство или истинное убеждение, сказать трудно.

Я немедленно отправилась домой и спросила Мейбл напрямик, для чего она купила мышьяк.

«У тебя же должна была быть какая-то цель», — сказала я.

Мейбл разрыдалась:

«Я хотела покончить с собой. Я была так несчастна».

«Мышьяк у тебя сохранился?» — допытывалась я.

«Нет, я его выбросила».

Я сидела и вновь и вновь все мысленно прокручивала.

«Что произошло, когда ему стало плохо? Он позвал тебя?»

«Нет. — Мейбл покачала головой. — Он стал сильно звонить. Наконец Дороти, горничная, которая живет в доме, услышала и разбудила кухарку. Обе они явились к Джеффри. Дороти увидела его и испугалась. Речь бессвязная, бредит. Она оставила с ним кухарку и прибежала ко мне. Конечно, я сразу поняла, что с мужем что-то необычное. К несчастью, Брустер, которая ухаживает за старым Денманом, в ту ночь отсутствовала, так что некому было посоветовать, что делать. Я послала Дороти за врачом, а сама с кухаркой осталась при нем, но через несколько минут я уже не выдержала: это было так страшно. Я убежала к себе в комнату и заперла дверь».

«Какая ты эгоистка, какая жестокая, — не сдержалась я. — Наверняка твоё поведение сыграло в дальнейшем свою роль, можешь в этом не сомневаться. Кухарка, конечно, повсюду об этом растрезвонила. Ну и ну, плохи дела».

Потом я поговорила с прислугой. Кухарка принялась было рассказывать о грибах, но я ее остановила. Мне надоели эти грибы. Я обстоятельно расспросила обеих о состоянии их хозяина в ту ночь. Обе

в один голос утверждали, что у него, по-видимому, были сильнейшие боли, что он не мог глотать, пытался говорить что-то сдавленным голосом, но нес какую-то чушь, ничего осмысленного.

«Что же это была за чушь?» — поинтересовалась я.

«О какой-то рыбе, верно?» — обратилась кухарка к Дороти.

Та подтвердила:

«Да, все говорил: выпила рыба, выпила рыба, словом, глупости всякие. Я сразу поняла, что он, бедный, не в своем уме».

Действительно, в его словах, кажется, не было никакого смысла. Я закончила расспрашивать их. Оставалась еще Брустер, и я отправилась к ней. Это оказалась изможденная женщина лет под пятьдесят.

«Жаль, меня не было в ту ночь, — сокрушалась она. — Видно, ему никто не пытался помочь, пока не пришел врач».

«Я допускаю, что Джеффри бредил, — с сомнением сказала я. — Но это же не симптом отравления птомаином, не так ли?»

«Как сказать», — заметила Брустер.

Я поинтересовалась, как чувствует себя ее пациент.

Она покачала головой:

«Довольно скверно».

«Слабость?»

«Нет, физически он достаточно крепок. Только вот зрение очень падает. Он может пережить всех нас, но болезнь мозга прогрессирует. Я уже говорила с мистером и миссис Денман, что старика следует направить в институт, но миссис Денман и слышать об этом не хочет».

Замечу, что Мейбл всегда была добрая душа.

Итак, факт оставался фактом. Я обдумала случившееся и решила, что должно быть сделано еще одно дело. Учитывая распространяющиеся сплетни, надо обратиться за разрешением на эксгумацию тела, чтобы произвести надлежащее *post-mortem*^[13], то есть вскрытие трупа, и тогда злые языки утихомятятся.

Мейбл, конечно, подняла шумиху, главным образом из сентиментальных соображений — трогать умершего с места его упокоения и прочее, и прочее. Но я настояла.

Тут я не буду вдаваться в детали. Мы добились соответствующего разрешения. Вскрытие, или как там еще это называется, было проведено, но результат не был таким определенным, как бы нам хотелось. Никаких признаков мышьяка. Это было в нашу пользу.

Дословно в акте стояло: «Не обнаружено никаких доказательств причины смерти».

Как вы понимаете, такое заключение не вывело нас из затруднения. Люди продолжали судачить о редких ядах, присутствие которых невозможно обнаружить, и о прочем вздоре из той же оперы. Я повидалась с патологоанатомом, который производил вскрытие, и задала ему несколько вопросов. И хотя он всеми силами пытался уйти от ответов, мне все же удалось выяснить его мнение: крайне маловероятно, что причиной смерти оказались ядовитые грибы. Тут у меня возникла мысль, и я спросила его, а какой яд мог бы привести к подобному исходу. Он пустился в длинные объяснения, которые, признаюсь, я пропустила мимо ушей. Но подытожил он так: «Смерть могла быть следствием действия какого-либо сильного растительного алкалоида».

А я подумала: если душевная болезнь в скрытой форме была в крови Джеффри Денмана, разве он не мог совершить самоубийство? Он занимался когда-то медициной и имел хорошее представление о ядах и их действии.

Я не считала, что мой вывод верен, но это было единственное, что мне тогда пришло в голову, а я уже начинала выходить из себя.

И должна признаться — полагаю, молодым людям это покажется смешным, — когда я по-настоящему в тяжелой ситуации, я твержу себе под нос маленькое заклинание, где бы ни находилась, на улице ли, на рынке. И это всегда приводит к успеху. Возможно, по вашему мнению, я говорю о какой-то чепухе, совершенно не связанной с предметом. Но это не так. Текст заклинания висел у меня над кроватью, еще когда я была маленькой: «Ищите и обряцете». В то утро, о котором я рассказываю, я шла по Хай-стрит и не переставая твердила эти святые слова. Я даже на какой-то момент закрыла глаза. А когда открыла, что, вы думаете, я прежде всего увидела?

Пять лиц с различной степенью интереса обратились к мисс Марпл. Можно было, однако, с уверенностью утверждать, что никто не нашел правильного ответа на вопрос.

— Я увидела, — с особой выразительностью произнесла мисс Марпл, — витрину рыбной лавки, и в ней только одно — грудку свежей пикши^[14].

— Бог ты мой! — воскликнул Реймонд Уэст. — В ответ на святые слова — свежая пикша.

— Да, Реймонд, — строго проговорила мисс Марпл. — И не богохульствуй по этому поводу. Рука господя вездесуща. Первое, что мне бросилось в глаза, — черные пятнышки — отпечатки пальцев святого Петра. Знаете, существует такая легенда о пальцах святого Петра^[15]. И это все поставило на свои места. Мне недоставало слова, истинного слова святого Петра. Я соединила вместе две вещи — слово и рыбу.

Сэр Генри как-то торопливо высморкался. Джойс закусил губу.

— Что же мне это дало? Ведь и кухарка, и горничная упоминали о пьющей рыбе, о которой говорил умирающий. И я была теперь убеждена, абсолютно убеждена, что решение загадки кроется в этих словах. Я вернулась домой, полная решимости добраться до сути.

Мисс Марпл сделала паузу.

— Вам никогда не приходило в голову, — продолжала старая дама, — сколь многое можно обнаружить в так называемом контексте? В Дартмуре есть местечко под названием Грей-Уэзерс. Если вы заговорите с местным крестьянином и произнесете эти слова, он, скорее всего, решит, что вы говорите о местных каменных кругах, хотя вы, может быть, имеете в виду погоду. В то же время, если вы имеете в виду каменные круги, человек приезжий, услышав не полностью ваш разговор, может подумать, что вы имеете в виду погоду^[16]. Так вот, пересказывая разговор, мы не повторяем в точности услышанные слова, а чаще всего заменяем их другими, которые, с нашей точки зрения, означают то же самое.

Я решила встретиться с кухаркой и с Дороти, с каждой в отдельности. Я спросила кухарку, ручается ли она, что ее хозяин действительно говорил: «выпила рыба». Та нисколько в этом не сомневалась.

«Он говорил именно эти слова, — добивалась я, — или называл какую-то определенную рыбу?»

«Да, — подтвердила кухарка, — называл какую-то рыбу, а вот какую, сейчас и не вспомнить. Выпила... ну как же это? Словом, рыба, которую у нас принято есть. Окунь или щука?.. Нет, с какой-то другой буквы».

Дороти тоже припомнила, что хозяин говорил о какой-то определенной рыбе.

«Какая-то съедобная рыба была, — сказала она. — А вот почему «пила»?»

«Так он сказал «пила» или «выпила»?»

«Мне кажется, он сказал «пила». Нет, впрочем, не могу быть вполне уверена, так трудно припомнить слова в точности, правда же, мисс, особенно если они бессмысленны. Но вот все-таки припоминаю, что «пила», именно «пила». А название рыбы начиналось с буквы «к», но не камбала, нет, и не кета...»

— Дальше произошло такое, чем я даже горжусь, — сказала мисс Марпл. — Я ведь совершенно не разбираюсь в лекарствах. Неприятные, опасные снадобья. У меня есть старый, еще от бабушки, рецепт приготовления чая из пижмы, и это лучше всех ваших лекарств. Но я знала, что в доме имеется несколько книг по медицине, и в одной из них был указатель лекарств. Понимаете ли, моя мысль состояла в том, что Джеффри принял какой-то яд и пытался произнести его название.

Я просмотрела список на букву «в», потом на букву «к». Ничего, что бы имело сколько-нибудь похожее звучание. Принялась за «п» и почти сразу же нашла... Что бы вы думали? — Она оглядела всех, предвкушая момент триумфа. — Пилокарпин! Неужели вы бы поняли человека, почти неспособного что-либо произнести и силящегося сказать это слово? Как бы оно прозвучало для кухарки, которая никогда его не слышала? Не восприняла бы она его как сочетание слов «пила» и «карп», как вы считаете?

— Ей-богу, здорово! — выдохнул сэр Генри.

— Никогда бы до таких тонкостей не добрался, — признался доктор Пендер.

— Чрезвычайно интересно, — заметил мистер Петерик. — В самом деле.

— Я быстро раскрыла страницу, указанную в содержании, — продолжала мисс Марпл. — Прочитала все о пилокарпине, о его воздействии на глаза и на другие органы, что, казалось бы, не имело никакого отношения к данному случаю... Наконец дошла до фразы, представившейся мне очень важной: «используется как противоядие при отравлении атропином».

Не могу вам передать, как меня тут осенило. Я никогда не считала, что Джеффри Денман способен на самоубийство. И моя новая идея не была очередной версией. Я знала наверняка, что это единственно возможное решение загадки. Все обстоятельства оказались в логической связи.

— Я даже не собираюсь строить догадок, — сказал Реймонд. — Рассказывайте дальше, тетя Джейн, что вам стало так поразительно ясно?

— Я, конечно, ничего не понимаю в медицине, — повторила мисс Марпл, — но я, по счастью, знала о действии сульфат-атропина. Врач прописывал его мне, когда у меня падало зрение. Я немедленно направилась наверх в комнату к старому мистеру Денману и не стала церемониться.

«Мистер Денман, — прямо приступила я, — мне все известно. Зачем вы отравили сына?»

Он с минуту всматривался в меня. По-своему это был довольно интересный пожилой мужчина. И вдруг он разразился смехом. Злобным смехом. Нечто подобное мне довелось слышать лишь однажды, когда несчастная миссис Джоунз помутилась рассудком.

«Да, — подтвердил он. — Я разделался с Джеффри. Я был слишком добр к Джеффри. Вот он и пытался меня выставить, не так ли? Запереть в сумасшедший дом! Я слышал, как они это обсуждали. Мейбл хорошая. Мейбл за меня, но я знал, что ей не устоять перед Джеффри. В конце концов он бы сделал так, как считал нужным, как всегда делал. Но я расправился с ним, расправился со своим добрым, преданным сыном. Ха-ха! Я пробрался вниз ночью. Это было очень легко. Брустер не было. Мой милый сыночек спал; у кровати стоял стакан с водой: он всегда просыпался среди ночи и пил. Я вылил воду — ха-ха! — и опрокинул пузырек с каплями в стакан. Он, думаю, проснется и хватанет их, еще не разобрав, что это. Их было со столовую ложку — вполне достаточно. Он и выпил! А утром приходят сюда и преподносят мне это. Чутко так. Боялись, что я расстроюсь. Ха! Ха! Ха!»

Вот так, — заключила мисс Марпл. — Тут истории конец. Разумеется, несчастного старика поместили в сумасшедший дом. Он и в самом деле не ведал, что творит. Правда вышла наружу. Всем было неловко перед Мейбл из-за неоправданных подозрений, не знали, как с

ней помириться. Но если бы Джеффри не понял, что за вещество он проглотил, и не попытался бы созвать всех, чтобы безотлагательно заполучить противоядие, смерть его так и осталась бы загадкой. По моему, существуют вполне определенные признаки отравления атропином — расширенные зрачки и так далее; но, конечно, как я говорила, доктор Ролинсон был очень близорук. Бедный старик. В той самой медицинской книжке, которую я продолжаю читать, есть некоторые места чрезвычайно интересные; даются признаки отравления птомаином и атропином, и они несходны. Но, уверяю вас, теперь всегда, когда вижу свежую пикшу, непременно вспоминаю о пальцах святого Петра.

Наступила очень длинная пауза.

— Дорогой друг, — прервал молчание мистер Петерик. — Мой дорогой друг, вы действительно поразительный человек.

— Я буду рекомендовать вас, мисс Марпл, Скотленд-Ярду в качестве консультанта, — заверил сэр Генри.

— Но как бы там ни было, тетя, одного обстоятельства вы не знаете, — сказал Реймонд.

— Знаю, дорогой, — невозмутимо возразила мисс Марпл. — Это произошло как раз перед обедом, ведь верно? Когда вы с Джойс пошли полюбоваться закатом. Это излюбленное место. Около изгороди из жасмина. Именно там молочник спросил у Энни разрешения на оглашение их имен в церкви^[17].

— Черт возьми! — с досадой воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, вы так убьете всю романтику. Я и Джойс не молочник и не Энни.

— Вот тут-то ты ошибаешься, мой милый, — улыбнулась мисс Марпл. — Все на самом деле удивительно похоже. Но, может быть, к счастью, не понимают этого.

Синяя герань

— Когда я был в этих местах в прошлом году... — начал было сэра Генри Клиттеринг и умолк.

Хозяйка, миссис Бантри, посмотрела на него с любопытством. Экс-комиссар Скотленд-Ярда гостил у своих старых друзей — полковника Бантри и его жены, которые жили неподалеку от Сент-Мэри-Мид. Миссис Бантри только что спросила у сэра Генри, кого пригласить шестым сегодня вечером на обед.

— Итак? — произнесла миссис Бантри, ожидая продолжения. — Где вы были в прошлом году?..

— Скажите, знаете ли вы некую мисс Марпл? — спросил сэра Генри.

Миссис Бантри удивилась. Этого она никак не ожидала.

— Знаю ли я мисс Марпл? Кто же ее не знает! Типичная старая дева. Правда, довольно симпатичная, но... безнадежно старомодная. Вы хотите сказать, что ее следует пригласить на обед?

— Вы удивлены?

— Надо признаться, да. Никогда бы не подумала, что вы... Но, может быть, этому есть объяснение?

— Объяснение очень простое. Когда я был здесь в прошлом году, мы взяли за обыкновение обсуждать разные загадочные случаи. Нас было пятеро или шестеро. Писатель Реймонд Уэст затеял все это. Каждый рассказывал какую-нибудь историю-загадку, отгадку на которую знал он один. Решили посостязаться в дедуктивных умозаключениях, посмотреть, кто ближе всех окажется к истине.

— И что же?

— Мы и не предполагали, что мисс Марпл пожелает принять участие в этой забаве. Но произошло неожиданное. Почтенная дама перещеголяла нас всех!

— Да что вы!

— Чистая правда. Без всяких усилий, уверяю вас.

— Не может быть. Мисс Марпл ведь почти не выезжала из Сент-Мэри-Мид.

— Зато, по ее словам, у нее были неограниченные возможности наблюдать человеческую природу как бы под микроскопом.

— Да, возможно, в этом что-то есть, — согласилась миссис Бантри. — Но я считаю, что у нас тут нет настоящих злодеев. Я думаю, не испытать ли ее после обеда на истории с привидением Артура. Я была бы очень благодарна ей, если бы она разгадала ее.

— Я не знал, что Артур верит в потусторонние силы!

— Ой! Он не верит. Именно поэтому он и озабочен. А произошло это с одним из его друзей — Джорджем Притчардом, самой прозаической личностью. Либо эта необыкновенная история — правда, либо...

— Либо что?

Миссис Бантри не ответила. Спустя минуту она сказала ни с того ни с сего:

— Вы знаете, я люблю Джорджа. Его все любят. Невозможно поверить, что он... но бывает же, что люди совершают из ряда вон выходящие вещи.

Сэр Генри кивнул. Он лучше, чем миссис Бантри, знал «из ряда вон выходящие вещи».

И вот вечером миссис Бантри окинула взглядом собравшихся за столом. Хозяйка остановила свой взгляд на пожилой даме, сидящей по правую руку от ее мужа. На мисс Марпл были черные кружевные митенки, на плечи изящно наброшено fichu^[18] из старинных кружев, кружевная накладка венчала ее белоснежные волосы. Она оживленно беседовала с пожилым доктором Ллойдом о работном доме^[19] и о не внушающей доверия местной медицинской сестре, особе весьма небрежной.

Миссис Бантри засомневалась: уж не пошутил ли сэр Генри? Но в этом, кажется, не было никакого смысла. Неужели то, что он рассказал о мисс Марпл, правда?

Затем ее взгляд остановился на муже, который завел разговор о лошадях с Джейн Хелльер — популярной актрисой. Джейн, в жизни более красивая (если только это возможно), чем на сцене, шептала время от времени: «В самом деле? Надо же! Как замечательно!» Она ничегошеньки не знала о лошадях и еще меньше интересовалась ими.

— Артур, — обратилась к мужу миссис Бантри. — Ты доведешь бедняжку Джейн до изнеможения. Оставь лошадей в покое, лучше

расскажи ей историю о привидении. Ну знаешь... о Джордже Притчарде.

— Э-э, Долли... Я думаю...

— Сэр Генри тоже хочет послушать. Я ему кое-что шепнула сегодня утром.

— О, пожалуйста! — сказала Джейн. — Я люблю истории о привидениях.

— Ну... — замешкался полковник Бантри. — Я, собственно, никогда особенно не верил в сверхъестественное, но тут... Никто из вас, вероятно, не знает Джорджа Притчарда. Это замечательный человек. Его жена — она, бедняжка, умерла уже — устроила ему в свое время нелегкую жизнь. Она была из тех полуинвалидов — хотя, я полагаю, она действительно была больным человеком, — которые используют свое положение на всю катушку. Капризная, требовательная, безрассудная, она жаловалась на свою участь с утра до вечера и считала, что Джордж должен постоянно быть в ее полном распоряжении. Что он ни делал — все было плохо... Я совершенно убежден, что всякий на его месте давно бы шарахнул ее обухом по голове. Разве не так, Долли?

— Отвратительная она была особа, — подтвердила миссис Бантри. — Если бы Джордж Притчард размозжил ей голову, любая женщина, будучи судьей, полностью бы его оправдала.

— Я в точности не знаю, как это все началось: Джордж в детали не вдавался. Как я понял, миссис Притчард всегда питала слабость ко всякого рода ясновидцам, прорицателям и гадалкам. Джордж ей не препятствовал. Раз это было для нее утешением, то и слава богу. Но сам он не проявлял восторга по этому поводу, что являлось еще одной причиной для обид.

Медицинские сестры в доме не задерживались. Миссис Притчард увольняла их очень быстро. Правда, одна молодая сестра чрезвычайно серьезно относилась к разным пророческим фокусам, и некоторое время миссис Притчард ее очень любила. Потом неожиданно стала и ею недовольна. Она потребовала другую сестру, которая служила у нее раньше, пожилую женщину, опытную в обращении с неуравновешенными пациентами. Сестра Коплинг, по мнению Джорджа, была из тех женщин, с которыми можно поладить. Она

справлялась со вспышками раздражения и нервных бурь совершенно невозмутимо.

Второй завтрак — ленч — всегда подавался миссис Притчард навверх, и обычно во время него Джордж и сестра Коплинг договаривались о второй половине дня. Строго говоря, сестра была свободна от двух до четырех, но «в виде одолжения» она иногда уходила и после чая, если Джордж хотел быть свободным днем. А в этот раз она сказала, что едет повидать родственницу в Голдерс-Грин и может немного задержаться. Джордж расстроился, потому что он договорился сыграть партию в гольф.

Сестра Коплинг успокоила его:

«Сегодня здесь без нас обойдутся, мистер Притчард. У миссис Притчард будет гораздо более интересная компания, чем наша».

«Кто же это?..»

«Зарида, медиум, предсказательница будущего...»

«Опять новая?»

«О да. Я полагаю, моя предшественница, сестра Карстерс, порекомендовала. Миссис Притчард еще ее не видела. Она просила меня написать ей и назначить свидание на сегодня».

«Ну, во всяком случае, я поиграю в гольф», — сказал Джордж и ушел с самыми добрыми чувствами по отношению к прорицательнице Зариде.

Вернувшись домой, он нашел миссис Притчард в состоянии крайнего возбуждения. Она, как обычно, лежала на кушетке и часто подносила к носу флакон с нюхательной солью.

«Джордж! — воскликнула она. — Что я говорила тебе о нашем доме?! Едва я переступила порог, я сразу почувствовала, что здесь что-то не так! Разве я тебе этого не говорила?»

«Что-то не припоминаю».

«Ты никогда не помнишь того, что связано со мной. Все вы, мужчины, крайне бессердечны, но ты, ты еще более, чем все».

«Успокойся, Мэри, дорогая, ты несправедлива».

«Так вот, то, что я тебе говорила давно, эта женщина почувствовала сразу! Она... она даже так и отпрянула... если ты понимаешь, что я имею в виду... Она вошла в дверь и сказала: «Здесь есть зло. Зло и опасность. Я чувствую это».

«Ну, ты не зря потратила деньги сегодня», — некстати улыбнулся Джордж.

Жена закрыла глаза и сильно потянула носом из флакона.

«Как ты меня ненавидишь! Ты будешь торжествовать, когда я умру».

Джордж запротестовал, а через минуту она продолжила:

«Можешь смеяться, но я расскажу тебе все. Этот дом, безусловно, опасен для меня, так сказала эта женщина».

Доброе расположение Джорджа к Зариде моментально пропало. Он знал, что жена, несомненно, способна настоять на переезде в другой дом.

«Что еще сказала женщина?» — спросил он.

«Она не могла много говорить, она была так расстроена. Но кое-что все-таки сказала. У меня в стакане стояли фиалки. Она показала на них и закричала: «Уберите их прочь! Никаких синих цветов! Чтобы у вас никогда не было синих цветов! Помните, синие цветы для вас — смерть!» Ты же знаешь, — добавила миссис Притчард, — что я не люблю синий цвет. У меня какое-то предубеждение против него».

Джордж был достаточно благоразумен и не стал настаивать, что никогда не слышал этого от нее. Он спросил, что представляла собой эта таинственная Зарида. Миссис Притчард с удовольствием принялась за описание:

«Густые черные волосы, собранные двумя узлами над ушами, полузакрытые глаза, черные круги вокруг них, рот и подбородок скрыты черной вуалью. Речь протяжная, с заметным иностранным акцентом, по-моему, испанским».

«Собственно, все как и полагается в таких случаях», — бодро сказал Джордж.

Миссис Притчард немедленно закрыла глаза.

«Я чувствую себя совершенно больной, — сказала она. — Вызови сиделку. Твоя бессердечность расстраивает меня, это тебе великолепно известно».

Спустя два дня сестра Коплинг пришла к Джорджу с печальным лицом.

«Не пройдет ли вы к миссис Притчард? Она получила письмо, которое ее очень расстроило».

Он поднялся к жене.

«Прочти», — сказала она и протянула ему письмо. Джордж прочел. Оно было написано большими черными буквами на сильно надушенной бумаге.

«Я познала будущее. Предупреждаю вас, пока не поздно. Остерегайтесь полной луны. Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть...»

Джордж было рассмеялся, но осекся, поймав взгляд сестры и ее быстрый протестующий жест. Он довольно неуклюже сказал:

«Эта женщина хочет тебя запугать, Мэри. Во всяком случае, ни синих примул, ни синих гераней не бывает».

Но миссис Притчард стала плакать и причитать, дни, мол, ее сочтены. Сиделка вышла с Джорджем на лестницу.

«Все это глупость несусветная!» — вырвалось у него.

«Я тоже так думаю».

Что-то в тоне сестры поразило его, и он пристально посмотрел на нее.

«В самом деле? Вы же не верите...»

«Нет, нет, мистер Притчард. Я не верю в предсказания. Это глупости. Но вот какой смысл в этом? Прорицатели обычно этим зарабатывают. А тут женщина запугивает миссис Притчард без всякой выгоды для себя. Я не могу понять, в чем дело. Есть еще один момент...»

«Да?»

«Миссис Притчард говорит, что в Зариде ей что-то знакомо».

«Да ну?»

«Словом, мне это не нравится, мистер Притчард, вот и все».

«Не думал, что вы столь суеверны».

«Я не суеверна, но чувствую, когда что-то не так».

Минуло четыре дня, и произошел первый инцидент. Чтобы объяснить его, надо описать комнату миссис Притчард.

— Лучше дай это сделаю я, — прервала его миссис Бантри. — Комната ее была оклеена этими новомодными обоями, на которых изображены разнообразные цветы; получается как бы стена цветов. Эффект такой, будто находишься в саду. Хотя, конечно, все неверно. Я имею в виду то, что они не могут все цвести в одно время...

— Не будь придирчивой, Долли, — упрекнул ее муж. — Мы все знаем, что ты одержима цветоводством.

— Но ведь это абсурд, — не смогла сдержать возмущения миссис Бантри. — Собрать вместе колокольчики, нарциссы, люпины, розы и астры.

— Да, не по науке, — согласился сэр Генри. — Но продолжим рассказ.

— Так вот, среди этого моря цветов были желтые и розовые примулы... Ну ладно, Артур, ты ведь рассказываешь...

Полковник Бантри продолжил историю:

— Однажды утром миссис Притчард позвонила изо всех сил. Прислуга примчалась бегом. Думали, что у нее тяжелый приступ. Но ничуть не бывало. Она была крайне взволнована и указывала на обои. Так вот, среди примул была одна синяя.

— О! — воскликнула мисс Хелльер. — Мурашки по спине побежали!

— Возник вопрос: не был ли тут все время этот цветок?

«Разве не было здесь синей примулы?» — спросили Джордж и сестра Коплинг.

Но миссис Притчард ответила, что до сегодняшнего утра не замечала синей примулы. К тому же накануне вечером была полная луна. Это ее очень расстроило.

— Я встретила Джорджа Притчарда в тот самый день, и он рассказал мне все, — сказала миссис Бантри. — Я пошла проведать миссис Притчард и, как могла, постаралась все превратить в шутку. Но безуспешно. Я ушла с тяжелым сердцем, помню, еще встретила Джин Инстоу и поделилась с ней новостью. Джин — странная девушка.

«Неужели она в самом деле так расстроилась?» — удивилась Джин.

Я сказала ей, что миссис Притчард может умереть от страха — она ведь на самом деле была до умопомрачения суеверна.

Помню, что Джин сильно напугала меня.

«Может быть, все к лучшему, — сказала она, — не так ли?»

И произнесла это так холодно, таким обыденным тоном, что я была просто шокирована. Конечно, теперь вести себя грубо и вызывающе не внове, но я никогда к этому не привыкну.

Джин улыбнулась и добавила: «Вам не нравится то, что я говорю, но это правда. Какая польза от жизни миссис Притчард? Совершенно

никакой, а для Джорджа Притчарда — ад. Напугать ее до смерти — лучше и не придумаешь».

Я говорю: «Джордж всегда с ней очень терпелив».

А она: «Да, он заслуживает награды, бедняжка, он очень привлекательный, этот Джордж Притчард. Последняя сиделка тоже так считала — хорошенькая такая... Как же ее звали? Карстерс, кажется. Ведь это было причиной ее скандала с хозяйкой».

Мне не понравилось, как Джин об этом говорила. Тут, конечно, призадумалась... — Миссис Бантри сделала многозначительную паузу.

— Да, дорогая, — спокойно произнесла мисс Марпл. — Всегда возникают вопросы. Мисс Инстоу хорошенькая? Наверно, в гольф играет?

— Да. Она прекрасно играет не только в гольф. И она такая очаровательная, милая: белокурая, чудесная кожа и прекрасные, небесной синевы глаза. Конечно, мы все чувствовали, что она и Джордж Притчард... Я имею в виду, если бы обстоятельства сложились по-другому... Они так хорошо подходили друг к другу.

— И они были друзьями? — спросила мисс Марпл.

— О да, и хорошими.

— Ты не находишь ли, Долли, что мне надо закончить рассказ? — обиженно сказал полковник Бантри.

— Да-да, Артур, возвращайся к своим привидениям, — согласилась миссис Бантри.

— Остальное я услышал от самого Джорджа, — продолжал полковник. — Стало ясно, что миссис Притчард станет ждать конца следующего месяца. Она отметила на календаре день полнолуния и, когда он наступил, заставила сестру, а потом Джорджа тщательно рассмотреть обои. На них были розовые и красные розы и никаких синих. Потом, когда Джордж ушел из комнаты, она заперла дверь...

— А утром появилась синяя роза, — радостно сказала мисс Хелльер.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник Бантри. — Или, во всяком случае, почти верно. Одна роза, как раз у нее над головой, стала синей. Это потрясло Джорджа, хотя он и настаивал на том, что это чья-то глупая шутка. Он не хотел придавать значения закрытой

двери и тому факту, что миссис Притчард обнаружила перемену раньше всех, даже раньше сестры Коплинг.

Он впервые склонен был поверить в сверхъестественное, но не собиравшись признать это. Покинуть дом он жене не позволил, хотя обычно уступал ей, но не в этот раз.

«Мэри, не надо строить из себя дурочку, — говорил он. — Вся эта чертовщина — чепуха, вздор».

Прошел месяц. Миссис Притчард успокоилась и даже капризничала меньше. Я думаю, она была настолько суеверна, что смирилась с неизбежностью судьбы. Несчастливая повторяла снова и снова: «Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть». Она лежала и разглядывала на обоях соцветия розово-красной герани, самой близкой к ее постели. Обстановка была довольно нервной. Даже сестре передалось ее настроение. Она пришла к Джорджу за два дня до полной луны и стала уговаривать увезти миссис Притчард. Джордж пришел в ярость.

«Если даже все цветы на этой стенке превратятся в синих дьяволов, они никого не смогут убить!» — орал он.

«Могут. Шок или потрясение могут привести к гибели».

«Чушь!» — возражал Джордж.

Джордж всегда был несколько упрям. Я полагаю, он считал, что жена сама занимается этими фокусами, одержимая какой-то нездоровой идеей.

И вот наступил фатальный вечер. Миссис Притчард заперлась, как обычно. Она была неестественно спокойной. Сестра хотела дать ей возбуждающего, сделать укол стрихнина, но миссис Притчард отказалась. Мне кажется, что ее в определенном смысле развлекала эта таинственность. Джордж говорил, что так оно и было.

На следующее утро колокольчик не прозвенел. Миссис Притчард всегда просыпалась около восьми. В восемь тридцать было тихо. Тогда сестра постучала к ней в дверь. Не получив ответа, она пошла за Джорджем и убедила его открыть дверь. Они сделали это с помощью стамески.

Одного взгляда на неподвижную фигуру на кровати было достаточно... Джордж позвонил врачу. Тот явился. Но было уже слишком поздно. Смерть наступила, как определил доктор, восемь часов назад. Нюхательная соль лежала у нее под рукой на кровати, а на

стене, рядом с ней, одна из розово-красных гераней была теперь ярко-синей.

— Ужас! — Мисс Хелльер содрогнулась.

Сэр Генри нахмурился:

— И никаких дополнительных деталей?

Полковник Бантри покачал головой. Но миссис Бантри поспешно уточнила:

— Газ.

— Что — газ? — спросил сэр Генри.

— Когда пришел врач, он обнаружил неплотно закрытый кран в камине. Однако запах был настолько слабый, что это не могло иметь значения.

— Разве мистер Притчард и сиделка не заметили этого, когда вошли в первый раз?

— Сестра говорила, что легкий запах был. Джордж ничего не заметил, но он почувствовал себя как-то странно и отнес это за счет шока. Вероятно, так оно и было. Что же касается газа, то запах был еле уловим и отравления произойти не могло.

— Это конец истории?

— Нет. Возникло много разговоров. Слуги, видите ли, слышали, как миссис Притчард говорила мужу, что он ее ненавидит и будет радоваться, если она умрет. Слышали и другие кое-какие разговоры. На отказ переехать в другой дом она однажды сказала: «Очень хорошо, надеюсь, когда я умру, все поймут, что ты меня убил». И, как назло, за день до этого он готовил какой-то химикат от сорняков на садовых дорожках. А один из слуг видел, как он потом нес жене стакан кипяченого молока.

Сплетни множились, распространялись. Доктор выдал свидетельство. Не могу точно повторить, что там значилось: шок, сердечный приступ, удар — вероятно, какие-то медицинские формулировки, которые мало что объясняют. Словом, несчастная не пробыла и месяца в могиле, как поступила просьба об эксгумации. И она была удовлетворена.

— Результат аутопсии, я помню, был нулевой, — сказал сэр Генри. — В кои-то веки дым без огня.

— А в общем дело очень странное, — сказала миссис Бантри. — Предсказательницу Зариду, например, никто больше не видел.

Кинулись по адресу — там о ней и не слышали.

— Она появилась однажды из голубого тумана, — сказал полковник, — и бесследно исчезла. Хм-м, из голубого тумана — это довольно хорошо.

— И что интересно, — продолжила миссис Бантри. — Эта молоденькая сестра Карстерс, которая, как считали, ее рекомендовала, никогда не слыхала о Зариде.

Все переглянулись.

— Загадочная история, — сказал доктор Ллойд. — Можно строить предположения, но думать, что... — Он покачал головой.

— Мистер Притчард женился на мисс Инстоу? — спросила мисс Марпл вкрадчивым голосом.

— Но почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовался сэр Генри.

— Мне это кажется достаточно важным, — ответила мисс Марпл. — Они поженились?

Полковник Бантри покачал головой:

— Мы... ну, мы ждали чего-то в этом роде, но прошло уже полтора года... Я полагаю, они и видятся-то не очень часто...

— Это важно, — ответила мисс Марпл. — Очень важно.

— Тогда вы думаете то же самое, что и я, — сказала миссис Бантри. — Вы думаете...

— Послушай, Долли, — вмешался ее муж, — непростительно то, что ты собираешься сказать. Нельзя обвинять людей, не имея никаких доказательств.

— Не будь педантом, Артур. Мужчины всегда боятся сказать лишнее. Вообще-то, между нами говоря, может быть, это только моя дикая фантазия, но мне кажется — Джин Инстоу нарядилась предсказательницей. Она, конечно, могла сделать это только ради шутки. Я нисколько не сомневаюсь, что у нее не было никакого злого умысла, а миссис Притчард оказалась настолько глупа, что умерла от страха. Вот что мисс Марпл имела в виду, верно?

— Нет, милая, совсем не то, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, если бы я собралась кого-то убить — о чем, конечно, я бы ни в коем случае не помышляла, потому что это очень дурно, и, кроме того, я не люблю убивать даже ос, хотя я знаю, это необходимо, и я надеюсь,

садовник делает это по возможности гуманно... Подождите, на чем это я остановилась?..

— Если бы вы захотели кого-то убить... — подсказал сэр Генри.

— Ах да, если бы я захотела, я бы ни в коем случае не положила на какой-то испуг. Я знаю, говорят, люди умирают от страха, но это мне кажется довольно ненадежным делом: и самые нервные люди гораздо более стойкие, чем их считают. Я предпочла бы что-нибудь более верное и тщательно все обдумала бы.

— Мисс Марпл, — сказал сэр Генри, — вы меня пугаете. Надеюсь, вы никогда не захотите устранить меня. Ваши замыслы были бы достаточно основательны.

Мисс Марпл с упреком посмотрела на него:

— Я, полагаю, ясно дала понять, что никогда и не помышляла бы о таком злодеянии. Я просто попыталась поставить себя на место... э-э... определенной личности.

— Вы имеете в виду Джорджа Притчарда? — спросил полковник Бантри. — Никогда не подумаю на Джорджа, несмотря на то что даже медицинская сестра к этому склоняется. Я виделся с ней примерно месяц спустя, когда производили эксгумацию. Она не знает, собственно, как это было сделано, она вообще ничего не говорила, но было совершенно ясно, что, по ее мнению, Джордж в той или иной степени в ответе за смерть жены. Она была в этом убеждена.

— М-да, — сказал доктор Ллойд, — возможно, сестра Коплинг была не столь далека от истины. Обращаю ваше внимание на то, что медицинские сестры часто знают многое. Только они не могут утверждать, у них нет доказательств. А знают.

Сэр Генри подался вперед:

— Ну а теперь попросим мисс Марпл... Я уверен, что вы нам сейчас все объясните.

Мисс Марпл вздрогнула и покраснела.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я как раз задумалась о нашей медицинской сестре. Крайне сложная проблема.

— Более сложная, чем с синей геранью?

— Тут все дело в примулах, — пояснила мисс Марпл. — Миссис Бантри сказала, что они были желтыми и розовыми. Так вот, если розовая примула превратилась в синюю, тогда все прекрасно сходится, а вот если это была желтая...

— Розовая, — подтвердила миссис Бантри, удивленно взглянув на мисс Марпл.

— Тогда все ясно, — сказала мисс Марпл, печально покачивая головой. — И снадобье для ос, и все. И, конечно, газ.

— Вам это напомнило, наверно, о бесчисленных деревенских трагедиях? — спросил сэр Генри.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Это напомнило мне о неприятностях, которые мы испытываем с медицинскими сестрами. В конце концов, сестры такие же люди, но им приходится все время сдерживать себя, носить эти неудобные воротники, подчинять свою жизнь чужой семье, и разве удивительно, что порой происходят подобные срывы?

— Вы имеете в виду сестру Карстерс? — спросил сэр Генри.

— Да нет. Не сестру Карстерс, а сестру Коплинг. Видите ли, она служила в доме раньше. Ее очень привлекал мистер Притчард, который, как тут заметили, симпатичный мужчина. Возможно, она думала, бедняжка... ну не стоит вдаваться в это. Я думаю, она не знала о мисс Инстоу, и, конечно, когда узнала, это восстановило сестру Коплинг против него. Она попыталась навредить ему. Но вот письмо и выдало ее, верно?

— Какое письмо?

— Ну, то, что она написала предсказательнице по просьбе миссис Притчард, и предсказательница пришла как бы в ответ на письмо, а потом обнаружилось, что по этому адресу никогда не было такой. Сразу понятно, что тут замешана сестра Коплинг. Она только сказала, что написала, — значит, вполне возможно, что сама и была предсказательницей.

— Насчет письма я не догадался, — сказал сэр Генри. — Это, конечно, самое важное.

— Довольно смелый шаг, — продолжила мисс Марпл. — Ведь миссис Притчард могла бы узнать ее, несмотря на переодевание. Хотя, если бы узнала, сестра могла все превратить в шутку.

— Что вы имели в виду, — спросил сэр Генри, — когда сказали, что если бы вы были определенной личностью, то не положились бы на испуг?

— Нет полной уверенности в этом случае, — ответила мисс Марпл. — Нет, я думаю, что предупреждение и синие цветы, если

пользоваться военным термином, были просто камуфляжем.

— В самом деле?

— Простите, — произнесла мисс Марпл извиняющимся тоном, — я опять об осах. Бедненькие, их уничтожают тысячами, и обычно в такие прекрасные летние дни. Помню, когда увидела, как садовник перемешивает цианистый калий в бутылке с водой, подумала, как калий похож на нюхательную соль! А если его положить в бутылочку для нюхательной соли и поставить на положенное место!.. Бедная леди имела привычку пользоваться нюхательной солью. Вы ведь говорили, что флакончик нашли у нее под рукой. А потом, когда мистер Притчард ходил звонить, вызывать доктора, сестра заменила флакон и немножко включила газ, чтобы перебить запах миндаля на случай, если кто-нибудь что-нибудь заподозрит. А я слышала, если пройдет некоторое время, то от цианистого калия не остается никаких следов. Но, конечно, может быть, я не права и во флаконе было что-нибудь совсем другое; но это в самом деле уже не имеет значения, не так ли?

Мисс Марпл замолчала.

Джейн Хелльер подалась вперед и спросила:

— А синяя герань и другие цветы?

— У сестер всегда есть лакмусовая бумажка, так ведь? — сказала мисс Марпл. — Скажем, для известной проверки. Не очень приятное занятие. Не будем останавливаться на нем. Я тоже немного ухаживала за больными. — Легкий румянец покрыл ее щеки. — Синий цвет от кислоты становится красным, а красный от щелочей — синим. Нетрудно было немножко натереть лакмусовой бумажкой красный цветок около кровати, потом, когда бедная леди воспользовалась нюхательной солью, сильные пары нашатырного спирта сделали его синим. Мне кажется, просто гениально. Конечно, герань не была синей, когда они в первый раз зашли в комнату. Все обратили внимание на это только потом, когда сестра поменяла флакончики и, я думаю, поднесла нашатырный спирт на минутку к обоям.

— Вы словно были при этом, мисс Марпл! — восхитился сэр Генри.

— Кто меня беспокоит, — сказала мисс Марпл, — так это бедный мистер Притчард и милая девушка мисс Инстоу. Вероятно, оба подозревают друг друга. А жизнь такая короткая. — Она покачала головой.

— Не беспокойтесь, — заверил сэръ Генри. — Само собой разумеется, у меня есть кое-что про запас. Сестру Коплинг недавно арестовали по обвинению в убийстве престарелого пациента, который оставил ей наследство. Преступление было совершено посредством цианистого калия, которым она подменила нюхательную соль. Сестра попыталась применить тот же способ. У мисс Инстоу и мистера Притчарда нет теперь причины для взаимных подозрений.

— Разве это не замечательно! — воскликнула мисс Марпл. — Я имею в виду, конечно, не новое убийство. Это очень печально и показывает, как много зла в мире, если его вовремя не пресекать. Как важно все делать вовремя. И это напоминает мне о том, что я должна закончить наш разговор с доктором Ллойдом о деревенской сестре.

Компаньонка

— А вы, доктор Ллойд? — обратилась к нему мисс Хелльер. — Не расскажете ли вы нам какую-нибудь жуткую историю?

Она улыбнулась ему. Эта улыбка завораживала по вечерам публику в театре. В свое время Джейн Хелльер была первой красавицей Англии, и ее ревнивые коллеги не упускали случая заметить: «Конечно, Джейн не актриса. У нее нет таланта, если вы понимаете, что это такое. Причина ее успеха — глаза».

И вот эти глаза устремлены на седого стареющего холостяка, последние пять лет занимавшегося врачебной практикой в Сент-Мэри-Мид.

Машинально одернув жилет, который становился ему тесноват, доктор принялся лихорадочно ворошить память, чтобы, упаси боже, не разочаровать это прекрасное создание, с такой надеждой обратившееся к нему.

— Сегодня я намерена с головой окунуться в преступления, — задумчиво произнесла Джейн.

— Прекрасно, — поддержал ее хозяин дома полковник Бантри. — Великолепно!.. — Он раскатисто рассмеялся — почему-то именно так смеются военные. — А как ты, Долли? — обратился он к жене.

Миссис Бантри, внезапно оторванная от размышлений о крайностях общественной жизни (она как раз разрабатывала способы ограничения их размаха), с готовностью согласилась.

— Разумеется, великолепно! — с жаром, но несколько невпопад ответила она.

— Неужели, дорогая? — подала голос мисс Марпл, и в глазах у нее мелькнули смешинки.

— Видите ли, мисс Хелльер, в Сент-Мэри-Мид жуткие истории случаются крайне редко, а преступлений вообще не бывает, — наконец отозвался доктор Ллойд.

— Вы меня удивляете, — вмешался отставной комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клиттеринг и повернулся к мисс Марпл. — Как я могу заключить из слов уважаемой мисс Марпл, Сент-Мэри-Мид просто кишит преступлениями и пороками.

— Что вы, сэръ Генри, — запротестовала мисс Марпл, и легкий румянец проступил на ее щеках. — Ничего подобного я не говорила. Я просто позволила себе заметить, что человеческая природа везде, в сущности, одинакова, будь то город или деревня. Просто в деревне больше возможности наблюдать ее.

— Хорошо, доктор, но вы ведь не век здесь живете, — не отставала от него Джейн Хелльер. — Вы объездили весь свет и наверняка бывали в местах, где совершается немало преступлений.

— Конечно, конечно, — подтвердил доктор Ллойд, — разумеется... — И тут его осенило. — Да, да... Вспомнил! — Он с облегчением откинулся на спинку кресла. — Случилось это довольно давно. Так давно, что многое уже стерлось в памяти. Впрочем, события весьма странные. Весьма... Что же касается развязки, то она вообще необычна.

Мисс Хелльер немного пододвинула к нему свое кресло, слегка подкрасила губы и с нетерпением ждала. Остальные тоже приготовились слушать доктора.

— Не знаю, знакомы ли вам Канарские острова? — начал он.

— Прекрасное, должно быть, место, — откликнулась Джейн Хелльер. — Это ведь где-то на юге, не в Средиземном ли море?

— Я останавливался там на пути в Южную Африку, — заметил полковник. — Пик Тенериф^[20] — удивительное место, какие там закаты!..

— Случай, о котором пойдет речь, произошел не на острове Тенериф, а на Гран-Канари. С тех пор минуло немало лет. Тогда в связи с ухудшением здоровья мне пришлось оставить практику в Лондоне и уехать за границу. Я обосновался в столице Гран-Канари — Лас-Пальмасе, обзавелся пациентами и был весьма доволен своим положением. Мягкий климат, обилие солнца, превосходное купание — я большой любитель плавания — все это подкрепляло правильность моего выбора. В Лас-Пальмас заходят суда со всего света, и я имел обыкновение каждое утро прогуливаться по пристани, проявляя при этом большее любопытство, чем представительницы прекрасного пола при посещении шляпных магазинов.

Как я уже отметил, в Лас-Пальмас заходили суда со всего света. Иногда стоянка ограничивалась несколькими часами, иногда суда оставались на день или два. В «Метрополе», главном отеле города,

можно было встретить путешественников всех рас и национальностей. Даже те, кто направлялся на Тенериф, соседний остров, обязательно проводили здесь несколько дней.

События, о которых я веду рассказ, начались в отеле «Метрополь» в один из январских вечеров, в четверг. В ресторане были танцы. Мы с другом, устроившись за небольшим столиком, смотрели на танцующих. Среди них были люди различных национальностей, много англичан, но большинство — испанцы. Когда оркестр заиграл танго, на площадке остались только шесть пар испанцев. Прекрасные танцоры, мы любовались ими. Особенно выделялась одна женщина: высокая, стройная, пластичная. Ее грациозные движения напоминали движения прирученной дикой кошки, ягуара. И во всем ее облике было что-то хищное, пугающее. Своим впечатлением я немедленно поделился с другом. Тот согласился со мной.

«Подобные женщины всегда связаны с какими-то историями, — сказал он. — Жизнь не оставляет их без внимания».

«Красота вообще вещь опасная», — добавил я.

«Дело не только в красоте, — заметил он. — Тут есть и еще что-то. Присмотришься к ней получше. С ней или из-за нее обязательно должно что-то случиться. Я же говорю, жизнь не оставляет таких без внимания. Они всегда оказываются в центре странных событий. Стоит только взглянуть на такую, и это сразу становится ясно».

Он замолчал, потом с улыбкой добавил:

«Но взгляни вон на тех двух женщин, и ты не ошибешься, если скажешь, что с ними уж не произойдет никаких приключений. Они созданы для тихой, спокойной жизни».

Я посмотрел на них. Это были путешественницы с парохода «Холланд Ллойд», прибывшего вечером в порт; его пассажиры уже начали собираться в ресторане.

Одного взгляда на женщин было достаточно, чтобы понять, что имел в виду мой друг. Таких любительниц путешествий можно довольно часто встретить за границей. По виду им было лет по сорок. Обе — небольшого роста. Одна — светловолосая, полная, другая — худощавая, волосы темные. На лицах никаких следов косметики. Одеты неброско, в твидовые костюмы хорошего покроя. Словом, не было в них ничего особенного, примечательного. Держались обе уверенно, как держатся хорошо воспитанные англичанки. Это были

типичные представительницы своего класса. Они наверняка пользовались советами Бедекера^[21] и не обращали внимания на достопримечательности, которые в него не попали. Всюду, куда бы ни приезжали, они, конечно, посещали английские библиотеки и англиканскую церковь. По всей вероятности, одна из них или даже обе пописывали этюды. И, как считал мой друг, с ними, хотя они и объездили полсвета, по-видимому, не случилось никаких приключений. Признаюсь, моим вниманием владела танцующая испанка. Ее полуприкрытые глаза так и сверкали.

— Бедняжка, — со вздохом сказала Джейн Хелльер. — Но я думаю, глупо, когда люди не используют своих возможностей. Вот Валентина с Бонд-стрит — это же великолепие. Вы видели ее в спектакле «Ступенька вниз»? В первом действии она играет школьницу. Одри Денман очень подходил к ней. А ведь Одри — пятьдесят, а ей и того больше. Я случайно узнала, что ей даже около шестидесяти...

— Продолжайте, пожалуйста, доктор, — сказала миссис Бантри. — Я обожаю истории о таинственных испанках.

— Простите, — возразил доктор Ллойд, — но рассказ мой вовсе не об испанке.

— Да что вы?!

— Да, да. Мы с другом ошиблись. С красавицей испанкой не было связано никаких волнующих событий. Она вышла замуж за конторского служащего паровой компании, и к моменту моего отъезда с острова у нее уже была куча ребятишек. Она порядком располнела.

— Точно так же, как служанка Израиля Питерса, — прокомментировала мисс Марпл. — Она выступала на сцене, и у нее были такие великолепные ноги, что ей всегда поручали в пантомиме роли героев-мальчиков. Все говорили, что она плохо кончит, но она вышла замуж за коммивояжера и прекрасно устроила свою жизнь.

— Деревенская параллель, — вполголоса заметил сэр Генри.

— Нет, нет, — продолжал доктор, — моя история о двух англичанках.

— Ох, неужели с ними что-то случилось? — спросила мисс Хелльер.

— Случилось, и очень скоро, на следующий день.

— Да ну? — изумилась миссис Бантри.

— Ради любопытства я заглянул в гостиничный журнал и без труда нашел их имена: мисс Мэри Бартони и мисс Эйми Даррант из «Литтл-Пэддокс», Гохтон-Уир, Олень. Я и представить себе не мог, что очень скоро встречу с этими именами, но уже при других, трагических обстоятельствах.

На следующий день я со своими друзьями собрался на пикник. Нужно было пересечь остров на машине, чтобы добраться до местечка под названием, если мне не изменяет память, Лас-Нивес. Там была уютная бухта, где можно было отлично купаться. Все началось как было задумано, только с выездом немного задержались. Пришлось остановиться в пути перекусить и лишь потом отправиться дальше в Лас-Нивес искупаться перед чаем.

Когда мы приехали, нас поразило необычное многолюдье на берегу. Казалось, все население небольшой деревушки высыпало на пляж. Увидев нас, люди бросились к машине, принялись что-то возбужденно объяснять нам. Поскольку мы испанским владели плохо, то не сразу поняли их.

Оказалось, что две сумасшедшие англичанки захотели искупаться, одна заплыла слишком далеко и стала тонуть. Вторая поспешила к ней и пыталась ей помочь, но у нее не хватило сил. Мужчина на лодке быстро подгрел к ним и вытащил обеих из воды.

Я понял, побежал по берегу, пробился сквозь толпу. Поначалу я не узнал этих дам. Полная женщина в черном трикотажном костюме и плотно натянутой шапочке стояла на коленях возле другой. Страшно взволнованная, она неловкими движениями пыталась сделать ей искусственное дыхание. Когда я сказал, что я врач, у нее вырвался вздох облегчения. Я велел ей немедленно отправиться в ближайший дом, вытереться и надеть сухую одежду. Одна из моих спутниц вызвалась проводить ее. Я же тем временем принял все меры, чтобы вернуть утонувшую к жизни, но все мои попытки были тщетны.

Я пошел в дом, чтобы сообщить печальную новость. Открыв дверь, я сразу же узнал одну из вчерашних посетительниц ресторана. Она приняла известие довольно спокойно. Вероятно, ее потрясение было таким сильным, что она не вполне осознала происшедшее.

«Бедная Эми, — сказала она. — Как она ждала этой возможности покупаться как следует. И она ведь прекрасно плавала. Не могу понять,

как такое случилось. Вы не знаете, доктор, отчего это могло произойти?»

«Скорее всего, судорога, — предположил я. — Не расскажете ли, как это все было?»

«Мы плавали, наверное, минут двадцать, когда я почувствовала, что начинаю уставать. Но Эми сказала, что она еще немного поплавает. Я направилась к берегу. И вдруг слышу: Эми зовет на помощь. Я назад к ней. Она еще держалась на воде, но едва я приблизилась, крепко обхватила меня, и мы обе стали тонуть. Я бы тоже утонула, если бы не мужчина в лодке».

«Спасать утопающего нелегко и опасно», — заметил я.

«Это просто ужас! — продолжала мисс Бартон. — Мы только вчера приехали, мечтали понежиться на солнце и немного отдохнуть, и вот такая трагедия».

Я попросил ее поподробнее рассказать о погибшей, обещая сделать все, что в моих силах, чтобы облегчить неизбежную встречу с испанскими властями.

Погибшую звали Эйми Даррант. Она была компаньонкой мисс Бартон уже около пяти месяцев. Дамы прекрасно ладили. Мисс Бартон мало что могла сообщить о детстве и родственниках Эйми, так как та об этом не распространялась. Мне стало известно, что она рано осталась сиротой, воспитывалась своим дядей, а в двадцать один год стала сама зарабатывать на жизнь. Вот и все, — закончил доктор, помолчал немного и снова повторил: — Вот и все.

— Я не поняла, — сказала мисс Хелльер. — Что значит «все»? Выходит, это просто трагический случай, а совсем не то, что можно бы назвать жуткой историей.

— Я полагаю, последует продолжение? — осведомился сэр Генри.

— Да, — ответил доктор Ллойд. — Продолжение последует. Видите ли, странное это оказалось происшествие. Я, конечно, стал расспрашивать о случившемся рыбаков и других жителей деревушки, которые были свидетелями трагедии. И одна женщина сообщила мне любопытную вещь. В ту пору я не придавал ей, правда, особого значения, но позже вспомнил о ней. Женщина уверяла, что мисс Даррант вовсе не тонула, когда звала на помощь. Другая женщина подплыла к ней, схватила за голову и погрузила под воду. Как я уже сказал, я тогда не обратил на это особого внимания. Подобное мне

казалось просто невероятным, и я решил, что с берега это могло выглядеть иначе. Мисс Бартон просто могла таким образом пытаться освободиться от объятий приятельницы, потерявшей сознание, чтобы не утонуть вместе с ней. А женщине с берега показалось, что она нарочно топит компаньонку.

Еще раз повторю, что сначала не придавал значения словам жительницы поселка, но позже мне пришлось задуматься над этим.

Трудно было узнать что-либо об Эйми Даррант. Вместе с мисс Бартон мы осмотрели вещи покойной. Нашли один адрес, по которому написали письмо. Выяснилось, что это адрес хозяйки, у которой она снимала комнату и где были оставлены ее вещи. Хозяйка, к сожалению, ничего не могла сообщить о ней, она и видела ее всего один раз, когда та приходила снять комнату. Мисс Даррант тогда сказала, что ей всегда хотелось иметь место, куда бы она в любой момент могла вернуться. Среди ее имущества было несколько предметов старинной мебели, несколько подшивок академических репродукций и сундук, набитый тряпьем, купленным на распродажах. И никаких носильных вещей. Хозяйка тоже вспомнила, что мисс Даррант говорила ей, что ее родители умерли в Индии и воспитывал ее дядя, священник, но был ли это брат отца или матери, она не сказала, так что имен родственников выяснить не удалось.

Как видите, тут не было никакой таинственности, просто не все было ясно. На свете немало таких одиноких женщин, гордых и скрытных.

Среди ее вещей в Лас-Пальмас мы обнаружили две довольно старые выцветшие фотографии. Они были обрезаны и вставлены в рамки, поэтому имени фотографа не сохранилось. Кроме того, мы нашли старинный дагерротип, на котором была изображена, вероятно, ее мать, а скорее всего — бабушка.

У мисс Бартон сохранились два рекомендательных письма. От кого было одно — она забыла, а от кого второе — с трудом вспомнила. Оно оказалось от дамы, которая уехала в Австралию. Мы ей написали. Естественно, ответа пришлось ждать очень долго, а когда он пришел, то помочь нам ничем не мог. В нем сообщалось, что мисс Даррант была у нее компаньонкой, что она очень расторопная и очаровательная женщина, а о ее родственниках и ее личной жизни ей ничего не известно.

Вот и все. Могу добавить, что два момента насторожили меня: сама Эйми Даррант, о которой никто ничего не знал, и странное утверждение женщины на берегу. Можно еще, пожалуй, добавить третий момент: в моей памяти запечатлелось лицо мисс Бартон, когда та шла в дом рыбака, а я, склонившись над телом мисс Даррант, пытался вернуть ее к жизни. Мисс Бартон в какой-то момент оглянулась, и на лице ее было такое выражение, словно она очень опасалась чего-то: какая-то мука, смятение отразились на нем.

Тогда я не придавал этому значения и приписал все переживаниям, связанным с трагедией. Но позже я понял, что не было у компаньенок особо дружеских отношений. Не было и личной привязанности, так что и горевать-то особенно было не о чем. Смерть Эйми Даррант огорчила мисс Бартон, но не более.

Тогда почему эта мучительная озабоченность на лице? Я задавался этим вопросом снова и снова. Я не мог ошибиться. Не мог. Против моей воли у меня начал созревать ответ. Предположим, что испанка на берегу говорила правду, предположим, что Мэри Бартон намеренно хладнокровно утопила Эйми Даррант, делая вид, будто спасает ее. Мужчина в лодке приходит на помощь. Они где-то на безлюдном пляже. Но вдруг появляюсь я, человек, которого она меньше всего ожидала. Врач! Врач из Англии! Ей известно, что людей, пробывших под водой не меньше, чем Эйми Даррант, удавалось вернуть к жизни с помощью искусственного дыхания. По моему настоянию ей пришлось уйти, оставив меня наедине с ее жертвой. Вот почему, когда она обернулась, на ее лице отразилась такая страшная тревога. Вдруг Эйми Даррант окажется жива и расскажет, что произошло?

— Господи! — вырвалось у Джейн Хелльер. — Теперь мне страшно.

— Да, если случившееся рассматривать с такой стороны, то оно приобретает зловещий характер, а личность Эйми Даррант становится еще более загадочной, — продолжал рассуждать доктор Ллойд. — Кто она такая, Эйми Даррант? Почему эта ничего не представляющая собой компаньонка стала жертвой хозяйки? Что кроется за роковым купанием? Она пробыла компаньонкой Мэри Бартон всего несколько месяцев. Мэри Бартон взяла ее с собой за границу, и уже на следующий день по прибытии произошла трагедия. А ведь они

производили впечатление таких милых, благовоспитанных англичанок! Да, сказал я себе, все это слишком фантастично, и решил отбросить свои предположения.

— Вы так ничего и не предприняли? — спросила мисс Хелльер.

— Дорогая моя, ну что я мог сделать? Свидетелей у меня не было. Большинство очевидцев подтверждало все, что рассказывала мисс Бартон. Мое подозрение строилось всего лишь на мимолетном выражении ее лица, которое могло мне просто привидеться. Единственное, что я мог сделать и сделал, — это позаботиться о том, чтобы найти родственников Эйми Даррант. Но, как вы уже знаете, результатов не добился. Не помогла и личная встреча с хозяйкой ее комнаты во время моего очередного приезда в Англию.

— Но вы все-таки чувствовали, что здесь что-то неладно? — спросила мисс Марпл.

Доктор кивнул.

— Сначала мне было стыдно за мои мысли, — сказал он. — Кого я пытаюсь заподозрить в совершении преступления — вполне порядочную, не лишённую привлекательности женщину? Я постарался, пока она оставалась на острове, общаться с ней как можно тактичнее.

Я помог ей уладить формальности с местными властями и сделал все, что сделал бы на моем месте любой англичанин для своего соотечественника за рубежом. И все-таки, несмотря на все мои старания, она, несомненно, чувствовала, что я отношусь к ней с подозрением, недолюбливаю ее.

— Сколько же еще времени она оставалась на острове? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Я думаю, недели две. Дней через десять после похорон мисс Даррант она отправилась обратно в Англию. Потрясение было настолько сильным, что она не смогла остаться на зиму, как раньше намечала. Так она, по крайней мере, говорила.

— Она действительно была очень расстроена? — спросила мисс Марпл.

Доктор задумался.

— Пожалуй, по внешнему виду этого сказать было нельзя, — осторожно ответил он.

— А вы не заметили, не расплнела ли она немного? — допытывалась мисс Марпл.

— Это интересный вопрос... Дайте подумать... Припоминаю... Возможно, вы правы. Да, можно сказать, она немножко пополнила.

— Какой ужас! — вздрогнув, сказала Джейн Хелльер. — Это все равно что расплнеть от крови своей жертвы.

— Однако, с другой стороны, я, может быть, и не вполне справедлив по отношению к ней, — продолжал доктор Ллойд. — Перед отъездом она все же сделала попытку поделиться со мной тем, что могло бы в корне изменить ситуацию. Вероятно, совесть просыпается довольно медленно, и требуется определенное время, чтобы осознать содеянное.

Вечером, накануне отъезда с Канарских островов, она попросила меня зайти к ней. Она от всей души поблагодарила меня за помощь. Я, разумеется, сказал, что на моем месте так поступил бы каждый порядочный человек.

Немного помолчав, мисс Бартон спросила:

«Как вы считаете, можно ли оправдать того, кто сам, собственными руками вершит правосудие?»

Я ответил, что вопрос это сложный, но вообще-то я считаю, что нельзя. Закон есть закон, и мы должны чтить его.

«Даже если закон бессилён?»

«Я не совсем вас понимаю».

«Это трудно объяснить. Но вот если человек из благих намерений вынужден совершить такое, что расценивается как противозаконное действие, даже преступление...»

Я заметил, что, вероятно, многие преступники оправдывают свои действия таким образом.

Она вся сжалась.

«Это ужасно, ужасно», — пробормотала она.

Успокоившись, она попросила у меня снотворного, поскольку с тех пор не могла нормально спать.

«Все от этого страшного потрясения», — добавила она.

«Только от этого? И ничто другое вас не беспокоит? Больше вы ни о чем не задумываетесь?»

«О чем я еще могу задумываться?» — зло переспросила она, с подозрением взглянув на меня.

«Иногда причиной бессонницы бывает беспокойство», — невозмутимо пояснил я.

Она молчала. И вдруг спросила:

«Вы имеете в виду беспокойство о предстоящем или беспокойство о прошедшем, которого уже не изменишь?»

«И то и другое».

«Разве вернешь теперь? Нет смысла печалиться о прошлом. О-о, это бесполезно! Лучше не думать. Не думать».

Я выписал ей легкое снотворное и попрощался. По дороге домой я все время размышлял над ее словами: «Разве вернешь...» Кого? Или что?

Я считаю, что этот наш последний разговор в некоторой степени подготовил меня к заключительной встрече. Разумеется, я не предвидел такой развязки, но, когда она произошла, для меня она не оказалась такой уж неожиданностью.

Тогда Мэри Бартон произвела на меня впечатление не раскаивающейся грешницы, а женщины с убеждениями, которая действует в соответствии с ними и будет тверда, пока верит в них. И все же мне показалось, что тот разговор посеял в душе Мэри Бартон сомнения в своей правоте и что ее слова свидетельствовали о слабых признаках мучительного процесса переоценки ценностей и угрызений совести.

Прошло немного времени, и я узнал из газет следующее. В Корнуолле в конце марта в небольшом местечке, еще довольно безлюдном в это время года, в гостинице проживала некая дама по имени мисс Бартон. Бросалось в глаза ее странное поведение. Каждую ночь она бродила по комнате, разговаривая сама с собой, не давая спать соседям. Однажды она явилась к викарию и призналась, что совершила преступление. Затем она неожиданно встала и сказала, что зайдет в другой раз. Викарий посчитал, что она немного не в себе, и не принял всерьез ее слов.

На следующее утро мисс Бартон исчезла. В ее номере нашли адресованную коронеру записку следующего содержания:

«Вчера я попыталась рассказать все викарию, признаться ему во всем, но мне не позволили. Она мне не разрешила. Это можно исправить только одним способом — уйти из жизни. Жизнь за жизнь;

я должна окончить свою жизнь так же, как это случилось с ней. Я тоже должна исчезнуть в морской пучине.

Я считала, что обстоятельства оправдают меня, но теперь понимаю, что ошиблась. Если я хочу получить прощение Эми, я должна последовать за ней. В моей смерти прошу никого не винить.

Мэри Бартон».

Ее одежду нашли на берегу в дальней пещере. Решили, что она разделась и заплыла далеко в море, где было очень опасное, стремительное течение.

Тела не нашли. Спустя некоторое время Мэри Бартон была признана умершей. Женщина она была богатая, и, поскольку умерла без завещания, все ее состояние перешло ближайшим родственникам — семье двоюродной сестры, проживающей в Австралии. В газетах ее смерть прямо связывали с трагедией на Канарских островах. Считалось, что на ее психику сильно подействовала гибель мисс Даррант. Заключение о причине смерти Мэри Бартон было типичным для таких случаев: самоубийство на почве временного расстройства рассудка.

Такова трагедия Эйми Даррант и Мэри Бартон. И здесь занавес опускается.

Воцарилась тишина, которую нарушил возглас Джейн Хелльер:

— Нельзя же останавливаться на самом интересном месте! Продолжайте, доктор.

— Видите ли, мисс Хелльер, это не рассказ с продолжением, это сама жизнь. И сама жизнь выбирает, где ей остановиться.

— Но я хочу знать продолжение, — запротестовала Джейн.

— Тут уж нам самим придется пошевелить мозгами, мисс Хелльер, — вступил в разговор сэр Генри. — Нам надо решить загадку доктора Ллойда: почему Мэри Бартон убила свою компаньонку?

— О да, у нее могла быть масса причин, — живо откликнулась Джейн Хелльер. — Да мало ли что... Например, она могла просто разозлить ее или, скажем, из ревности. Правда, доктор Ллойд не упомянул ни одного мужчины. Но сами понимаете... пароход... Всем известно, что такое морские путешествия...

Мисс Хелльер прервала свои рассуждения, и всем присутствующим стало ясно, что содержание этой прелестной головки

оставляет желать лучшего.

— У меня тоже есть несколько предположений, — сказала миссис Бантри. — Но, полагаю, следует сосредоточиться на одном. Я думаю, что отец мисс Бартон создал свое состояние, разорив отца Эйми Даррант, и Эйми решила отомстить за отца. Ой, все перепутала. Какая банальность! Здесь ведь богатая хозяйка убивает свою бедненькую компаньонку, так ведь? Нет! У мисс Бартон был младший брат, и он застрелился из-за несчастной любви к Эйми Даррант. Мисс Бартон стала ждать своего часа. И вот Эйми появилась в свете. Мисс Би^[22] взяла ее в компаньонки, увезла на Канары и там рассчиталась с ней. Ну как?

— Замечательно! — воскликнул сэр Генри. — Но есть небольшое затруднение: мы не знаем, был ли у мисс Бартон младший брат.

— Мы устанавливаем это с помощью дедуктивного метода, — ответила миссис Бантри. — В противном случае исчезает мотив. Так что должен быть младший брат. Вам понятно, Ватсон?

— Это прекрасно, Долли, — вмешался ее муж. — Но это всего лишь догадка.

— Разумеется, — согласилась миссис Бантри. — Мы можем сейчас только догадываться. У нас нет никаких доказательств. А вот попробуй ты, дорогой, высказать свои предположения!

— Честное слово, не знаю, что и сказать, но, думаю, догадка мисс Хелльер о каком-то мужчине не беспочвенна. Возможно, Долли, это был священник. Обе вышивали ему ризы или что-то подобное, а он предпочел носить ту, что ему поднесла Даррант. Вот, что-нибудь в этом роде. Заметьте, ведь она пошла в конце концов к священнику. Такие женщины обычно теряют голову перед симпатичными служителями церкви. Только и слышишь, как всюду толкуют об этом.

— Мне кажется, следует попытаться дать более тонкое объяснение, — сказал сэр Генри. — Должен предупредить, что это только догадка. Я считаю, что мисс Бартон всегда была психически неуравновешенной. Такие люди встречаются чаще, чем вы себе представляете. Ее мания развивалась все сильнее и сильнее, и наконец она уверовала в то, что ее миссия заключается в том, чтобы избавлять мир от определенных людей, ну, например, от так называемых женщин легкого поведения.

Нам ничего не известно о прошлом мисс Даррант. Очень возможно, что она когда-то и была одной из таких женщин. Мисс Бартон как-то узнала об этом и решила ее уничтожить. Позже она начала сомневаться в справедливости своего поступка, ее стали мучить угрызения совести. Ее самоубийство свидетельствовало о психической неуравновешенности. Вы согласны со мной, мисс Марпл?

— Боюсь, что нет, сэр Генри, — ответила мисс Марпл с извиняющейся улыбкой. — Я считаю, что последний поступок мисс Бартон говорит о незаурядном уме и изобретательности.

Джейн Хелльер прервала ее, слегка вскрикнув:

— Какая же я недогадливая! Позвольте мне! Конечно, так оно и есть. Шантаж! Эта компаньонка шантажировала ее. Только не могу понять, почему это мисс Марпл решила, что она мудро поступила, лишив себя жизни. Мне это совершенно непонятно.

— Дело в том, — заметил сэр Генри, — что мисс Марпл опирается на сходный случай в Сент-Мэри-Мид.

— Не смейтесь надо мной, сэр Генри, — укоризненно произнесла мисс Марпл. — Должна признаться, что этот случай напомнил мне о миссис Траут. Она, вы знаете, получала пенсию за трех пожилых женщин из разных приходов, которые на самом деле уже умерли.

— Это действительно замысловатое и изобретательное преступление, — отметил сэр Генри. — Но оно никак не проливает свет на нашу загадку.

— Разумеется, нет, — сказала мисс Марпл. — Вернее, для вас не проливает. Но есть очень бедные семьи, и пенсия по старости — большое подспорье для детей. Я понимаю, что тому, кто с этим не сталкивался, трудно это понять. Но я-то имела в виду действия одной пожилой женщины, которые очень напоминают действия другой.

— Как это так? — удивился сэр Генри.

— Ах, я всегда так плохо объясняю. Я ведь что хочу сказать... Когда доктор Ллойд увидел этих двух женщин, он не знал, кто из них кто. Я думаю, что и в отеле тоже никто этого не знал. Конечно, через день-другой это стало бы известно. Но на следующий день одна из них утонула, и, если бы та из них, которая осталась в живых, назвала себя мисс Бартон, я думаю, никому бы в голову не пришло, что это не так.

— Так вы считаете... — медленно произнес сэр Генри.

— Это единственное правильное предположение. Уважаемая миссис Бантри только что верно заметила: зачем богатой хозяйке убивать компаньонку? Логичнее предположить обратное. Так, по крайней мере, случается в жизни.

— Неужели это так? — все еще недоумевал сэр Генри. — Я потрясен.

— Разумеется, — продолжала мисс Марпл, — ей пришлось надеть одежду мисс Бартон, а она, вероятно, была ей немного тесновата, и могло показаться, что она слегка располнела. Вот почему я спросила об этом. Мужчины обычно считают, что полнеет женщина, а не одежда становится ей тесноватой, но это не всегда правильное объяснение.

— Какой смысл был Эйми Даррант убивать мисс Бартон? Она ведь не могла бы вечно скрывать этот обман.

— Она скрывала этот обман всего лишь несколько месяцев, — заметила мисс Марпл. — И все это время она путешествовала, стараясь держаться подальше от тех, кто мог ее узнать. Вот что я имела в виду, когда говорила, что в определенном возрасте некоторые женщины очень похожи друг на друга. Я думаю, что никто не заметил ее несходства с фотографией в паспорте. Вы же знаете, что такое паспорт. И вот в марте она приезжает в небольшой поселок в Корнуолле и ведет себя там так, что, когда читают ее последнее письмо и находят на берегу ее одежду, ни у кого не возникает простого вопроса.

— Какого же? — спросил сэр Генри.

— Об отсутствии тела, — пояснила мисс Марпл. — Это должно было вызвать подозрение, если бы не многочисленные уловки, намеки на ужасное преступление и раскаяние. Тела не нашли. Это очень важный факт.

— Так вы считаете... считаете, что не было раскаяния? — спросила миссис Бантри. — Вы думаете, что она не утопилась?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Опять же она, как и миссис Траут, оказалась мастером запутывать следы. Но ту я раскусила. Поэтому мне не составило труда разгадать и раскаявшуюся мисс Бартон. Думаете, она утопилась? Уехала в Австралию, если я еще способна угадывать.

— Способны, мисс Марпл, безусловно, способны, — закивал головой доктор Ллойд. — Эта история снова мне преподнесла сюрприз, в тот день в Мельбурне я был буквально ошарашен.

— Вы имеете в виду ту, упомянутую вами заключительную встречу?

— Да, — снова кивнул доктор Ллойд. — Мисс Бартон или, если вам угодно, Эйми Даррант, очень не повезло. Некоторое время я работал судовым врачом. И однажды, когда я сошел на берег в Мельбурне, первым человеком, которого я встретил, была дама, которую я считал утонувшей в Корнуолле. Насколько я понял, она увидела, что дело ее проиграно, и сделала смелый шаг — рассказала мне все. Странная это была женщина, абсолютно лишена каких-либо моральных принципов. Она была старшей из девяти детей в очень бедной семье. Она обратилась за помощью к богатой кузине в Англии, но получила отказ, поскольку мисс Бартон была в ссоре с их отцом. Деньги были крайне необходимы, потому что трое младших детей нуждались в дорогостоящем лечении. Скорее всего, именно в это время у Эйми Даррант и созрел план хладнокровного убийства. Она уезжает в Англию, где работает в семьях, ухаживая за детьми. Затем под именем Эйми Даррант становится компаньонкой мисс Бартон. Она снимает комнату и обставляет ее какой-то мебелью, чтобы убедительно сыграть свою новую роль. Затем поджидает удобного случая. Решение утопить мисс Бартон пришло неожиданно... После трагедии на Канарах и мнимого самоубийства она возвращается в Австралию и вскоре вместе со своими братьями и сестрами, как ближайшими родственниками мисс Бартон, наследует ее состояние.

— Весьма дерзкое и довольно хорошо обдуманное преступление, — заметил сэр Генри. — Если бы на Канарах утонула мисс Бартон, то подозрение наверняка бы пало на мисс Даррант и стали бы известны ее родственные связи с семьей Бартон. Но замена личности и двойное, если можно так выразиться, преступление помогли ей. Да, я бы даже сказал — тонко осуществленное преступление.

— Что же с ней было дальше? — спросила миссис Бантри. — Что вы предприняли, доктор?

— С точки зрения закона я не располагал достаточными доказательствами. У меня и сейчас, можно сказать, их нет. Я пошел к

ним в дом и познакомился со всем семейством. Это была очень милая семья, преданная старшей сестре и не подозревающая, какое страшное преступление она совершила. Зачем портить им жизнь, если я не мог ничего доказать? Кроме того, мне, как медику, было ясно, что, несмотря на ее цветущую внешность, дни этой дамы сочтены. Я доверился природе. Мисс Бартон умерла через шесть месяцев после этой нашей встречи. Была ли она счастлива, не раскаивалась ли — не знаю.

— Конечно, не раскаивалась, — заверила миссис Бантри.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее мисс Марпл. — Миссис Траут не раскаивалась.

— Захватывающая история, — сказала мисс Хелльер, покачав головой. — Только я не поняла, кто кого утопил и какое к этому имеет отношение миссис Траут?

— А никакого, милая, — сказала мисс Марпл. — Миссис Траут тоже была не очень-то приятная особа. Но она жила в деревне.

— А-а, в деревне! — сказала мисс Хелльер. — Так ведь в деревне ничего не случается? Вот если бы я жила в деревне, — она вздохнула, — я бы и совсем ничего не соображала.

Четверо под подозрением

Разговор зашел о неустановленных и оставшихся безнаказанными преступлениях. Все высказывались по очереди: полковник Бантри, его приятная жена, Джейн Хелльер, доктор Ллойд и даже почтенная мисс Марпл. Только один человек не участвовал в разговоре, хотя, по мнению большинства, ему единственному было наиболее уместно сделать это. Сэр Генри Клиттеринг, отставной комиссар Скотленд-Ярда, сидел молча, подкручивая усы — или, вернее, поглаживая их, — и слегка улыбался: казалось, собственные мысли забавляли его.

— Сэр Генри, — наконец не вытерпела миссис Бантри, — раз вы молчите, задам вам вопрос. Много ли преступлений остаются безнаказанными?

— Миссис Бантри, вы имеете в виду газетные заголовки «Скотленд-Ярд вновь объявляет розыск» и перечни, которые следуют за этим?

— Я полагаю, что это очень малый процент от общего числа преступлений? — заметил доктор Ллойд.

— Да, это так. О сотнях раскрытых преступлений и понесших наказание преступниках редко сообщают, о них не трезвонят. Но ведь речь совсем не об этом, не так ли? Говоря о неустановленных и о нераскрытых преступлениях, подразумевают разные вещи. К категории первых относятся преступления, о которых Скотленд-Ярд ничего не знал и о совершении которых вообще никому не было известно.

— Но я полагаю, их не так много? — сказала миссис Бантри.

— Не так много?

— Сэр Генри! Не станете же вы утверждать, что их много?

— А по-моему, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — их должно быть немало. — Обаятельная дама почтенного возраста и старой закалки высказала свое соображение совершенно невозмутимо.

— Уважаемая мисс Марпл... — начал было полковник Бантри.

— Разумеется, — прервала его мисс Марпл, — есть множество глупых людей. И их находят, что бы они ни совершили. Но существует

немало неглупых людей, и содрогаешься при мысли, что бы они могли натворить, если бы не имели прочных нравственных устоев.

— Да, — согласился сэр Генри, — неглупых людей много. Как часто преступление выплывает наружу благодаря какому-нибудь пустяку. И каждый раз задаешь себе вопрос: а если бы не этот пустяк, узнал бы кто-нибудь о преступлении?

— Это весьма серьезно, Клиттеринг, — сказал полковник Бантри. — Весьма серьезно.

— Да?

— Что значит — да? Несомненно, серьезно.

— Вы говорите, преступления остаются безнаказанными, но ведь это не так. Может быть, они не караются законом, но причина и следствие связаны помимо закона. Говорить, что нет преступления без наказания, — это банальность, и все же, по моему мнению, нет истины вернее.

— Может быть, может быть, — согласился полковник Бантри, — но это не снижает важности... установления... — Он замолчал в полной растерянности.

Сэр Генри улыбнулся.

— Несомненно, девяносто девять человек из ста думают, как вы, — сказал он. — Но, знаете, на самом деле важна не вина, а невиновность. Вот что никак не хотят понять.

— Я не понимаю, — сказала Джейн Хелльер.

— Я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Когда миссис Трент обнаружила пропажу полукроны из своей сумочки, то решила, что, скорее всего, это могла сделать приходящая служанка, миссис Артур. Конечно, супруги Трент на нее и подумали, но, будучи людьми чуткими и зная, что у той большая семья, а муж пьяница, они, естественно, не пошли на крайние меры. Тем не менее они стали относиться к ней по-иному — перестали оставлять дом под ее ответственность, когда уезжали, и она это почувствовала. У других людей по отношению к ней тоже возникло предубеждение. И тут вдруг выяснилось, что виновница — гувернантка. Миссис Трент увидела ее через дверь, в зеркале. Чистейшая случайность, хотя я предпочитаю называть это Провидением. И я думаю, это именно то, что имел в виду сэр Генри. Людей в большинстве случаев интересует только, кто взял деньги, а вором, как правило, оказывается человек, на которого

никогда не подумаешь, — прямо как в детективах! Ведь вы это имели в виду, не так ли, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл, вы уловили мою мысль совершенно точно. В данном случае служанке повезло. Ее невиновность была доказана. А ведь некоторые всю жизнь могут прожить под гнетом подозрения, которое на самом деле несправедливо.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай, сэр Генри? — поинтересовалась миссис Бантри.

— Собственно говоря, да, миссис Бантри. Весьма необычный случай. Случай, когда мы знали, что совершено убийство, но не имели никакой возможности это доказать.

— Яд, я полагаю, — вздохнула Джейн. — Какой-нибудь неизвестный.

Доктор Ллойд беспокойно зашевелился, а сэр Генри покачал головой:

— Нет, уважаемая. Нет, не загадочный яд стрел южноамериканских индейцев. Если бы это было так! Нам пришлось иметь дело кое с чем гораздо более прозаическим, настолько прозаическим, что не было никакой надежды выяснить, кто преступник. Почтенный джентльмен упал с лестницы и сломал себе шею. Обычный печальный случай, такие вещи происходят каждый день.

— Ну а на самом деле что случилось?

— Кто знает? — Сэр Генри пожал плечами. — Толкнули сзади? Натянули поперек лестницы нитку или бечевку, а потом незаметно убрали? Этого мы никогда не узнаем.

— Но вы ведь не считаете, что это несчастный случай? Тогда что же? — спросил доктор.

— Очень длинная история. Да, мы, конечно, несколько не сомневались. Но, как я сказал, не было никаких шансов установить, кто же преступник. Доказательства были слишком шаткие. Но есть и другая сторона дела, о которой следует упомянуть. Видите ли, этот трюк могли проделать четверо. Один виновен, а остальные трое не виновны. И если истина не установлена, то на всех четверых падает тень ужасного подозрения.

— Я думаю, уж лучше рассказать эту вашу длинную историю, — сказала миссис Бантри.

— В конце концов, нет необходимости излагать ее со всеми подробностями, — согласился сэр Генри. — Во всяком случае, можно опустить начало. Здесь дело касается немецкой тайной организации «Шварц ханд» — это что-то вроде Каморры^[23]. Шантаж и террор. Она возникла сразу после мировой войны^[24] и на удивление широко распространилась. Множество людей становились ее жертвами. Все старания властей справиться с ней были безуспешны, так как секреты ее ревностно охранялись, а найти человека, который бы согласился на предательство, было невозможно.

В Англии о ней толком ничего не знали, но в Германии эта организация всю разгулялась. «Шварц ханд» полностью прекратила свое существование благодаря усилиям некоего доктора Розена, одно время заметной фигуры секретной службы. Он затесался туда, внедрился в руководящее ядро и, можно сказать, послужил орудием ее уничтожения.

Через некоторое время его раскрыли в «Шварц ханд», и мы сочли разумным, чтобы он покинул Германию, по крайней мере на время. Мы получили о нем сведения от полиции Берлина. Розен приехал в Англию, и я имел с ним личную беседу. Держался он очень спокойно, как человек, смирившийся со своей судьбой. Он не питал иллюзий в отношении своего будущего.

«Они выйдут на меня, сэр Генри, — говорил он мне. — Ни тени сомнения. — Розен был крупным мужчиной с красиво посаженной головой и низким голосом. Слегка гортанное произношение выдавало его национальность. — Исход предрешен. Но какое это имеет значение? Я к этому готов. Я понимал, на что иду, когда включился в операцию. Задача выполнена. Организация больше не существует, но много входивших в нее людей на свободе. Единственно, чем они могут отомстить, — уничтожить меня. Вопрос только во времени, и я бы очень хотел, чтобы времени прошло как можно больше. Понимаете, я готовлю один очень интересный материал — плод усилий моей жизни — и мне необходимо завершить работу».

Он говорил просто, с таким достоинством, которым я не мог не восхищаться. Я заверил его, что будут приняты все меры предосторожности, но он отмахнулся от моих слов.

«Рано или поздно они до меня доберутся, — повторил он. — Когда этот день наступит, не укоряйте себя. Я не сомневаюсь, что вы

сделаете все возможное».

Затем он перешел к изложению плана. План этот был достаточно прост. Он хотел подыскать небольшой коттедж в сельской местности, где бы мог спокойно жить и продолжать работу. В конце концов он выбрал деревню в Сомерсете^[25] — Кингз-Натон, в семи милях от железнодорожной станции и почти не тронутую цивилизацией. Купил очень симпатичный домик, кое-что перестроил, усовершенствовал и поселился там в свое полное удовольствие. Домочадцами его были: племянница Грета, секретарь, прислуга — старая немка, которая верой и правдой трудилась у него без малого сорок лет, — и приходящий садовник из Кингз-Натона — мастер на все руки.

— Четверо под подозрением, — сказал доктор Ллойд.

— Верно. Четверо под подозрением. Лучше не скажешь. В течение пяти месяцев жизнь в Кингз-Натоне шла спокойно. И вот произошло несчастье. Доктор Розен упал с лестницы — и умер. В это время Гертруда находилась у себя на кухне, дверь была закрыта, и, как она говорит, она ничего не слыхала. Фрейлейн Грета работала в саду, сажала какие-то там луковицы, опять-таки по ее словам. Садовник Доббс сказал, что был в сарае, где выращиваются цветы в горшках, и, как обычно, в одиннадцать завтракал. Секретарь пошел прогуляться, но опять-таки с его собственных слов. Алиби не было ни у одного — их показания никто не мог подтвердить. Одно определенно — совершил это не человек со стороны: постороннего в таком маленьком местечке, как Кингз-Натон, наверняка бы сразу заметили. Обе двери — парадная и задняя — были заперты. У всех домашних были собственные ключи. Итак, вы видите, что все сводится к этой четверке. И при этом каждого из них трудно подозревать. Грета — дочь его родного брата. Гертруда — сорок лет служила верой и правдой. Доббс вообще не бывал за пределами Кингз-Натона. А Чарлз Темплтон — секретарь...

— Да, — прервал его полковник Бантри, — нельзя ли о нем поподробнее? Он представляется мне подозрительной личностью. Что вам о нем известно?

— То, что мне о нем известно, полностью оправдывает его, — отрезал сэр Генри. — Видите ли, Чарлз Темплтон — мой человек.

— Ого! — только и вырвалось у ошеломленного полковника.

— Да. Я хотел иметь кого-нибудь там и в то же самое время не хотел давать повода для разговоров в деревне. Розену нужен был секретарь. Вот я и определил к нему Темплтона. Джентльмен, по-немецки говорит свободно и притом весьма способный малый.

— Но тогда кого же из них вы подозреваете? — Миссис Бантри была озадачена. — Все они такие... ну как это возможно?

— Да, но можно взглянуть на вещи еще и с другой стороны. Фрейлейн Грета — его племянница и весьма привлекательная девица. Но война нам не раз доказывала, что брат может пойти против сестры, отец — против сына и так далее. Самые привлекательные и добронравные молодые девицы совершали самые немыслимые поступки. То же самое относится и к Гертруде: кто знает, какие силы могли бы тут сработать? Может быть, ссора с хозяином или накопившееся за долгие годы преданной службы чувство обиды. Пожилые женщины ее склада иногда бывают на удивление жесточенными. А Доббс? Или его это совершенно не касается, раз он не связан с семьей? Деньги все сделают. К Доббсу могли найти определенный подход и купить его.

Было очевидно, что какое-то поручение или какой-то приказ поступил извне. Иначе в чем же причина пяти месяцев промедления?.. Дело в том, что агенты общества еще не были убеждены, что Розен предатель, и откладывали месть до появления неоспоримых доказательств измены. Наконец, когда никаких сомнений не осталось, шпиону в доме было послано сообщение — уничтожить.

— Какой ужас! — содрогнулась Джейн Хелльер.

— Я пытался выяснить, как передали приказ. Узнав это, я получил единственную зацепку к решению задачи. Пока мне было известно, что кто-то из четверых получил приказ. А затем — никаких промедлений: приказ отдан — приказ выполнен. Этим отличалась «Шварц ханд».

Я занялся исследованием этого вопроса, занялся настолько тщательно, что, вероятно, удивлю вас своей доходящей до абсурда дотошностью. Кто приходил в дом утром? Я не исключал никого. Вот список.

Он вынул из кармана конверт и достал из него бумагу.

— Мясник принес кусок баранины. Проверил и установил: подтверждается.

Посыльный от бакалейщика принес упаковку кукурузной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Тоже проверил и установил: все верно.

Почтальон принес два проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену, одно из них с иностранной маркой, и два письма мистеру Темплтону, одно тоже с иностранной маркой.

Сэр Генри сделал паузу и вытащил из конверта ворох документов.

— Не изволите ли полюбопытствовать? Все это было передано мне заинтересованными лицами, а также извлечено из мусорной корзины. Нет надобности говорить, что письма подвергались экспертизе на невидимые чернила и *et cetera*^[26]. Ничего подобного не установлено.

Каталоги были от владельца питомника и от известной лондонской пушной фирмы. Два счета на имя доктора Розена: за семена для сада и от лондонской книгоиздательской фирмы. Письмо на его имя было следующего содержания:

«Мой дорогой Розен!

Только что от Хелмута Спата. На днях виделись с Эдгаром Джексоном. Он и Амос Перри недавно вернулись из Тсингау^[27], но Честность не позволяет мне сказать, что я завидую их поездке. Дайте знать о себе в ближайшее время. Как говорилось ранее, остерегайтесь одного человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя вы и не согласны.

Ваша *Георгина*».

Почта мистера Темплтона состояла из счета от портного и письма от друга из Германии, — продолжал рассказ сэр Генри. — Последнее он, к несчастью, порвал во время прогулки. И, наконец, имеется письмо, полученное Гертрудой:

«Дорогая миссис Шварц!

Мы надеемся, что придете на наше собрание вечером в пятницу викарий говорит, что вам все обрадуются. Рецепт ветчины очень хорош, благодарствуйте. Надеемся пребываете в добром здравей повидаемся в пятницу и проч.

Преданно ваша *Эмма Грин*».

— Я думаю, это письмо ни при чем, — улыбнулся доктор Ллойд. Улыбнулась и миссис Бантри.

— Я тоже так посчитал, — сказал сэр Генри, — но все же на всякий случай навел справки о миссис Грин и о церковном собрании. Нелишне, знаете ли.

— Так всегда говорит наша дорогая мисс Марпл, — улыбнувшись, сказал доктор Ллойд. — Вы совсем замечтались, мисс Марпл. О чем это вы призадумались?

— Да так. — Мисс Марпл встрепенулась. — Просто удивляюсь, почему слово «честность» в письме к доктору Розену написано с заглавной буквы.

Миссис Бантри взяла письмо.

— Ой, действительно, — подтвердила она.

— Да, милая, — сказала мисс Марпл. — Я думала, вы заметили!

— Это письмо — явное предупреждение, — сказал полковник Бантри. — Это мне сразу бросилось в глаза. Я не так мало замечаю, как вы думаете. Да, явное предупреждение, но о ком?

— Кстати, вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что, по словам Темплтона, доктор Розен вскрыл письмо за завтраком и швырнул ему, сказав, что понятия не имеет об этом человеке.

— Но это не мужчина, — возразила Джейн Хелльер. — Здесь стоит: «Георгина».

— Трудно разобраться, — сказал доктор Ллойд. — Может быть, и Георгий, но больше похоже на Георгину. Одно для меня совершенно ясно: почерк мужской.

— И вы знаете, что интересно, — снова заговорил полковник Бантри, — ведь он швырнул конверт на стол и сделал вид, что ничего не знает об этом человеке. Возможно, он хотел увидеть, какую реакцию это вызовет. Но у кого? У девушки? У мужчины?

— Или даже у кухарки? — предположила миссис Бантри. — Она могла находиться в комнате, когда приносила завтрак. Но что мне непонятно... совершенно особое...

Она вновь склонилась над письмом. Мисс Марпл подсела к ней и коснулась пальцем листа бумаги, указывая на что-то. Они зашептались.

— Но зачем секретарю понадобилось рвать письмо? — спросила вдруг Джейн Хелльер. — Вы только представьте себе! Весьма странно. И почему письмо из Германии? Хотя, конечно, если он вне подозрений, как вы говорите...

— Но сэр Генри не говорит этого, — быстро вмешалась мисс Марпл, оторвавшись от разговора с миссис Бантри. — Он сказал: четверо под подозрением. Таким образом, он не исключает и мистера Темплтона. Я правильно говорю, ведь так, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. Я убедился на своем горьком опыте. Никогда не следует утверждать, что кто-то вне подозрений. Я только изложил вам свои доводы, почему трое из этих людей, как бы невероятно это ни казалось, могли оказаться виновными. Вместе с тем аналогичная процедура не была проведена в отношении четвертого — Чарлза Темплтона. Но в конечном счете я пришел к этому, я был вынужден признать следующее: везде — и в армии, и во флоте, и в полиции, — как бы нам этого ни хотелось, имеется определенное количество отщепенцев. И я беспристрастно изучил факты против Темплтона.

Я задал себе вопрос, похожий на только что заданный мисс Хелльер. Почему он, единственный из всех домочадцев, не предъявил полученное письмо, к тому же с немецкой маркой? С какой стати у него письма из Германии?

В последнем вопросе не было ничего особенного, я взял и задал его. Ответ оказался очень простым. Сестра матери была замужем за немцем. Письмо было от кухни-немки. Так что мне стало известно то, чего я до этого не знал: что у Чарлза Темплтона были родственники в Германии. И это определенно ставило его в список подозреваемых, даже в первую очередь подозреваемых. Он мой человек и всегда был мне симпатичен, я доверял ему, но из элементарной справедливости и порядочности я должен был признать, что он возглавляет список.

Но вот тут уж не знаю! Я не знаю... И, по всей вероятности, никогда не узнаю. Вопрос не в том, чтобы наказать убийцу. Вопрос, как мне кажется, во сто крат важнее. Испортить, может быть, всю карьеру честному человеку из-за... подозрения... подозрения, которое я не склонен недооценивать.

Мисс Марпл кашлянула и негромко сказала:

— Сэр Генри, тогда, если я вас верно понимаю, именно молодой мистер Темплтон единственный, кто не дает вам покоя?

— Да, в известном смысле. В теории ко всем четверым следует подходить одинаково, но на практике это не тот случай. Вот, например, Доббс: подозрение может пасть и на него, но, на мой взгляд, это практически не окажет влияния на его карьеру. Никому в деревне никогда и в голову не придет, что смерть старого доктора Розена была не просто несчастным случаем. Гертруда немногим более уязвима. Подозрение должно, например, изменить отношение к ней фрейлейн Розен. Но, вероятно, это не имеет для нее особого значения.

Что до Греты Розен, то здесь мы подходим к наиболее сложному моменту этого дела. Грета — девушка весьма симпатичная. И Чарлз Темплтон — молодой человек приятной наружности. Пять месяцев они были предоставлены друг другу при полной изоляции от внешнего мира. Случилось неизбежное. Они влюбились друг в друга, хотя и не успели еще объясниться.

А затем случилось несчастье, и вот теперь, спустя три месяца с небольшим после того, как я возвратился, Грета Розен пришла повидаться со мной. Она продала коттедж и возвращалась в Германию, уладив наконец все дела дяди. Она пришла именно ко мне, хотя знала, что я вышел в отставку. Хотела меня увидеть по личному вопросу. Не сразу, но к концу беседы она рассказала все. Спросила, что я думаю о том письме с немецкой маркой, — она беспокоилась о нем, ее смущало, что Чарлз порвал его. Все ли в порядке? Несомненно, все должно быть в порядке. Конечно, она верит ему, но... О, если бы она только знала! Если бы знала — наверняка...

Вы понимаете? Возникает желание доверять, но вместе с тем ужасное потаенное подозрение цепко охватывает ваше подсознание и настойчиво напоминает о себе. Я спросил Грету, не была ли она равнодушна к Чарлзу и он к ней.

«Думаю, да, — сказала она. — О да, конечно да. Мы были так счастливы! Мы поняли — мы оба поняли. Мы не спешили: впереди было столько времени. Еще бы немного, и он сказал бы, что любит меня, а я бы сказала ему, что я — тоже. А! Но вы догадываетесь... и теперь все не так. Черная кошка пробежала между нами — у нас натянутые отношения, не знаем, что сказать при встрече. Может быть, с ним то же самое, что со мной... Мы оба говорим: «Если бы не сомневаться!..» Вот почему я умоляю вас, сэр Генри, скажите мне:

«Можете быть уверены: кто бы ни совершил убийство вашего дяди, это не Чарлз Темплтон!» Скажите же! Я умоляю, я умоляю вас!»

Я не мог ей этого сказать. Эти двое будут все дальше и дальше друг от друга, и им никогда не избавиться от взаимного подозрения.

Сэр Генри откинулся на спинку стула, его потемневшее лицо казалось усталым.

— И ничего больше не сделать, если... — Он снова уселся прямо, и легкая улыбка промелькнула на его лице. — Если нам не поможет мисс Марпл. Что вы скажете, мисс Марпл? У меня такое предчувствие, что это письмо о церковном собрании по вашей части. Не напомнит ли оно вам кого-нибудь или что-нибудь, что значительно упростит дело? Не сможете ли вы помочь чем-нибудь двум молодым людям, оказавшимся в безвыходном положении? Они могли бы быть так счастливы!

В игривости его обращения прозвучали и серьезные нотки. Ведь он высоко ценил своеобразные способности этой старомодной одинокой леди. Он взглянул на нее с некоторой надеждой.

Мисс Марпл кашлянула и поправила кружева.

— Это мне несколько напоминает Анни Поултни, — призналась она. — Конечно, с письмом все совершенно ясно и для миссис Бантри, и для меня. Вы все время живете в Лондоне, и вы не садовник, сэр Генри, вам этого не заметить.

— Э... заметить? — Сэр Генри был озадачен. — Что же заметить?

Миссис Бантри протянула руку, взяла каталог и с удовольствием принялась читать:

— *Доктор Хелмут Спат.* Чисто-сиреневый, удивительно изящный цветок с исключительно длинным и крепким стеблем. Хорош для срезки и для украшения сада.

Эдгар Джексон. Красивый хризантемовидной формы цветок четко выраженного красно-кирпичного цвета.

Амос Перри. Ярко-красный, чрезвычайно декоративен.

Тсинтау. Яркий оранжево-красный, эффектный декоративный садовый цветок, долго сохраняется в срезанном виде.

Честность...

— С большой буквы Ч, вы припоминаете? — буркнула мисс Марпл.

— *Честность*. Розовых и белых оттенков, крупный цветок прекрасной формы.

— На английском их начальные буквы образуют слово «смерть», — объяснила мисс Марпл.

Миссис Бантри захлопнула каталог и громко произнесла:

— Георгина!

— Но письмо пришло самому мистеру Розену, — сказал сэр Генри.

— В этом заключалась хитрость, — сказала мисс Марпл. — Да к тому же еще и предостережение в нем. Что он станет делать с письмом от неизвестного человека с незнакомыми ему именами? Конечно же пихнет своему секретарю.

— Тогда, значит...

— О нет! — прервала мисс Марпл. — Именно поэтому и становится совершенно ясно, что это не он. Иначе он бы никогда не допустил, чтобы это письмо было обнаружено. И равно ни за что не уничтожил бы письма на свое имя с немецкой маркой. В самом деле, его невиновность — если позволите так выразиться — просто сияет.

— Тогда кто...

— Собственно, я почти полностью уверена, насколько можно быть в чем-то уверенным на этом свете... За столом во время завтрака была еще одна персона, и она, что вполне естественно в подобных обстоятельствах, протянула руку, взяла и прочитала письмо. И в этом, вероятно, все дело. Вы помните, что она получила каталог садовода с той же почтой?

— Грета Розен, — медленно произнес сэр Генри. — Так, значит, ее визит ко мне...

— Джентльмену никогда не понять таких вещей, — сказала мисс Марпл. — И боюсь, что они зачастую думают, будто мы, старухи-язвы, что ли, смотрим на все не так. Но вот вам. Прекрасно знаем свою сестру... к несчастью. Я не сомневаюсь, что между ними возник барьер. Молодой человек неожиданно почувствовал безотчетную антипатию. Подозрение возникло чисто интуитивно, но он не смог скрыть его. Я думаю, что на самом деле девица явилась к вам просто в отместку. Она практически ничем не рисковала. Она не поленилась укрепить ваши подозрения относительно бедного мистера Темплтона. Вы ведь не были так твердо уверены, пока она не пришла.

— Но на самом деле она ничего такого не сказала... — начал было сэр Генри.

— Джентльмену, — невозмутимо повторила мисс Марпл, — никогда не понять таких вещей.

— И эта девица... — Он запнулся. — Хладнокровно совершает убийство, и ей хоть бы что!

— О нет, сэр Генри, — сказала мисс Марпл. — Не хоть бы что. Ни вы, ни я так не считаем. Вспомните, вспомните, что вы сказали не так давно. Нет, Грета Розен не минует наказания. Уже одно то, что ей приходится иметь дело со всяким сбродом — шантажистами, террористами, — не принесет ей ничего хорошего. И вообще такие знакомства, скорее всего, приведут к печальному концу. Как вы сказали, не стоит думать о виновных. Кто не виновен — вот что важно. Мистер Темплтон, который, позволю себе сказать, собирался жениться на этой кузине-немке, порвал ее письмо, и это выглядит в известном смысле подозрительно. Да он просто опасался, что другая девушка заметит письмо или даже попросит прочитать. Я думаю, здесь был какой-то маленький роман. Затем — Доббс: смею сказать, как вы уже заметили, для него это не так важно. Завтрак в одиннадцать — вероятно, больше его ничто не волнует. Затем эта бедняжка старая Гертруда, напомнившая мне Анни Поултни. Бедная Анни Поултни! Пятьдесят лет верной службы, и быть заподозренной в том, что она уничтожила завещание мисс Лэм, хотя ничего нельзя было доказать. Пожалуй, это и подорвало верное сердце несчастной. А потом, после ее смерти, завещание обнаружилось в потайном ящике буфета, куда старая мисс Лэм сама положила его для сохранности. Но для бедной Анни Поултни было уже поздно.

Поэтому я и беспокоюсь о бедной старой немке. Когда человек стар, его очень легко обидеть. Я гораздо больше жалею Гертруду, чем мистера Темплтона: он молод и хорош собой и, очевидно, пользуется успехом у дам. Вы ведь напишете ей, сэр Генри? Сообщите, что ее невиновность полностью доказана? Ее дорогой старый хозяин умер, она, без сомнения, терзается и чувствует, что ее подозревают... О! Невыносимо подумать!

— Непременно напишу, мисс Марпл, — заверил сэр Генри и внимательно посмотрел на нее. — Вы знаете, никогда вас до конца не пойму. Вы всегда находите неожиданный подход.

— Мой подход, боюсь, бывает очень примитивен, — смиренно сказала мисс Марпл. — Я ведь почти не выезжаю из Сент-Мэри-Мид.

— И все же вы разрешили, можно сказать, международную загадку. Вы разрешили ее. Я в этом уверен.

Мисс Марпл бросило в краску, потом она немного овладела собой:

— Я считаю, что, по понятиям моего времени, получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка — фрейлейн. Очень сентиментальное существо. Она учила нас языку цветов — забытый теперь предмет, но такой очаровательный! Желтый тюльпан, например, означает безнадежную любовь, китайская астра — «умираю от ревности у ваших ног». То письмо подписано «Георгина», что, насколько я помню, на немецком *Dahlia*, и это все объясняло. Как бы я хотела вспомнить, что же означает *Dahlia*, но, увы, не могу. Память не та, что прежде.

— Во всяком случае, оно не означает смерть.

— Нет, конечно нет. Ах как жаль! Есть на свете неприятные вещи.

— Есть, — вздохнула миссис Бантри. — Но хорошо, когда есть цветы и друзья.

— Заметьте, мы идем во вторую очередь, — попытался разрядить обстановку доктор Ллойд.

— Бывало, каждый вечер поклонник присылал мне багровые орхидеи, — мечтательно произнесла Джейн.

— «Ожидаю вашей благосклонности» — вот что это означает, — весело сказала мисс Марпл.

Сэр Генри как-то по-особому кашлянул и отвернулся. Мисс Марпл вдруг осенило:

— Вспомнила! *Dahlia* значит предательство и обман.

— Замечательно! Просто замечательно! — сказал сэр Генри и вздохнул.

Трагедия под рождество

— Я должен пожаловаться, — с улыбкой произнес сэр Генри Клиттеринг.

Он оглядел собравшихся. Полковник Бантри нахмурился, как провинившийся на параде солдат. Его жена украдкой рассматривала каталог цветных луковиц, доставленный с последней почтой. Доктор Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на молодую, красивую актрису Джейн Хелльер. А та сосредоточенно разглядывала свои покрытые розовым лаком ногти. Только мисс Марпл, восседавшая прямо и чинно, внимательно слушала Клиттеринга.

— Пожаловаться? — переспросила она.

— Да. И очень серьезная жалоба. В нашей компании шесть человек: трое мужчин и три женщины. И я протестую от имени эксплуатируемых мужчин. Мы сегодня выслушали три истории, и все три были рассказаны мужчинами! Я протестую! Дамы тоже должны внести свой достойный вклад.

— О! — возмутилась миссис Бантри. — Разве мы не внесли своего вклада? Мы с таким вниманием слушали вас и выражали свое восхищение. Мы проявили истинно женскую скромность, не стремясь блистать в огнях рампы!

— Отличное оправдание, — заметил сэр Генри. — Но все же этого мало. Существует великолепный прецедент: «Тысяча и одна ночь». Вперед же, Шехерезада!

— Вы имеете в виду меня? — спросила миссис Бантри. — Но я не представляю, что вам рассказать. Я не имела дела с кровавыми и таинственными происшествиями.

— Ну, я не настаиваю на крови, — заметил сэр Генри. — Однако уверен, что у одной из трех дам есть примечательная история. Прошу вас, мисс Марпл: «Происшествие с прислугой» или «Загадка собрания матерей»^[28]. Не разочаровывайте меня в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет ничего для вас интересного, сэр Генри. У меня, конечно, есть маленькие загадки. Например, куда девалась банка только что

купленных креветок? Но это не подойдет, потому что не слишком таинственно, хотя и проливает свет на человеческую природу.

— Да, вы, мисс Марпл, в свое время научили меня понимать тонкости человеческой натуры, — многозначительно произнес сэр Генри.

— А как вы, мисс Хелльер? — спросил полковник Бантри. — У вас в жизни наверняка были интересные случаи?

— Да, конечно, — поддержал доктор Ллойд.

— Я? — удивилась Джейн. — Вы думаете... а... о чем-нибудь, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших знакомых, — добавил сэр Генри.

— О! — воскликнула Джейн. — Я думаю, что со мной никогда ничего подобного не случилось. Конечно, цветы... странные послания, но ведь это только поклонники, не так ли? Не думаю... нет... — И она замолчала.

— Что ж, видимо, придется послушать сказание о креветках, — усмехнулся сэр Генри. — Прошу вас, мисс Марпл.

— До чего же вы любите пошутить, сэр Генри. Креветки — это сущие пустяки. Но вот я вспомнила одно происшествие. Даже не происшествие, а нечто более серьезное — трагедию. Я была некоторым образом замешана в ней. И никогда не пожалею о том, что приняла в ней посильное участие. Правда, трагедия эта произошла не в Сент-Мэри-Мид...

— Вы меня разочаровываете, — сказал сэр Генри. — Но я приложу все силы и преодолею разочарование, ибо знаю, что на вас можно положиться.

Он сел поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл с волнением продолжала. Легкий румянец покрыл ее щеки.

— Постараюсь изложить все как следует, хотя знаю, что часто бываю непоследовательной, ухожу от сути и сама того не замечаю... Иногда трудно вспомнить все факты, да еще и передать их в нужном порядке. Прошу вас не роптать, если окажусь плохим рассказчиком, ведь уже столько времени прошло с тех пор... Итак, эта история. Она, собственно, имела отношение к «Гидро».

— Вы имеете в виду гидроплан? — широко раскрыв глаза, спросила Джейн Хелльер.

— Как? Вы не знаете, дорогая? — удивилась миссис Бантри. — Такой милый курортный городок!^[29]

А ее муж добавил:

— Отвратительное место, ужасное. Надо рано по утрам подниматься, пить преневкуснейшую воду. Множество старух... неизбежные сплетни... Боже, как только вспомню...

— Однако, Артур, — заметила миссис Бантри, — тебе ведь тамошнее лечение очень помогло.

— Повсюду сидят старухи и сплетничают, — продолжал ворчать полковник Бантри.

— Боюсь, это правда, — согласилась мисс Марпл. — Я сама...

— Дорогая мисс Марпл! — в ужасе воскликнул полковник. — Я и в мыслях не имел...

Легким жестом руки мисс Марпл остановила его:

— Да, это правда, полковник Бантри. Только я хочу сказать кое-что в их защиту. Сплетничают, вы говорите, да ведь так оно и есть. И людям это очень не нравится, особенно молодым. Мой племянник, который пишет очень умные книжки, крайне зло высказывается о тех, кто чернит окружающих, не располагая доказательствами. «Как это безнравственно», — твердит он. И тому подобное. Но вот что я вам скажу: вся закавыка в том, что то, что молодые люди называют сплетнями, оказывается правдой! Если бы они задались целью проанализировать факты, то обнаружили бы, что в девяти случаях из десяти это правда! Как раз это и не нравится молодым.

— Правда по наитию, — улыбнулся сэръ Генри.

— Нет, нет, совсем не то! На самом деле это результат житейского опыта. Египтолог, если показать ему какую-нибудь любопытную маленькую толкушку, может определить по виду и на ощупь, к какому тысячелетию до нашей эры она принадлежит и не является ли бирмингемской подделкой. Однако ученый не всегда может сослаться на определенное правило. Он просто знает, так как всю жизнь имел дело с подобными вещами.

Вот это-то я и пытаюсь вам объяснить. «Лишние женщины», как называет их мой племянник, располагают временем, а обычно их главный вопрос — люди. Вот почему они становятся своеобразными экспертами. Молодежь теперь всюю рассуждает о вещах, которых в моей юности не было и в помине, но, с другой стороны, рассуждает

ужасно наивно. Она верит всему и всем. А если попытаешься как-то осторожно предостеречь молодых, то в ответ услышишь, что у нас викторианское мышление, а это, уверяют они, все равно что канализационная труба.

— В конце концов, что плохого в канализационной трубе, — резюмировал сэр Генри.

— Вот именно, — согласилась мисс Марпл. — Очень нужная вещь в доме, ну, конечно, отнюдь не романтическая. Теперь надо признаться, что и я не лишена самолюбия и меня иногда больно задевают необдуманные замечания. Знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но все же не могу не упомянуть о своей горничной — Этель, хорошенькой и услужливой девице. Как только я увидела ее, тотчас поняла, что это тот же самый тип, что и Анни Вепп, дочка бедной миссис Брут. Такие не различают своего и чужого. Так вот, я дала ей месяц на подыскание места и отказалась от ее услуг. А в рекомендации ей написала, что она честная и скромная. Однако старушку миссис Эдвард я предупредила, что не стоит брать ее в дом. Мой племянник Реймонд был просто вне себя. Он сказал, что это беспринципный поступок. Да, беспринципный! В результате эта Этель поступила к леди Эштон, которую я не сочла обязанной предупреждать. И что получилось? Все кружева с нижнего белья срезаны, две брошки с бриллиантами исчезли, а сама девица среди ночи улизнула — только ее и видели!

Глубоко вздохнув, мисс Марпл замолчала, потом продолжала:

— Вы скажете, что данный случай не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Кестен-Спа-Гидро. Но это не совсем так. Он объясняет, почему я, едва увидев чету Сандерсов, сразу почувствовала, что муж хочет избавиться от жены.

— О-о? — удивился сэр Генри и подался вперед.

Мисс Марпл с невозмутимым видом повернулась к нему:

— Да-да, сэр Генри, у меня не было никаких сомнений. Мистер Сандерс — крупный, интересный, цветущий мужчина, вызывавший у всех симпатию. Его манеры говорили о хорошем воспитании. Он очень любезно обращался со своей супругой. Но я-то знала: он задумал избавиться от нее!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да, знала. Вот и племянник мой, Реймонд Уэст, он бы тоже сказал, что у меня нет и намека на доказательство. Но я вспомнила Уолтера Хоунса, который держал «Зеленого человека». Однажды вечером он с женой возвращался домой. Она упала в реку, а он получил за нее страховку! Я знаю и других людей, которые до сего дня безнаказанно благоденствуют. Вот пример: человек нашего круга отправился летом с женой в Швейцарию побродить по горам. Я предупреждала ее, что не надо ехать. Бедняжка только посмеялась. Ей показалось забавным, что какая-то старушенция со странностями позволяет себе говорить такие вещи о ее Гарри. Ну вот и произошел несчастный случай. Гарри теперь женат на другой. А что я могла сделать? Ведь доказательств у меня не было.

— О, мисс Марпл! — воскликнула миссис Бантри. — Неужели вы и в самом деле думаете...

— Дорогая моя, такие вещи действительно происходят. И очень часто. Джентльмены легко поддаются искушению. Так заманчиво осуществить задуманное, когда все можно представить несчастным случаем. Насчет Сандерсов, повторяю, я поняла сразу. Дело было в трамвае. Внутри полно народу, и мне пришлось подняться наверх. Мы приготовились выходить, и тут мистер Сандерс потерял равновесие и упал на свою жену, толкнул ее, и она полетела вниз по лестнице. К счастью, кондуктором оказался сильный молодой человек. Он подхватил ее.

— Но это же действительно несчастный случай!

— Конечно, можно и так подумать. Что могло еще более походить на несчастный случай? Но мистер Сандерс, как он мне сам рассказывал, служил в торговом флоте. А человек, который в состоянии держаться на раскачивающейся палубе, не потеряет равновесия и в трамвае, если такая пожилая женщина, как я, не теряет его. Такого быть не может!

— Значит, вы уже тогда пришли к определенному выводу, — сказал сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— О да! Я была вполне уверена, а вскоре еще одно происшествие при переходе улицы уже не оставило места никаким сомнениям. И вот, сэр Генри, что, по-вашему, я могла сделать? Довольная жизнью, счастливая молодая женщина... а я знаю, что ее скоро убьют...

— Дорогая, вы меня удивляете.

— Это оттого, что, как и большинство людей в наше время, вы не хотите смотреть фактам в лицо. В вас глубоко сидит убеждение, что такого не может быть. Но вот случилось, и я это предвидела. К сожалению, человек очень ограничен в своих действиях! Я не могла, например, пойти в полицию. А предостерегать молодую женщину было тоже бесполезно: она беспредельно доверяла своему мужу. Я просто решила узнать как можно больше об этой паре. Когда сидишь с рукоделием у камина, это не так трудно. Миссис Сандерс (Глэдис ее звали) — хрупкая, довольно бледная блондинка с большим узлом волос на затылке. Она только того и ждала, чтобы поболтать. Оказалось, они недавно поженились. Муж должен был вскоре получить наследство, но пока они обеспечены были плохо. По существу, молодые жили на ее небольшой доход. Дело известное. Она сетовала, что не может воспользоваться капиталом. Как будто кто-то предчувствовал неладное! Но деньги принадлежали ей, она даже могла их завещать. Я выяснила это. Глэдис и ее муж сразу после свадьбы составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. «Конечно, когда Джек приведет дела в порядок...» — только и говорила она. Между тем они, конечно, испытывали трудности. Снимали одну комнату на верхнем этаже, там, где прислуга, к тому же опасно, если пожар. Правда, на этот случай был запасной выход — прямо у их окна наружная лестница. Я остороженько поинтересовалась, нет ли балкона. Очень опасны эти балконы. Толкнул и... вы понимаете?

Я добилась от нее обещания не выходить на балкон: сказала, что видела сон. Это произвело на нее впечатление: суеверие иногда может очень помочь. Очень бесхитростная, она пересказала все, что я говорила, мужу. Я заметила, что несколько раз он довольно странно посмотрел на меня. По-видимому, он помнил, что я была в том трамвае.

Я не могла придумать, как сорвать его замысел, и это мучило меня. Предотвратить роковые события в «Гидро» можно было, просто сказав Сандерсу пару слов, и, вероятно, он на время отложил бы исполнение своего плана. И я пришла к выводу, что единственное средство разоблачить его — это устроить ловушку: заставить его совершить покушение, но таким способом, который бы я сама для него

выбрала. Тогда он не сумел бы утаить своих действий, и Глэдис, каким бы это потрясением для нее ни было, узнала бы всю правду.

— Поразительно! — сказал доктор Ллойд. — Что же вы такое придумали?

— Была у меня задумка... Но этот человек перехитрил меня. Он не стал медлить и нанес удар. Он понял, что я жду очередного «несчастливого случая», и решил «разыграть убийство».

Все вздохнули. Мисс Марпл поджала губы.

— Боюсь, я рассказала довольно сумбурно. Постараюсь дальше изложить все возможно точнее. Я никогда не испытывала желания вмешиваться в подобные вещи. Наверное, мне бы даже следовало их избегать. Но, несомненно, Провидению оказалось виднее. Во всяком случае, я сделала все, что могла!

Появилось безотчетное ощущение страха перед чем-то неведомым. Что-то словно нависло над всеми нами. Предчувствие несчастья. Началось с Джорджа, швейцара. Бронхит, пневмония, скончался на четвертый день. Тяжелый удар для всех. За четыре дня до Рождества. Потом — одна из горничных, такая милая девушка, уколола палец, заражение крови; в течение суток ее не стало.

Я сидела в гостиной с мисс Троллап и миссис Карпентер. Миссис Карпентер, смакующая эти печальные события, была просто отвратительна.

«Помяните мое слово, — говорила она, — это не конец. Бог любит троицу. Будет еще одна смерть. Можете не сомневаться. Долго ждать не придется».

И едва она произнесла эти слова, в дверях появился мистер Сандерс. Лишь на мгновение он потерял бдительность, и меня поразило выражение его лица. Все стало ясно. До конца дней никто не разуверит меня, что именно слова миссис Карпентер подтолкнули его.

Сандерс вышел на середину комнаты и со своей обычной приветливой улыбкой спросил:

«Не надо ли дамам что-нибудь купить к Рождеству? Я скоро поеду в Кестон».

Он постоял еще минуты две и вышел. Я уже говорила, что была очень обеспокоена. Я тут же спросила:

«Где миссис Сандерс?»

Мисс Троллап ответила, что Глэдис уехала к своим друзьям, неким Мортимерам, на бридж. На время я немного успокоилась, но все же меня не оставляла мысль: необходимо что-то предпринять. Через полчаса я отправилась в свою комнату. На лестнице повстречала доктора Коулза, моего лечащего врача, который спускался вниз, и, поскольку мне захотелось проконсультироваться у него по поводу моего ревматизма, я пригласила его к себе. Он сообщил мне по секрету о смерти бедняжки Мэри. «Управляющий не хочет огласки, — заметил он, — и просил сохранить это в тайне». Конечно, я не стала огорчать его, ведь едва бедная девушка сделала последний вздох, мы ни о чем другом больше и не говорили. Такие вещи сразу становятся известны, и человек с его опытом должен был это прекрасно знать. Но доктор Коулз был бесхитростным малым и все принимал за чистую монету. Он обмолвился, когда уходил, что Сандерс просил его осмотреть жену. Ей, мол, последнее время нездоровится. Несварение желудка и тому подобное.

А именно в этот самый день Глэдис Сандерс говорила мне, что у нее, слава богу, с желудком все в порядке.

Вы понимаете? Мои подозрения насчет этого человека усилились во сто крат. Он готовил путь. Но для чего?.. Доктор Коулз ушел, прежде чем я успела поделиться с ним. Хотя, собственно, если бы я обратилась к нему, что я ему сказала бы? Когда я вышла из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице. Он был одет на выход и снова спросил меня, не нужно ли что-нибудь в городе. Все, что я могла, — это удержаться в рамках приличия. Я прошла в холл и заказала чаю. Было, я помню, ровно половина шестого.

Очень хочется как можно подробнее передать последующие события. Без четверти семь, когда я все еще находилась в холле, вошел мистер Сандерс и с ним два джентльмена. Все трое были, что называется, несколько навеселе. Мистер Сандерс, оставив друзей, направился прямо к нам с мисс Троллап. Он объяснил, что хочет посоветоваться насчет рождественского подарка для жены. Речь шла о театральной сумочке.

«Видите ли, — сказал он, — я всего лишь простой матрос. Что я понимаю в таких вещах? Мне предложили целых три на выбор, и я хочу услышать мнение экспертов».

Мы сказали, что будем рады помочь, и он попросил, если это не затруднит нас, подняться наверх, потому что в любой момент может вернуться жена.

Мы пошли с ним. Никогда не забуду, что произошло потом. До сих пор помню, как у меня затряслись руки.

Мистер Сандерс раскрыл дверь спальни и включил свет. Не знаю, кто первым из нас увидел это... Миссис Сандерс лежала на полу, лицом вниз...

Я подошла к ней, опустилась на колени, взяла за руку, чтобы пощупать пульс. Бесполезно. Рука была холодной. Около головы лежал чулок, наполненный песком, — предмет, которым ей нанесли удар. Мисс Троллап, глупое создание, все плакала и плакала у дверей. Сандерс отчаянно закричал: «Моя жена! Моя жена!» — и бросился к ней. Я не позволила ему дотронуться до нее. Вы понимаете, я была уверена, что это его рук дело. Может быть, он хотел что-то убрать или спрятать.

«Трогать ничего нельзя, — сказала я. — Возьмите себя в руки, мистер Сандерс. Мисс Троллап, пожалуйста, идите вниз и позовите хозяина».

Я стояла на коленях возле тела и не собиралась оставлять Сандерса одного. Но все же я вынуждена была признать, что если этот человек играл, то играл блестяще. Он выглядел потрясенным и напуганным до безумия.

Хозяин тут же явился. Он быстро осмотрел комнату, выставил нас всех, запер дверь, а ключ забрал себе. Потом ушел звонить в полицию. Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Потом мы узнали, что линия была не в порядке, и хозяину пришлось послать нарочного в полицейский участок, а «Гидро» находится порядочно от города, у самой вересковой пустоши. Миссис Карпентер довела всех нас до изнеможения, постоянно подчеркивая свою проницательность. Ведь поговорка «Бог троицу любит» оправдалась так скоро. Сандерс бродил по саду, схватившись за голову, он изображал неутешное горе.

Наконец полиция приехала. Они поднялись наверх с хозяином и мистером Сандерсом. Потом послали за мной. Инспектор сидел за столом и писал. Это был интеллигентного вида мужчина, и он мне понравился.

«Мисс Джейн Марпл?» — спросил он.

«Да».

«Как я понял, мадам, тело было обнаружено в вашем присутствии?»

Я подтвердила, что присутствовала, и описала в точности, что произошло. Думаю, что найти кого-то, кто мог бы ответить на вопросы так четко, было большой радостью для бедняги, поскольку до этого ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллап, которая, по моему, была совершенно деморализована: еще бы, такое глупое существо! Помню, моя дорогая мамочка говорила: порядочная дама всегда должна уметь держать себя на людях и не обнаруживать свои переживания.

— Замечательный афоризм, — мрачно заметил сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал: «Благодарю вас, мадам. Боюсь, я должен попросить вас еще зайти в комнату. Точно ли в том положении находится тело? Не передвинули ли его?»

Я объяснила, что помешала Сандерсу сделать это, и инспектор одобрительно кивнул головой.

«Похоже, джентльмен ужасно расстроен», — заметил он.

«Похоже — да», — ответила я.

Не думаю, чтобы я особенно выделила слово «похоже», но инспектор посмотрел на меня с интересом.

«Итак, тело находится на том же самом месте, где и было обнаружено?» — переспросил он.

«Да, кроме шляпки», — ответила я.

Инспектор живо взглянул на меня:

«Что значит — кроме шляпки?»

Я объяснила, что шляпка была у бедняжки Глэдис на голове, а теперь лежит рядом. Я, конечно, посчитала, что это сделала полиция. Инспектор, однако, решительно отверг мое предположение: они ничего не трогали. Он стоял и смотрел на лежащее вниз лицом тело. Глэдис была в верхней одежде — в темно-красном твидовом пальто с серым меховым воротником. Довольно дешевая шляпка из красного фетра лежала как раз у ее головы.

Озадаченно нахмурившись, инспектор молчал. Потом его осенило:

«Вы, случайно, не помните, мадам, были ли в ушах покойной сережки? И носила ли она их вообще?»

К счастью, у меня привычка все внимательно рассматривать. Я вспомнила, что из-под полей шляпки поблескивали жемчужинки. Правда, я тогда не придавала этому особого значения.

«Тогда все понятно. Кто-то рылся в шкатулке с драгоценностями покойной, хотя, как я думаю, особых ценностей там не было... а с пальцев сняли кольца. Убийца, должно быть, забыл про сережки и вернулся за ними. Хладнокровный тип! Или, может быть... — Он внимательно оглядел комнату и медленно произнес: — Может быть, он и сейчас прячется тут?»

Но я отвергла эту мысль:

«Я лично заглянула под кровать. Хозяин раскрывал дверцы гардероба. Больше человеку прятаться негде. Правда, отделение для шляп в середине гардероба было заперто. Но оно слишком мало, да еще с полками, кто там мог спрятаться?»

Инспектор медленно кивал, пока я ему все это объясняла.

«Я верю вам, мадам, — сказал он. — В таком случае он, должно быть, возвратился. Весьма хладнокровный тип».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Это ничего не значит. Балкон, пожарная лестница — вот как пробрался вор. Вполне вероятно, что вы ему помешали. Он выскользнул в окно, а когда все ушли, вернулся и продолжил свое дело».

«Вы уверены, что это был вор?» — спросила я.

«А разве не похоже?» — сухо заметил он.

И что-то в его тоне успокоило меня. Я почувствовала, что он не будет слишком серьезно воспринимать мистера Сандерса в роли безутешного вдовца.

Видите ли, я, откровенно признаюсь, была абсолютно убеждена в своем мнении. Я знала, что этот Сандерс намеревается убить свою жену. И никак не могла принять случившееся за необыкновенное, прямо-таки фантастическое совпадение. Мое представление о мистере Сандерсе было абсолютно верным: это был негодяй. Однако, хотя его притворная скорбь ни на минуту не ввела меня в заблуждение, я прекрасно помню, что тогда он удивительно хорошо разыграл свою роль и чувства его казались совершенно неподдельными.

Должна признаться, что после разговора с инспектором у меня появились кое-какие сомнения. Ведь если Сандерс совершил эту

отвратительную вещь, что заставило его лезть назад по пожарной лестнице и вынимать сережки из ушей жены? Это был неразумный поступок, а Сандерс был достаточно умным человеком, именно поэтому-то я и считала его таким опасным.

Мисс Марпл оглядела слушателей:

— Вы, наверное, догадываетесь, к чему я веду? Как часто в этом мире происходит самое неожиданное. Я была абсолютно уверена, думаю, это меня и ослепило. Результат оказался для меня потрясающим. Было неопровержимо доказано, что мистер Сандерс никак не мог совершить преступление...

Вздых изумления вырвался у миссис Бантри. Мисс Марпл повернулась к ней:

— Знаю, дорогая, вы совсем не этого ожидали, но факты — вещь упрямая. И если доказано, что вы ошибаетесь, надо просто смириться и начать сначала. Я была уверена, что мистер Сандерс — убийца, и ничто не могло поколебать моего убеждения.

А теперь, я думаю, вы хотите узнать эти самые факты. Миссис Сандерс, как вам уже известно, проводила день с друзьями, некими Мортимерами, за игрой в бридж. Она ушла от них приблизительно в четверть седьмого. От дома Мортимеров до «Гидро» четверть часа ходьбы, а если идти быстрым шагом, то и меньше. Значит, она вернулась около шести тридцати. Никто не видел, как она возвратилась, так что, вероятно, она вошла через боковую дверь и быстро прошла в свою комнату. Она переоделась: коричневые пиджак и юбка, в которых она уходила играть в бридж, висели в гардеробе. Очевидно, она снова намеревалась выйти, когда на нее обрушился удар. Возможно, она так и не узнала, кто ее ударил. Чулок с песком, как я понимаю, очень эффективная вещь. Похоже было, что убийца прятался в комнате в одном из больших стальных шкафов, который она не открывала.

Теперь о том, что делал мистер Сандерс. Он вышел, как я говорила, приблизительно в пять тридцать или немного позднее. Сделав в нескольких магазинах покупки, он примерно в шесть часов пришел в отель «Гранд Спа», где повстречал двух друзей. Они поиграли там на бильярде и, я полагаю, как следует выпили виски с содовой. Эти двое (их фамилии Хичкок и Спендер) фактически были с Сандерсом начиная с шести часов. Они все вместе вернулись в

«Гидро». Когда он обратился к нам с мисс Троллап, было без четверти семь. В это время его жена уже была убита.

Надо вам сказать, что я сама побеседовала с этими его друзьями. Они мне не понравились: какие-то неприятные, невоспитанные, но в одном я была совершенно уверена: они говорили абсолютную правду, когда утверждали, что Сандерс все время был с ними.

Выяснилась еще одна деталь. Оказывается, во время игры в бридж миссис Сандерс позвали к телефону. С ней пожелал говорить какой-то мистер Литтлворт. Она, казалось, была польщена и взволнована чем-то и, между прочим, сделала в игре несколько серьезных ошибок. Она ушла намного раньше, чем ожидали хозяева.

Мистера Сандерса спрашивали, знает ли он среди друзей жены некоего Литтлворта. Он заявил, что никогда не слышал такого имени. А мне, судя по поведению его жены, было совершенно ясно, что ей, по всей видимости, тоже не было известно это имя. Тем не менее она возвратилась от телефона улыбающаяся и покрасневшая. Так что похоже, будто этот кто-то не назвал своего настоящего имени, и это само по себе подозрительно, не так ли?

Как бы то ни было, проблема оставалась нерешенной. Версия об ограблении казалась маловероятной, но появилась альтернативная версия: миссис Сандерс готовилась выйти кого-то встретить. Не забрался ли этот «кто-то» по пожарной лестнице к ней в комнату? Не произошла ли ссора или он вероломно напал на нее?

Мисс Марпл замолчала.

— Ну? — спросил сэр Генри. — Каков же ответ?

— Интересно, не догадается ли кто-нибудь сам?

— У меня это всегда плохо получалось, — призналась миссис Бантри. — Как жаль, что у Сандерса такое замечательное алиби. Если оно вас удовлетворяет, значит, с ним все в порядке.

Джейн Хелльер повернула свою красивую головку.

— Почему было заперто отделение для шляп? — спросила она.

— Какая вы умница, моя дорогая, — умилилась мисс Марпл. — Как раз над этим я и задумалась. Хотя объяснение оказалось очень простым: там находились пара шлепанцев и носовые платки, которые бедняжка вышивала мужу к Рождеству. Вот почему она заперла шкаф. Ключ обнаружили у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это неинтересно.

— Отчего же? — возразила мисс Марпл. — Это как раз по-настоящему важная деталь. Именно она и нарушила планы убийцы.

Все взоры обратились к мисс Марпл.

— Я сама два дня не могла понять, в чем тут дело, — сказала она. — Я ломала, ломала голову, а потом — раз! И все ясно. Я пошла к инспектору и попросила его кое-что попробовать, и он сделал это.

— Что вы попросили его попробовать?

— Я попросила его надеть шляпку на голову бедняжки, и он, конечно, не смог. Это была не ее шляпка, вы понимаете?

Миссис Бантри широко раскрыла глаза:

— Но ведь сначала она была у нее на голове?

— Не на ее голове...

Мисс Марпл остановилась, чтобы дать слушателям возможность осмыслить ее слова.

— Мы настолько не сомневались, что в комнате лежало тело бедняжки Глэдис, что так и не взглянули на лицо. Она лежала лицом вниз, помните?

— Но она была убита?

— Да. Позже. В тот момент, когда звонили в полицию, Глэдис Сандерс была жива и здорова.

— Вы имеете в виду, что кто-то прикинулся ею? Но ведь вы дотрагивались до...

— Верно, это было мертвое тело, — удрученно подтвердила мисс Марпл.

— Черт возьми! — воскликнул полковник Бантри. — Куда же они дели потом... первый труп?

— Он унес его назад, — пояснила мисс Марпл. — Это была гнусная идея, но очень умная. Именно наш разговор в гостиной навел его на эту мысль. Тело несчастной Мэри, горничной! Почему бы его не использовать? Помните, комната Сандерсов была наверху, рядом с помещениями прислуги. Комната Мэри находилась через две двери. Гробовщики с наступлением темноты уже не приходят: на это и рассчитывал Сандерс. Он протаскивает тело через балкон (в пять уже было темно), надевает на него одно из платьев жены и ее красное пальто и тут обнаруживает, что шляпное отделение заперто! Остается одно: он берет одну из шляпок бедной девушки. Никто не заметит. Затем кладет рядом мешок с песком и уходит. Алиби готово!

Сандерс звонит жене, назвавшись мистером Литтлвортом. Не знаю, что он ей сообщает, а она, как я уже говорила, была женщина доверчивая. Он убеждает ее пораньше закончить игру и назначает ей встречу в семь часов в саду «Гидро», около пожарной лестницы. Вероятно, сказав, что у него есть для нее какой-то сюрприз.

Когда Сандерс вернулся с друзьями в «Гидро», то подстроил все так, чтобы мисс Троллап и я вместе с ним обнаружили преступление. Он даже сделал вид, что хочет перевернуть тело. А я-то его остановила! Затем послали за полицией, а он, шатаясь, вышел в сад.

Никто не интересовался его алиби после преступления.

Он встречается с женой. Проводит ее по пожарной лестнице. Они заходят в свою комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-нибудь историю о трупе. Она наклоняется, а он поднимает мешок с песком и наносит удар... О боже! Мне даже сейчас при мысли об этом становится плохо! Затем он быстро снимает с нее пиджак и юбку, вешает их и одевает убитую в одежду, снятую с другого трупа.

Но шляпка не надевается. У Мэри была короткая стрижка, у Глэдис Сандерс, как я говорила, — большой узел волос. Сандерсу приходится оставить шляпку рядом с телом и понадеяться, что на это не обратят внимания. Затем он переносит тело бедной Мэри назад в ее собственную комнату и приводит его в надлежащий вид.

— Подумать только! — воскликнул доктор Ллойд. — Какой риск! Полиция могла приехать очень скоро.

— Помните, линия была не в порядке, — сказала мисс Марпл. — Это тоже было делом его рук. Он не мог допустить, чтобы полиция прибыла слишком рано. Когда они все-таки приехали, то, перед тем как подняться наверх, провели еще некоторое время в офисе хозяина. Самым слабым местом в плане Сандерса было то, что кто-то мог заметить разницу между телом убитой полчаса назад и умершей на полтора часа раньше; но он рассчитывал на то, что люди, которые первыми обнаружат преступление, не будут обладать специальными знаниями.

Доктор Ллойд кивнул:

— Я полагаю, они пришли к выводу, что преступление совершено примерно без четверти семь. На самом деле убийство произошло в семь или несколькими минутами позже. Полицейский врач осматривал тело не ранее половины восьмого. Он уже не мог определить точнее.

— А я... мне бы следовало знать... — сказала мисс Марпл. — Я же трогала руку бедной девушки. Она была холодна как лед. Вскоре после этого инспектор говорил, что убийство было совершено как раз перед нашим приходом. И я ничего не поняла!..

— Я думаю, мисс Марпл, что вы достаточно много поняли, — успокоил ее сэр Генри. — И чем же все кончилось?

— Сандерса повесили, — холодно ответила мисс Марпл. — И поделом ему. Я никогда не жалею о своем участии в том, что в руки правосудия был передан этот человек. Я не выношу слюнтяйства современных гуманистов по поводу смертной казни. — Выражение ее лица смягчилось. — Но себя я частенько упрекаю за то, что не сумела спасти жизнь несчастной женщины. Впрочем, кто знает?.. Может быть, для нее лучше было умереть, пока она считала себя счастливой, чем продолжать жить лишенной иллюзий. Глэдис любила этого негодяя и доверяла ему. Она так и не узнала правды о нем.

— Ну тогда ей повезло, — сказала Джейн Хелльер. — Очень повезло. Хотела бы я... — И она замолчала.

Мисс Марпл взглянула на привлекательную, преуспевающую Джейн Хелльер и медленно наклонила голову:

— Понимаю, моя дорогая... Понимаю...

Трава смерти

— Ну-с, теперь миссис Би, — живо произнес сэр Генри Клиттеринг.

Миссис Бантри, хозяйка дома, взглянула на него с холодным укором:

— Я вам уже говорила, пожалуйста, не называйте меня миссис Би. Это неуважительно.

— Тогда Шехерезада.

— И тем более я не «Ши», что за имя! Я совершенно не умею рассказывать истории. Спросите Артура, если не верите мне.

— Ты хорошо преподносишь факты, Долли, — сказал полковник Бантри, — но плоховато у тебя с антуражем.

— Вот именно. — Миссис Бантри захлопнула каталог луковиц, который лежал перед ней на столике. — Я слушаю и не понимаю, как это у вас получается: «Он сказал», «Она сказала», «Они удивились», «Они подумали», «Все решили». Я просто не могу так! Кроме того, я даже не знаю, что вам рассказать.

— Ну, этому мы не поверим, миссис Бантри, — покачал седой головой доктор Ллойд.

— Несомненно, дорогая... — кротко произнесла мисс Марпл.

Миссис Бантри упрямо помотала головой:

— Вы не представляете себе, как банальна моя жизнь. Что за слуги! Как трудно иметь дело с кухарками. А поездки в город за платьями, а дантист, а Аскот^[30] (вот уж чего Артур терпеть не может), и потом еще сад...

— Ага! — обрадовался доктор Ллойд. — Сад! Мы знаем, к чему лежит ваша душа, миссис Бантри.

— Должно быть, так приятно иметь сад, — мечтательно произнесла Джейн Хелльер, молодая красивая актриса. — Если бы еще не надо было копать в земле и портить руки. Я так люблю цветы.

— Сад... — повторил сэр Генри. — Разве нельзя принять его за отправную точку? Так приступим, миссис Би! Отравленная луковица, смертоносные нарциссы, трава смерти!

— Странно, что вы об этом заговорили, — сказала миссис Бантри. — Вы кое о чем напомнили мне. Артур, что ты скажешь о трагедии в Клоддерхэм-Корт? Помнишь старого Эмброза Берси? Каким очаровательным человеком мы его считали?

— Как же, конечно. Да, странная была история. Расскажи, Долли.

— Лучше ты, дорогой.

— Глупости. Рассказывай, выкарабкивайся своими силами. Я уже свою историю поведал...

Миссис Бантри глубоко вздохнула. Она сжала руки, на ее лице отразилось мучительное раздумье.

— Что ж, рассказывать-то, собственно, и не о чем, — вдруг быстро и гладко заговорила она. — Травя смерти — вот как это отложилось у меня в голове, хотя про себя я еще называю эту историю — шалфей и лук.

— Шалфей и лук? — переспросил доктор Ллойд.

Миссис Бантри кивнула:

— Видите ли, вот как это произошло. Мы с Артуром гостили у сэра Эмброза Берси в Клоддерхэм-Корт. И однажды по ошибке — очень это глупо вышло, я считаю — с шалфеем было собрано много листьев наперстянки. В тот вечер на обед были поданы утки, нафаршированные шалфеем^[31]. Вскоре все почувствовали себя очень плохо, а одна девушка, подопечная сэра Эмброза, даже умерла.

— Бедная, бедная, — сказала мисс Марпл. — Какая трагедия!

— Неужели?

— Ну и что же дальше? — спросил сэр Генри Клиттеринг.

— Дальше ничего, — ответила миссис Бантри. — Все.

Все от изумления раскрыли рты. Хотя они и были предупреждены, но уж такой краткости никто не ожидал.

— Миссис Бантри, дорогая, — запротестовал сэр Генри, — это недопустимо! То, что вы рассказали, просто несчастный случай, но уж никак не загадка.

— Ну, кое-что еще было, — сказала миссис Бантри. — Но если бы я выложила все подробности, вы бы сразу поняли, в чем дело. — Она с укором взглянула на присутствующих и с грустью добавила: — Я же говорила, что не умею рассказывать.

— Так, так! — воскликнул сэр Генри, он выпрямился на стуле и вставил монокль. — В самом деле, Шехерезада, это чрезвычайно

занятно. Нашим способностям брошен вызов. Я уверен, вы сделали это не без намерения пробудить любопытство. Что же, тогда несколько раундов «Двадцати вопросов»!^[32] Мисс Марпл, может быть, вы начнете?

— Мне бы хотелось узнать что-нибудь о кухарке, — отозвалась мисс Марпл. — Она, наверное, была очень глупой или неопытной?

— Она была просто глупа. Потом она пролила немало слез и говорила, что зелень принесли ей как шалфей. Откуда было ей знать.

— Не из тех, кто привык жить своим умом, — заключила мисс Марпл. — Наверное, женщина пожилая, но кухарка-то она, надо думать, была все же хорошая?

— О, отличная, — подтвердила миссис Бантри.

— Мисс Хелльер, ваша очередь, — сказал сэр Генри.

— А, вы имеете в виду вопрос?

Наступила пауза, пока Джейн размышляла. Наконец она робко произнесла:

— В самом деле не знаю, что и спрашивать. — Красивые глаза с мольбою направились на сэра Генри.

— А почему бы не *dramatis personae*, мисс Хелльер, — с улыбкой предложил он.

Джейн продолжала сохранять озадаченный вид.

— Действующие лица в порядке их появления, — спокойно пояснил сэр Генри.

— Да, да, — согласилась Джейн. — Это хорошая мысль.

Миссис Бантри стала проворно загибать пальцы.

— Сэр Эмброз, Сильвия Кин — та девушка, которая умерла, — ее подруга, которая гостила там. Мод Уай — одна из тех невежественных девиц, которые умеют произвести впечатление... Никак не пойму, как это им удается. Затем еще был мистер Керли, который приехал побеседовать с сэром Эмброзом о книгах. Ну, знаете, всякие редкие книги на латинском языке, покрытые плесенью рукописи на пергаменте... Был Джерри Лоример — ближайший сосед. Его усадьба «Феллис» соприкасалась с поместьем сэра Эмброза. Была миссис Карпентер — одна из тех среднего возраста «кошечек», которым, кажется, всегда удается устраиваться с удобствами. Она, я полагаю, была *dame de compagnie*^[33] Сильвии.

— Если сейчас моя очередь, — сказал сэр Генри, — а по-моему, так оно и есть, поскольку я сижу рядом с мисс Хелльбер, то я хочу многого. Хочу услышать краткий словесный портрет. Пожалуйста, миссис Бантри, всех вышеупомянутых.

— М-м... — Миссис Бантри замешкалась.

— Вот, сэр Эмброз, — пришел ей на помощь сэр Генри. — Начните с него.

— О! Это был такой запоминающийся старик, хотя, собственно, и не такой старый: не больше шестидесяти ему было, я полагаю. Но очень болезненный. Такое слабое сердце, что не мог подниматься по лестнице. Пришлось установить лифт. В общем, выглядел он старше, чем был на самом деле. Манеры — очаровательные. Изысканные — вот, пожалуй, самое подходящее слово. Его никогда не видели раздраженным или расстроенным. У него были красивые седые волосы и прямо-таки завораживающий голос.

— Хорошо. Я представляю себе сэра Эмброза. Теперь Сильвия. Как вы назвали ее фамилию? — спросил сэр Генри.

— Сильвия Кин. Это была красotka... В самом деле очень хорошенькая. Белокурая такая, кожа — чудная. Не очень, может быть, умная, даже скорее глупая.

— Ну что ты, Долли, — запротестовал муж.

— Артур, конечно, иного мнения, — поджала губы миссис Бантри. — Но она все-таки была глупой. Я не слышала от нее ни единого умного слова.

— Милейшее создание, — не соглашался полковник Бантри. — А как она играла в теннис! Загляденье, прелесть! Она была полна жизни, эта забавная крошка. И такие милые манеры. Могу поспорить, молодые люди были без ума от нее.

— Вот ты и не прав, — возразила миссис Бантри. — Подобные девицы теперь не производят впечатления на молодых людей. Только старикашки вроде тебя, Артур, сидят и восхищаются молоденькими девчонками.

— Быть молодой — этого мало, — сказала Джейн. — Надо иметь С. А.

— Как?! — удивилась мисс Марпл. — С. А.?

— Sex appeal^[34], — объяснила Джейн.

— Ах вот что, — сказала мисс Марпл. — В мое время это называлось «ласкать глаз».

— Ну а теперь о *dame de compagnie*, — продолжал сэр Генри, обращаясь к миссис Бантри. — Неплохую вы дали ей характеристику; кажется, назвали ее кошечкой?

— Видите ли, я не хотела сказать, что она кошка, — ответила миссис Бантри. — Кошка — совсем другое дело. А эта — просто большая, белая, мягкая, мурлыкающая личность. Очень слащавая такая. Вот какой была Аделаида Карпентер.

— И какого же возраста?

— О, пожалуй, в районе сорока. Она находилась в доме, по-моему, с тех пор, как Сильвии исполнилось одиннадцать лет. Очень тактичная дама. Из тех вдов, оказавшихся в неблагоприятных обстоятельствах, что имеют множество родственников-аристократов, но не имеют денег. Я ее не люблю. Я никогда не отличалась любовью к людям с длинными белыми руками, и я не люблю «кошечек».

— Мистер Керли?

— Невзрачный, пожилой сутулый человек. Их такое множество, что едва отличишь одного от другого. Проявлял энтузиазм только при разговоре о своих заплесневелых книжках. Думаю, что сэр Эмброз его и не знал-то как следует.

— А ближайший сосед — Джерри?

— Вот уж действительно очаровательный парень! Был обручен с Сильвией. Что и привело к печальному исходу.

— Тогда я не понимаю... — начала мисс Марпл и замолчала.

— Что?

— Ничего, дорогая.

Сэр Генри с любопытством взглянул на старую даму и задумчиво произнес:

— Итак, эта молодая пара была помолвлена. И давно состоялась помолвка?

— Около года назад. Сэр Эмброз был против под предлогом того, что Сильвия еще слишком молода. Но спустя год он сдался, и скоро должна была состояться свадьба.

— А! У молодой леди была собственность?

— Почти ничего... Какая-то сотня фунтов или две в год.

— Не так уж и плохо, Клиттеринг, — засмеялся полковник Бантри.

— Ну все, пусть теперь доктор задает вопросы, — сказал сэр Генри.

— Мое любопытство, собственно, главным образом профессионально, — начал доктор Ллойд. — Хотелось бы знать, какое медицинское заключение было представлено следствию? Если, конечно, хозяйка знает и помнит.

— Насколько мне известно, отравление дигиталисом. Так, кажется, называется?

Доктор Ллойд кивнул:

— Наперстянка, дигиталис, воздействует на сердце. Конечно, это очень ценное лекарство при некоторых формах сердечной недостаточности. И вместе с тем очень странный случай. Не могу поверить, чтобы листья наперстянки могли привести к летальному исходу. Представление о ядовитости ее листьев и ягод сильно преувеличено. Мало кто понимает, что активное ее начало — алкалоид — нужно сперва извлечь в чистом виде.

— Миссис Макартур послала на днях несколько особых луковиц миссис Туми, — сказала мисс Марпл. — А кухарка миссис Туми приняла их за обыкновенный лук, и, конечно же, все Туми сильно заболели.

— Но они не умерли от этого, — заметил доктор Ллойд.

— Нет, не умерли, — подтвердила мисс Марпл.

— Одна моя знакомая умерла от отравления птомаином — трупным ядом, — сказала Джейн Хелльер.

— Нам надо продвигаться в расследовании преступления, — заметил сэр Генри.

— Преступления? — вздрогнув, переспросила Джейн. — Я думала, это несчастный случай.

— Если бы это был несчастный случай, наверное, миссис Бантри не стала бы нам о нем рассказывать, — возразил сэр Генри. — Нет, я считаю, что это только на первый взгляд несчастный случай. За ним кроется что-то довольно мрачное. Помню такой казус: гости на вечеринке болтали после обеда. Стены были увешаны всевозможным старинным оружием. Вдруг один из гостей схватил со стены седельный пистолет и нацелился в другого, делая вид, что стреляет.

Пистолет оказался заряженным. Прозвучал выстрел. Произошло убийство. И нам пришлось выяснять, во-первых, кто тайно зарядил пистолет, во-вторых, кто направил разговор таким образом, что в результате неумной шутки произошла трагедия: ведь человек, нажавший на курок, был не виноват!

Мне кажется, у нас тут с вами почти такая же ситуация. Листья дигиталиса были намеренно смешаны с шалфеем в предвидении определенного результата. Поскольку мы снимаем подозрение с кухарки — не так ли? — возникает вопрос: кто собирал зелень и принес ее на кухню?

— На это ответить просто, по крайней мере на последнюю часть вопроса, — сказала миссис Бантри. — Сама Сильвия и принесла зелень на кухню. Это была ее постоянная обязанность: собирать салат, зелень, молодую морковку — в общем, делать то, чем садовники не хотят как следует заниматься. Они не подадут вам к столу ничего молодого и нежного, им, видите ли, дай точные образцы. Сильвия и миссис Карпентер, бывало, сами заботились об этом. А наперстянка действительно росла вместе с шалфеем, в одном месте, так что ошибиться было нетрудно.

— Сильвия в самом деле сама собирала?

— Этого никто не знал.

— Предположение — штука опасная, — многозначительно произнес сэр Генри.

— Я, например, знаю, что миссис Карпентер не собирала, — твердо заявила миссис Бантри. — Она все утро провела со мной на террасе. Мы вышли туда после завтрака. Была необычайно теплая для ранней весны погода. Сильвия одна спустилась в сад, а потом я увидела, как она прогуливается под ручку с Мод Уай.

— Они были хорошими подругами? — спросила мисс Марпл.

— Да... — ответила миссис Бантри и, казалось, хотела сказать что-то еще, но промолчала.

— И долго ее подруга там гостила? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Около двух недель. — В голосе миссис Бантри послышалась нотка тревоги.

— Вы не любите мисс Уай? — предположил сэр Генри.

— Вовсе нет. Это просто так. Вовсе нет. — Тревога в ее голосе усилилась.

— Вы что-то скрываете, миссис Бантри, — упрекнул ее сэр Генри.

— Я только сейчас подумала... — сказала мисс Марпл, — но не хочу возвращаться...

— О чем же вы подумали?

— Вот вы сказали, что молодые люди были помолвлены, и именно это привело к печальному исходу. Но когда вы говорили это, ваш голос прозвучал как-то странно, если вы понимаете, что я имею в виду?

— До чего же вы ужасный человек. — Миссис Бантри с укоризной посмотрела на мисс Марпл. — Вы всегда, кажется, все знаете. Да, я кое-что подумала, но, право, не знаю, следует ли мне об этом говорить.

— Обязательно следует, — решительно заявил сэр Генри. — Какие бы ни были у вас сомнения, ни о чем нельзя умалчивать.

— Хорошо. Так вот, вечером накануне трагедии я вышла перед обедом на террасу. Окно в гостиной было открыто, и я случайно увидела Джерри Лоримера и Мод Уай. Он... ну... целовал ее. Конечно, я не поняла, то ли это просто так или же... Ну, я полагаю, и никто не поймет. Я знала, что сэр Эмброс недолюбливал Джерри Лоримера. Возможно, ему было известно, что это за человек. Но в одном я была уверена: Мод Уай была по-настоящему в него влюблена. Вы бы только видели, как она на него смотрела, когда забывалась!.. И к тому же, я думаю, она больше подходила ему, чем Сильвия.

— И еще вопрос, пока меня не опередила мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — После трагедии Джерри Лоример женился на Мод Уай?

— Да, женился. Спустя шесть месяцев.

— О, Шехерезада, Шехерезада! — покачал головой сэр Генри. — Подумать только, как вы нам поднесли эту историю вначале. Одни голые кости! И сколько мы теперь обнаруживаем на них мяса!

— Не ведите таких отвратительных речей, — запротестовала миссис Бантри. — Нечего употреблять слово «мясо». Вегетарианцы вечно так говорят: «Я никогда не ем мяса», да еще таким тоном, что вы тут же начинаете испытывать отвращение к великолепному маленькому бифштексу. Вот мистер Керли, например, был вегетарианцем и, бывало, ел за завтраком какую-то странную

мешанину, похожую на отруби. У этих бородатых стариков часто бывают причуды. К тому же они носят патентованное нижнее белье.

— Что это ты, Долли? — возмутился муж. — Откуда ты знаешь, какое у него нижнее белье?

— Я просто так предполагаю, — ответила миссис Бантри с чувством собственного достоинства.

— Я должен изменить свое предыдущее заявление, — сказал сэр Генри. — Действующие лица вашей загадки оказались очень интересные. Я прямо вижу их перед собой. Э-э, не так ли, мисс Марпл?

— Человеческая природа всегда интересна, сэр Генри. Примечательно, что определенные типы имеют тенденцию действовать одними и теми же способами.

— Две женщины и мужчина — извечный треугольник. Не здесь ли ключ к разгадке? Мне кажется, здесь, — задумчиво произнес сэр Генри.

Доктор Ллойд нерешительно откашлялся:

— Я вот о чем думаю: вы, миссис Бантри, говорите, что тоже плохо себя чувствовали?

— Еще бы! И Артур, и все!

— Вот именно, все, — сказал доктор. — Вы понимаете, что я имею в виду? В истории, которую нам только что поведал сэр Генри, один застрелил другого. Он же не стал стрелять во всех, кто находился в комнате.

— Не понимаю, — пожала плечами Джейн. — Кто и в кого стрелял?

— Дело в том, что, кто бы ни задумал это, действовал он очень странно. Либо он слепо верил в случай, либо с полным пренебрежением относился к человеческой жизни. Но я не могу поверить, чтобы человек, решившийся устранить одного, намеренно отравил восьмерых.

— Понимаю вашу мысль. Мне следовало над этим задуматься, — признался сэр Генри.

— А не мог ли он также отравить и себя? — спросила Джейн.

— Кто-нибудь отсутствовал на обеде в тот вечер? — спросила мисс Марпл.

Миссис Бантри покачала головой:

— Все были.

— Кроме мистера Лоримера, я полагаю, он ведь не гостил у Эмброза.

— Нет. Но он обедал в тот вечер.

— О! — воодушевилась мисс Марпл. — Это же все меняет. — Она встревоженно нахмурилась. — Какая же я глупая, — пробормотала она. — В самом деле, какая глупая.

— Признаюсь, ваша точка зрения, Ллойд, насторожила меня, — сказал сэр Генри. — Как же можно было сделать так, чтобы девушка, и только девушка, получила смертельную дозу?

— Никак, — ответил доктор. — Это-то и подводит меня к мысли, которую я хочу высказать. А что, если не девушка была намечена жертвой?

— Что-что?

— При пищевых отравлениях результат очень неоднозначен. Несколько человек сидят за столом. Что же происходит? Одним становится немного плохо. Другие испытывают серьезное недомогание, а один — умирает. Вот ведь как бывает. Нигде и ни в чем нет определенности. Бывает, что вмешиваются сторонние факторы. Дигиталис — это лекарство, которое действует непосредственно на сердце. Как я говорил, его выписывают в определенных случаях. В доме был один человек, который страдал сердцем. Предположим, он был выбран жертвой. Что губительно для него, не будет губительно для других: так мог рассуждать преступник. То, что обернулось все иначе, является лишь доказательством того, о чем я только что сказал, — неопределенности и ненадежности воздействия лекарств на человеческий организм.

— Сэр Эмброз... Вы думаете, преступник имел в виду его? — спросил сэр Генри.

— Да, да. А смерть девушки — случайность.

— Кто бы получил деньги после его смерти?

— Очень разумный вопрос, мисс Хелльер. Один из первых, который мы всегда задаем себе, уверяю вас как профессионал в недавнем прошлом, — сказал сэр Генри.

— У сэра Эмброза был сын, взбалмошный парень, — медленно проговорила миссис Бантри. — Он давно поссорился с отцом. Но все-таки лишиться его наследства сэр Эмброз не мог. И впоследствии

Клоддерхэм-Корт был передан наследнику по закону. Мартин Берси унаследовал и титул, и поместье. Было, однако, много другой собственности, которой сэр Эмброз мог распорядиться по своему усмотрению и которую он завещал своей подопечной Сильвии. Я об этом знаю, потому что сэр Эмброз умер менее чем через год после событий, о которых я рассказываю. Он не побеспокоился о новом завещании после смерти Сильвии. Думаю, деньги перешли в казну или, может быть, к его сыну как ближайшему родственнику. Я, право, точно не помню.

— Так что смерть его была только в интересах сына, который отсутствовал, и девушки, которая умерла, — задумчиво произнес сэр Генри. — Затруднительный случай.

— Неужели другая женщина ничего не получила? — спросила Джейн. — Та, которую миссис Бантри назвала кошечкой?

— Она не была упомянута в завещании, — сказала миссис Бантри.

— Мисс Марпл, вы не слушаете, — обратился к ней сэр Генри. — Где вы там витаєте?

— Я думаю о старом мистере Баджере, аптекаре, — ответила мисс Марпл. — У него была молодая экономка. Настолько молодая, что годилась ему не то что в дочки, а во внучки. И ни слова своим, полным надежд племянникам и племянницам, никому из семейного круга. А когда умер, поверите ли, оказывается, был тайно женат на экономке уже два года. Конечно, мистер Баджер, аптекарь, — грубый, неотесанный старик. А сэр Эмброз Берси был утонченным джентльменом, как говорит миссис Бантри. Но, несмотря на это, человеческая природа во многом одинакова.

Наступила пауза. Сэр Генри пристально смотрел на мисс Марпл, а та, в свою очередь, бросила на него спокойный насмешливый взгляд.

Джейн Хелльер нарушила молчание:

— А эта миссис Карпентер была хороша собой?

— Да, но такая неяркая, ничего вызывающего.

— У нее был очень приятный голос, — заметил полковник Бантри.

— Мурлыканье, вот как я это называю, — возразила миссис Бантри. — Мурлыканье.

— Тебя тоже скоро назовут кошкой.

— Мне нравится быть кошкой в домашнем кругу, — сказала миссис Бантри. — И вообще я не очень жалею женщин, тебе это известно. Мне больше по душе мужчины и цветы.

— Отличный вкус, — усмехнулся сэр Генри. — Особенно потому, что на первом месте мужчины.

— Все это так, — сказала миссис Бантри. — Но как же все-таки насчет моей маленькой загадки? По-моему — подходящая! Ты и не думал, Артур, что у меня так получится?

— Да, моя дорогая. Но я не думал, что распорядителя жокей-клуба будут спрашивать о скачках.

— Первый номер — сэр Генри, — сказала миссис Бантри, указывая на него пальцем.

— Я не так скор на решения. Поэтому у меня нет еще определенного мнения по этому делу. Начнем с сэра Эмброза, думаю, он не стал бы таким образом устраивать собственное самоубийство. С другой стороны, он ничего не выигрывал и от смерти своей подопечной. Исключаем сэра Эмброза.

Мистер Керли. Никакого мотива для умерщвления девушки. Если мистер Керли наметил жертвой сэра Эмброза, то он мог рассчитывать на манускрипты, хищения которых, кроме старика, никто бы не заметил. Очень тонко и маловероятно. Так что, я думаю, несмотря на предположения миссис Бантри относительно его нижнего белья, мистер Керли чист.

Мисс Уай. Заинтересованности в смерти сэра Эмброза никакой. В убийстве Сильвии — довольно серьезная. Она желала заполучить жениха Сильвии. И, принимая во внимание свидетельство миссис Бантри, довольно сильно желала. Она была с Сильвией в то утро в саду и имела возможность собрать зелень. Нет, мы не можем сбросить со счетов Уай.

Молодой Лоример. В обоих случаях у него есть мотивы. Если он избавляется от своей невесты, то может жениться на другой девушке. Однако представляется слишком жестоким убивать ее. Что такое расстроенная помолвка в наши дни? В случае смерти сэра Эмброза он мог жениться на богатой девушке вместо бедной. Насколько это могло быть существенно, зависело от финансового положения молодого человека. Если я установлю, что его поместье было заложено и что

миссис Бантри намеренно скрыла от нас этот факт, я потребую назначить ей штраф.

Теперь миссис Карпентер. Эти белые руки, с одной стороны, и отличное алиби на тот момент, когда собиралась зелень, вызывают у меня недоверие. У меня есть и еще одна причина подозревать эту даму, но я ее пока придержу.

Итак, мне надо выбрать. Я выбираю мисс Мод Уай. Против нее доводов больше, чем против других.

— Номер второй, — объявила миссис Бантри, указывая на доктора Ллойда.

— Я думаю, вы ошибаетесь, Клиттеринг. Вряд ли кто-то хотел убить девушку. Я убежден, что преступник хотел избавиться от сэра Эмброза. Не уверен, что у молодого Лоримера было для этого достаточно знаний. Я склонен считать виновной во всем Карпентер. Она в семье давно, знала, в каком состоянии здоровье сэра Эмброза, и легко могла подстроить все так, чтобы эта девица, Сильвия, которая, как вы сами говорили, была довольно глупа, нарвала нужных листьев. Мотива, признаюсь, не вижу. Но я осмеливаюсь высказать догадку о том, что сэр Эмброс когда-то составил завещание, в котором была упомянута она. Это все, что я могу предположить.

Указательный палец миссис Бантри направился на Джейн Хелльер.

— Не знаю, что и сказать, — вздохнула Джейн. — Единственно, почему бы девице самой этого не сделать? В конце концов, ведь это она отнесла зелень на кухню. А вы говорили, что сэр Эмброс возражал против ее замужества. Если бы он умер, она бы получила деньги и могла бы выйти замуж. О здоровье сэра Эмброза она знала столько же, сколько и миссис Карпентер.

Палец миссис Бантри направился на мисс Марпл.

— Ну, теперь наша наставница, — сказала она.

— Сэр Генри прекрасно все растолковал. Прекрасно, — повторила мисс Марпл. — И доктор Ллойд тоже сделал правильные замечания. Они все прояснили. Только, я думаю, доктор Ллойд не уточнил одну малость. Видите ли, не будучи лечащим врачом сэра Эмброза, он, естественно, не знал, каким именно видом сердечной недостаточности страдал сэр Эмброс. Не так ли?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Марпл, — недоуменно поднял глаза доктор Ллойд.

— Вы строите свое предположение на том, что у сэра Эмброза было такое сердце, на которое дигиталис оказал бы вредное воздействие, ведь так? Но вы ничем не можете этого доказать. Возможно, все было наоборот.

— Наоборот?

— Да, вы же сказали, что его часто прописывают при болезнях сердца.

— Даже теперь не понимаю, к чему вы клоните.

— Так вот, это означает, что в распоряжении сэра Эмброза имелся в достаточном количестве дигиталис, за который не надо отчитываться. Что я хочу сказать? (Вечно я не могу как следует выразить свою мысль.) Предположим, вы захотели отравить кого-то смертельной дозой дигиталиса. Не будет ли самым простым и легким способом устроить отравление практически всех листьями наперстянки? В любом случае убийство бы не было тайной, а здесь никто бы не удивился одной жертве, потому что, как сказал доктор Ллойд, это такие неопределенные вещи. Вряд ли кто поинтересуется, а не получила ли девушка смертельную дозу настойки дигиталиса или чего-то в этом роде. Он мог бы подмешать ей дигиталис в коктейль, или в кофе, или даже заставить выпить просто-напросто в качестве тоника.

— Вы хотите сказать, что сэр Эмброз отравил свою подопечную, очаровательную девушку, которую так любил?

— Вот именно, — подтвердила мисс Марпл. — Вспомните Баджера и его молодую экономку. Не говорите мне, что мужчина шестидесяти лет не может влюбиться в двадцатилетнюю девушку. Это случается каждый день. А у такого старого деспота, как сэр Эмброз, это могло привести к такому неожиданному обороту. Это иногда превращается в безумие. Он не мог перенести мысли, что она выйдет замуж. Сделал все возможное, чтобы этому воспрепятствовать, и не получилось. Его неукротимая ревность довела его до того, что он решил лучше убить ее, чем отдать молодому Лоримеру. Он, должно быть, все обдумал заранее, ведь наперстянку нужно было посеять и вырастить среди шалфея. Когда наступило время, он набрал ее сам и отправил девушку с зеленью на кухню. Ужасно даже подумать об этом.

Но я считаю, что надо посмотреть с точки зрения милосердия: ведь джентльмены такого возраста настолько своеобразны, когда дело касается молодых девиц... Наш последний органист... А впрочем, ни к чему мне тут пересказывать всякие скандальные истории.

— Миссис Бантри, это так? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри кивнула:

— Да. Я и представления об этом не имела, считала, что несчастный случай. Потом, после смерти сэра Эмброза, я получила письмо. Он распорядился отослать его мне. В нем он поведал мне правду. Не знаю, почему именно мне, но мы всегда с ним очень ладили.

Наступило молчание. Миссис Бантри почувствовала в нем осуждение и поспешила оправдаться:

— Вы полагаете, что я раскрыла секрет, но это не так. Я поменяла все имена. На самом деле его имя было не Эмброс Берси. Разве вы не видели, как Артур глупо уставился на меня, когда я произнесла это имя? Он сначала ничего не понял. Словом, как пишут иногда в журналах или в начале книжек: «Все имена в этой истории изменены. Вы никогда не узнаете, кто они были на самом деле».

Происшествие в бунгало

— Я кое-что вспомнила, — сказала Джейн Хелльер. Ее красивое лицо осветилось улыбкой ребенка, ожидающего одобрения. Улыбка была из тех, что приводила в восторг лондонскую публику.

— Это произошло, — начала она осторожно, — с моей подругой.

Возникло легкое оживление. Полковник Бантри, миссис Бантри, сэр Генри Клиттеринг, доктор Ллойд и мисс Марпл были убеждены, что «подруга» — это сама Джейн. Она была совершенно не способна искренне интересоваться кем-нибудь другим.

— Моя подруга, — продолжала Джейн, — я не хочу называть ее имя — была актрисой, очень известной актрисой.

Никто не удивился. Сэр Генри Клиттеринг подумал: «Интересно, сколько фраз будет сказано до того момента, когда она скажет «я» вместо «она»?»

— Год или два назад моя подруга была на гастролях в провинции. Это произошло на берегу реки, недалеко от Лондона. Думаю, что точное место лучше не указывать. Я назову его условно...

Она замолчала. Придумать даже простое название, очевидно, было слишком трудно для нее. Сэр Генри пришел ей на помощь.

— Не назвать ли нам его Ривербери? — предложил он.

— О да, это превосходно. Ривербери, я запомню. Итак, моя подруга была в Ривербери со своей труппой, и там произошла удивительная история. — Она опять замолчала. — Очень трудно точно изложить события. Все так перепутано, и говоришь сначала не то, что надо.

— У вас это получается прекрасно, — поддержал ее доктор Ллойд, — продолжайте.

— Да, так вот что случилось... Мою подругу вызвали в полицейский участок. Оказалось, ограбили одно бунгало на берегу реки. Был арестован молодой человек, который рассказал в связи с этим очень странную историю. Из-за него ее и вызвали. Прежде она никогда не бывала в полицейском участке. Там все были очень предупредительны к ней, в самом деле, очень добры.

— Еще бы, так и должно быть, — подтвердил сэр Генри.

— Сержант — я думаю, это был сержант, а возможно, инспектор — предложил ей стул и все рассказал. И, конечно, я сразу поняла, что произошла ошибка...

«Ага, — подумал сэр Генри, — как и следовало ожидать, вот и «я»».

— Так рассказывала моя подруга, — продолжала Джейн в беззаботном неведении, что выдала себя. — Она объяснила, что находилась на репетиции и даже не слышала об этом мистере Фолкнере. Тогда сержант сказал: «Мисс Хел...» — Она замолчала и покраснела.

— Мисс Хелман, — предположил сэр Генри. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Да, да, так лучше. Благодарю. Он сказал: «Хорошо, мисс Хелман, я понял, что произошла ошибка, когда узнал, что вы остановились в «Бридж-отеле». И спросил, не возражаю ли я против опознания или очной ставки. Уж и не помню, как он выразился.

— Это не имеет значения, — заверил ее сэр Генри.

— «С тем молодым человеком...» Я ответила: «Конечно нет». И они привели его и спросили: «Это мисс Хелльер и...» — Джейн замерла с открытым ртом.

— Не важно, дорогая, — успокоила ее мисс Марпл. — Мы все равно догадывались, что это вы. Вы же не назвали место происшествия и то, что там произошло на самом деле.

— Хорошо, — согласилась Джейн. — Я хотела рассказать так, будто это произошло с кем-то другим. Но это ужасно трудно, правда? Я хочу сказать, что все так забывается.

Все стали ей поддакивать и успокаивать...

— Он был вполне приятный мужчина. Молодой, с рыжеватыми волосами. Он рот открыл, когда меня увидел. И на вопрос сержанта: «Это та самая леди?» — ответил: «Нет, конечно нет. Каким ослом бы я был...» Ну, я ему улыбнулась и дала понять, что не обижаюсь на него.

— Представляю эту сценку, — вмешался сэр Генри.

Джейн Хелльер нахмурилась:

— Дайте мне подумать, как лучше вам все объяснить.

— Может быть, вы все-таки расскажете нам, дорогая, что же такое там произошло? — спросила мисс Марпл так вкрадчиво, что никто не

заметил иронии. — Я имею в виду ошибку молодого человека и как это все связано с ограблением.

— Да, конечно, — отозвалась Джейн. — Этот юноша — его имя было Лесли Фолкнер — написал пьесу. Вообще-то он сочинил уже несколько пьес, но ни одна из них не была принята ни в одном театре. Он послал пьесу мне, чтобы я ее прочитала. Мне эти пьесы присылают сотнями. А читаю я только те, о которых я что-нибудь слышала. О пьесе Фолкнера я понятия не имела. Но случилось так, что мистер Фолкнер получил от меня письмо. Только выяснилось, что на самом деле это письмо было вовсе не от меня... — возмущенно произнесла она и смолкла.

— В письме говорилось, что я прочла пьесу, что она мне очень понравилась и чтобы он приехал ко мне поговорить о ней. Там был адрес: бунгало в Ривербери. Обрадованный мистер Фолкнер отправился в путь. Он нашел бунгало. Горничная открыла дверь, он спросил мисс Хелльер, она сказала, что мисс ожидает его, и проводила в гостиную. К нему вышла женщина. Ее-то он и принял за меня, что довольно странно, потому что, в конце концов, он же видел меня в спектаклях и, кроме того, мои фотографии хорошо известны, не так ли?

— Повсюду, во всей Англии, — подтвердила миссис Бантри. — Но ведь между фотографией и оригиналом большая разница, моя дорогая. И то, что видится в огнях рампы, иногда существенно отличается от того, что имеется в повседневной жизни.

— Хорошо, — согласилась Джейн, слегка успокоившись, — возможно. Он так описал эту женщину: высокая, белокурая, с большими голубыми глазами и очень красивая. Я полагаю, что описание достаточно близко к истине. Он, разумеется, ничего не подозревал. Она говорила о его пьесе, сказала, что хочет поставить ее. Пока они беседовали, принесли коктейли. Фолкнер, конечно, выпил. Да, это последнее, что он запомнил. Когда он очнулся, или пришел в себя — назовите это, как хотите, — он лежал у изгороди, на обочине дороги. У него кружилась голова. Ему было так плохо, что когда он встал, то пошел сам не зная куда. Он сказал, что если бы он был в твердом уме, то он просто вернулся бы в бунгало и попытался выяснить, что же произошло. Но он пребывал в ужасном состоянии и

поэтому продолжал брести, не соображая куда. Когда он более или менее пришел в себя, его арестовали.

— А почему его арестовали? — спросил доктор Ллойд.

— О, разве я не сказала? — воскликнула Джейн, широко раскрыв глаза. — Какая я глупая... Ограбление.

— Вы упомянули об ограблении, но не сказали, где, когда и как, — заметила миссис Бантри.

— То самое бунгало, куда он ходил. Конечно, оно вовсе не мое. Оно принадлежало человеку, которого зовут...

Джейн опять нахмурила брови.

— Не хотите снова взять меня в крестные отцы? — спросил сэра Генри. — Псевдонимы придают свободу обвинению. Опишите владельца, а я дам ему имя.

— Его можно представить как богатого горожанина, патрона.

— Сэр Герман Кохен, — предложил сэра Генри.

— Это вполне подходит. А она, «дама его сердца», была женой актера и сама тоже актриса.

— Назовем актера Клод Лисон, — подсказал сэра Генри, — а леди — ее сценическим именем: предлагаю — мисс Мэри Керр.

— Наверное, вы ужасно умный, — заметила Джейн. — Не понимаю, как вы все это сразу придумываете. Да, так вот, видите ли, у сэра Германа был загородный дом для уик-эндов, куда он приглашал эту леди. Жена, разумеется, ничего не знала. И он подарил этой актрисе кучу драгоценностей и среди них несколько красивых изумрудов.

— Ах, — воскликнул доктор Ллойд, — вот мы и добрались до них.

— Эти драгоценности, запертые в специальном ларчике, находились в бунгало. Полиция считает, что это было весьма легкомысленно — любой мог унести их.

— Видишь, Долли, — вмешался полковник Бантри, — а я что всегда говорил тебе?

— Да, но я считаю, — возразила миссис Бантри, — что тот, кто старательно упрячивает свои вещи, обычно теряет их. Я не запираю драгоценности в ларец, а держу их в выдвигаемом бельевом ящике, под чулками. Осмелюсь заявить, что, если бы эта, как ее, Мэри Керр делала так же, драгоценности не украли бы.

— Их бы все равно украли, — сказала Джейн, — так как содержимое всех ящичков было вытряхнуто.

— Значит, искали не драгоценности, — заключила миссис Бантри. — Они искали секретные документы. Так всегда говорится в книгах.

— Я ничего не знаю о секретных документах, — засомневалась Джейн. — Я не слышала ни о чем подобном.

— Не отвлекайтесь, мисс Хелльер, — вмешался полковник Бантри, — не принимайте всерьез домыслы Долли.

— Что же с ограблением? — спросил сэр Генри.

— Так вот, в полицию позвонила дама, она назвалась мисс Мэри Керр. Она сказала, что бунгало ограблено, и описала молодого человека с рыжеватыми волосами, который заходил к ней сегодня утром. Горничной он показался несколько странным, и та отказалась впустить его. Позднее они видели в окно, как он уходил. Керр описала молодого человека так точно, что через час полиция арестовала его. На допросе он рассказал, что с ним случилось, и показал мое письмо. И меня, как я уже говорила, вызвали в полицию. Когда Фолкнер увидел меня, он заявил, что то была вовсе не я.

— Очень занятная история, — подытожил доктор Ллойд.

— Знал ли мистер Фолкнер эту мисс Мэри Керр?

— Нет, не знал или говорил, что не знал. Но я вам еще не рассказала самое интересное. Полицейские, конечно, отправились в бунгало. Там они нашли все, как было сообщено по телефону. Дом был пуст, ящички вытащены, опрокинуты, драгоценности исчезли. Через несколько часов вернулась Мэри Керр. Увидев все это и узнав о звонке в полицию, она заявила, что об ограблении узнала только сейчас и никуда не звонила. Она объяснила, что утром получила телеграмму от менеджера с предложением главной роли, и он назначил ей встречу в клубе. Она, конечно, помчалась в город, но напрасно — менеджер телеграммы не давал.

— Обычная уловка, чтобы убрать ее с дороги, — прокомментировал сэр Генри. — А что слуги?

— Да то же самое. Там была только одна горничная. Ей позвонила по телефону, как той показалось, Мэри Керр и попросила привезти в клуб сумку, что лежит в ее спальне в таком-то ящичке. Горничная

должна была успеть на ближайший поезд. Так она и сделала, но, когда приехала в клуб, мисс Керр там не оказалось.

— Хм, я начинаю догадываться. Дом был пуст, и проникнуть в него через одно из окон не составляло особого труда. Но я не совсем понимаю, как же туда попал мистер Фолкнер и кто позвонил в полицию, если не мисс Керр? — развел руками сэр Генри.

— Вот этого-то никто и не может выяснить.

— А тот молодой человек действительно оказался тем, за кого себя выдал?

— О да. Здесь все в порядке. Он в самом деле получил письмо, как будто бы от меня. Конечно, это был не мой, но похожий почерк.

— Итак, давайте проясним ситуацию, — заключил сэр Генри. — Поправляйте меня, если я ошибусь. Этого молодого человека заманивают в ловушку с помощью поддельного письма, что вполне правдоподобно. Молодой человек одурманен. В полицию сообщают о подозрениях против него, ограбление в самом деле произошло. Я полагаю, и драгоценности действительно украдены?

— О да.

— Они найдены?

— Нет, разумеется. Сэр Герман старался замять дело, но ему это не удалось. Нетрудно предположить, что обо всем узнала жена и начала бракоразводный процесс. Хотя в действительности мне ничего подлинно не известно.

— А что случилось с мистером Лесли Фолкнером?

— Его освободили. В полиции сказали, что улики против него нет. А вы не думаете, что вся эта история довольно странная?

— Определенно странная. Первый вопрос — кому верить? Из вашего изложения, мисс Хелльер, можно заключить, что вы склонны верить мистеру Фолкнеру. Есть ли у вас какие-нибудь основания для этого, кроме собственной интуиции?

— Нет-нет, думаю, что нет. Но он был такой милый и так извинялся за свою ошибку, приняв Мэри Керр за меня, что я почувствовала — он говорит правду.

— Понимаю, — сказал сэр Генри с улыбкой. — Но вам придется допустить, что он легко мог и выдумать всю эту историю. Он мог и сам написать такое письмо, якобы от вашего имени. Он также мог одурманить себя уже после успешного ограбления. Но признаюсь: я не

вижу смысла во всем случившемся. Единственно, для чего он мог сострять этот план, — это если обнаружил, что его заметил кто-то из соседей.

— Он состоятельный человек? — спросила мисс Марпл.

— Не думаю, — ответила Джейн. — Нет, пожалуй, скорее он был в стесненных обстоятельствах.

— Все это происшествие кажется странным, — сказал доктор Ллойд. — Должен признаться, что если мы допустим, что история, рассказанная молодым человеком, — правда, то это еще больше все запутывает. Зачем неизвестная женщина, выдавая себя за мисс Хелльер, впутала в эту историю неизвестного человека? Зачем разыграла такую комедию?

— Скажите, Джейн, Фолкнер когда-нибудь встречался лицом к лицу с Мэри Керр на сцене или еще где-нибудь? — спросила миссис Бантри.

— Я точно не знаю, — помедлила с ответом Джейн и вновь нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

— Потому что, если Фолкнер не видел ее, задача решена! — сказала миссис Бантри. — Я уверена, что буду права. Очень легко придумать, будто тебя вызвали в город. Потом позвонить горничной с Паддингтонского или другого вокзала и, пока она добирается до города, возвратиться в бунгало. Молодой человек заходит в дом, его одурманивают, вы устраиваете сцену ограбления, переворачивая все вверх дном, насколько это возможно. Затем звоните в полицию, даете описание козла отпущения и снова отбываете в город. Возвратившись домой последним поездом, разыгрываете удивление и непричастность к ограблению.

— Но зачем ей красть собственные драгоценности, Долли?

— Они всегда так делают, — парировала миссис Бантри. — Во всяком случае, я могу придумать сотни причин. Может быть, ей срочно понадобились деньги, а старый сэр Герман не давал их, так что ей пришлось украсть драгоценности, а потом тайком продать. А может быть, ее кто-нибудь шантажировал, угрожая выдать их связь мужу Керр или жене сэра Германа. Другая причина: она уже продала драгоценности, а сэр Герман оказался не в духе и потребовал предъявить их, так что ей пришлось что-то придумать. В книгах так часто поступают. А возможно, он собирался сделать новую оправу, а у

нее пока оказалась только подделка. Или — о, это очень хорошая идея и не так часто встречается в книгах — Керр притворилась, что драгоценности украдены, она в отчаянии, и сэр Герман дарит ей новые. Так уже оказывается два гарнитура вместо одного. Женщины такого рода, я уверена, ужасно хитрющие.

— Вы умница, Долли, — восхитилась Джейн, — мне на ум такое и не приходило.

— Вы можете быть умницей, но это вовсе не значит, что вы правы, — заметил полковник Бантри. — Я склонен подозревать кого-нибудь из города. Он мог телеграммой устранить леди с дороги, а все остальное устроить достаточно легко с помощью нового друга леди. Кажется, никто не подумал спросить у него алиби.

— А что вы думаете, мисс Марпл? — поинтересовалась Джейн, обращаясь к пожилой леди, которая сидела молча, всем своим видом выражая недоумение.

— Моя дорогая, я даже не знаю, что и сказать. Сэр Генри будет смеяться, но я не могу вспомнить ничего похожего из моей деревенской жизни. Конечно, здесь сами собой напрашиваются несколько вопросов. Например, «прислуга». То беспорядочное ведение хозяйства, которое вы описали, позволяет, без сомнения, заключить, что прислуга знала обстановку в доме. В самом деле, порядочная девушка не пошла бы служить в такое место. Итак, я думаю, мы можем предположить, что горничная была отнюдь не ангелом. Она могла состоять в сговоре с ворами. Она могла оставить для них дом открытым и уехать в Лондон. А распоряжение хозяйки, полученное по телефону, — только попытка отвести подозрение от себя. Должна признаться, что это мне кажется самым правильным решением. Но если речь идет об обычных ворах, то все это выглядит очень странным.

Мисс Марпл немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Я не могу отделаться от ощущения, что там было еще что-то... Пока я не могу объяснить. Предположим, например, у кого-то было чувство злости, досады. У молодой актрисы, с которой плохо обошлись. Вы не думаете, что тогда легче было бы объяснить случившееся? Стремление причинить другому человеку неприятности. Так это выглядит. Хотя это и не очень убедительно.

— А вы, доктор, еще ничего не сказали, — смутилась Джейн. — Я забыла о вас.

— Обо мне все забывают, — печально отозвался доктор. — Должно быть, я самая незаметная личность.

— О нет! Скажите, что вы думаете об этом деле.

— Я нахожусь в положении человека, который готов согласиться с каждым из высказавшихся и... ни с кем из них. У меня же есть, возможно, абсолютно ошибочное предположение... Во всей этой истории может быть замешана жена сэра Германа. У меня нет оснований утверждать, однако вы удивились бы, если б знали, какие невероятные ходы может придумать обиженная жена.

— Как вы проникательны, доктор Ллойд! Как я могла забыть о бедняжке миссис Пеммарш.

Джейн уставилась на мисс Марпл:

— Миссис Пеммарш? Кто такая миссис Пеммарш?

— Но... — мисс Марпл заколебалась, — я не знаю, существует ли она в реальности. Она прачка. Это она взяла ту опаловую брошь, что была приколата к блузке, и положила потом в белье другой женщины.

Джейн выглядела еще более озадаченной, чем раньше.

— И это делает для вас все ясным, мисс Марпл? — спросил сэр Генри, подмигивая.

Мисс Марпл покачала головой:

— Боюсь, что нет. Должна признаться, я в полной растерянности. Но одно знаю твердо: женщины обязаны держаться вместе. Каждая должна в любых непредвиденных обстоятельствах отстаивать свою собственную честь. Я думаю, именно в этом мораль истории, которую рассказала нам мисс Хелльер.

— Каюсь, эта нравственная особенность всей истории ускользнула от меня, — признался сэр Генри. — Возможно, когда мисс Хелльер назовет разгадку, все прояснится.

— Как? — спросила Джейн, явно смутившись.

— Да, говоря по-детски, мы сдаемся. Вы одна, мисс Хелльер, имеете высокую честь раскрыть нам вашу тайну, разгадать которую не сумела даже мисс Марпл.

— Итак, вы все сдаетесь, — проговорила Джейн. — Очень интересно.

Она замолчала и принялась с отсутствующим видом полировать ногти.

— Ну, — сказала миссис Бантри, — продолжайте, Джейн. В чем же разгадка?

— Разгадка?

— Да. Что же произошло на самом деле?

Джейн пристально посмотрела на нее:

— Не имею ни малейшего представления.

— Что?!

— Мне самой все время было интересно это. Я думала, вы все такие умные и один из вас поймет суть происшедшего.

Присутствующие еле смогли скрыть чувство раздражения. С красотой Джейн все было в порядке, но в этот момент все поняли, что глупость может завести слишком далеко.

— Вы хотите сказать, что истина никогда не была обнаружена? — спросил сэр Генри.

— Нет. Я думала, что вы сможете раскрыть эту тайну.

Джейн говорила обиженно. Было видно, что она недовольна.

— Хорошо, м-м... — начал было полковник Бантри, но у него не было слов.

— Вы самая несносная девчонка, Джейн, — упрекнула миссис Бантри. — Во всяком случае, тогда я считаю, что я была права. Если бы вы назвали нам настоящие имена действующих лиц, я была бы полностью в этом уверена.

— Не думаю, что я могу сделать это, — возразила Джейн.

— Нет, дорогая, конечно нет, — поддержала ее мисс Марпл, — мисс Хелльер действительно не может.

— Нет! Она может, — заявила миссис Бантри. — Не будьте чересчур благородной, Джейн. Мы, пожилые, обожаем скандалы. Во всяком случае, скажите хоть, кто был этот вельможа из города.

Но Джейн покачала головой. А мисс Марпл в своей старомодной манере поддержала девушку:

— Это было бы крайне неприятно.

— Я думаю... Я думаю, я скорее наслаждалась этим, — тихо сказала Джейн.

— Возможно, так и было, — отозвалась мисс Марпл. — Полагаю, что этим была нарушена монотонность. Какую пьесу вы играли?

— «Смит».

— Ах да. Это ведь Сомерсет Моэм, не так ли? Все им созданное очень мудро. Я видела почти все пьесы.

— Вы намерены возобновить постановку будущей осенью, разве не так? — спросила миссис Бантри.

Джейн кивнула.

— Ну хорошо, — сказала мисс Марпл. — Мне пора домой, уже поздно. У нас был очень интересный вечер, самый необычный, во всяком случае. Считаю, что рассказ мисс Хелльер заслуживает приза. Вы не согласны?

— Мне очень жаль, что я рассердила вас, — с грустью призналась Джейн. — Если бы я знала, я бы обязательно открыла вам тайну.

Доктор Ллойд воспользовался случаем проявить галантность:

— Дорогая юная леди, ну почему же? Вы задали нам очень хорошую задачу, чтобы заострить наши умы. Мне только жаль, что никто из нас не нашел верного решения.

— Говорите за себя, — возразила миссис Бантри. — Я-то ее решила и убеждена в своей правоте.

— Вы знаете, я верю, что это так, — согласилась Джейн. — Все, что вы сказали, возможно.

— Какое из семи решений вы предпочитаете? — шутливо спросил сэр Генри.

Доктор Ллойд помог мисс Марпл одеться и собрался проводить ее. Мисс Марпл еще раз пожелала всем доброй ночи. Прощаясь, она подошла к Джейн и что-то прошептала ей на ухо. Изумленное «ах!» вырвалось у последней так громко, что заставило всех обернуться.

Улыбаясь и кивая, мисс Марпл удалилась, а Джейн Хелльер все смотрела ей вслед.

— Вы собираетесь спать, Джейн? — спросила миссис Бантри. — Что с вами? Вы смотрите, будто увидели привидение.

Джейн словно очнулась. Она одарила очаровательной и смущенной улыбкой мужчин и последовала за миссис Бантри вверх по лестнице.

— Огонь в камине почти погас, — сказала миссис Бантри с раздражением. — Не могут разжечь как следует... Какие бестолковые служанки. Да, правда, мы несколько задержались сегодня вечером. Уже половина первого ночи!

— Как вы думаете, много есть людей таких, как она? — спросила вдруг Джейн.

— Как горничная?

— Нет. Я имею в виду эту забавную старушку. Как ее, мисс Марпл?

— Ну, я не знаю. Думаю, что она совершенно типичная обитательница небольшой деревни.

— О дорогая, я не знаю, что делать. — Джейн глубоко вздохнула.

— В чем дело?

— Я расстроена.

— Чем?

— Долли, знаете, что эта странная старая леди шепнула мне перед уходом?

— Нет. Что же?

— Она сказала: «Я бы не делала этого, моя дорогая. Никогда не поддавайтесь власти другой женщины, даже если вы считаете ее своей лучшей подругой...» Долли, это поразительно верно.

— Возможно. Но я не вижу, к чему можно применить данный совет.

— Наверно, из-за того, что вы не можете представить себе реальную женщину. А я чуть не оказалась в ее власти. Я никогда не думала об этом.

— О какой женщине вы говорите?

— О Нетте Грин, моей дублерше в театре.

— Но откуда же мисс Марпл знает о вашей дублерше?

— Я думаю, что она догадалась. Но не знаю как.

— Джейн, будьте добры, скажите сейчас же, о чем идет речь?

— Об истории, которую я вам рассказала. Долли, вы знаете, Грин — женщина, которая отняла у меня Клода.

Миссис Бантри кивнула, мысленно возвращаясь к первому неудачному замужеству Джейн с актером Клодом Авербэри.

— Он женился на Нетте. Клод ничего не подозревал, а она проводила уик-энды в загородном бунгало с сэром Джозефом Салманом... Я рассказала вам об этом. Я намеревалась изобличить ее: мне хотелось, чтобы все знали, что это за особа. И с ограблением... вы же понимаете, вот-вот все выйдет наружу.

— Джейн! — задохнулась миссис Бантри. — Это вы устроили историю, о которой рассказали нам?

Джейн кивнула.

— Вот почему я выбрала «Смита». В этом спектакле я выступаю в наряде горничной. И когда меня вызвали в полицейский участок, ничего не было проще, чем сказать, что я репетировала свою роль с дублершей в отеле. На самом же деле мы обе могли быть в бунгало. Я должна была открыть дверь и принести коктейли, а Нетта представиться мною. Фолкнер после этого никогда не должен был увидеть ее. Поэтому не стоило опасаться, что молодой человек опознает Нетту. А я могу загримироваться под горничную совершенно иначе. Кроме того, в горничных обычно и людей-то не видят. Мы договорились вытащить потом его на дорогу, забрать ларец с драгоценностями, позвонить по телефону в полицию и вернуться в отель. Я не хотела заставлять молодого человека страдать. Вот и сэр Генри, кажется, считает, что он не слишком страдал. Разве не так? Я надеялась, что имя Нетты Грин появится в газетах, и все обнаружится. Тогда Клод увидит, кто она на самом деле.

Миссис Бантри застонала:

— О, моя бедная голова!.. И все это время... Джейн Хелльер, вы лживая девчонка!.. Сочиняете нам историю, которую сами же и устроили!

— Я — хорошая актриса. — В голосе Джейн чувствовалось самодовольство.

— Мисс Марпл права, — пробормотала миссис Бантри, — личностный фактор. О да! Джейн, девочка моя, вы понимаете, что воровство — это воровство и что вас могут посадить в тюрьму?

— Но никто не догадался, — пробормотала Джейн. — Кроме мисс Марпл. Долли, вы в самом деле думаете, что много таких людей, как она?

— Если честно, то я не думаю, — ответила миссис Бантри.

Джейн вздохнула:

— Однако лучше не рисковать. Я, несомненно, попала бы под влияние Нетты. Это правда. Она могла бы воспротивиться и сделать мне какую-нибудь гадость. Нетта помогла продумать детали и уверяла меня в своей преданности. Нет, я думаю, мисс Марпл права. Мне лучше не рисковать.

— Но, моя дорогая, вы уже сделали это!

— О нет! — Джейн широко раскрыла глаза. — Вы не понимаете? Пока еще ничего не произошло! Да, если можно так выразиться, я примеряла это на собаку.

— Мне трудно разобраться в вашем театральном сленге, — с достоинством произнесла миссис Бантри. — Вы хотите сказать, что это — будущее действие, а не уже совершенное?

— Я собиралась осуществить это осенью, в сентябре. А теперь не знаю, что и делать.

— Мисс Марпл разгадала загадку и ничего не сказала нам! — возмутилась миссис Бантри.

— Я хочу понять, почему она сказала это о женщинах, которые дружат. Мисс Марпл не хотела выдавать меня мужчинам. Она так добра.

— Ну хорошо, объясните же мне все, Джейн, прошу вас.

— Пожалуй, я так и сделаю, — пробормотала мисс Хелльер, — ведь могут найтись и другие мисс Марпл...

Смерть мисс Роуз Эммот

В субботу утром сэр Генри Клиттеринг, экс-комиссар Скотленд-Ярда, спустившись к завтраку, чуть не столкнулся в дверях с хозяйкой дома, миссис Бантри. Она выбежала из столовой возбужденная и расстроенная.

Полковник Бантри сидел за столом, лицо его было краснее обычного.

— Доброе утро, — приветствовал он Клиттеринга. — Замечательный день. Прошу. Распоряжайтесь сами...

Сэр Генри сел. Ему была приготовлена тарелка с почками и беконом.

— Долли немного расстроена сегодня, — пояснил полковник.

— Я так и понял, — тихо сказал сэр Генри. Состояние миссис Бантри несколько озадачило его.

Она была спокойной женщиной, не поддававшейся унынию. Сэр Генри знал за ней только одну страсть — сад.

— Ее расстроила новость, которую мы узнали утром. Девушка из деревни — дочка Эммота, который держит «Синий кабан», — сказал полковник.

— А, знаю, знаю.

— Да-а, хорошенькая девушка. И вот такая беда... — задумчиво проговорил полковник. — Обычная история. Я даже повздорил с Долли из-за этого. Глупо с моей стороны. Разве женщина может понять? Долли была полностью на стороне девушки. Вы знаете, как это у женщин: мужчины — скоты, все как один... И пошло-поехало. Но все не так просто, как может показаться, не те времена. Девушки знают, на что идут. Парень, соблазвивший девушку, не обязательно злодей. Вероятность пятьдесят на пятьдесят. Мне, например, нравится молодой Сандфорд. Скорее этакий простак, чем донжуан.

— Так этот Сандфорд и есть виновник всех бед?

— Вроде бы он. Сам-то я точно не знаю, — признался полковник. — Все сплетни, болтовня. Так вот, точно не знаю ничего и не собираюсь, как Долли, торопиться с выводами и разбрасываться

обвинениями. Черт побери, надо же думать, что говоришь. Знаете, ведь следствие и всякое такое.

— Следствие?

Полковник Бантри посмотрел удивленно:

— Да. Разве я не сказал? Девушка-то утопилась. Вот из-за чего шум.

— Неприятное дело, — нахмурился сэр Генри.

— Конечно, неприятное. Несчастливая! Такая была хорошенькая, плутовка. Отец ее, конечно, тяжелый человек.

— Где она утопилась?

— В речке. Ниже мельницы, там довольно быстрое течение.

Полковник Бантри развернул газету, решив отвлечься от неприятных мыслей.

Сэра Генри не слишком тронула деревенская трагедия. После завтрака он расположился в удобном кресле на лужайке, надвинул на глаза шляпу и принялся созерцать неторопливое течение местной жизни.

Около половины двенадцатого на лужайку прибежала горничная.

— Простите, сэр, пришла мисс Марпл и хотела бы вас видеть.

— Мисс Марпл?

Сэр Генри встал и поправил шляпу. Визит удивил его. Он прекрасно знал невозмутимый характер этой дамы, ее удивительную пронизательность. Он мог припомнить дюжину неразрешимых и гипотетических случаев, которым эта типичная «провинциальная старая дева» находила единственно правильное объяснение. Сэр Генри питал глубокое уважение к мисс Марпл. Он был озадачен: что привело ее к нему?

Мисс Марпл он нашел в гостиной. Она была взволнована.

— Сэр Генри... я так рада! Такое счастье, что я нашла вас! Надеюсь, вы простите меня...

— Очень приятно, — сказал сэр Генри, беря ее за руку. — Боюсь, миссис Бантри вышла.

— Да, я видела, как она разговаривает с Футитом, мясником, — подтвердила мисс Марпл. — Генри Футита вчера задавила машина, вернее, его собаку. Такого гладкошерстного фокстерьера, довольно плотного и злобного. У этих мясников всегда, кажется, такие.

— Да, — согласился сэр Генри.

— Я рада повидаться с вами именно в отсутствие миссис Бантри, — продолжала мисс Марпл. — Я хотела поговорить с вами по поводу этого печального случая.

— С Генри Футитом? — спросил сэр Генри в некотором недоумении.

Мисс Марпл бросила на него осуждающий взгляд:

— Нет-нет, с Роуз Эммот. Вы, конечно, уже знаете?

Сэр Генри кивнул:

— Бантри мне рассказал. Весьма печально.

Он был слегка озадачен. Почему мисс Марпл понадобилось увидеть его по поводу Роуз Эммот?

Мисс Марпл села. Сел и сэр Генри. Когда мисс Марпл заговорила, лицо ее стало очень серьезным.

— Быть может, вы помните, сэр Генри, как мы приятно проводили время, обсуждая загадочные случаи и находя им объяснение. Вы были столь любезны, что отметили некоторые мои успехи...

— Да вы нас всех превзошли, мисс Марпл, — отозвался сэр Генри. — Вы проявили прямо гениальные способности добираться до истины. И вы всегда, насколько я помню, приводили какой-нибудь случай из деревенской жизни, который давал вам ключ к разгадке.

— Ваши слова дали мне смелость прийти к вам сейчас. Я чувствую, что, если что-то скажу вам, вы по крайней мере не будете смеяться надо мной.

Сэр Генри понял, что ей не до шуток.

— Конечно, я не буду смеяться.

— Сэр Генри, эта девушка, Роуз Эммот... Она не утопилась... Ее убили... И я знаю, кто ее убил.

Сэр Генри в полном изумлении секунды три безмолвствовал.

— Это достаточно серьезное заявление, мисс Марпл, — заметил сэр Генри.

— Знаю-знаю, вот почему я и пришла к вам.

— Но, дорогая мисс Марпл, вы обращаетесь не по адресу. Теперь я просто частное лицо. Если вы располагаете сведениями такого рода, вам надо идти в полицию.

— Думаю, что не могу этого сделать.

— Почему же?

— Видите ли, у меня нет никаких на то оснований.

— Выходит, это только ваша догадка?

— Если угодно, можете считать так. Но на самом деле это совсем не так. Я знаю. Я уверена, что знаю. Но если я приведу свои доводы инспектору Друитту, он просто посмеется. И, пожалуй, я не стала бы его винить за это. Очень трудно предугадать, как вы отнесетесь к своего рода особым свидетельствам.

— Например?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась:

— Ну вот, если я вам скажу, что знаю, почему некто Пизгуд^[35], приехав несколько лет назад на тележке продавать овощи, оставил моей племяннице вместо репы морковь.

— Подходящая фамилия для торговца, — пробормотал сэр Генри. — Как я понимаю, вы находите какое-то сходство?

— Я знаю человеческую природу, — сказала мисс Марпл. — Невозможно не знать человеческой природы, живя столько лет в деревне. Вопрос в том, верите вы мне или нет.

Сэр Генри принимал решения быстро, не крутясь вокруг да около. Каким бы невероятным ни казалось заявление мисс Марпл, он тут же понял, что принимает его.

— Я безусловно верю вам, мисс Марпл, но не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, зачем вы пришли ко мне.

— Я долго думала о случившемся, — сказала мисс Марпл, — но не решилась идти в полицию без каких-либо фактов. А фактов у меня нет. Я хотела попросить вас заинтересоваться происшествием. Инспектор Друитт был бы польщен. Я уверена. И, конечно, если дело пойдет, полковник Мэлчетт — главный констебль — тоже. — Она умоляюще взглянула на него.

— И какими данными вы снабдите меня для начала?

— Я решила, что напишу на бумажке имя убийцы, — сказала мисс Марпл, — и отдам вам. И если после расследования окажется, что этот человек тут ни при чем, значит, я глубоко заблуждалась.

Она замолчала, потом, вздрогнув, добавила:

— Это ужасно. Просто ужасно, если повесят невинного человека. Возможно, я ошибаюсь... Хотя не думаю. Инспектор Друитт вообще-то, видите ли, здравомыслящий человек, но заурядные способности иногда крайне опасны.

Сэр Генри с любопытством взглянул на нее.

Мисс Марпл открыла свою маленькую сумочку, вытащила записную книжку, вырвала листок, аккуратно вывела имя и, сложив его пополам, протянула сэру Генри.

Имя ему ничего не говорило. Сэр Генри слегка поднял брови, посмотрел на мисс Марпл и спрятал листок в карман.

— Ну и ну, — сказал он. — Довольно необычная история. Ничем подобным мне еще не приходилось заниматься. Но я рад буду утвердиться в своем мнении... о вас, мисс Марпл.

...Сэр Генри сидел в комнате с полковником Мэлчеттом, главным констеблем графства, и инспектором Друиттом.

— Я понимаю, что бесцеремонно вторгаюсь в это дело, — сказал сэр Генри. — И даже не могу объяснить, почему это делаю. Чистая правда!

— Дружище, мы польщены! Это большая для нас честь!.. — Про себя главный констебль подумал: «Бедняга, спятил от скуки у этих Бантри. Старик ругает правительство, а старуха без конца мелет про свои луковицы».

— Мы только благодарны вам, сэр Генри, — добавил инспектор. А сам подумал: «Жаль, что нет у нас настоящего дела. Я слышал, он один из лучших умов Англии. Жаль, что это такой простой случай».

— Боюсь, что все это и подло, и просто, — сказал главный констебль. — Первая мысль была, что девушка сама утопилась. Она, знаете, была в интересном положении. Однако наш врач Хейдок — малый дотошный. Он обнаружил синяки на руках — прижизненные синяки. По-видимому, ее схватили и швырнули.

— Но для этого нужна сила!

— Думаю, что обошлось без борьбы. Очевидно, девушку застали врасплох. А этот пешеходный мостик вечно скользкий, перила только с одной стороны.

— Вы точно установили, что трагедия произошла именно там?

— Да. Тут есть мальчик лет двенадцати, Джимми Браун. Он был в лесу, на берегу реки. Слышал крик с моста и всплеск. Смеркалось, трудно было разглядеть что-нибудь. Но он заметил, что в воде плавает что-то белое. Он сбегал за подмогой, и ее вытащили, но было уже поздно.

Сэр Генри кивнул:

— Мальчик никого не заметил на мосту?

— Нет. Ведь уже смеркалось, да и по вечерам там всегда туман.

— У нас есть записка, сэр, — сказал инспектор Друитт, обращаясь к сэру Генри. — Записку нашли в кармане платья этой девушки. Написана вроде карандашом, каким рисуют художники. Намокла сильно, но нам все же удалось прочитать.

— И что же в ней?

— Она от молодого Сандфорда. «Хорошо. Встретимся на мосту в восемь тридцать. Р. С.». Джимми Браун как раз в это время или чуть позже слышал крик и всплеск.

— Не знаю, знакомы ли вы с Сандфордом? — продолжал полковник Мэлчетт. — Он здесь живет около месяца. Один из тех молодых архитекторов, что возводят несуразные дома. Он строит дом для Аллингтона. Бог знает, как все это будет выглядеть. Внутри, наверно, эти новомодные штуки: стеклянный обеденный стол, стальные кресла. Словом, ни то ни се, но характеризует этого малого — Сандфорда. В духе времени, знаете... Никаких моральных устоев.

— Совращение, — резюмировал сэр Генри, — давно признанное преступление, хотя, конечно, не столь древнее, как убийство.

— О да, — задумчиво произнес полковник Мэлчетт. — Может быть, и так.

— Мерзкое преступление, — сказал Друитт. — И все тут ясно, сэр Генри. Молодой Сандфорд совратил девушку и решил улизнуть назад в Лондон. У него там есть невеста, скромная молодая леди. Они помолвлены, и он скоро женится на ней. Но, конечно, если она узнает об этом, дело его пропащее. Он встречается с Роуз на мосту, вечер туманный, поблизости никого, хватает ее за плечи и сталкивает. Молодой негодяй. Он должен получить по заслугам — вот мое мнение.

Минуты две сэр Генри молчал. Он понимал, сколь сильно влияние местных предрассудков. Новомодный архитектор вряд ли мог пользоваться любовью в консервативной деревушке Сент-Мэри-Мид.

— Я полагаю, этот Сандфорд и был отцом будущего ребенка? — спросил он.

— Ну да, наверно, — подтвердил Друитт. — Роуз Эммот рассказала обо всем отцу. Думала, что Сандфорд женится. Женится на ней! Как же, дожидайся!

«Боже мой! — подумал сэр Генри. — Словно в старомодной викторианской мелодраме. Невинная девушка, обольститель из

Лондона, суровый отец, измена... Не хватает только преданного деревенского влюбленного. Пожалуй, пора поинтересоваться и этим».

— Неужели у девушки не было здесь молодого человека? — спросил он у инспектора.

— Вы имеете в виду Джо Эллиса? Джо — хороший парень. Плотник. Вот если бы она держалась Джо...

Полковник Мэлчетт кивнул в знак согласия.

— Знай свое место, — жестко произнес он.

— Как отнесся к этому Джо Эллис? — спросил сэр Генри.

— Никто этого не знает, — ответил инспектор. — Джо — тихий парень, замкнутый. Что бы ни делала Роуз, он все прощал. Прямо молился на нее. Все надеялся, что она вернется к нему.

— Я бы хотел его увидеть, — сказал сэр Генри.

— Мы как раз собираемся навестить его, — заметил полковник Мэлчетт. — Мы не исключаем ни одной версии. Я думаю, надо сначала побеседовать с Эммотом, потом с Сандфордом, а уже потом с Эллисом. Вас это устраивает, сэр Клиттеринг?

Сэр Генри заверил, что это его вполне устраивает.

Они нашли Тома Эммота в «Синем кабане». Это был крупный дородный мужчина средних лет с хитрыми глазками и тяжелой челюстью.

— Рад видеть вас, джентльмены. Доброе утро, полковник. Заходите. Мы можем поговорить тут. Вам что-нибудь предложить, джентльмены? Нет? Как вам будет угодно. Вы пришли по поводу моей бедной дочери? Да, она была хорошей девушкой, моя Роуз... Всегда была хорошей... Пока не появился этот негодяй... Прошу прощения, но иначе его не назовешь. Обещал жениться на ней. Обещал... Ну, я найду на него управу. Довел ее, скотина! Проклятый убийца! Навлек позор на всех нас. Бедная моя девочка!

— Дочь говорила вам, что именно мистер Сандфорд виновник... ее положения? — решительно спросил Мэлчетт.

— В этой самой комнате говорила.

— А вы что ей сказали? — поинтересовался сэр Генри.

— Что сказал? — Эммот, казалось, был застигнут врасплох.

— Ну... Вы не грозили выставить ее из дома?

— Я немного расстроился, это же так естественно. Уверен, вы поймете меня. Но я не угрожал выставить ее из дома. Я бы никогда

ничего подобного себе не позволил. — Он изобразил благородное негодование. — Нет. «Для чего у нас законы? — Вот что я сказал. — Для чего существуют законы? Он должен порядочно поступить с тобой, а если не пожелает, тогда, бог свидетель, ему придется платить». — Эммот опустил кулак на стол.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь? — спросил Мэлчетт.

— Вчера. Около пяти за чаем.

— Как она себя вела?

— Ну... как всегда. Я ничего такого не заметил. Если бы я только знал...

— Но вы не знали, — сухо заметил инспектор.

Они ушли.

— Эммот производит не очень приятное впечатление, — задумчиво произнес сэр Генри.

— Хорош мерзавец, — подтвердил Мэлчетт.

Следующий визит они нанесли архитектору. Рекс Сандфорд был совсем не таким, как его представлял себе сэр Генри. Высокий, худой, волосы светлые, глаза голубые, мечтательные.

Полковник Мэлчетт назвал себя и своих спутников. Затем он попросил архитектора рассказать, как тот провел предыдущий вечер.

— Вы понимаете, — предупредил полковник, — я не имею права заставлять вас говорить, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я хочу, чтобы это было вам ясно.

— Я... я не понимаю, — пролепетал Сандфорд.

— Вы же знаете, что Роуз Эммот утонула вчера вечером...

— Знаю. Это так терзает меня. В самом деле, я не спал всю ночь. Я не в состоянии сегодня работать. Я чувствую ответственность... ужасную ответственность. Я никому не хотел причинять зла. Представить себе не мог, что она все так воспримет. — Он сел за стол и закрыл лицо руками.

— Надо понимать, Сандфорд, что вы отказываетесь сообщить, где находились вчера в восемь тридцать вечера?

— Нет, нет, конечно же нет! Я вышел прогуляться.

— Вы ходили на встречу с мисс Эммот?

— Нет. Сам по себе... в лес... Далеко-далеко.

— Тогда, сэр, как вы объясните эту записку, которую нашли в кармане покойной? — И инспектор Друитт невозмутимым тоном прочитал ее. — Итак, сэр, вы отрицаете, что написали ее?

— Нет, нет, вы правы. Я в самом деле написал ее. Роуз просила встретиться. Она настаивала. Я не знал, что делать, вот и написал эту записку.

— Вот так-то лучше, — сказал инспектор.

— Но я не ходил! — Голос Сандфорда дрожал от волнения. — Я не ходил! Я чувствовал, что лучше не ходить. Я уже собирался вернуться в Лондон. Я чувствовал, что лучше... не встречаться. Я решил написать оттуда и... кое-что устроить.

— Вам известно, сэр, что девушка ждала ребенка и что она назвала вас отцом ребенка?

Сандфорд застонал, но не ответил.

— Это верно, сэр?

Сандфорд закрыл лицо руками.

— Я думаю, да, — выдавил он.

— А-а! — Инспектор Друитт не мог скрыть злорадства. — Теперь об этой вашей «прогулке». Кто-нибудь видел вас вчера вечером?

— Не знаю. Не думаю. По-моему, я никого не встречал.

— Жаль.

— Что вы имеете в виду? Какое это имеет значение, гулял я или нет? Какое это имеет отношение к тому, что Роуз утопилась?

— Но, видите ли, она не сама бросилась в воду. Ее столкнули, мистер Сандфорд, — сказал инспектор.

— Стокнули... — Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек осознал весь ужас случившегося. — Боже мой!.. Тогда, значит...

Полковник Мэлчетт направился к выходу.

— И учтите, Сандфорд, из дома ни в коем случае не отлучайтесь.

Они вышли. Инспектор и главный констебль обменялись взглядами.

— Полагаю, сэр, этого достаточно? — осведомился инспектор.

— Да. Выпишите ордер и арестуйте его.

— Простите, — сказал сэр Генри. — Я оставил перчатки.

Он вернулся в дом. Сандфорд продолжал сидеть в той же позе, бессмысленно уставившись в пространство.

— Я пришел, — обратился к нему сэр Генри, — и хочу заверить вас, что постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. Причину таких моих действий я вам открыть не могу, а пока хочу услышать от вас вкратце и по возможности точнее, что произошло у вас с этой самой Роуз.

— Она была такая хорошенькая, такая соблазнительная! И... она сама прямо прилепилась ко мне. Как перед богом говорю — это правда. А мне было здесь так одиноко, всем я тут пришелся не по душе. А она... поразительно хорошенькая и знала, чего добивается. Вот так все и произошло. Она хотела, чтобы я женился на ней. Я не знал, что делать. Я обручен с девушкой в Лондоне. Если она когда-нибудь узнает об этом... все пропало. Она не поймет. С какой стати? Конечно, я подлец. Я избегал Роуз. Думал, вернусь в город, встречу с адвокатом, договорюсь насчет денег и прочего. Господи! Какой же я был дурак! Я вижу, что обстоятельства против меня.

— Роуз когда-нибудь угрожала самоубийством?

— Никогда. Мне в голову не приходило, что она может решиться на это.

— А что вы скажете о человеке по имени Джо Эллис?

— О плотнике? Он из почтенной деревенской семьи. Туповатый малый, но был по уши влюблен в Роуз.

— Может быть, он приревновал? — предположил сэр Генри.

— Думаю, немного есть. Но он не из решительных. Будет страдать молча.

— Ну ладно. Мне надо идти, — сказал сэр Генри и поспешил присоединиться к своим спутникам.

— Знаете ли, Мэлчетт, — сказал он, — думаю, нам следует сходить к этому Эллису, прежде чем принимать какие-то решительные меры. Жаль, если арест окажется ошибкой. В конце концов, ревность — достаточно веский повод для убийства, к тому же довольно распространенный.

— Это, конечно, верно, — согласился инспектор. — Но Джо Эллис не из таких. Он и мухи не обидит. Почему? Никто не видел, чтобы он когда-нибудь вышел из себя. Однако все же лучше спросить у него, где он был вчера вечером. Джо должен быть сейчас дома. Он снимает комнату у миссис Бартлет — очень приличная особа, вдова.

Маленький коттедж, к которому они подошли, был безукоризненно чист. Крупная плотная женщина средних лет открыла им дверь.

— Доброе утро, миссис Бартлет, — приветствовал ее инспектор. — Джо Эллис дома?

— Минут десять как вернулся, — ответила миссис Бартлет. — Проходите, пожалуйста, господа.

Она провела их в крошечную гостиную, заставленную чучелами птиц, фарфоровыми собаками и другими бесполезными вещами. Торопливо пододвинула им стулья и крикнула:

— Джо, тут трое джентльменов хотят тебя видеть!

Из кухни отозвался голос:

— Иду, только почищусь.

— Может быть, вы присядете, миссис Бартлет, — обратился к ней полковник Мэлчетт.

— О нет, сэр, и думать не смею, — смутилась миссис Бартлет.

— Вы считаете Эллиса хорошим жильцом? — спросил Мэлчетт беспечным тоном.

— Лучше и не надо, сэр! Спокойный молодой человек. Спиртного капли в рот не берет. Гордится своей работой. Добрый, помогает по дому. Смастерил мне вон те полки, повесил новый шкафчик на кухне. Да и мало ли что еще требуется сделать в доме. Джо делает все охотно, ничего не требуя. Много ли таких молодых людей, как Джо, сэр?

— Какой-нибудь девушке, наверно, повезет, — небрежно бросил Мэлчетт. — Он ведь был влюблен в эту бедняжку, Роуз Эммот, не так ли?

Миссис Бартлет вздохнула:

— Глаза б мои не глядели. Молился на землю, по которой она ходила, а она и смотреть на него не хотела.

— Где Джо проводит вечера, миссис Бартлет?

— Обычно дома, сэр. Иногда занят какой-нибудь работой по вечерам, еще пытается заочно выучиться бухгалтерии.

— Так, так. И вчера вечером тоже был дома?

— Да, сэр.

— Это точно, миссис Бартлет? — строго спросил сэр Генри.

Она повернулась к нему:

— Совершенно точно, сэр.

— Был ли он дома что-то около восьми — восьми тридцати?

— Ну конечно, — засмеялась миссис Бартлет. — Он почти весь вечер приделывал кухонный шкафчик, а я ему помогала.

Сэр Генри посмотрел на ее улыбающееся лицо и ощутил первую муку сомнения.

Минутой спустя Эллис вошел в комнату. Высокий, широкоплечий, по деревенским меркам красивый молодой человек. Застенчивый взгляд голубых глаз, дружелюбная улыбка. В общем, добродушный молодой великан.

Мэлчетт начал разговор. Миссис Бартлет удалилась на кухню.

— Мы расследуем обстоятельства смерти мисс Роуз Эммот. Вы знали ее, Эллис?

— Да, — пробормотал он. — Надеялся когда-нибудь жениться на ней. Какое несчастье!..

— Вы знали, что она была в положении?

— Да. — Глаза его гневно блеснули. — Бросил он ее, вот что! Ну да к лучшему... Не была бы она счастлива с ним. Она вернулась бы ко мне. Я бы о ней позаботился.

— Несмотря на все?..

— Она не виновата. Он наобещал ей всякого... Она мне рассказывала. Не надо ей было топиться. Не стоил он этого.

— Где вы были вчера в восемь тридцать вечера?

— Я был здесь. Прикреплял на кухне одну штуковину для миссис Би. Спросите у нее, она вам скажет.

И то ли показалось сэру Генри, то ли на самом деле прозвучало в этом подготовленном ответе какое-то смущение.

«Чересчур быстро ответил, — подумал сэр Генри. — Он тугодум. А тут выпалил моментом. Похоже, было приготовлено заранее».

Сэр Генри нашел предлог заглянуть на кухню. Миссис Бартлет крутилась у плиты. Она подняла голову и мило улыбнулась. К стене был прикреплен новый шкафчик. Работа не была закончена. Вокруг лежали инструменты и несколько дощечек.

— Этим Эллис и был занят прошлым вечером? — поинтересовался сэр Генри.

— Да, сэр. Ведь неплохо сделано, правда? Джо очень хороший мастер. — Никакого страха в глазах, никакого смущения.

Но Эллис... Или почудилось ему это? Нет, что-то было... «Надо с ним поговорить», — решил сэр Генри. Повернувшись к выходу, он наткнулся на детскую коляску.

— Не разбудил ребенка, надеюсь?

Миссис Бартлет рассмеялась:

— Что вы, сэр, у меня нет детей, к сожалению. На ней я развожу выстиранное белье, сэр.

— А, понятно... — Помедлив немного, он, повинувшись внезапному порыву, спросил: — Миссис Бартлет, вы знали Роуз Эммот? Скажите, что вы о ней думаете?

— Ну, сэр, я думаю, что она была ветреная девушка. Но она умерла, а я не люблю плохо говорить о покойных.

— Но у меня есть причина спрашивать, довольно основательная причина, — настаивал он.

Миссис Бартлет задумалась. Затем решила и спокойно сказала:

— Плохой она была человек, сэр. Я бы не стала этого говорить при Джо. Очень она задурила ему голову. Такие умеют, к сожалению. Вы знаете, как это бывает, сэр.

Сэр Генри это знал. Такие люди, как Джо Эллис, бывают обычно беззащитными. Безоглядно доверчивыми. Именно поэтому они испытывают более глубокие потрясения от подобных открытий.

Он был сбит с толку и вышел из коттеджа в полном недоумении. Перед ним была стена. Джо Эллис работал вчера весь вечер дома. Миссис Бартлет помогала ему. Как все это понять? Что противопоставить этим фактам? Нечего. Разве только подозрительно торопливый ответ Джо Эллиса?

— Ну вот, — сказал Мэлчетт, — похоже, дело становится совершенно ясным.

— Кажется, так, сэр, — подтвердил инспектор. — Это Сандфорд. Ему теперь не выкрутиться. Ясно как божий день. По-моему, девица и отец шантажировали его. Денег у него не было. Он боялся, что история дойдет до его невесты. Отчаялся, ну и решил на такое... Что вы скажете на это, сэр? — обратился он к сэру Генри.

— Похоже на то, — согласился сэр Генри. — И все же я не могу представить себе Сандфорда в роли убийцы.

Сэр Генри прекрасно понимал, что вряд ли это может служить веским доводом. Даже кроткое животное, если его загнать в угол,

способно на самые неожиданные действия.

— Надо все-таки поговорить с мальчиком, — вдруг предложил он, — с тем, что слышал крик.

Джимми Браун оказался смышленным парнишкой. Он с нетерпением ждал, когда ему начнут задавать вопросы, и был сильно разочарован, что от него первого не потребовали рассказать о том роковом вечере.

— Ты, как я понимаю, был недалеко, на другой стороне реки, — начал разговор сэр Генри, — напротив деревни. Ты кого-нибудь видел на том берегу?

— Кто-то гулял по лесу. Я думаю, это был мистер Сандфорд. Джентльмен-архитектор, который строит чудной дом.

— Это было минут за десять до того, как ты услышал крик?

Мальчик кивнул.

— Видел ли ты еще кого-нибудь на другом берегу реки, там, где деревня?

— Какой-то человек шел по тропинке на той стороне. Шел медленно и посвистывал. Мне показалось, что это был Джо Эллис.

— Как же ты смог узнать его? В тумане, в сумерках? — резко спросил инспектор.

— По свисту. Джо Эллис всегда насвистывает одну и ту же песенку: «Хочу быть счастливым». Это единственный мотив, который он знает, — снисходительно пояснил мальчик.

— Любой мог насвистывать этот мотив, — заметил Мэлчетт. — Он шел по направлению к мосту?

— Нет, в другую сторону, к деревне.

— Не думаю, что стоит проявлять интерес к этому неизвестному, — заключил Мэлчетт. — Ты слышал крики, всплеск воды и спустя несколько минут увидел тело, плывущее вниз по течению. Ты побежал за помощью назад через мост, напрямик в деревню. Ты никого не видел у моста? Когда бежал за помощью?

— Мне кажется, шли двое с тачкой по тропинке к речке, но они были немного в стороне. Я не мог понять, приближаются они или удаляются. Дом мистера Джайлза был ближе всех. Ну, я туда и побежал.

— Ты хорошо поступил, мой мальчик, — похвалил его Мэлчетт.

— Ты действовал правильно. Ты ведь скаут, не так ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Сэр Генри задумался. Достал клочок бумаги из кармана, посмотрел на него и покачал головой. Не может быть, и все же...

Он решил зайти к мисс Марпл.

Она приняла его в милой, несколько старомодной гостиной.

— Прибыл доложить об успехах, — невесело начал сэр Генри. — Боюсь, что, с нашей точки зрения, дела не очень хороши. Собираются арестовать Сандфорда, и должен сказать, что считаю это оправданным.

— Так, значит, вы ничего не нашли в поддержку моей теории? — Мисс Марпл была взволнованна. — Может быть, я была не права, совсем не права? У вас такой большой опыт.

— Во-первых, — сказал сэр Генри, — я сам не могу никак в это поверить, а потом, мы сталкиваемся с неопровержимым алиби. Джо Эллис весь вечер прикреплял на кухне полки, а миссис Бартлет наблюдала за его работой.

Мисс Марпл глубоко вздохнула.

— Не может быть! — возразила она. — Ведь это произошло в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Да, в пятницу вечером. В пятницу миссис Бартлет по вечерам развозит белье заказчикам.

Сэр Генри откинулся на спинку стула. Он вспомнил, что мальчик Джимми рассказывал о насвистывающем человеке... Да... все сходится.

Он поднялся, с жаром пожимая руку мисс Марпл.

— Кажется, я знаю, что делать, — заявил он. — По крайней мере, можно попробовать...

Пять минут спустя он снова появился в коттедже миссис Бартлет, где в маленькой гостиной среди китайских собачек встретился с Джо Эллисом.

— Вы солгали нам, Эллис, о прошлом вечере, — твердо сказал он. — Вас не было на кухне, и вы не вешали шкаф между восемью и восемью тридцатью. Вас видели на тропинке у моста за несколько минут до того, как была убита Роуз Эммот.

Эллис окаменел.

— Она не была убита, нет! Я ничего не мог сделать. Она бросилась сама... Она потеряла голову. Я бы никогда не тронул ее.

— Тогда зачем вы солгали? — не отступал сэр Генри.

— Я испугался. Миссис Бартлет видела меня там. Когда потом мы узнали, что произошло... Ну, она подумала, что это может плохо для меня кончиться. Мы решили: я скажу, что работал здесь. Она редкий человек, редкий. Она всегда так добра ко мне.

Ни слова не говоря, сэр Генри вышел из комнаты на кухню. Миссис Бартлет мыла посуду.

— Миссис Бартлет, — обратился он к ней, — я знаю все. Думаю, вам лучше признаться, если вы не хотите, чтобы Джо Эллиса повесили за то, чего он не совершал... Нет? Я вижу, не хотите? Расскажу вам тогда, что случилось. Вы пошли развозить белье из стирки, встретили Роуз Эммот. Вы знали, что она бросила Джо и крутит с этим приезжим. И вот она попала в беду... Джо готов прийти к ней на помощь, готов жениться, если она согласится. Вы возненавидели эту девицу... Вы не могли допустить, чтобы эта никудышная девчонка увела у вас мужчину. Вы женщина сильная, миссис Бартлет, вы схватили девушку за плечи и столкнули в реку. Через несколько минут вы встретили Джо Эллиса. Мальчик Джимми видел вас издалека, но из-за темноты и тумана принял детскую коляску за тачку, которую везли двое мужчин. Вы убедили Джо, что его могут заподозрить, и придумали ему алиби, но на самом деле это было алиби для вас. Я прав, не так ли?

Сэр Генри затаил дыхание. Он все поставил на кон. Женщина стояла перед ним, вытирая руки о передник и медленно обдумывая ответ.

— Точно так, как вы говорите, сэр, — наконец произнесла она невозмутимым глухим голосом (опасным голосом, как вдруг определил его сэр Генри). — Не знаю, что нашло на меня. Бесстыжая, вот она какая была. На меня просто нашло... Она не имела права забирать у меня Джо. У меня ничего не было хорошего в жизни, сэр. Муж мой был несчастный человек, инвалид и упрямец. Я лечила его и ухаживала за ним по-честному. А потом Джо снял у меня комнату. Я не совсем старая женщина, сэр, хоть у меня и седые волосы. Мне только сорок, сэр. Таких, как Джо, — один на тысячу. Я бы ради него не знаю что сделала. Он как маленький ребенок, сэр. Такой добрый, такой

доверчивый. Он был мой, сэр, я заботилась о нем... И тут эта... — Миссис Бартлет проглотила конец фразы.

Даже в такой момент она оставалась сильной женщиной. Несчастливая стояла прямо и с вызовом смотрела на сэра Генри.

— Готова идти, сэр. Никогда бы не подумала, что кто-нибудь догадается. Ума не приложу, как вы узнали. Не пойму, в самом деле.

Сэр Генри покачал головой.

— Это было нелегко, — сказал он и подумал о листочке бумаги, все еще лежащем у него в кармане. На нем было выведено старомодным почерком: «Миссис Бартлет, у которой проживает Джо Эллис».

Мисс Марпл опять оказалась права.

Агата Кристи
Спящий убийца

Глава 1

Дом

Гвенда Рид, слегка дрожа, стояла на пристани.

Доки — навесы, где располагалась таможня, — как и все прочее, представшее ее взору, мерно покачивалось вверх-вниз.

И именно в этот момент она приняла решение — решение, которое повлекло за собой множество важных событий.

Она не поедет в Лондон на поезде, расписание которого согласовано с прибытием судна, как намеревалась прежде.

В конце концов, почему она должна на нем ехать? Ее никто там не ждет и тем более не встречает. Она только что сошла с этого качающегося, скрипящего судна (трое суток в Бискайском заливе и Ла-Манше были истинной пыткой). Ей претила сама мысль о тряске и качке в поезде. Она отправится в отель, прочно стоящий на твердой земле. И уснет в кровати, которая не скрипит и не качается. А на следующее утро... да, конечно, это блестящая идея! Она возьмет напрокат автомобиль и будет медленно, не спеша, колесить по Южной Англии, подыскивая дом — симпатичный дом, — которым они с Джайлсом планировали обзавестись. Да, это была прекрасная идея.

Таким образом она познакомится с Англией — той самой Англией, о которой ей столько рассказывал Джайлс и которую она никогда не видела, хотя, как и многие новозеландцы, считала своей родиной.

Сейчас Англия не казалась ей столь уж привлекательной. Был хмурый день с надвигающимся дождем и резким раздражающим ветром. Плимут, думала Гвенда, терпеливо ожидая своей очереди к паспортному и таможенному контролю, наверное, не самое лучшее место в Англии.

Однако на следующее утро от мрачного настроения не осталось и следа. Сияло солнце. Из окна открывался заманчивый вид. И земля уже не качалась под ногами. Она обрела устойчивость. Вот наконец Англия и путешествующая по ней Гвенда, молодая замужняя женщина двадцати одного года от роду. Когда приедет Джайлс, пока не было ясно. Может, через несколько недель, а может, даже через шесть

месяцев. Это он предложил, чтобы Гвенда поехала в Англию раньше и присмотрела подходящий дом. Они оба думали, что неплохо бы где-то иметь надежное пристанище. Работа Джайлса была связана с разъездами. Иногда он брал с собой Гвенду, но порой это оказывалось невозможным по тем или иным причинам. Словом, им хотелось обзавестись собственным домом. К тому же Джайлс недавно получил в наследство от тетки кое-какую мебель, так что мечта о доме представлялась вполне реальной.

Тем более что и Гвенда и Джайлс были людьми более или менее состоятельными.

Гвенда поначалу отказывалась полагаться на свой выбор.

— Это надо сделать вместе, — заявила она.

Но Джайлс ответил, смеясь:

— Я не очень-то разбираюсь в домах. Если понравится тебе, то и мне понравится. Мне наш будущий дом представляется не очень большим — не то что новомодные монстры — и непременно с садиком. Хорошо бы где-нибудь на южном побережье. Во всяком случае, не очень далеко от моря.

— Ты имеешь в виду какое-то определенное место? — спросила Гвенда.

Но Джайлс ответил:

— Нет.

Он рано остался сиротой (они оба были сироты), и из школы его брали на каникулы разные родственники, поэтому у него не возникло привязанности ни к какому месту. Это будет дом Гвенды, и зачем ждать, пока они смогут выбрать его вместе, тем более что это может затянуться на целых шесть месяцев. И где Гвенда будет находиться все это время? Обретаться по отелям? Нет, она должна найти дом и обосноваться в нем.

— Так ты хочешь, чтобы я все проделала сама?

Однако ей понравилась идея отыскать дом, обустроить его и создать в нем уют к приезду Джайлса.

Они поженились всего три месяца назад, и она очень его любила.

Заказав завтрак в номер, Гвенда оделась и приступила к осуществлению своего плана. Она потратила день, чтобы осмотреть Плимут, который ей теперь понравился, а на следующий день наняла

удобный автомобиль «Даймлер» с шофером и отправилась в путешествие по Англии.

Погода выдалась хорошая, и поездка была ей в радость. Она осмотрела несколько подходящих домов в Девоншире, но ни один из них не показался ей именно таким, о каком она мечтала. Да и спешить было некуда.

Она научилась улавливать скрытый смысл в восторженных речах агентов по недвижимости и избавила себя от излишней траты времени.

И вот через неделю, вечером во вторник, когда ее автомобиль медленно спускался по извилистой горной дороге к Дилмуту, в окрестностях которого располагался дивный морской курорт, она увидела табличку «Продается». Продавалась скрытая от дороги густыми деревьями небольшая белая вилла в викторианском стиле.

Гвенда сразу же решила, что это именно то, что ей надо. Это был ее дом! Она была абсолютно уверена в этом. Сад, высокие окна — да, именно такой дом она и искала.

День уже клонился к вечеру, поэтому она решила переночевать в отеле «Роил Кларенс», а утром отправиться к агенту по продаже недвижимости, чье имя значилось на табличке.

И вот теперь, вооруженная ордером на осмотр, она стояла в старомодной длинной гостиной со стеклянными дверями от пола до потолка, ведущими на мощенную каменными плитами террасу. С террасы был виден сад с дорожками и цветущим кустарником, который круто спускался к зеленой лужайке. Сквозь деревья виднелось море.

«Это мой дом, — подумала Гвенда. — Здесь я дома. Мне, кажется, знаком каждый его уголок».

Открылась дверь, и вошла высокая унылая дама. Она была простужена и шмыгала носом.

— Миссис Хенгрейв? У меня ордер от господ Галбрейта и Пендерли. Боюсь, что сейчас очень рано...

Миссис Хенгрейв высморкалась и грустно сказала, что это не имеет никакого значения. И они начали осмотр дома.

Да, это было то, что надо. Дом не слишком велик. Немного старомоден, но они с Джайлсом оборудуют новую ванную комнату или даже две. Кухню можно будет модернизировать. К счастью, туда подведена вода. С новой раковиной и современным оборудованием...

Занятая своими мыслями и планами, Гвенда вполуха слушала, как миссис Хенгрейв бубнила что-то о болезни покойного мужа, майора Хенгрейва. Гвенда машинально издавала звуки, выражающие сочувствие, сострадание и понимание. Все родные миссис Хенгрейв живут в Кенте, и она тоже хочет поселиться там... Майор Хенгрейв очень любил Дилмут, много лет был секретарем гольф-клуба, но она сама...

— Да... конечно... ужасно для вас... совершенно естественно... Да, уход за таким домом... конечно... вы должны...

Но мысли Гвенды были заняты совсем другим: «Здесь будет шкаф для белья, я думаю... Да. Большая комната — прелестный вид на море, Джайлсу это понравится. Вон там маленькая комната. Джайлс сможет использовать ее для переодевания... Ванная, она, наверное, отделана красным деревом. О, так и есть! Как хорошо, и стоит посередине комнаты. Я не буду ее менять — это же предмет старины!

Какая громадная ванна!

Если на бордюры положить круглые камни, поставить парусные лодки... а в воду напустить ярких уток, то возникнет полная иллюзия пребывания на взморье... Я знаю: мы переделаем ту темную кладовую в две действительно современные ванные комнаты, зеленые, со сверкающими стальными кранами. Трубы пройдут как раз над кухней, их менять не потребуется...»

— Плеврит, — продолжала миссис Хенгрейв, — на третий день перешел в двустороннее воспаление легких...

— Ужасно, — отозвалась Гвенда. — А нет там, в конце прохода, еще одной спальни?

Комната была и оказалась совершенно такой, как она себе ее представляла, — почти круглой, с большим арочным окном. Конечно же, Гвенда все тут переделает. Комната была в хорошем состоянии, но почему такие люди, как миссис Хенгрейв, любят красить стены в горчишно-бисквитные цвета?

Они прошли по коридору. Гвенда добросовестно подсчитывала: «Шесть, нет, семь спальных комнат, считая ту маленькую и мансарду».

Доски слегка поскрипывали у нее под ногами. Ей уже казалось, что здесь живет она, а не миссис Хенгрейв. Эта миссис Хенгрейв была здесь чуждым существом, женщиной, которая предпочитает горчишно-бисквитный цвет комнат и обожает бордюры из глициний в гостиной.

Гвенда взглянула на напечатанную на машинке бумагу — опись имущества и запрашиваемую цену. В течение нескольких дней Гвенда ознакомилась с ценами на дома. Запрашиваемая миссис Хенгрейв сумма была не так уж велика — конечно, дом нуждался в некотором обновлении, но даже... Она обратила внимание на слова: «Будут рассмотрены возможные встречные предложения». Миссис Хенгрейв, должно быть, очень хотелось поскорее отправиться в Кент и жить среди «своих людей»...

Они уже спускались по ступеням, когда Гвенду совершенно неожиданно охватил безрассудный ужас. Это было отвратительное чувство, но оно прошло так же быстро, как возникло. И все-таки Гвенда невольно насторожилась.

— А в доме... нет привидений?

Миссис Хенгрейв, шедшая впереди, достигла в своем повествовании того момента, когда майор Хенгрейв начал быстро угасать, но теперь посмотрела на Гвенду с глубоко оскорбленным видом.

— Ничего не знаю об этом, миссис Рид. А что, вам кто-то говорил что-нибудь в этом роде?

— Вы никогда не чувствовали и не видели ничего подобного? Никто не умирал здесь?

Вопрос был, пожалуй, неудачный, тут же подумала она, потому что, вероятно, майор Хенгрейв...

— Мой муж умер в частной клинике Святой Моники, — чопорно произнесла миссис Хенгрейв.

— О, конечно, вы говорили мне.

Миссис Хенгрейв продолжала все тем же ледяным тоном:

— В доме, который, вероятно, построен около ста лет назад, конечно же, умирали люди. Мисс Элворси, у которой мой дорогой муж приобрел этот дом семь лет назад, обладала превосходным здоровьем, она собиралась за границу, чтобы заняться миссионерской деятельностью, и ничего не говорила о ком-то недавно скончавшемся в их семье.

Гвенда поспешила успокоить меланхоличную миссис Хенгрейв. Они снова перешли в гостиную. Это была тихая прелестная комната, создающая ту самую атмосферу, которой так жаждала Гвенда. Ее

недавний ужас казался ей теперь совершенно непонятным. Что это с ней произошло? Ничего плохого в этом доме не было.

Спросив миссис Хенгрейв, можно ли ей взглянуть на сад, Гвенда вышла на террасу.

«Здесь где-то должны быть ступеньки», — думала Гвенда. Но вместо этого увидела разросшиеся кусты форзиции, которые почти полностью заслоняли вид на море.

«Ничего, — подумала Гвенда. — Это все я изменю».

Пройдя по террасе вслед за миссис Хенгрейв, она спустилась по ступеням с другой стороны газона и отметила про себя, что каменные дорожки запущены и заросли травой, а цветущий кустарник требует стрижки. Миссис Хенгрейв извиняющимся тоном пробормотала, что сад основательно запущен. Она может позволить себе приглашать садовника только два раза в неделю. Но иногда он и вовсе не является.

Они осмотрели маленькую, но удобную садовую кухню и вернулись в дом. Гвенда объяснила, что ей предстоит посмотреть еще несколько домов, и, хотя ей понравился «Хиллсайд» (какое банальное название для дома!), она не может немедленно принять решение.

Миссис Хенгрейв проводила ее отчужденным задумчивым взглядом, выразительно шмыгнув носом.

Гвенда возвратилась к агентам, изложила свои условия и остаток утра провела, гуляя по Дилмуту. Это был прелестный старомодный приморский городок. В дальнем, «современном» конце было два новых отеля и несколько недостроенных бунгало, но географическое положение Дилмута на побережье, огороженном холмами, спасало городок от чрезмерного расширения.

После ленча Гвенде позвонили агенты и сообщили, что миссис Хенгрейв устраивают ее условия. С озорной улыбкой на устах Гвенда поспешила на почту и отправила телеграмму Джайлсу:

«Купила дом. Люблю. Гвенда».

— Это позабавит его, — сказала себе Гвенда. — Он поймет, что я не из тех, кто сидит сложа руки.

Глава 2

Обои

I

Прошел месяц, и Гвенда перебралась в «Хилл-сайд». Со склада доставили мебель тетушки Джайлса. Это была добротная старомодная мебель. Один или два слишком больших гардероба Гвенда продала, остальные же вещи идеально разместились в доме. В гостиной она поставила столики из папье-маше, инкрустированные перламутром, с ярким рисунком на столешницах. Среди них находился изящный столик для рукоделия. Из крупных предметов Гвенда поместила в гостиной бюро розового и стол красного дерева, а также софу.

Так называемые мягкие стулья Гвенда рассредоточила по спальням, купила два глубоких удобных кресла для себя и Джайлса и поставила их по обе стороны от камина, а огромный честерфилдский диван — вдоль окон. Для портьер Гвенда выбрала старомодный ситец бледно-желтого цвета с рисунком в виде строгих ваз с розами и порхающих над ними птиц. Теперь она могла считать, что комната в полном порядке.

Окончательно она еще не перебралась сюда, потому что рабочие не завершили свою работу. Им полагалось бы уже уйти, но Гвенда вполне разумно рассудила, что они будут болтаться здесь, пока не появится хозяйка.

Переделки на кухне были закончены, и работа в новых ваннных комнатах тоже близилась к концу. С дальнейшими усовершенствованиями Гвенда решила немного повременить. Она хотела освоиться в новом доме, чтобы безошибочно выбрать цветовую гамму для спален. Дом был полностью приведен в порядок, и не было никакой необходимости в спешке с его окончательным убранством.

На кухне воцарилась миссис Коккер, чопорная леди, решительно отвергшая сверхдемократическое дружелюбие Гвенды. Но после того, как Гвенда была-таки поставлена на место, кухарка изъявила готовность смягчиться.

В это утро миссис Коккер водрузила поднос с завтраком на колени сидевшей в кровати Гвенды.

— Когда в доме нет джентльмена, — изрекла миссис Коккер, — леди предпочитают завтракать в постели.

И Гвенда восприняла это как должное — как некий элемент английского этикета.

— Сегодня на завтрак яичница-болтуня, — прокомментировала миссис Коккер, имея в виду блюдо из яиц. — Вы говорили что-то о копченой треске, но вряд ли она годится для завтрака в спальне. После нее остается запах. Я подам вам ее на ужин на поджаренном хлебе.

— О, благодарю вас, миссис Коккер.

Миссис Коккер снисходительно улыбнулась и собралась было покинуть спальню.

Гвенда не пользовалась большой супружеской спальней в ожидании Джайлса. Она временно занимала крайнюю комнату со скругленными стенами и арочным окном. Здесь она чувствовала себя действительно как дома и была счастлива.

Оглядевшись еще раз вокруг, она импульсивно воскликнула:

— Мне на самом деле нравится эта комната!

Миссис Коккер с понимающим видом кивнула:

— Совсем неплохая комнатка, мадам, хотя и маленькая. Судя по решетке на окнах, можно предположить, что когда-то это была детская комната.

— Я и не подумала об этом. Может быть, так и есть.

— Ну да, — заметила миссис Коккер многозначительно и удалилась.

«Если у нас в доме будет джентльмен, — казалось, хотела она сказать, — то как знать? Детская комната может потребоваться».

Гвенда покраснела от смущения. Она снова огляделась по сторонам. Детская комната? Да, это была бы прелестная детская комната. Она принялась мысленно обставлять ее. Вот здесь, у стены, — большой кукольный дом. Низкие шкафы с игрушками. В камине весело потрескивает огонь, а вокруг на высоком ограждении сушатся детские вещи. Но только не эти ужасные стены горчичного цвета! Нет. Здесь будут веселенькие обои. Что-нибудь яркое и радостное. Маленькие букетики маков, перемежающиеся букетиками из васильков... Да, так будет очень мило. Она постарается отыскать

именно такие обои. Она уверена, что где-то уже видела что-то подобное.

В комнате не должно быть много мебели. Там уже имелись два встроенных шкафа, но один из них, угловой, оказался заперт, а ключ потерян. Судя по сохранившейся окраске, его не открывали многие годы. Она непременно попросит рабочих открыть его, пока они не ушли. Иначе она не сможет разместить всю свою одежду.

С каждым днем она чувствовала себя в «Хилл-сайте» все более уютно. Услышав за окном звуки, будто кто-то тяжело прочищал горло и коротко, сухо откашливался, она поспешила закончить завтрак. Это Фостер, временный садовник, не всегда обязательный в деловом отношении, должен сегодня быть здесь, как обещал.

Гвенда приняла ванну, надела твидовую юбку и свитер и поспешила в сад. Фостер работал как раз там, куда выходило окно гостиной. Гвенде не терпелось проложить дорожку к тому месту. Фостер был упрямым и говорил, что тогда придется убрать отсюда кусты форзиции, вейгелы и сирени, но Гвенда была непреклонна, и теперь он выполнял ее волю без всякого энтузиазма.

Он со вздохом поприветствовал ее:

— Похоже, вы хотите все сделать так, как было когда-то, в старые времена, мисс.

Он упрямо называл ее «мисс».

— В старые времена? Что вы имеете в виду?

Фостер копнул лопатой.

— Я обнаружил след старой дорожки. Видите, она шла как раз так, как вы теперь хотите, а потом здесь посадили кусты, и она заросла.

— И очень глупо сделали, — сказала Гвенда. — Надо, чтобы из окна гостиной открывалась перспектива, вид на газон и на море.

У Фостера было туманное представление о перспективе, но он все-таки осторожно и с неохотой согласился:

— Да, видите, я вовсе не хочу сказать, что так будет хуже... Откроется вид, и кусты не будут затенять гостиную. Хотя я никогда не видел такой могучей форзиции. Не то что сирень, саженцы стоят дорого, а та, что есть, слишком стара, чтобы ее пересаживать.

— О, я знаю. Но сирень намного, намного лучше форзиции.

— Ну, — Фостер поскреб затылок, — может, оно и так.

— Так будет хорошо, — уверенно заявила Гвенда. И неожиданно спросила: — Ведь Хенгрейвы жили здесь не так уж долго? А кто жил здесь до них?

— Хенгрейвы жили лет шесть или около того. Недолго. А до них? Сестры Элворси. Очень набожные люди. «Низкая церковь» [36]. Миссии к язычникам. Один раз черный священник останавливался у них. Четыре сестры и брат, который не очень-то часто навещался к этим женщинам. А до них, дайте-ка вспомнить... Да, здесь жила миссис Файндисон... Из настоящих благородных. Это уж точно. Она жила здесь еще до моего рождения.

— И умерла здесь? — спросила Гвенда.

— Умерла в Египте или еще где-то. Но родственники привезли ее сюда. Похоронили в церковном дворе. Она-то и посадила эти магнолии и лабиурнамы. И вот эти питтоспоры. Очень любила кустарники. С тех пор не строили новых домов здесь на холмах, — продолжал Фостер. — Прямо-таки деревня. Даже кино нет. И новых магазинов тоже. А вот на набережной такой парад... — в его голосе слышалось неодобрительное отношение ко всяким переменам, свойственное пожилым людям.

— Перемены, — сказал он, фыркнув, — ничего, кроме перемен.

— Мне кажется, перемены неизбежны, — возразила Гвенда. — И уже сейчас многое изменилось к лучшему, разве не так?

— Так говорят. А я их что-то не заметил. Перемены!

Он указал жестом на живую изгородь из кустарника микрокапы слева от них, сквозь которую виднелось какое-то здание.

— Когда-то это была сельская больница. Хорошее место и удобное. Ее построили по тогдашним временам примерно в миле от города. Двадцать минут ходьбы — и вы попадаете к доктору в приемный день или добираетесь туда за три пенса на автобусе.

Он сделал еще один жест в сторону живой изгороди...

— А теперь там школа для девочек. Обосновалась в этом доме десять лет назад. Все время перемены. Теперь люди покупают дома, живут там десять или двенадцать лет, а потом уезжают. Не сидится на месте. Что в этом хорошего? Кто же станет толком заниматься садом, если не собирается поселиться навсегда?

Гвенда с любовью посмотрела на магнолию.

— Как миссис Файндисон, — сказала она.

— Ах, она была правильная женщина. Приехала сюда невестой, вот так. Вырастила детей, женила их, похоронила мужа, забирала к себе на лето внуков и скончалась, когда ей было под восемьдесят.

В тоне Фостера слышалось одобрение.

Гвенда направилась к дому, улыбаясь каким-то своим мыслям.

Она поговорила с рабочими, а потом прошла в гостиную, села за письменный стол, чтобы написать кое-какие письма. Среди корреспонденции, на которую надо было ответить, были письма от двоюродных сестер Джайлса, живших в Лондоне. Она собиралась как-нибудь съездить к ним, как они просили, и погостить в их родовом доме в Челси.

Реймонд Уэст был известный (скорее именно известный, чем популярный) писатель, а его жена Джоан, насколько знала Гвенда, — художница. Вот было бы забавно пожить у них, хотя они, наверное, считают ее ужасной мещанкой. «Впрочем, мы с Джайлсом и впрямь не такие уж интеллектуалы», — подумала Гвенда.

Из холла донесся громкий звук гонга. Этот обрамленный черным деревом гонг был призом, завоеванным когда-то одной из тетушек Джайлса. Миссис Коккер с явным удовольствием ударяла в него, причем каждый раз в полную силу. Гвенда зажала уши руками и встала.

Она быстро прошла через гостиную к стене, где было окно, и остановилась, досадливо вскрикнув. Уже в третий раз происходит одно и то же. Она в смущении останавливается перед стеной. Такое впечатление, словно она пытается пройти сквозь нее в столовую, которая находится рядом.

Она вернулась назад, вышла в передний холл, обогнула угол гостиной и оказалась в столовой. Это был длинный, обходной путь, и особенно неприятно будет зимой, потому что центральное отопление имеется только в гостиной, столовой и двух спальнях наверху.

«Не понимаю, — подумала Гвенда, усаживаясь за очаровательный, только что купленный шератоновский обеденный стол — разложенный во всю длину массивный квадрат красного дерева, — не понимаю, почему я не могу сделать проход прямо из гостиной в столовую? Надо поговорить об этом с мистером Симсом, когда он придет во второй половине дня».

Мистер Симс, строитель и декоратор, был рассудительным мужчиной среднего возраста с хриплым голосом. Он всегда держал наготове небольшую записную книжку, чтобы тут же занести туда каждую мысль, которая приходила в голову его клиентам. Мистер Симс понимал собеседника с полуслова.

— Нет ничего проще, миссис Рид, и очень стоящее усовершенствование, если можно так выразиться.

— Это обойдется не слишком дорого? — Гвенда немного засомневалась, видя энтузиазм мистера Симса. Ей не хотелось идти на дополнительные расходы, не внесенные в первоначальный реестр мистера Симса.

— Да это сущий пустяк, — ответил мистер Симс, его хрипловатый голос звучал спокойно и утешительно. Гвенда смотрела на него с бо[?]льшим сомнением, чем обычно. К этим сущим «пустякам» мистера Симса она привыкла относиться с недоверием. Его предварительные оценки стоимости работ всегда казались весьма умеренными. — Вот что, миссис Рид, — успокоительно произнес он, — я пришлю Тейлора, когда он закончит работу в гостиной сегодня к концу дня, чтобы он посмотрел, и после этого назову вам цену. Она будет зависеть от того, какая там стена.

Гвенда согласилась. Она написала Джоан Уэст, поблагодарив за приглашение и выразив сожаление по поводу того, что в настоящий момент не может покинуть Дилмут, потому что надо присмотреть за рабочими. Потом пошла прогуляться по набережной — насладиться легким морским бризом. Когда, вернувшись, она направилась в гостиную, Тейлор, старший рабочий Симса, вышел ей навстречу и с радостной улыбкой сообщил:

— С этим делом трудностей не будет, миссис Рид. На том месте раньше была дверь. Кому-то не понравилось, и ее замуровали.

Гвенда была приятно удивлена. «Просто невероятно, — подумала она, — мне всегда казалось, что именно здесь находится дверь». Она вспомнила, как уверенно она направилась к этому самому месту, когда шла на ленч. И ощутила легкую тревогу. Если вдуматься в это, то все кажется довольно странным... Почему она была так уверена, что когда-то в этом месте находилась дверь? На стене не было никаких признаков. Как она могла догадаться... знать, что дверь находилась именно здесь? Конечно, было весьма целесообразно соединить дверью

гостиную со столовой, но почему она каждый раз неотвратимо устремлялась именно к этому месту?

Дверь могла находиться в любом другом месте стены, разделявшей гостиную и столовую, но она всегда инстинктивно и, как правило, думая о чем-то ином, подходила именно к тому месту, где раньше действительно была дверь.

«Надеюсь, — с тревогой подумала Гвенда, — что я не ясновидящая или что-то в этом роде...»

Ей никогда не были присущи какие-либо парапсихологические свойства. Они ей абсолютно чужды. А может быть, нет? Эта дорожка, ведущая с террасы на лужайку. Откуда ей было знать, что ее надо прокладывать именно в том месте, где она была раньше? А ведь она настояла на этом!

«Может быть, у меня возникли психические отклонения? — с тревогой подумала Гвенда. — Или дело в самом доме?»

И почему тогда она спросила миссис Хенгрейв, нет ли в доме привидений?

В нем не водятся привидения! Это симпатичный дом! Да и миссис Хенгрейв была очень удивлена этим вопросом.

Или в ее поведении все-таки была сдержанность и осторожность?

«Боже правый, какие мысли мне начинают лезть в голову», — спохватилась Гвенда.

Она с усилием отбросила прочь эти мысли и вернулась к разговору с Тейлором.

— В моей комнате наверху один из стальных шкафов наглухо закрыт. Я хочу, чтобы его открыли.

Рабочий поднялся вместе с ней в комнату и осмотрел дверь шкафа.

— Его уже много раз красили, — сказал он. — Я пришлю завтра человека, и он откроет.

Гвенда молча согласилась. И Тейлор ушел.

Весь вечер Гвенда пребывала в тревожном, возбужденном состоянии. Сидя в гостиной и пытаясь читать, она вздрагивала при малейшем скрипе мебели. Один или два раза она оглядывалась через плечо, и ее бросало в дрожь. Она без конца твердила себе, что нет ничего необычного в истории с дверью и дорожкой. Все это простые

совпадения. Всего лишь результат решений, основанных на здравом смысле.

Она не желала себе признаться, но ей было боязно идти спать. Когда она наконец встала, выключила свет и открыла дверь в холл, то почувствовала, что боится подниматься по лестнице. Она почти бегом одолела лестницу, быстро миновала проход и открыла дверь в свою комнату. В комнате ее страхи сразу же стихли, она успокоилась и с удовлетворением осмотрелась вокруг. Она ощутила себя в безопасности и вполне счастливой. Да, теперь, здесь, она в безопасности. («В безопасности от чего, идиотка?» — спросила она себя.) Она посмотрела на пижаму, разложенную на кровати, и тапочки, стоявшие под нею.

«Да, Гвенда, вот было бы тебе шесть лет. И у тебя были бы мягкие туфельки с нарисованными на них зайчиками».

Она забралась в постель с чувством облегчения и вскоре заснула.

На следующее утро ей предстояло много дел в городке. Вернулась она только к ленчу.

— Стенной шкаф в вашей комнате открыли, мадам, — доложила миссис Коккер, принеся ей жареную камбалу с картофельным пюре и протертой морковью.

— О, хорошо, — ответила Гвенда.

Она была голодна, и ей очень понравился ленч. Потом она выпила кофе в гостиной и поднялась к себе в комнату. Подойдя к стенному шкафу в углу, она открыла его дверцу и испуганно отпрянула прочь.

Внутри шкафа находились обои, которыми была оклеена комната до того, как ее стены окрасили в желтоватый цвет. Когда-то она была оклеена веселенькими обоями с цветочным орнаментом: букетики алых маков, перемежающиеся букетиками голубых васильков...

II

Гвенда долго смотрела на сохранившиеся в шкафу обои, а потом, вся дрожа, подошла к кровати и присела на краешек.

Вот она в доме, где до этого никогда прежде не бывала, как, впрочем, не бывала и в самой стране. И не далее как пару дней назад она, лежа в кровати, представляла себе, какими обоями она оклеила бы

именно эту комнату, — и, как оказалось, именно такие обои когда-то украшали эти стены.

Самые странные объяснения приходили ей на ум. Сам Данн, который мог экспериментировать со временем, смотрел только вперед, а не назад...

Она могла бы с натяжкой объяснить садовую дорожку и дверь из гостиной в столовую как простое совпадение, но в случае с обоями совпадения быть не могло. Невозможно представить себе обои такого редкого рисунка, а потом обнаружить точно такие же. Нет, этому должно быть какое-то объяснение, но она не находила его, и это повергало ее в ужас. Она снова и снова пытается заглянуть, но не вперед, а назад — возвращается к прежнему состоянию этого дома. И в любой момент может увидеть еще нечто, чего она не желала бы видеть... Дом повергал ее в ужас... Но был ли виной тому сам дом или это было нечто, заключенное в ней самой? Она не желала стать одной из тех, кто видел все это когда-то...

Она глубоко вздохнула, надела шляпу и пальто и быстро выскользнула из дому. На почте она отправила такую телеграмму:

«Уэст, 19 Аддуэй-сквер Челси Лондон. Могу ли я изменить свое решение и приехать к вам завтра?

Гвенда».

Она послала телеграмму с оплаченным ответом.

Глава 3

«Прикройте ей лицо...»

Реймонд Уэст и его супруга делали все возможное, чтобы молодой жене Джайлса понравилось у них. И это не их вина, что Гвенде они показались внутренне напряженными. Реймонд, похожий на ворона, готового в любую минуту броситься на свою жертву, со всклокоченными волосами и невнятной речью, со странными модуляциями голоса, повергал Гвенду в нервное состояние. Казалось, он и Джоан говорят на каком-то понятном только им языке. Гвенда никогда не попадала в такую снобистскую атмосферу, и практически все происходящее вокруг казалось ей странным.

— Мы собираемся пригласить вас на один или два спектакля, — объявил Реймонд, протягивая ей бокал с джином, хотя с дороги она предпочла бы чашку горячего чая.

Гвенда обрадовалась этому.

— Сегодня вечером балет в «Седлер-Уэлс», завтра — торжество по поводу дня рождения моей удивительной тетушки Джейн, потом спектакль «Герцогиня Мальфи» с Джилгудом, а в пятницу вы просто обязаны посмотреть «Они ходили без ног». Пьеса переведена с русского — наверняка самая значительная драма за последние двадцать лет. Идет в Малом Уитморском театре.

Гвенда выразила благодарность за развлекательную программу. Когда Джайлс придет, они будут ходить на музыкальные шоу и в театры. Ее немного передернуло от перспективы присутствия на спектакле «Они ходили без ног», но потом она подумала, что, может быть, пьеса ей понравится, хотя похвальные характеристики чаще всего оказываются неоправданными.

— Вы будете в восторге от моей тетушки Джейн, — продолжал Реймонд. — Она — то, что я назвал бы типичным продуктом золотой поры. Викторианка до мозга костей. У нее все ножки туалетных столиков обернуты ситцем. Она живет в деревне, причем в такой, где никогда ничего не происходит, прямо как в застоявшемся пруду.

— Один раз что-то там случилось, — холодно заметила его жена.

— Не более чем любовная драма, грубая... никакой утонченности.

— Но она вам доставила ужасное удовольствие в то время, — напомнила ему Джоан с легким блеском в глазах.

— Мне иногда нравится играть в деревенский крикет, — с достоинством парировал Реймонд.

— Но так или иначе, тетушка Джейн обрела известность из-за того убийства.

— О! Она не так глупа. Она обожает загадки.

— Загадки? — спросила Гвенда, стараясь понять, в чем дело.

Реймонд махнул рукой:

— Любые. Почему жена лавочника прихватила зонтик, идя на церковное собрание в такой прекрасный вечер? Почему остатки маринованной креветки были найдены в том месте, а не в другом? Что случилось с сутаной викария? Все годится для мельницы моей тетушки Джейн. Поэтому, если у вас в жизни возникнет какая-нибудь проблема, обратитесь к ней, Гвенда. Она решит ее, — со смехом заключил Реймонд.

Гвенда тоже засмеялась, но весьма сдержанно.

Она была представлена тетушке Джейн, иными словами — мисс Марпл, — на следующий день. Мисс Марпл оказалась привлекательной пожилой дамой, высокой и худой, с румяными щеками и немного суетливыми манерами. В ее голубых глазах то и дело вспыхивали насмешливые искорки.

После раннего обеда, за которым выпили за здоровье тетушки Джейн, все отправились в «Театр его величества». На обеде, кроме Уэстов и Гвенды, присутствовали еще двое гостей — пожилой художник и молодой барристер — адвокат высшего ранга. Пожилой художник сидел за столом рядом с Гвендой, а молодой барристер — между Джоан и мисс Марпл, чьи замечания доставляли ему огромное удовольствие. Однако в театре Гвенда оказалась между Реймондом и барристером.

Огни погасли, и спектакль начался.

Актерский состав был великолепен, и Гвенде спектакль очень понравился. Ей немного довелось видеть первоклассных театральных постановок.

Спектакль близился к концу и уже достиг своей кульминации, когда на сцене прозвучал мужской голос, исполненный трагизма и отчаяния, граничащего с умопомрачением:

«Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой...»

Гвенда пронзительно вскрикнула.

Она вскочила со своего места, ни на кого не глядя, протиснулась к проходу между кресел и выбежала из зрительного зала. Ни минуты не думая, то бегом, то переходя на шаг, она устремилась в сторону Хеймаркета.

Неподалеку от Пикадилли она остановила свободное такси и назвала адрес в Челси. В неумном волнении расплатилась с шофером за такси и, поднявшись по лестнице, позвонила в дверь. Открывшая ей горничная была удивлена.

— Вы так рано вернулись, мисс. Вам плохо?

— Я... нет... да... я... я... почувствовала себя неважно.

— Чего-нибудь желаете, мисс? Может быть, немного бренди?

— Нет, ничего. Я сразу же лягу.

Гвенда поспешила наверх, чтобы избежать дальнейших вопросов, и, сбросив с себя одежду прямо на пол, легла в постель. Не в силах унять сотрясавшую ее дрожь и сердцебиение, она лежала, уставившись неподвижным взглядом в потолок.

Гвенда не слышала, как вернулись вслед за ней из театра ее спутники, но вскоре дверь ее спальни отворилась, и вошла мисс Марпл. Она держала под мышкой пару бутылок с горячей водой, а в руке — чашку.

Гвенда, все так же дрожа, села в кровати.

— О, мисс Марпл, я очень сожалею. Не знаю почему, но мне вдруг стало ужасно страшно. Все, наверное, обиделись на меня?

— Не беспокойтесь, милое дитя. Согрейтесь вот этими бутылками с горячей водой.

— Но мне не нужны бутылки с горячей водой.

— О нет, как раз нужны. Вот так. А теперь выпейте чаю...

Чай был горячий, крепкий и слишком сладкий, но Гвенда послушно выпила его. Дрожь немного утихла.

— А теперь постарайтесь уснуть, — сказала мисс Марпл. — У вас был шок. Мы поговорим об этом утром. Ни о чем не беспокойтесь. Покойной ночи.

Она задернула шторы. Улыбнулась, погладила руку Гвенды и вышла.

Внизу Реймонд с раздражением вопрошал Джоан:

— Что, черт побери, приключилось с нею? Она заболела? В чем дело?

— Мой дорогой Реймонд, я не знаю, но она так ужасно закричала! Наверное, пьеса оказалась слишком жуткой для нее.

— Да, конечно, Уэбстер слегка страшноват. Но я никогда не подумал бы... — Он осекся, потому что в комнату вошла мисс Марпл. — Она в порядке?

— Думаю, да. Видите ли, у нее был сильный шок.

— Шок? Вызванный всего лишь якобинской драмой?

— Мне кажется, что здесь кроется что-то большее, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Завтрак отнесли Гвенде в спальню. Она выпила немного кофе и отщипнула кусочек поджаренного хлеба. Когда она спустилась вниз, Джоан уже не было дома — она отправилась в свою студию, Реймонд работал в кабинете, и только поглощенная вязанием мисс Марпл сидела у окна, из которого открывался вид на реку.

Она ласково улыбнулась Гвенде, когда та вошла в комнату.

— Доброе утро, дорогая. Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— О да. Я в полном порядке. Не понимаю, как я могла повести себя так по-идиотски вчера вечером. А они... сердятся на меня?

— О нет, моя дорогая, они все понимают.

— Что понимают?

Мисс Марпл взглянула на нее поверх своего вязанья.

— Что у вас прошлым вечером был нервный срыв. — И мягко добавила: — Почему бы вам не рассказать мне о его причине?

Гвенда беспокойно прошла по комнате.

— Думаю, мне лучше обратиться к психиатру или еще кому-то.

— В Лондоне, разумеется, есть прекрасные специалисты по психическим расстройствам. Но вы уверены, что это вам так уж необходимо?

— Ну... я думаю, что схожу с ума... Я непременно сойду с ума.

В комнату вошла пожилая горничная с подносом, на котором была телеграмма для Гвенды.

— Посыльный спрашивает, будет ли ответ, мадам?

Гвенда вскрыла телеграмму. Она была переслана из Дилмута. Гвенда смотрела на нее несколько мгновений, а потом смяла в комок.

— Ответа не будет, — не раздумывая бросила она. Горничная вышла из комнаты.

— Надеюсь, дорогая, в телеграмме не содержится ничего неприятного?

— Она от Джайлса, моего мужа. Он приезжает сюда через неделю.

У Гвенды был смущенный и жалкий вид. Мисс Марпл чуть кашлянула.

— Ну, это же очень хорошо, не так ли?

— В самом деле? Когда я не знаю наверняка, то ли действительно сошла с ума, то ли нет? Если я сумасшедшая, то мне не следовало выходить замуж за Джайлса. К тому же этот дом и все прочее. Я не могу вернуться туда. О, я просто не знаю, что мне делать!

Мисс Марпл похлопала ладонью по софе, приглашая ее сесть.

— Ну а теперь, дорогая, садитесь рядом и рассказывайте все по порядку.

Гвенда приняла приглашение с чувством облегчения. Она выложила всю историю, начав с первого визита в «Хиллсайд» и кончая событиями, которые поначалу озадачили, а потом не на шутку напугали ее.

— И я ужасно испугалась, — закончила она свой рассказ. — Подумала, что если уеду в Лондон, то избавлюсь от всего этого. Только, как вы видите, я ошиблась. Все мои страхи последовали за мной. Прошлым вечером... — Она закрыла глаза и сглотнула.

— Прошлым вечером... — напомнила ей мисс Марпл.

— Вы наверняка не поверите этому, — торопливо ответила Гвенда. — Вы можете подумать, что я истеричка, притворщица или еще что-то. Мне так нравился спектакль. Я ни разу даже не вспомнила о своем доме. Но потом вдруг, когда он произнес эти слова, я ни с того ни с сего подумала о доме. — И она повторила тихим дрожащим голосом: — «Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой...» И я словно оказалась вдруг там, на лестнице, стояла и смотрела вниз, в холл через стойки перил, и увидела ее, распростертую там на полу... мертвую. У нее были золотистые волосы, а лицо — совершенно синее. Синее! Она была мертва, задушена, и кто-то произнес таким же зловещим голосом те же самые слова. И я видела

его руки — серые, морщинистые... не руки... а обезьяньи лапы... Это было ужасно, скажу я вам. Она была мертва...

Мисс Марпл мягко спросила:

— Кто была она, мертвая?

Ответ последовал быстро, без малейшего промедления:

— Элен...

Глава 4

Элен?

Какое-то мгновение Гвенда смотрела на мисс Марпл, а потом откинула волосы со лба.

— Почему я это сказала? — спросила она. — Почему я назвала ее Элен? Я не знаю никакой Элен!

Ее руки безвольно упали на колени.

— Вы же видите, — сказала она. — Я сумасшедшая! У меня видения! Мне мерещатся вещи, которые в действительности не существуют! Сначала это были только обои, а теперь уже мертвые тела. Выходит, мне становится хуже.

— Не спешите делать выводы, моя дорогая...

— И этот дом. Он населен призраками, заколдован или еще что-то в этом роде... Я вижу события, которые там происходили... или, наоборот, события, которые только предстоят, а это уже совсем невыносимо. Может быть, женщине по имени Элен только предстоит быть там убитой... Только я одного не понимаю: допустим, дом действительно населен привидениями, но почему мне являются такие ужасные видения, когда я нахожусь вне его? Поэтому я думаю, что-то неладное происходит со мной. И лучше мне обратиться к психиатру. Немедленно, этим же утром.

— Ну конечно, Гвенда, дорогая, вы можете поступать, как считаете лучше, но я всегда предпочитаю сначала попытаться найти логическое объяснение происходящему. Позвольте мне выяснить некоторые факты. Три вполне определенных события произвели на вас сильное впечатление. Дорожка в саду, которую засадили кустами, но вы почувствовали, что она находится именно в этом месте; дверь, которая была заложена кирпичом, и обои, рисунок которых вы угадали совершенно точно, хотя никогда прежде не видели. Я правильно вас поняла?

— Да.

— Ну, тогда самое простое и естественное объяснение состоит в том, что вы на самом деле видели все это прежде.

— В другой жизни, хотите сказать?

— Вовсе нет, дорогая. В этой жизни. Я хочу сказать, что это могли быть действительные воспоминания.

— Но я никогда не бывала в Англии, впервые приехала сюда месяц назад.

— Вы абсолютно уверены в этом, дорогая?

— Конечно, я уверена. Я прожила всю жизнь под Крайстчерчем в Новой Зеландии.

— Вы там родились?

— Нет, я родилась в Индии. Мой отец был офицером британской армии. Мать умерла через год или два после моего рождения, и отец отослал меня в Новую Зеландию к родственникам, где я и воспитывалась. Потом, несколько лет спустя, он тоже умер.

— Вы не помните, как ехали из Индии в Новую Зеландию?

— Нет, совершенно не помню. Лишь очень смутно припоминаю корабль. Круглые окна — иллюминаторы, по-видимому. И мужчина в белой форме с красным лицом и голубыми глазами, с отметиной на подбородке, наверное, шрамом. Он любил подбрасывать меня в воздух, и я помню, что это и пугало и радовало меня. Но это всего лишь отрывочные воспоминания.

— А вы помните няню или служанку из местных жителей?

— Не служанку, а Ненни. Я помню Ненни, потому что она находилась при мне, пока мне не исполнилось пять лет. Вырезала, бывало, мне уточек из бумаги. Да, она тоже была на корабле и бранила меня за то, что я плакала, когда капитан целовал меня, а его борода царапала мне лицо.

— А вот это уже интересно, моя дорогая. Потому что у вас в памяти сместились два разных путешествия. В одном случае у капитана была борода, а в другом — у него было красное лицо и шрам на подбородке.

— Да, — согласилась Гвенда, — такое вполне могло быть.

— И мне это представляется возможным, — сказала мисс Марпл. — Когда ваша мать умерла, отец взял вас сначала с собой в Англию, и вы действительно жили в том самом «Хиллсайде». Вы же сказали, что почувствовали себя как дома, едва войдя в него. И та комната, в которой вы устроили временную спальню, возможно, была вашей детской...

— Это, несомненно, была детская комната. Там решетки на окнах.

— Вот видите! И на стенах были те самые веселенькие обои с васильками и маками. Дети навсегда запоминают рисунок на стенах своих детских. Я до сих пор помню розовато-лиловые ирисы на обоях в моей детской, хотя их сменили, когда мне было всего три года.

— Так вот почему я сразу подумала об игрушках, кукольном домике и шкафе для игрушек?

— Да. И ванная комната. Ванна там отделана красным деревом. Вы сказали, что подумали об утках, как только увидели ее.

Гвенда задумчиво продолжала:

— Верно и то, что я сразу же вспомнила, где что располагалось, — и кухня, и шкаф для белья. И где находилась дверь, ведущая из гостиной в столовую. Но ведь совершенно не поддается объяснению, почему я приехала в Англию и купила дом, в котором жила много лет назад.

— Этому есть объяснение, дорогая. В данном случае имело место удивительное совпадение. Ваш муж изъявил желание поселиться на южном побережье. Именно там вы стали искать подходящий дом, и в ваше поле зрения попал дом, который пробудил память и понравился вам. Он подошел вам по цене и отвечал вашему вкусу, вот вы и купили его. Так что ничего экстраординарного тут нет. Если бы в доме были привидения (что в принципе возможно), думаю, вы сразу же почувствовали бы это. Но ведь вы никогда не испытывали чувства страха или отвращения, если не считать единственного случая, когда вы, спускаясь по лестнице, посмотрели вниз, в холл.

В глазах Гвенды снова появился страх.

— Вы хотите сказать... что... Элен... Это тоже было на самом деле?

— Да, дорогая, я так считаю, — мягко заметила мисс Марпл. — Я полагаю, нам следует исходить из предположения, что если вы помните другие вещи, то и это тоже должны помнить...

— Так, выходит, я и на самом деле видела кого-то убитого... задушенного... лежащего там... мертвого?

— Я не думаю, что вы поняли тогда, что женщина была задушена, к такому выводу вы пришли под влиянием вчерашней пьесы, чему в немалой степени способствовало воспоминание о синем, искаженном конвульсией лице. Мне кажется, что даже очень маленький ребенок способен в подобной ситуации понять, что случилось насилие, смерть,

зло, и соотнести это с определенным набором слов. Поэтому я не сомневаюсь, что убийца действительно произнес те самые слова. Это явилось глубоким потрясением для вас. Дети — очень странные существа. Если они страшно чем-то испуганы, особенно тем, чего не могут понять, то никогда не говорят об этом. Таят в себе. Со стороны кажется, они сразу же все забывают. Но это не так, страшные события прочно укореняются в их памяти.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Вы считаете, что со мной тоже произошло нечто такое? Но почему я вспомнила все это только теперь?

— На этот вопрос трудно ответить. И когда человек пытается это сделать, память нередко противится этому. Но, как мне кажется, одна-две детали свидетельствуют о правильности моего предположения. Например, когда вчера вечером вы рассказывали мне о своих переживаниях в театре, вы сказали, что смотрели «сквозь стойки перил», хотя обычно человек смотрит не сквозь стойки перил, а поверх перил.

— Это вы очень тонко заметили, — живо отозвалась Гвенда.

— Подобные «мелочи» порой имеют большое значение.

— Но кем могла быть эта Элен? — с беспокойством спросила Гвенда.

— Скажите, дорогая, вы по-прежнему уверены, что ее звали Элен?

— Да... это ужасно странно, потому что я не знаю, кто она такая... эта Элен... но в то же время я знаю... что там лежала именно Элен... Что я еще могла бы узнать?

— Хорошо, я считаю, что прежде всего необходимо выяснить, бывали ли вы или могли ли быть в Англии ребенком. Ваши родственники...

— Тетушка Элисон. Она наверняка знает! Я уверена! — с готовностью воскликнула Гвенда.

— Тогда вам следует послать ей письмо авиапочтой. Изложите ей существо дела, в связи с чем вам необходимо знать, были ли вы когда-нибудь раньше в Англии. Вы сможете получить ответ по авиапочте до приезда вашего мужа.

— О, благодарю вас, мисс Марпл! Вы необычайно добры. И я искренне надеюсь, что ваши предположения оправдаются. А это будет

означать, что все в порядке. Я имею в виду, что ничего сверхъестественного не происходит.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Надеюсь, все получится так, как мы думаем. Послезавтра я еду навестить старых друзей в Северной Англии. На обратном пути, дней через десять примерно, я буду в Лондоне. Если вы и ваш муж будете здесь или вы получите ответ на ваше письмо, мне было бы очень любопытно узнать результат.

— Ну конечно же, мисс Марпл! В любом случае я хочу, чтобы вы познакомились с Джайлсом. Он отличный парень. И мы как следует обсудим все это дело.

Настроение Гвенды теперь совершенно исправилось. Мисс Марпл, напротив, казалась задумчивой.

Глава 5

Убийца в ретроспекции

I

Прошло дней десять, и мисс Марпл появилась в небольшом отеле в Мэйфейре, где ее восторженно встретили молодые мистер и миссис Рид.

— Это мой муж, мисс Марпл. Джайлс, я просто не могу выразить словами, как мисс Марпл была добра ко мне.

— Очень приятно познакомиться, мисс Марпл. Слышал, Гвенда находилась в таком отчаянии, что чуть не угодила в психиатрическую клинику.

Мисс Марпл окинула Джайлса Рида ласковым взглядом голубых глаз. Весьма привлекательный молодой человек, высокий, белокурый, с обезоруживающей привычкой время от времени часто моргать, что, однако, не было признаком врожденной застенчивости. Она отметила его волевой подбородок и четко очерченные скулы.

— Давайте выпьем чаю в маленькой гостиной, где царит полумрак, — предложила Гвенда. — Туда никто никогда не заглядывает. Там мы сможем показать мисс Марпл письмо от тетушки Элисон. Да, — добавила она, поймав на себе пронизательный взгляд мисс Марпл. — Ваши предположения полностью подтвердились.

После чая письмо, пришедшее от мисс Данби, было извлечено из сумочки и вручено мисс Марпл.

«Дорогая Гвенда!

Я была ужасно встревожена возникшими у тебя неприятностями. По правде говоря, я совсем запамятовала, что, будучи совсем маленьким ребенком, ты провела некоторое время в Англии.

Твоя мать, а моя сестра Меган, познакомилась с твоим отцом, майором Холидеем, в Индии, где она гостила у наших общих друзей. Они поженились, и ты родилась там.

Примерно через два года после твоего рождения Меган умерла. Ее смерть потрясла нас, мы написали твоему отцу, с которым состояли в переписке, но которого никогда не видели, и просили его доверить тебя нашим заботам, поскольку для военного человека маленький ребенок мог стать большой обузой. Твой отец, однако, ответил отказом, объяснив это тем, что вскоре намерен выйти в отставку и вернется с тобой в Англию. Он надеялся, что тогда мы сможем приехать навестить вас там.

Как я поняла, по пути домой твой отец встретил молодую женщину, обручился с ней, и они поженились, как только приехали в Англию. Этот брак, судя по всему, оказался несчастлив, и они через год расстались. Вот почему твой отец написал нам, спрашивая, готовы ли мы, как и прежде, приютить тебя. Я не могу передать словами, дорогая, как счастливы мы были. Тебя привезла к нам няня-англичанка. Одновременно отец отписал тебе значительную часть своего состояния и предложил, чтобы в дальнейшем ты носила нашу фамилию. Надо сказать, что мы были слегка удивлены таким предложением, но посчитали, что это сделано из добрых побуждений, чтобы ты легче адаптировалась к нашей семье. Мы с радостью приняли тебя, но его предложение отвергли. Примерно год спустя твой отец умер в клинике для тяжелобольных. Я подозреваю, что он уже знал о своем плохом здоровье, когда посылал тебя к нам.

К сожалению, я не знаю, где вы жили с отцом после возвращения в Англию. Конечно, на его письмах значился обратный адрес, но минуло восемнадцать лет с тех пор, и никто уже его не помнит. Я знаю точно, что жили вы где-то в Южной Англии, но не уверена, что это был Дилмут. Мне на ум приходит почему-то Дартмут, но оба названия очень похожи. Думаю, твоя приемная мать снова вышла замуж, но я не могу вспомнить ее имя и даже ее девичью фамилию, хотя твой отец упоминал его в письме, извещавшем о его второй женитьбе. Мы, помнится, осуждали его за столь поспешный второй брак, хотя

понимали, что длительное пребывание на борту судна располагает к сближению, а может быть, он полагал, что так будет лучше для тебя.

Странно, что я никогда не говорила тебе о том, что ты действительно жила в Англии, хотя сама ты и не помнишь этого, но, повторяюсь, все тогдашние события как-то стушевались в моей памяти. Ведь смерть твоей матери в Индии и твой переезд к нам были важными событиями в жизни нашей семьи.

Надеюсь, что теперь тебе все ясно?

Уверена, что Джайлс скоро воссоединится с тобой. Вам обоим трудно пребывать так долго в разлуке.

О себе напишу более подробно в следующем письме, потому что спешу отправить ответ на твою телеграмму.

Твоя любящая тетушка

Элисон Данби.

P.S. Ты так и не сообщила, что именно тебя так встревожило».

— Вот видите, — сказала Гвенда, — ваши предположения полностью оправдались.

Мисс Марпл разгладила тонкий листок.

— Да, да, действительно. Объяснение вполне логичное. Мои умозаключения часто оказываются правильными.

— Я бесконечно признателен вам, мисс Марпл! — сказал Джайлс. — Бедная Гвенда была так потрясена, да и я тоже, надо сказать, ужасно беспокоился, что она оказалась ясновидящей или психически больной. Или еще что-то в этом роде.

— Это и впрямь способно обеспокоить мужа, — вставила Гвенда. — Тем более что у нас всегда все было безупречно.

— Это действительно так, — подтвердил Джайлс.

— А что с домом? Что вы решили? — спросила мисс Марпл.

— О, все в порядке. Мы едем туда завтра утром. Джайлсу не терпится увидеть его.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, мисс Марпл, — сказал Джайлс, — но мне кажется, что у нас в руках страшная тайна. Связанная с убийством. Прямо на пороге дома, точнее — в холле.

— Я уже думала об этом, — медленно проговорила мисс Марпл.

— Просто Джайлс любит детективные истории, — добавила Гвенда.

— Да, я полагаю, речь идет именно о детективной истории. Труп красивой женщины, задушенной в холле. О ней ничего не известно, кроме ее христианского имени. Это случилось почти двадцать лет назад. За давностью происшествия уже не найти никаких улик, но все же можно сделать какие-то умозаключения и попытаться нащупать какие-то нити. О! Осмелюсь предположить, что никому уже не удастся разгадать эту тайну, — с сожалением сказал Джайлс.

— Я думаю, что вы смогли бы, — возразила мисс Марпл. — Даже невзирая на то, что это произошло восемнадцать лет назад. Да, я думаю, что вы смогли бы.

— Так или иначе, такая попытка не причинит никому вреда? — Лицо Джайлса озарила улыбка.

Мисс Марпл вдруг внутренне напряглась.

— Нет, это может причинить вам большой вред. Я посоветовала бы вам обоим... о да, я вполне серьезно советую вам оставить это дело.

— Оставить? Принадлежащую нам тайну убийства, если только убийство действительно имело место?

— Думаю, речь идет именно об убийстве. И именно поэтому я не стану этим заниматься. Убийство — не тот случай, чтобы безоглядно связаться в его расследование.

— Но, мисс Марпл, если каждый будет так относиться... — начал было Джайлс, но она перебила его:

— О, я знаю, бывают случаи, когда ты просто обязан заниматься расследованием... например, когда обвиняют невиновного... когда подозреваются различные люди... а опасный преступник разгуливает на свободе и может снова причинить зло. Но вы должны помнить, что это убийство совершено в далеком прошлом. Возможно, факт убийства не был зафиксирован, но все же, если оно имело место, вы непременно узнали бы об этом от вашего старого садовника или еще от кого-нибудь: убийство, пусть даже очень давнее, всегда свежая новость.

Должно быть, в данном случае тело удалось каким-то образом спрятать, так что ни у кого даже не возникло подозрения о случившемся. Вы уверены... вы в самом деле уверены, что рискнете раскапывать это дело?

— Мисс Марпл, — вскричала Гвенда, — вы действительно обеспокоены нашей затеей?

— Да, обеспокоена, моя дорогая. Вы оба — милые, очаровательные молодые люди. Вы недавно поженились и счастливы вместе. Не надо, прошу вас, затрагивать вещи, которые могут... которые могут... как бы это лучше сказать... которые могут расстроить вас и причинить вам горе.

Гвенда с удивлением посмотрела на нее.

— Вы говорите о чем-то определенном или только намекаете на что-то?

— Не намекаю, дорогая. Только советую забыть об этом, потому что я много лет прожила на свете и знаю, как ранима человеческая душа. Вот вам мой совет: оставьте это дело в покое.

— Но его нельзя оставить так просто! — В голосе Джайлса послышались непривычные для него твердые нотки. — «Хиллсайд» — наш дом, Гвенды и мой. И кто-то был убит в этом доме, по крайней мере, мы так думаем. Я не хочу мириться с убийством в своем доме, даже если оно произошло восемнадцать лет назад!

Мисс Марпл вздохнула.

— Весьма сожалею, — сказала она. — Я думаю, что большинство молодых порядочных людей поступили бы именно так. Я разделяю ваши чувства и почти восхищаюсь вами. Но я хочу... о, как я хочу, чтобы вы не занимались этим...

II

На следующий день по деревне Сент-Мэри-Мид разнесся слух, что мисс Марпл снова дома. Ее видели на Хай-стрит в одиннадцать часов. Она заходила в дом викария без десяти минут двенадцать. После полудня три наиболее осведомленные жительницы деревни ощутили потребность узнать ее впечатления о веселой столице и, отдавая дань вежливости, сами погрузились в детали надвигающегося

сражения за место, где будут размещаться киоск с вышивками и чайная палатка на приближающемся ежегодном празднике.

Позже, вечером, мисс Марпл можно было увидеть, как всегда, в саду, но на сей раз она предпочитала борьбу с сорняками контактам с соседями. За скромным, как обычно, ужином она была рассеянна и, казалось, совсем не слушала бойкой болтовни своей юной горничной Эвелин о событиях, связанных с местным аптекарем. И на следующий день она тоже казалась рассеянной, что отметили один или два жителя деревни, в том числе и супруга викария. Этим вечером мисс Марпл сказалась слегка нездоровой и рано легла в постель. На следующее утро она послала за доктором Хейдоком.

Доктор Хейдок был личным врачом мисс Марпл, ее другом и верным союзником в течение многих лет. Она изложила свои суждения о симптомах, после чего доктор осмотрел ее и, достав стетоскоп, принялся прослушивать легкие.

— Для дамы вашего возраста, — изрек он, — и несмотря на ваш болезненный вид, вы абсолютно здоровы.

— Я не сомневаюсь, что мое общее состояние удовлетворительно, — ответила мисс Марпл. — Признаюсь, я слегка переутомилась и чувствую себя неважно.

— Просто вы немного кокетничаете. Эти поздние вечера в Лондоне...

— Да, конечно. Я нашла Лондон несколько утомительным. Да и воздух — такой тяжелый. Не то что свежий морской.

— Воздух здесь, в Сент-Мэри-Мид, чистый и свежий.

— Но часто бывает и удушливый. И все же, как вы знаете, бодрящий.

Доктор Хейдок взглянул на нее с некоторым любопытством.

— Я пришлю вам тонирующий бальзам.

— Благодарю вас, доктор. Эликсир Истона всегда полезен.

— Я способен назначить лечение без вашей помощи, мадам.

— Я думаю, что, может быть, перемена воздуха?..

Мисс Марпл обратила на него свой пронизательный взгляд.

— Вы отсутствовали целых три недели.

— Я знаю. Сначала я была в Лондоне, который, как вы заметили, плохо отражается на здоровье. А потом на севере, в промышленном районе, где уж и совсем не бодрящий воздух.

Доктор Хейдок закрыл свой саквояж. Потом обернулся, улыбаясь.

— А теперь давайте уточним, зачем вы послали за мной, — сказал он. — Чтобы вы сами назначили себе лечение, а я вторил вашим словам? Вы хотели, чтобы я подтвердил: единственное, что вам требуется, — это морской воздух...

— Я знала, что вы правильно меня поймете, — с благодарностью сказала мисс Марпл.

— Прекрасная вещь этот морской воздух. Вам надо немедленно поехать в Истбурн, иначе ваше здоровье серьезно пошатнется.

— В Истбурне, я думаю, немного холодновато. Особенно на закате, вы же знаете.

— Тогда в Борнмут или на остров Уайт.

Мисс Марпл лукаво взглянула на него.

— Мне всегда казалось, что маленькие городки куда приятнее.

Доктор Хейдок снова сел.

— Мое любопытство возрастает. Какой маленький приморский городок вы имеете в виду?

— Ну, я думала о Дилмуте.

— Отличное местечко. Немного, правда, скучноватое. А почему вы выбрали именно Дилмут?

Несколько мгновений мисс Марпл хранила молчание. Потом сказала:

— Предположим, однажды, случайно, вы узнали, что много лет назад, девятнадцать или двадцать, было совершено убийство. Этот факт известен только вам одному, официально об этом не сообщалось, и никто о случившемся даже не подозревает. Как бы вы поступили?

— Убийство действительно произошло давно?

— Именно так.

Хейдок немного подумал.

— И это не судебная ошибка? Никто не понес наказания?

— Насколько можно судить, никто.

— Хм. Убийство в ретроспекции. Нераскрытое убийство. Ну хорошо, я скажу вам. Я бы не стал ворошить прошлое. Вот так бы я поступил. Связываться с убийством всегда опасно. Это может оказаться очень опасным.

— Я тоже так считаю.

— Бытует мнение, — продолжал доктор, — что убийца никогда не останавливается на одном преступлении. Но это неверно. Есть среди них и такие, кто, совершив убийство, всячески старается скрыть его и не хочет снова рисковать. Не думаю, что после этого они живут счастливо, я не верю, что это возможно, существует много видов возмездия. Но по крайней мере внешне все идет хорошо. Возможно, так было в случае с Маделин Смит или с Лиззи Борден. И неважно, что Маделин Смит и Лиззи были оправданы, — многие люди сочли этих женщин виноватыми. Я мог бы назвать вам и других. Они никогда не повторяли преступлений — одно преступление дало им то, чего они хотели, и они были удовлетворены этим. Но представьте, что им угрожает какая-то опасность? Я имею в виду нашего убийцу, кто бы он ни был, мужчина или женщина. Он совершил преступление и вышел сухим из воды, находится вне подозрений. Но вдруг появляется некто, начинает раскапывать дело и в конечном счете преуспевает в раскрытии преступления. Как поведет себя в такой ситуации наш убийца? Будет стоять, улыбаясь, и ожидать, когда кольцо вокруг него сомкнется? Нет, если это не имеет для вас принципиальной важности, то я скажу вам: не вмешивайтесь в эту историю. — И снова повторил: — Не ворошите прошлого, — после чего твердо добавил: — Вот вам мое предписание. Оставьте эту затею.

— Но это касается не только меня, а еще двоих очаровательных молодых людей. Позвольте мне рассказать вам!

Она рассказала ему всю историю, и Хейдок внимательно ее выслушал.

— Невероятно, — согласился он, когда она закончила свой рассказ. — Невероятное совпадение. И дело весьма необычное. Я полагаю, вы понимаете, что значит впутаться в эту историю?

— О, разумеется. Но я думаю, что пока им это не приходит в голову.

— Затеваемое дело чревато множеством бед для них, они будут горько сожалеть, что затеяли это расследование. Семейные тайны должны строго храниться. Хотя, знаете, я вполне понимаю молодого Джайлса. Окажись я на его месте, возможно, и я повел бы себя точно так же. И даже сейчас мне интересно... — Он умолк на полуслове и в упор посмотрел на мисс Марпл. — Так вы затеяли историю с

нездоровьем, чтобы оправдать свою поездку в Дилмут? Хотите вмешаться в дело, которое вас совершенно не касается?

— Вовсе нет, доктор Хейдок. Но я беспокоюсь о знакомой супружеской паре. Они молоды, неопытны, слишком доверчивы и легковерны. Я чувствую, что должна быть там, чтобы присмотреть за ними.

— Так вот зачем вы едете. Присмотреть за ними! А сможете ли вы остаться в стороне и не вмешиваться в расследование, мадам? Хотя речь идет об убийстве, совершенном очень давно.

Мисс Марпл чуть заметно улыбнулась:

— Но вы же считаете, что несколько недель в Дилмуте благотворно скажутся на моем здоровье, разве не так?

— Скорее всего, эта поездка закончится плачевно для вас, — сказал доктор Хейдок. — Но вы же не слушаете меня!

III

По пути к друзьям, полковнику и миссис Бентри, мисс Марпл встретила самого полковника Бентри с ружьем, шагавшего ей навстречу в сопровождении спаниеля. Полковник сердечно приветствовал пожилую леди:

— Рад видеть вас снова. Как Лондон?

Мисс Марпл ответила, что Лондон в полном порядке. Племянница сводила ее на несколько спектаклей.

— Заумных, наверное. А я предпочитаю музыкальные комедии.

Мисс Марпл сказала, что была на спектакле по пьесе русского автора, весьма интересном, хотя, возможно, излишне затянутом.

— Русского автора? — возмутился полковник Бентри. Ему как-то довелось, находясь в госпитале, прочитать роман Достоевского.

Полковник сообщил, что мисс Марпл сможет найти Долли в саду.

Миссис Бентри большую часть времени проводила в саду. Сад был ее страстью, а излюбленным чтением — каталоги о цветах, и все ее разговоры сводились к примулам, луковицам, цветущим кустарникам и новым сортам альпийских цветов. И первое, что увидела мисс Марпл, был ее внушительный зад, обтянутый полинявшим твидом.

Заслышав приближающиеся шаги, миссис Бентри, кряхтя и морщась, с трудом приняла вертикальное положение: ревматизм — вот цена ее хобби. Она терла вспотевший лоб измазанной в земле рукой и радушно приветствовала подругу:

— Слышала, что вы вернулись, Джейн. Как вам мой дельфиниум? А вы видели мои новые горечавки? У меня с ними было много хлопот, но думаю, что теперь они прижились. Что нам сейчас требуется, так это дождь. Было все время ужасно сухо... Эстер сказала мне, что вы больны и лежите в постели. — Так звали кухарку миссис Бентри и ее «офицера по связи с деревней». — Рада убедиться, что это не так.

— Я немного переутомилась, — объяснила мисс Марпл. — Доктор Хейдок считает, что мне необходим морской воздух. И он прав.

— О, но вы не можете уехать сейчас, — возразила миссис Бентри. — Сейчас самое время заняться садом. Ваши кусты в живой изгороди вот-вот зацветут.

— Доктор Хейдок находит отдых весьма целесообразным.

— Да, доктор Хейдок не так глуп, как другие доктора, — нехотя призналась миссис Бентри.

— Я все думаю, Долли, о той вашей кухарке.

— Какой кухарке? Вам нужна кухарка? Вы, конечно же, не имеете в виду ту женщину, которая пьет, не так ли?

— Нет, нет, нет. Я имею в виду ту, которая печет такие вкусные пироги. У которой муж был буфетчиком.

— О, вы говорите о Мок Тартл! — воскликнула миссис Бентри, сразу поняв, в чем дело. — Женщина с таким надтреснутым голосом, когда она говорит, вам кажется, что она вот-вот заплачет. Она отлично готовит. Муж у нее жирный, похоже, большой лентяй. Артур говорит, что он всегда разбавляет виски. Вполне возможно. Жаль, что один в чете всегда хуже другого. Они получили наследство от своего бывшего хозяина, поселились в меблированных комнатах с полным пансионом на южном берегу.

— Вот ее-то я и имела в виду. А где именно они поселились? Не в Дилмуте ли?

— Именно там. Дилмут, улица Си Перейд, 14.

— Я подумала, коль скоро доктор Хейдок рекомендует мне южное взморье, то не поехать ли мне к ним, их фамилия Сандерс?

— Да, это блестящая идея, Джейн. Вы не могли придумать ничего лучше. Миссис Сандерс будет ухаживать за вами, а так как сейчас не сезон, они будут рады принять вас и не возьмут слишком много. При хорошем питании и морском воздухе вы скоро поправитесь.

— Благодарю вас. Надеюсь, что поправлюсь.

Глава 6

Упражнение в розыске

I

— Где, по-твоему, лежало тело? Вот здесь? — спросил Джайлс.

Они с Гвендой стояли в холле «Хиллсайда». Они приехали сюда прошлой ночью, и Джайлс находился в крайнем возбуждении. Он радовался, словно ребенок новой игрушке.

— Вот здесь, — ответила Гвенда. Она поднялась на несколько ступенек вверх и внимательно посмотрела оттуда вниз. — Да. Я думаю, примерно здесь.

— Пригнись, — попросил жену Джайлс. — Тебе было всего три года.

Гвенда послушно присела.

— Ты действительно не могла видеть мужчину, который произнес те самые слова?

— Не помню, чтобы я его видела. Он должен был находиться где-то сзади, да, вон там. Я могла видеть только его лапы.

— Лапы? — нахмурился Джайлс.

— Это были именно лапы. Серые лапы, не похожие на человеческие руки.

— Но послушай, Гвенда, ты не путаешь с убийством на улице Морг? У человека не может быть лап.

— Ну а у него были лапы.

Джайлс с сомнением посмотрел на нее.

— Это ты домыслила уже потом.

— Уж не думаешь ли ты, — стараясь сохранить хладнокровие, возразила Гвенда, — что я выдумала и все остальное? Знаешь, Джайлс, я много думала. Иногда мне казалось, что это был всего лишь сон. Это было похоже на детские сны, которые так пугают детей и запоминаются надолго. Тебе не кажется, что это подходящее объяснение? Потому что никто в Дилмуте не имеет ни малейшего

представления о том, что здесь произошло убийство, или внезапная смерть, или еще что-то странное.

Теперь Джайлс был похож уже на ребенка, у которого отбирают любимую игрушку.

— Может быть, все это тебе привиделось в ночном кошмаре? — нехотя предположил он. Но тут же отбросил эту мысль. — Нет, — решительно сказал он. — Я не верю в это. Тебе могли присниться обезьяньи лапы и мертвое тело, но будь я проклят, если тебе приснилась эта реплика из «Герцогини Мальфи».

— Я могла слышать эту реплику наяву, а потом кто-то произнес ее в увиденном мною сне.

— Не думаю, что такое могло произойти с ребенком. Если только ты не услышала это в состоянии сильного стресса, — а если это так, то мы снова возвращаемся к исходной точке. Итак, тебе приснились лапы. Ты видела труп и слышала те самые злополучные слова. Это зрелище повергло тебя в ужас, тебе стали сниться кошмары, в которых были и обезьяньи лапы... а может, ты боялась обезьян?

Гвенда вдруг задумалась и медленно проговорила:

— Полагаю, что так могло быть...

— Мне хочется, чтобы ты вспомнила чуть больше... Спустись сюда, в холл. Закрой глаза. Подумай... Ничего больше не можешь припомнить?

— Нет, Джайлс... Чем больше я думаю, тем дальше все это отодвигается. Теперь я, кажется, вообще начинаю сомневаться, что видела все это наяву. Может быть, в тот вечер, в театре, у меня был приступ безумия.

— Нет. Что-то произошло в реальности. Мисс Марпл тоже так считает. А что насчет Элен? Ты что-нибудь помнишь о ней?

— Я вообще ничего не помню. Ничего, кроме имени.

— Это даже могло оказаться ненастоящее ее имя.

— Да, но имя убитой было точно Элен, — уверенно и твердо заявила Гвенда.

— Если ты уверена, что это была Элен, то должна хоть что-то знать о ней, — продолжал Джайлс. — Ты ее хорошо помнишь? Она здесь жила? Или только гостила?

— Я же сказала тебе, не знаю. — Гвенда раздражалась все больше и больше.

Джайлс переменял тактику:

— А кого еще ты можешь припомнить? Отца?

— Нет. Понимаешь, в доме тетушки Элисон висела его фотография, и она постоянно говорила: «Это твой отец». Я не помню, чтобы видела его здесь, в этом доме...

— И слуг, нянек тоже не помнишь?

— Нет, нет. Чем сильнее я стараюсь вспомнить, тем стремительней все это ускользает от меня. Все мои «открытия» происходили на уровне подсознания... я машинально подходила к тому месту, где раньше была дверь. Я не помню, что там была дверь. Возможно, если бы ты не растормошил меня так сильно, Джайлс, я что-нибудь и вспомнила бы. Но пытаться вспомнить сейчас — безнадежно. Это было так давно!

— Я не думаю, что это так уж безнадежно, и мисс Марпл так считает.

— Но она не поделилась с нами своими мыслями на этот счет, — сказала Гвенда. — А судя по блеску ее глаз, они у нее есть. Мне хотелось бы знать, как бы она поступила на нашем месте.

— Не думаю, что она может придумать нечто такое, до чего мы сами не способны додуматься, — решительно прервал ее Джайлс. — Пора кончать разглагольствования и начинать системно заниматься делом. Для начала я просмотрел приходские книги, в которых регистрируются все отошедшие в мир иной. Никакой Элен соответствующего возраста за тот период там не значится, если не считать Элен Пагг, скончавшейся в возрасте девяноста четырех лет. Теперь мы должны предпринять следующий шаг. Если твой отец и, возможно, приемная мать жили в этом доме, то они должны были либо купить его, либо взять в аренду.

— Судя по словам садовника Фостера, до Хенгрейвов дом принадлежал неким Элворси, а до них владелицей его была миссис Файндисон. И все.

— Твой отец мог купить его и жить в нем очень недолго, а потом продать. Но мне кажется более вероятным, что он арендовал его, может быть, даже меблированным. Если так, то нам лучше всего обратиться в агентство по недвижимости.

Посещение агентства не было обременительным и не потребовало много времени. В Дилмуте было всего два таких агентства. Господа

Уилкинсоны открыли свою контору всего одиннадцать лет назад и занимались в основном маленькими бунгало и новыми домами на окраине городка. Другая контора — Галбрейта и Пендерли, та самая, через которую Гвенда осуществила покупку дома. Придя в контору, Джайлс пустился в длинные рассуждения о том, как ему и его жене нравится Дилмут и «Хиллсайд». Потом сообщил, что, как оказалось, миссис Рид жила в Дилмуте, когда была маленьким ребенком. У нее сохранились смутные воспоминания о той поре и возникла мысль, что «Хилл-сайд» и есть тот самый дом, в котором прошло ее раннее детство, но она не совсем уверена в этом. Нет ли у них каких-нибудь сведений о том, что дом сдавался внаем майору Холидею? Это могло быть восемнадцать или девятнадцать лет назад...

Мистер Пендерли только развел руками:

— Боюсь, это невозможно установить, мистер Рид. Наши записи ограничены довольно коротким периодом времени. Очень сожалею, что не смогу помочь вам. Вот если бы наш старый клерк был жив — он умер прошлой зимой, — он мог бы помочь вам. У него была замечательная память, просто редкостная. Он служил в нашей фирме почти тридцать лет.

— И нет больше ни одного человека, который мог бы это знать?

— Все наши сотрудники относительно молоды. Правда, жив еще старый мистер Галбрейт. Он оставил службу несколько лет назад.

— Нельзя ли побеседовать с ним? — спросила Гвенда.

— Ну, трудно сказать... — Мистер Пендерли колебался. — У него случился удар в прошлом году. У него, к сожалению, с головой не все в порядке. Знаете ли, ему уже за восемьдесят.

— Он живет в Дилмуте?

— О да. «Калькутта-Лодж». Очень милый домик на Ситон-роуд. Но я действительно думаю...

II

— Пожалуй, на этот визит мало надежды, — сказал Джайлс Гвенде. — Но кто знает! Думаю, нам не следует затевать переписку. Давай лучше отправимся туда вместе прямо сейчас.

Перед домом «Калькутта-Лодж» была хорошо ухоженная лужайка, и гостиная, куда их провели, тоже оказалась аккуратненькой, хотя и довольно тесной. Там пахло пчелиным воском. Медный стол был начищен до блеска. На окнах — тяжелые портьеры.

Вскоре появилась худощавая женщина средних лет и подозрительно воззрилась на визитеров.

Джайлс быстро объяснил ей цель их визита, и выражение лица, с которым люди обычно выслушивают очередного коммивояжера, навязывающего им пылесос или какой-нибудь другой товар, исчезло с лица мисс Галбрейт.

— Мне очень жаль, но я на самом деле думаю, что не смогу помочь вам, — сказала она. — Ведь все это было очень давно, не правда ли?

— Иногда человек прекрасно помнит давнишние события, — сказала Гвенда.

— Конечно, но сама-то я ничего не могу знать об этом. Я никогда не вникала в дела отца. Майор Холидей, говорите? Нет, не помню, чтобы носитель этой фамилии когда-либо появлялся в Дилмуте.

— Может быть, ваш отец все-таки сможет вспомнить? — продолжала Гвенда.

— Отец? — Мисс Галбрейт покачала головой. — Он сейчас полностью погружен в себя, да и память у него совсем ненадежная.

Гвенда внимательно рассматривала бенаресский бронзовый столик, а потом перевела взгляд на процессию слоников из черного дерева на каминной полке.

— Я думаю, он сможет вспомнить, — предположила она, — потому что мой отец тоже приехал сюда из Индии. Ваш дом называется «Калькутта-Лодж»?

И она умолкла в ожидании ответа.

— Да, — ответила мисс Галбрейт. — Отец некоторое время находился в Калькутте. По делам. Когда в 1920 году началась война, он вернулся и стал работать в конторе, но часто говорил, что хотел бы снова вернуться в Индию. Однако моя мать не очень любила чужие страны, и, конечно, нельзя сказать, что там был здоровый климат. Не знаю... может, вы хотите видеть моего отца? Правда, сегодняшний день для него не из лучших...

Она провела их в маленький черный кабинет. Там в потертом кожаном кресле восседал пожилой джентльмен с белыми моржовыми усами. И пока его дочь представляла визитеров, он, чуть склонив голову набок, рассматривал Гвенду с явной симпатией.

— Память часто подводит меня, — сказал он не очень внятным голосом. — Холидей, вы сказали? Нет, я не помню этого имени. Знал я мальчика в йоркширской школе, но это было более семидесяти лет назад.

— Мы полагаем, что он арендовал «Хиллсайд», — напомнил ему Джайлс.

— «Хиллсайд»? Что такое «Хиллсайд»? — Одно веко мистера Галбрейта прикрылось и снова открылось. — Там жила Файндисон. Замечательная женщина.

— Мой отец мог арендовать этот дом с мебелью... он тогда только что вернулся из Индии.

— Из Индии? Из Индии, вы сказали? Вспоминаю мужчину, военного. Знал этого старого мошенника Мохаммеда Гассана, который надул меня с коврами. У военного была молодая жена и ребенок — маленькая девочка.

— Это была я, — твердо заявила Гвенда.

— В самом деле, что вы говорите? Да, да, время быстро летит. Так как же было его имя? Хотя обставленный дом... да... миссис Файндисон была отослана в Египет или еще куда-то на зиму... словом, ради ерунды какой-то. Как же все-таки было его имя?

— Холидей, — подсказала Гвенда.

— Верно, моя дорогая, Холидей. Майор Холидей. Славный парень. Очень хорошенькая жена, совсем молоденькая, блондинка, хотела жить поближе к родным или что-то вроде этого. Да, очень хорошенькая.

— А кто были эти ее родные?

— Понятия не имею. Ни малейшего представления об этом. А вы не похожи на нее.

Гвенда чуть было не сказала: «Она была моей приемной матерью», но вовремя остановилась, потому что это могло внести путаницу, и только спросила:

— А как она выглядела?

И вдруг услышала в ответ:

— Выглядела встревоженной — вот как она выглядела. Встревоженной. А майор этот — очень славный парень. С интересом слушал мои рассказы о Калькутте. Не то что эти молодые люди, которые никогда не покидали Англию. Ограниченные люди — вот они кто. Но я-то повидал мир. Так как его звали, того армейского парня, который хотел снять меблированный дом?

Он напоминал очень старый граммофон с вконец заезженной пластинкой.

— «Сан-Кэтрин». Да, верно. Снял дом «Сан-Кэтрин» — шесть гиней в неделю, пока миссис Файндисон была в Египте. Там и умерла, несчастная душа. Дом выставили на аукцион, кто купил его? Сестры Элворси, целая компания женщин. Сменили название дома, посчитали, что «Сан-Кэтрин» звучит очень уж папистски. Испытывали большую неприязнь ко всему, что связано с папой, и старались всячески внушить ее другим. Просто одержимы были своими идеями... Проявляли большое участие к неграм — посылали им штаны и Библию. Неустанно занимались обращением дикарей в христианскую веру.

Вдруг он вздохнул и откинулся назад.

— Как давно это было, — произнес он. — Не могу вспомнить имена. Парень из Индии, славный парень... Я устал, Глэдис, дай мне чаю.

Джайлс и Гвенда поблагодарили его, и дочь удалилась.

— Так, значит, подтвердилось, — сказала Гвенда. — Мы с отцом жили в «Хиллсайде». Что дальше будем делать?

— Я — сущий идиот! — воскликнул Джайлс. — «Сомерсет-Хаус»!

— А что такое «Сомерсет-Хаус»?

— Это контора, где регистрируются браки. Я иду туда, чтобы отыскать запись о женитьбе твоего отца. Судя по письму тетушки Элисон, твой отец женился во второй раз немедленно по приезде в Англию. Но понимаешь, Гвенда, он мог жениться где-то в другом месте, до приезда сюда. И вполне возможно, что Элен — имя какой-то родственницы твоей приемной матери, ее младшей сестры, например. Но так или иначе, коль скоро нам известно ее имя, мы можем попытаться отыскать кого-нибудь, кто знает что-нибудь о событиях, произошедших в «Хиллсайде». Помнишь, старик сказал, что они

хотели поселиться в Дилмуте, поближе к родственникам миссис Холидей. Если эти родственники и сейчас живут здесь, возможно, нам удастся что-нибудь разузнать.

— Джайлс, — воскликнула Гвенда, — ты просто гений!

III

Джайлс в конце концов счел необязательным для себя отправляться в Лондон. Хотя его энергичная натура всегда влекла его куда-то, побуждая к немедленным действиям, на сей раз он решил, что можно ограничиться письменным запросом.

И вот ответ наконец поступил.

— Пришел ответ на наш запрос! — с энтузиазмом воскликнул Джайлс. Он извлек из конверта заверенную копию брачного свидетельства. — Вот, пожалуйста, Гвенда. Пятница. Август 7-го дня. Регистрационный офис Кеннингстон, Келвин Джеймс Холидей сочетается браком с Элен Спенлав Кеннеди.

Гвенда громко воскликнула:

— Элен?!

Они посмотрели друг на друга. Джайлс медленно сказал:

— Но... но это не может быть она. Я думаю, они разошлись, она снова вышла замуж, а потом...

— Мы не знаем, — возразила Гвенда, — что она ушла...

Она снова посмотрела на отчетливо написанное имя: Элен Спенлав Кеннеди. Элен...

Глава 7

Доктор Кеннеди

I

Несколько дней спустя в прохладный день с резким порывистым ветром Гвенда, проходя по Эспланаде, вдруг остановилась около одного из застекленных укрытий, которые заботливая Корпорация устроила для удобства своих посетителей.

— Мисс Марпл! — не веря своим глазам, воскликнула Гвенда.

Это действительно была мисс Марпл в толстом ворсистом пальто, к тому же укутанная поверх него шарфами.

— Я уверена, что вы никак не ожидали увидеть меня здесь, — быстро сказала мисс Марпл. — Но мой доктор рекомендовал мне поехать к морю, а вы так красочно живописали Дилмут, что я решила поехать сюда. К тому же кухарка и буфетчик моей подруги держат здесь меблированные комнаты.

— Но почему вы не зайдете проведать нас? — требовательно спросила Гвенда.

— Старые люди бывают докучливы, моя дорогая. Молодоженам не полагается мешать. — Она улыбнулась в ответ на протест Гвенды. — Я не сомневаюсь, что вы приняли бы меня радушно. А как у вас дела? Продвинулись ли вы в разгадке вашей тайны?

— Мы пока не вышли на след, — сказала Гвенда, садясь рядом с мисс Марпл.

Она рассказала в деталях обо всем, что им удалось узнать за время пребывания здесь.

— А теперь, — в заключение сказала она, — мы поместили объявления во многих газетах, начиная с местных и кончая «Таймс» и другими крупными ежедневными изданиями. Мы обратились ко всем, кому что-нибудь известно об Элен Спенлав, урожденной Кеннеди, с просьбой связаться с нами, и так далее. Думаю, нам удастся получить хоть какие-нибудь сведения. А вы как считаете?

— Я хотела бы надеяться, что так и будет, моя дорогая... да, я хотела бы надеяться.

Мисс Марпл говорила, как всегда, спокойно, но в ее глазах сквозила тревога. Она бросила быстрый оценивающий взгляд на сидящую рядом молодую женщину, оптимистический тон которой показался ей не вполне искренним. Гвенда, подумала мисс Марпл, выглядит явно встревоженной. То, что доктор Хейдок назвал «переутомлением», наверное, начала ощущать и она. Да, но теперь слишком поздно отступать...

Мисс Марпл сказала мягким, извиняющимся тоном:

— Мне и на самом деле все это очень интересно. В моей жизни, как вы знаете, так мало волнующих событий. Надеюсь, вы не сочтете меня чересчур любопытной, если я попрошу держать меня в курсе ваших дел.

— Конечно, мы все будем вам сообщать, — живо отозвалась Гвенда. — Вы будете в курсе всего происходящего. Скажите мне ваш здешний адрес, и вы непременно должны прийти к нам на чай, я имею в виду выпить чаю с нами и взглянуть на дом. Должны же вы увидеть место преступления, не так ли?

Она рассмеялась, но в ее смехе отчетливо звучали нервные нотки.

Когда Гвенда отошла, мисс Марпл нахмурилась, чуть заметно покачивая головой.

II

Джайлс и Гвенда каждый день с нетерпением ждали почту, но поначалу их надежды оказывались тщетными. Пришло всего два письма от частных сыскных агентств, которые предлагали провести профессиональное расследование от их лица.

— Пока в этом нет необходимости, — сказал Джайлс. — Но если мы решим обратиться в сыскное агентство, это будет первоклассное агентство — уж ни в коем случае не из тех, что предлагают свои услуги по почте. Однако я действительно не вижу, что они могут сделать такое, чего не можем сделать мы сами.

Его оптимизм (или самонадеянность) оправдался через несколько дней. Пришло письмо, написанное характерным — отчетливым и в то

же время неразборчивым — почерком, присущим профессионалам.

*«Гэллс-Хилл
Вудлей-Болтон*

Уважаемый сэр!

В ответ на ваше объявление в «Таймс» сообщаю, что Элен Спенлав Кеннеди — моя сестра. Много лет назад я потерял связь с ней и теперь был бы рад узнать что-нибудь о ней.

С совершенным почтением,

Джеймс Кеннеди, доктор медицины».

— Вудлей-Болтон, — сказал Джайлс. — Это не так далеко отсюда. В Вудлей-Кемп обычно ездят на пикники. Это вересковая пустошь, примерно в тридцати милях отсюда. Мы напишем доктору Кеннеди и спросим, можно ли нам приехать к нему или он предпочтет сам приехать к нам.

В полученном ответе говорилось, что доктор Кеннеди готов принять их в следующую среду. В назначенный день супруги Рид отправились к нему.

Вудлей-Болтон — деревня с домами, беспорядочно разбросанными по склонам холма Гэллс-Хилл, — оказался на самой вершине холма, и оттуда открывался вид на Вудлей-Кемп и на заболоченные равнины, поросшие вереском, за которыми простиралось море.

— Довольно мрачное место, — заметил Джайлс, поеживаясь.

И сам дом был тоже мрачным — видно, доктор Кеннеди презирал новшества вроде центрального отопления.

Дверь открыла хмурая и весьма непривлекательная особа. Она проводила их в кабинет доктора Кеннеди, который при их появлении поднялся с кресла. Кабинет представлял собой длинную комнату с довольно высоким потолком, уставленную по стенам шкафами с книгами.

Доктор Кеннеди оказался седым пожилым мужчиной с хитрыми глазками, выглядывающими из-под кустистых бровей. Его острый

взгляд быстро перебежал с одного визитера на другого.

— Мистер и миссис Рид? Присаживайтесь, миссис Рид, вот это, наверное, самое удобное кресло. Ну и в чем же все-таки дело?

Джайлс кратко изложил заранее подготовленную историю.

Они с женой недавно поженились в Новой Зеландии и приехали в Англию, где его жена жила короткое время в раннем детстве, сейчас она занята выявлением старых друзей семьи и их связей.

Доктор Кеннеди оставался безучастным и замкнутым. Он был вежлив, но явно раздражен их колониальной сентиментальностью и приверженностью к семейным узам.

— И вы полагаете, что моя сестра, моя единокровная сестра, возможно, ваша родственница? — спросил он Гвенду вежливо, но слегка враждебно.

— Она — моя мачеха, — сказала Гвенда. — Вторая жена моего отца. Я, конечно, не помню ее как следует. Была тогда слишком маленькой. Моя девичья фамилия — Холидей.

Он посмотрел на нее, и вдруг улыбка озарила его лицо. Теперь это был совсем другой человек, от отчужденности не осталось и следа.

— Бог мой! Только не говорите мне, что вы и есть Гвенни!

Гвенда широко улыбнулась. Давно забытое уменьшительное имя звучало в ее ушах как благодная музыка.

— Да, я — Гвенни.

— Да благословит бог мою душу! Выросла и вышла замуж. Как летит время! Это было... пятнадцать лет... нет, конечно, гораздо больше лет назад. Вы, естественно, не помните меня?

Гвенда отрицательно покачала головой.

— Я даже своего отца не помню. Я хочу сказать, что прошлое видится мне словно в тумане.

— Конечно... Первая жена Холидея была из Новой Зеландии... Помнится, он рассказывал мне об этом. Прекрасная страна, как я понял.

— Это самая чудная страна во всем мире, но мне и Англия тоже очень нравится.

— Вы приехали на время или хотите поселиться здесь? — Он позвонил в колокольчик. — Мы должны выпить чаю.

Когда вошла высокая женщина, он попросил:

— Чаю, пожалуйста... и тостов с маслом... или... или кекса, или еще чего-нибудь.

Респектабельная экономка выглядела отнюдь не дружелюбной, но тем не менее ответила:

— Слушаюсь, сэр. — И вышла.

— Обычно я не пью чая, — заметил доктор Кеннеди, словно желая загладить неловкость, — но ради такого приятного случая...

— Спасибо, вы очень любезны, — поблагодарила Гвенда и продолжила: — Мы купили здесь дом. — И после короткой паузы добавила: — «Хиллсайд».

— О да. В Дилмуте. Вы указали на конверте свой адрес.

— Какое удивительное совпадение, правда?! — воскликнула Гвенда, обращаясь к Джайлсу.

— И правда! — согласился Джайлс. — Просто ошеломляющее совпадение.

— Понимаете, он как раз продавался, — сказала Гвенда и добавила: — Это тот самый дом, в котором мы жили много лет назад.

Доктор Кеннеди нахмурился.

— «Хиллсайд»? Ну, конечно, я слышал, что они назвали его по-другому. Прежде он назывался в честь какого-то святого. Думаю, это тот самый дом, на Лихемптон-роуд, ведущей к центру города, по правой стороне?

— Да.

— Это он и есть. Забавно, как выветриваются из памяти названия. Подождите минутку. «Сан-Кэтрин» — вот как он назывался прежде.

— И я там жила, верно? — уточнила Гвенда.

— Да, конечно, вы там жили. — Он удивленно на нее посмотрел. — А почему вы решили снова там поселиться? Уж наверняка не из ностальгических побуждений.

— Нет. Но почему-то, едва ступив на его порог, я почувствовала себя как дома.

— Почувствовала себя как дома, — повторил доктор. Сказано это было невыразительным, безразличным тоном, но Джайлсу было бы интересно узнать, о чем доктор думал при этом.

— Видите ли, — продолжила Гвенда, — я так надеялась, что вы о многом расскажете мне... о моем отце, и Элен, и... — добавила она, запинаясь, — обо всем...

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Полагаю, вашим родственникам в Новой Зеландии мало что было известно о том, что происходит здесь, в Англии. Да и мне известно не так уж много. Элен, моя сестра, возвращалась из Индии на одном пароходе с вашим отцом. Он был вдовец с маленькой дочерью. Элен пожалела его или влюбилась в него. А он был одинок или тоже влюбился в нее. Трудно сказать, как все это произошло. Они поженились в Лондоне, по прибытии, и приехали в Дилмут, ко мне. Тогда у меня там была практика. Келвин Холидей казался хорошим парнем, хотя был довольно раздражительным и порой впадал в депрессию... но тем не менее они казались счастливой парой... тогда. — Он немного помолчал, прежде чем сказать: — И все-таки менее чем через год она сбежала куда-то с другим. Вы, может быть, знаете об этом?

— А с кем она сбежала? — спросила Гвенда.

— Она не сказала мне. Я не пользовался ее доверием. Я видел... просто не мог не видеть, что между ней и Келвином возникли трения. Я не знал почему. Я всегда был пуританином в вопросах морали и верил в супружескую верность. Элен не желала посвящать меня в свои семейные дела. До меня доходили слухи, но без упоминания каких-то конкретных лиц. У них постоянно гостил кто-нибудь из Лондона или из других частей Англии. Думаю, она сбежала с кем-нибудь из них.

— Они были уже в разводе?

— Элен не хотела развода. Так мне сказал Келвин. Вот почему я предположил, возможно ошибочно, что мужчина был женат. И к тому же на католичке.

— А мой отец?

— Он тоже не хотел развода.

Доктор Кеннеди отвечал довольно сдержанно.

— Расскажите о моем отце, — попросила Гвенда. — Почему он внезапно решил отправить меня в Новую Зеландию?

Кеннеди ненадолго задумался, прежде чем ответить.

— Мне кажется, что на этом настаивали ваши родственники. После крушения брака с Элен он, наверное, решил, что так будет лучше для всех.

— Почему он не отвез меня туда сам?

Доктор Кеннеди оглядел каминную полку в поисках ершика для трубки.

— О, я не знаю... У него резко ухудшилось здоровье.

— А что такое с ним было? От чего он умер?

Открылась дверь, и появилась суровая экономка с подносом, на котором были тосты с маслом и варенье, но никаких кексов. Рассеянным жестом доктор Кеннеди предложил Гвенде разливать чай. Когда чашки были наполнены и розданы, а Гвенда взяла кусочек тоста, доктор Кеннеди с напускной живостью осведомился:

— Ну и как вы обустроили свой дом? Наверное, я и не узнаю его после проведенных вами усовершенствований.

— Мы очень гордимся своими ванными, — ответил Джайлс.

Гвенда, глядя на доктора в упор, повторила свой вопрос:

— От чего же умер мой отец?

— Затрудняюсь вам сказать, дорогая. Как я уже говорил, у него возникли сложности со здоровьем, и в конце концов он отправился в клинику где-то на восточном побережье. Спустя два года он умер.

— А где точно находилась эта клиника?

— Мне очень жаль, но теперь я не могу вспомнить. Как я уже сказал, мне кажется, она находилась где-то на восточном побережье.

Доктор Кеннеди явно уклонялся от прямого ответа. Джайлс и Гвенда обменялись короткими взглядами.

— По крайней мере, сэр, вы можете сказать, где он похоронен? — спросил Джайлс. — Гвенда, естественно, очень хотела бы посетить его могилу.

Доктор Кеннеди придвинулся к камину и принялся чистить чубук трубки перочинным ножом.

— Знаете, — сказал он как-то невнятно, — не думаю, что я должен так много говорить о прошлом. Все это почитание предков — глупость. Важно только будущее. Вот вы двое, молодые, полные сил, перед вами открыт весь мир. Думайте о будущем. Какой смысл возлагать цветы на могилу того, кого вы практически и не знали?

Гвенда упрямо повторила:

— Я хотела бы видеть могилу отца.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь. — Тон доктора Кеннеди был учтивым, но холодным. — Это произошло так давно, и я уже не помню. Я утратил связь с вашим отцом после его отъезда из Дилмута.

Кажется, он написал мне из клиники, и потому у меня отложилось в памяти, что он находился где-то на восточном побережье... но на самом деле я не уверен даже в этом. И я не имею ни малейшего представления о том, где ваш отец похоронен.

— Это очень странно, — заметил Джайлс.

— Отнюдь. Как вы понимаете, нас связывала Элен. Я всегда очень гордился ею. Она моя единокровная сестра и намного моложе меня, но я старался всячески заботиться о ней. Хорошие школы и все такое. Но нельзя отрицать и того, что Элен всегда отличалась неуравновешенным характером. Будучи совсем юной, она влюбилась в весьма сомнительного молодого человека. Мне удалось благополучно вытащить ее из этой истории. Тогда она решила уехать в Индию и выйти замуж за Уолтера Фейна. Ну, я не возражал, хороший парень, сын адвоката из Дилмута, но если говорить откровенно, тупой, как бревно. Он всегда обожал ее, но она даже не смотрела в его сторону. А тут вдруг решает ехать в Индию, чтобы выйти за него замуж. Но когда приехала туда, то сразу же передумала, телеграфировала мне с просьбой прислать денег, чтобы вернуться домой. Я послал. По пути домой она встретила Келвина. Они поженились, я об этом узнал постфактум. Я, скажем так, обиделся на нее за это. Вот почему я не поддерживал отношений с Келвином после ее побега. — И он вдруг спросил: — А где теперь Элен? Можете вы сказать мне? Я хотел бы связаться с ней.

— Но мы ничего не знаем, — ответила Гвенда. — Совсем ничего.

— О! Из вашего объявления я понял... — Он посмотрел на них с внезапным любопытством. — Скажите, зачем тогда вы давали объявление?

— Мы хотели связаться... — начала было Гвенда и умолкла на полуслове.

— И не можете вспомнить, с кем именно? — Доктор Кеннеди выглядел озадаченным.

Гвенда поспешно ответила:

— Я думала... если я смогу связаться с ней... она расскажет мне... о моем отце.

— Да... да... я понимаю. Жаль, что не могу ничем помочь вам. Память изменяет мне. Это было так давно.

— Но по крайней мере, — спросил Джайлс, — вы знаете, какая это была клиника? Туберкулезная?

Лицо доктора Кеннеди снова стало непроницаемым.

— Да, да, скорее всего, так и есть.

— Ну, тогда нам не составит труда все выяснить, — заявил Джайлс. — Весьма признательны вам, сэр, за все, что вы нам рассказали.

Они поднялись.

— Благодарю вас, — сказала Гвенда. — Непременно приезжайте к нам в «Хиллсайд».

Прежде чем выйти из комнаты, Гвенда обернулась. Доктор Кеннеди стоял у камина, обеспокоенный, машинально теребя свой ус.

— Он знает что-то, чего никогда нам не скажет, — сказала Гвенда, когда они садились в автомобиль. — Что-то такое... о, Джайлс! И зачем только мы занялись всем этим...

Они переглянулись, и у каждого из них, независимо от другого, возник тот же самый страх.

— Мисс Марпл была права, — продолжала Гвенда. — Нам не следовало делать этого.

— Но нас никто не принуждает продолжать, — неуверенно заметил Джайлс. — Я думаю, Гвенда, дорогая, нам лучше остановиться на этом.

Гвенда покачала головой:

— Нет, Джайлс, теперь мы не можем остановиться. Мы будем постоянно думать об этом и строить всевозможные предположения. Нет, мы должны продолжать... Доктор Кеннеди не сказал нам, потому что хотел быть добрым... но такой подход к делу нехорош. Мы должны продолжать и выяснить, что случилось на самом деле. Даже если... даже если... это был мой отец, тот, кто...

Но она не смогла продолжать.

Глава 8

Иллюзии Келвина Холидея

Следующим утром, когда Джайлс с Гвендой беседовали в саду со старым Фостером, миссис Коккер сообщила, что звонит некий доктор Кеннеди.

Оставив Гвенду с садовником, Джайлс поспешил в дом.

— Джайлс Рид слушает.

— Это доктор Кеннеди. Я все обдумываю наш вчерашний разговор, мистер Рид. Есть некоторые факты, которые, как я думаю, вы и ваша жена должны были бы знать. Застану ли я вас дома, если заеду к вам во второй половине дня?

— Конечно. Мы будем дома. В какое время?

— В три часа.

— Прекрасно.

А старик Фостер тем временем осведомился у Гвенды:

— Это тот самый доктор Кеннеди, который жил здесь в «Уэст-Клифф»?

— Думаю, да. Вы знали его?

— Я всегда считал его лучшим доктором здесь, не в пример доктору Лезенбаю. Но доктор Лезенбай пользовался всеобщей симпатией, потому что всегда умел подбодрить человека, а доктор Кеннеди мил, сдержан и немного суховат, но зато знал свое дело.

— Когда он прекратил здесь практику?

— Уже давно. Может быть, лет пятнадцать назад или около того. Говорили, что у него пошатнулось здоровье.

Джайлс вскоре вернулся и в ответ на вопросительный взгляд Гвенды сообщил:

— Он будет здесь сегодня во второй половине дня.

— Вот как! — И Гвенда продолжила прерванный разговор с Фостером: — А вы знали сестру доктора Кеннеди?

— Сестру? Можно сказать, нет. Она была тогда совсем девчонкой. Ее отправили в школу, а потом за границу, хотя я слышал, будто она вернулась сюда сразу же после того, как вышла замуж. Но, кажется, вскоре удрала с каким-то парнем, говорили, что она всегда была

сумасбродная. По-моему, я и не видел ее никогда. В то время я работал в Плимуте.

Прогуливаясь потом по саду вдвоем с мужем, Гвенда спросила Джайлса:

— Зачем он приезжает?

— Мы узнаем об этом в три часа.

Доктор Кеннеди прибыл точно в назначенное время. Оглядывая гостиную, он признался:

— Как странно снова оказаться здесь. — Потом без всяких предисловий перешел к делу: — Как я понял, вы намерены отыскать клинику, где умер Келвин Холидей, и выяснить все подробности о его болезни и смерти?

— Совершенно верно, — ответила Гвенда.

— Разумеется, вы вполне можете осуществить свое намерение. Поэтому я решил облегчить вашу задачу и сообщить все, что мне известно. Я сожалею, что вынужден поведать вам об этом; то, что вы узнаете, не способно принести кому бы то ни было ничего хорошего и, скорее всего, причинит вам, Гвенда, боль. Так вот. У вашего отца не было туберкулеза, и находился он не в туберкулезной, а в психиатрической клинике.

— В психиатрической клинике? Что же, он сошел с ума?

Гвенда сделалась мертвенно-бледной.

— Врачи не считали его невменяемым. И по моему мнению, он не был сумасшедшим в общепринятом смысле этого слова. Он пережил сильное нервное потрясение и страдал навязчивой идеей. Он оказался в клинике по своей собственной воле и мог, разумеется, покинуть ее в любой момент. Однако лечение не принесло желаемых результатов, и в конце концов он там умер.

— Навязчивая идея? — спросил Джайлс. — Какая навязчивая идея?

— Он вообразил, будто задушил свою жену.

Гвенда исторгла сдавленный крик. Джайлс нежно сжал в ладонях ее холодную руку и, снова обратившись к доктору Кеннеди, продолжал:

— И... и он действительно это сделал?

— Нет, конечно, он этого не делал. В этом нет сомнений.

— Но... но откуда вы знаете? — послышался неуверенный голос Гвенды.

— Мое дорогое дитя. Об этом не может быть и речи. Элен бросила его ради другого мужчины. В течение некоторого времени он пребывал в очень неустойчивом состоянии — кошмарные сновидения, болезненные фантазии. Бегство Элен окончательно добило его. Я не психиатр. Но у специалистов есть объяснения подобных случаев. Если мужчина предпочитает видеть свою жену мертвой, нежели неверной, он может заставить себя представить ее мертвой — и даже внушить себе, что сам же ее убил.

Джайлс и Гвенда незаметно обменялись предостерегающими взглядами, и Джайлс с невозмутимым видом продолжал:

— Значит, вы абсолютно уверены в том, что он не совершал того, в чем сам себя признавал виновным?

— Да, абсолютно уверен. Я получил два письма от Элен. Первое — из Франции, через неделю после ее побега, и другое — спустя шесть месяцев. Так что все это не что иное, как плод больного воображения.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Умоляю, доктор Кеннеди, расскажите мне все.

— Я расскажу вам все, что мне известно, дорогая. Начну с того, что Келвин в течение некоторого времени находился в своеобразном невротическом состоянии. Он обратился ко мне по этому поводу, жаловался, что его мучают кошмары. Каждую ночь он видит один и тот же сон, завершающийся тем, что он душит Элен. Я пытался докопаться до причины этого наваждения — она могла корениться в каком-то событии, имевшем место в раннем детстве. Его отец и мать, очевидно, не были счастливы в браке... Ну, я не стану углубляться в проблемы, интересные только специалисту. Я посоветовал Келвину обратиться к психотерапевту, назвав несколько первоклассных специалистов, но он не послушал меня, посчитав все это ерундой.

Мне показалось, что у них с Элен не все ладится, но он никогда не говорил об этом. А я не считал себя вправе задавать вопросы деликатного свойства. Но однажды вечером он пришел ко мне, помню, это была пятница. Я только что вернулся из больницы и застал его в приемной, где он ждал меня уже с четверть часа. Как только я вошел, он поднялся с кресла и заявил: «Я убил Элен». Я слегка оторопел, не

зная, что думать. Он был абсолютно хладнокровен и невозмутим. «Вы хотите сказать, что вам привиделся очередной кошмар?» — естественно, осведомился я. И услышал в ответ: «На сей раз это не сон, а явь. Ее труп там, в доме. Это я ее задушил».

Потом он сказал таким же спокойным, вразумительным тоном: «Пойдемте со мной. Из моего дома вы сможете по телефону вызвать полицию». Я не знал, что и думать. Усадил его в свой автомобиль, и мы поехали. В доме было тихо и темно. Мы поднялись в спальню...

Гвенда перебила его:

— В спальню? — В ее голосе слышалось явное удивление.

Доктор Кеннеди был тоже слегка удивлен:

— Да. Да, именно там это якобы произошло. Но когда мы поднялись в спальню, никакого трупа, лежащего поперек кровати, естественно, не обнаружили. Равно как не обнаружили и никакого беспорядка, смятого покрывала и всякого прочего, что могло бы свидетельствовать о случившейся трагедии.

— Но что сказал отец?

— О, он, разумеется, настаивал на своем. Он и на самом деле верил в это. Я дал ему успокоительное и уложил на кровать в гардеробной комнате. Потом тщательно осмотрел дом. В корзине для ненужных бумаг в гостиной я нашел смятую записку от Элен. И все стало ясно. В ней было сказано примерно следующее: «Прощай. Я сожалею, но наш брак был ошибкой. Я ухожу с единственным мужчиной, которого когда-либо любила. Прости меня, если сможешь. Элен». Очевидно, Келвин, прочитав ее записку, в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения поспешил в спальню и, не обнаружив ее там, пережил приступ безумия, в результате которого уверовал в то, что убил Элен.

Когда вернулась горничная (у нее в тот день был выходной), я позвал ее в комнату Элен и попросил осмотреть шкаф с одеждой сестры. Теперь никаких сомнений в побеге Элен не осталось. Я осмотрел дом и нигде не обнаружил следов чего-то необычного, не говоря уже о трупе задушенной женщины.

Утром у меня состоялся очень трудный разговор с Келвином, в ходе которого он внял или только сделал вид, что внял, моим доводам и согласился отправиться в клинику для лечения.

Неделей позже, как я уже сказал, я получил письмо от Элен. Оно было отправлено из Биаррица, но она писала, что собирается в Испанию. Я должен был сказать Келвину, что она не требует развода, что ему лучше забыть ее, и как можно скорее. Я показал письмо Келвину. Он никак не прокомментировал его, но занялся решением практических вопросов. Прежде всего послал телеграмму родственникам первой жены в Новую Зеландию с просьбой забрать его ребенка. Потом уладил все прочие дела и лег в очень хорошую частную психиатрическую клинику. Однако лечение не принесло никаких результатов, и через два года он умер. Я могу сообщить вам адрес этой клиники в Норфолке. Теперешний главный врач был в то время рядовым врачом и, скорее всего, может дать вам исчерпывающую информацию о вашем отце.

— А потом вы получили еще одно письмо от сестры? — спросила Гвенда.

— О да. Примерно спустя шесть месяцев. Она писала из Флоренции и указала обратный адрес «до востребования, мисс Кеннеди». Писала, что, может быть, несправедливо не давать развода Келвину, хотя ей самой он не нужен. Если он хочет развода и я сообщу ей об этом, она пошлет ему необходимые бумаги. Я показал письмо Келвину. Он сразу же сказал, что не настаивает на разводе, о чем я и сообщил ей. С тех пор от нее не было никаких вестей. Не знаю, где она сейчас живет, да и вообще жива ли она еще... Вот я и откликнулся на ваше объявление в надежде что-нибудь узнать о ней, — заключил он, а потом уже более мягким тоном добавил: — Я очень сожалею, Гвенни. Но вы должны были это узнать. Я только хотел бы, чтобы вы поставили точку на этом и не терзали себя...

Глава 9

Неизвестный фактор

I

Когда Джайлс проводил доктора Кеннеди и вернулся, он увидел Гвенду сидящей на том же месте, где ее оставил. Ее щеки пылали, а в глазах был лихорадочный блеск.

— Что это за пустая фраза! — гневно воскликнула Гвенда. — Смерть или сумасшествие? Так что же это было — смерть или сумасшествие?

— Гвенда, дорогая. — Джайлс обнял ее за плечи, ощутив, как она напряжена.

— Зачем мы все это затеяли? Почему мы вовремя не остановились? Ведь это мой собственный отец ее задушил. И это мой собственный отец произнес те самые слова. Неудивительно, что все это аукнулось мне и что я так испугалась. Ведь это мой отец.

— Подожди, Гвенда, подожди. Мы же ведь не знаем...

— Да нет, все ясно! Он же сам сказал доктору Кеннеди, что задушил жену, разве не так?

— Но Кеннеди совершенно уверен, что твой отец не убивал ее...

— Потому что он не обнаружил тела. Но тело было... и я видела его.

— Но ты видела его в холле, а не в спальне.

— А какая разница?

— Да, но это странно, не так ли? Почему Холидей сказал, что он задушил жену в спальне, если на самом деле это произошло в холле?

— О, этого я не знаю. И вообще это совершенно несущественно.

— Я вовсе не уверен в этом. Возьми себя в руки, дорогая. Во всей этой истории много странного. Допустим, если ты так уж хочешь, что твой отец действительно задушил Элен. В холле. Что произошло потом?

— Он поехал к доктору Кеннеди.

— И сказал ему, что задушил жену в спальне, привез его к себе, и здесь оказалось, что тела нет — ни в холле, ни в спальне. Но ты же знаешь, не может быть убийства, если нет трупа. Куда в таком случае он его дел?

— А может быть, труп был, доктор Кеннеди помог отцу избавиться от него. Нам же, естественно, он не мог об этом сказать.

Джайлс покачал головой:

— Нет, Гвенда, я не думаю, что доктор Кеннеди мог так поступить. Он практичный, хитрый шотландец, лишенный эмоций. Ты полагаешь, он стал бы впутываться в эту историю, рискуя оказаться соучастником преступления? Я даже не допускаю мысли об этом. Единственное, что он сделал для Холидея, так это засвидетельствовал его психическое состояние. Но чего ради он стал бы совать свою шею в петлю? Келвин Холидей — не родственник ему и даже не близкий друг. А убита была его собственная сестра, которую он явно любил, хотя, может, и выказывал некоторое викторианское неодобрение ее образу жизни. Да и ты тоже не дочь его сестры. Нет, доктор Кеннеди не стал бы попустительствовать сокрытию убийства. В противном случае ему не оставалось бы ничего иного, как констатировать смерть, наступившую от сердечной недостаточности или еще от чего-то. Я полагаю, что он вполне мог бы сделать это, но мы определенно знаем, что он этого не сделал. Потому что в приходских книгах нет записи о ее смерти, а кроме того, если исходить из твоего предположения, он наверняка сказал бы нам, что его сестра умерла. Теперь, с учетом сказанного мною, скажи, куда делся труп Элен?

— Возможно, отец захоронил его где-нибудь, например в саду?

— И потом пошел к Кеннеди и сообщил ему, что задушил жену? Зачем? Почему бы ему не придерживаться версии о ее бегстве?

Гвенда откинула волосы со лба. Она немного расслабилась, и щеки уже не пылали, как прежде.

— Не знаю, — призналась она. — Твое объяснение выглядит очень логично. Думаешь, доктор Кеннеди сказал нам правду?

— О да, я абсолютно уверен в этом. С его точки зрения, все совершенно ясно. Сны, галлюцинации и, наконец... главная галлюцинация. Он убежден, что это была галлюцинация, потому что, как мы только что признали, если нет трупа, то не может быть речи и об убийстве. Вот почему мы никак не можем согласиться с ним. В

отличие от него мы знаем, что труп был. — Он немного помолчал и продолжал: — С его точки зрения, все подтверждает его версию. Исчезнувшая одежда и чемодан, прощальная записка. И потом, два полученных им от сестры письма.

Гвенда оживилась:

— А эти письма? Как мы их объясним?

— Это трудно объяснить, но надо попытаться. Если исходить из того, что Кеннеди говорит правду (а я полностью в этом уверен), то нам придется объяснить, откуда взялись эти письма.

— Я полагаю, они и в самом деле были написаны почерком его сестры? Он узнал его?

— Послушай, Гвенда, я не думаю, что он задавался этим вопросом. Это же не подпись на банковском чеке. Если те письма были написаны почерком, достаточно похожим на почерк его сестры, то могло и не возникнуть сомнений. У него уже была определенная версия случившегося. И письма только укрепляли его в убеждении, что она сбежала от мужа. В такой ситуации вряд ли письма могли вызвать у него подозрения. И тем не менее письма эти вызывают подозрения, по крайней мере у меня. Они все-таки в значительной степени анонимны. Вместо адреса — номер почтового отделения и «до востребования». Никакого упоминания о ее спутнике. По всему чувствуется желание прервать связь с единственным братом. Я думаю, подобные письма мог сочинить убийца, чтобы усыпить бдительность ее родственников. Это известная уловка. Организовать же отправку писем из-за границы совсем нетрудно.

— Ты думаешь, что мой отец...

— Нет, как раз так я не думаю. Представь себе человека, который вознамерился избавиться от жены. Он распространяет слухи о ее возможной неверности. Он обставляет ее отъезд — оставленная записка, исчезнувшая одежда и чемодан. От нее приходят письма с тщательно выверенными интервалами откуда-то из-за границы. А на самом деле он убил ее и спрятал труп, ну, скажем, под полом подвала. Это обычный прием убийц, и он общеизвестен. Но такой убийца никогда не бросится сразу же к ее единокровному брату, чтобы признаться в совершенном преступлении и просить вызвать полицию. С другой стороны, если твой отец относился к эмоциональному типу убийц, безумно любил жену и задушил ее в припадке дикой ревности,

на манер Отелло (а это совпадает со словами, которые ты слышала), он наверняка не стал бы припрятывать ее вещи и сочинять прощальное письмо прежде, чем броситься сообщать о своем преступлении человеку, который по складу своего характера не смог бы утаить это от полиции. В этом нет логики, Гвенда. Абсолютно нет логики.

— И что же теперь ты думаешь делать, Джайлс?

— Не знаю... Судя по всему, в этой истории есть еще одно действующее лицо. Назовем его Икс. Некто, пока не появившийся на сцене, но его присутствие уже явственно ощущается.

— Икс?! — удивленно воскликнула Гвенда и с укоризной взглянула на мужа. — Ты все выдумал, Джайлс, чтобы успокоить меня.

— Клянусь, это не выдумка. Разве ты не видишь, что ни одна версия не оправдывается, все время возникают те или иные неувязки. Нам доподлинно известно, что Элен Холидей была задушена, потому что ты это видела собственными глазами... — Он помолчал, потом заговорил снова: — О боже! Какой же я дурак! Теперь я это понял. Это же все объясняет. Ты права. И Кеннеди тоже прав. Слушай, Гвенда. Элен готовилась бежать с любовником... а кто это был, мы не знаем.

— Икс?

Джайлс нетерпеливым жестом прервал ее и с горячностью продолжал:

— Она как раз писала прощальную записку, когда вошел муж, прочитал, что она написала, и вспылал. Он скомкал записку, швырнул ее в корзину для бумаг и набросился на Элен. Она в ужасе выскочила в холл, он схватил ее, начал душить, она обмякла, и он отпустил ее. И тогда, глядя на ее безжизненное тело, он процитировал злополучные слова из «Герцогини Мальфи», как раз в тот момент, когда ребенок наверху подошел к перилам и посмотрел вниз.

— И что потом?

— А все дело в том, что она не была мертва. Он мог думать, что убил ее, но она, возможно, только потеряла сознание. Обезумевший муж бросился к доктору Кеннеди, а тем временем явился за ней ее любовник, а может, она сама пришла в чувство и проворно покинула дом. Тогда все сходится. Келвин был уверен, что убил ее. Исчезнувшая одежда была упакована и отправлена еще утром. И последующие письма являются абсолютно подлинными. Вот, пожалуйста, это объясняет все.

— Но, Джайлс, почему Келвин сказал, что задушил ее в спальне?

— Он был в шоковом состоянии и не мог точно помнить, где это произошло.

— Мне хотелось, очень хотелось бы поверить тебе... Но я уверена, совершенно уверена, что, когда я смотрела сверху, она была мертва, мертва.

— Но как ты могла быть в этом уверена? Тебе только едва исполнилось три года.

Она как-то странно посмотрела на него.

— Думаю, что ребенок способен лучше понять такое, чем старшие. Как собаки, они чувствуют смерть, задирают вверх морду и начинают выть. Думаю, что дети тоже чувствуют смерть...

— Это чепуха, фантастика.

В этот момент кто-то позвонил в дверь, и Джайлс кинулся открывать, бросив на ходу:

— Кто это может быть, хотел бы я знать.

— Я совсем забыла, — спохватилась Гвенда. — Это мисс Марпл. Я пригласила ее на чай. Не будем обсуждать с ней все это.

II

Гвенда опасалась, что визит мисс Марпл окажется трудным для нее, но мисс Марпл, к счастью, словно не замечала, что хозяйка дома говорит чуть быстрее обычного, слишком лихорадочно и что ее веселье слегка нарочито. Мисс Марпл как ни в чем не бывало рассказывала о себе — она наслаждается пребыванием в Дилмуте, друзья ее друзей написали своим здешним друзьям, и последние окружили ее заботой и любезным вниманием.

— Люди ощущают потребность в новых знакомых, вы понимаете, что я имею в виду, моя дорогая, если они много лет общаются с одними и теми же людьми. Например, я была приглашена на чай к миссис Фейн, она вдова старшего партнера лучшей здешней адвокатской фирмы. Совсем старомодная фамильная фирма. Теперь ее возглавляет его сын.

Тихим, доверительным тоном она продолжала повествовать о своем пребывании в Дилмуте, о том, как добра к ней ее хозяйка.

— И кухня поистине восхитительна. Моя хозяйка много лет служила у моей давнишней подруги, миссис Бентри. Она родом совсем не из здешних мест, но часто приезжала сюда с мужем к тетке, прожившей много лет в Дилмуте, а потому знает множество местных слухов. Кстати, вы довольны своим садовником? Слышала, что в этих местах он слывет лодырем, больше говорит, чем делает.

— Ему бы только чай гонять да разглагольствовать, — с улыбкой заметил Джайлс. — Выпивает по пять чашек в день. Но когда мы где-нибудь поблизости, работает отлично.

— Давайте мы покажем вам сад, — предложила Гвенда.

Мисс Марпл внимательно оглядела и дом и сад, высказав по ходу дела комментарии. И если Гвенда опасалась, что та сделает какие-то замечания или заметит упущения, то эти опасения были напрасны: мисс Марпл была сама любезность, и все ей понравилось.

Тем более странным выглядело совершенно непредсказуемое поведение Гвенды: она вдруг перебила на полуслове мисс Марпл, рассказывавшую анекдот о ребенке и морской раковине, и прерывающимся от волнения голосом сказала Джайлсу:

— Мне это неинтересно, я хочу все ей рассказать...

Мисс Марпл настороженно взглянула на Гвенду. Джайлс начал было что-то говорить, но потом умолк и после небольшой паузы упавшим голосом сказал:

— Поступай как знаешь, Гвенда.

И Гвенда выложила все. О том, как они отправились к доктору Кеннеди и как он нанес им ответный визит и о чем поведдал.

— Это именно то, на что вы намекали в Лондоне, убеждая нас не заниматься расследованием? Вы опасались, что... что здесь может быть замешан мой отец?

— Да, я допускала такую возможность. Элен вполне могла быть молодой мачехой... и в случае... э-э... удушения... часто именно мужа оказываются виновными.

Мисс Марпл говорила размеренным тоном, без каких-либо эмоций, как человек, сообщающий очередной прогноз погоды...

— Теперь я понимаю, почему вы убеждали меня не заниматься расследованием, — сказала Гвенда. — О, как я жалею, что не послушалась вас! Но теперь нельзя повернуть вспять.

— Почему же? — возразила мисс Марпл. — Еще не поздно сделать это сейчас.

— А вы лучше послушайте Джайлса. У него есть соображения на этот счет.

— Я лишь считаю, что во всей этой истории концы не сходятся с концами, — сказал Джайлс и начал четко излагать то, что до прихода мисс Марпл объяснял Гвенде. Это была единственно правильная, по его мнению, версия. — Если бы только вы могли убедить Гвенду в моей правоте! — сказал он в заключение, с мольбой глядя в глаза мисс Марпл.

Мисс Марпл перевела взгляд с него на Гвенду и обратно.

— Ваша гипотеза весьма убедительна, — резюмировала она. — Но как вы сами только что заметили, мистер Рид, есть вероятность присутствия в деле Икса.

— Икс! — воскликнула Гвенда.

— Неизвестная личность, — сказала мисс Марпл. — Некто, скажем так, кто пока не обнаружил себя, но чье присутствие, судя по очевидным фактам, можно предположить.

— Мы собираемся съездить в лечебницу в Норфолке, где умер мой отец, — сказала Гвенда. — Может быть, там удастся что-нибудь узнать.

Глава 10

История болезни

I

Клиника «Солтмарш-Хаус» находилась в живописном месте примерно в шести милях от взморья. А в пяти милях от клиники был город Саут-Бенхэм, откуда ходил поезд в Лондон.

Джайлса и Гвенду провели в просторную гостиную с изящными креслами, обитыми кретоном. Вскоре там появилась весьма импозантная седовласая дама и, кивнув им, прошествовала к камину. В руках у нее был стакан с молоком. Несколько минут дама сидела молча, потом задумчиво посмотрела на Гвенду и вдруг, подавшись вперед, тихо, вкрадчивым голосом заговорила:

— Это ваше несчастное дитя, моя дорогая?

Гвенда слегка растерялась.

— Нет... нет. Не мое.

— Ах, я подумала было...

Пожилая дама кивнула и отпила из стакана несколько глотков. Потом, словно развивая известную Гвенде тему, добавила:

— Сейчас половина одиннадцатого — то самое время. Это всегда происходит в половине одиннадцатого. Просто удивительно. — Она понизила голос и снова подалась корпусом к Гвенде. — Там, за камином, — таинственно прошептала она. — Только не говорите, что это я вам сказала.

В этот момент в дверях гостиной появилась девушка в белом форменном платье и пригласила Джайлса и Гвенду следовать за ней.

Их провели в кабинет доктора Пенроуза, и тот встал, приветствуя их. Он выглядел еще более сумасшедшим, чем та приятная пожилая дама в гостиной, но, наверное, все психиатры кажутся немного сумасшедшими.

— Я получил письма от вас и от доктора Кеннеди, — сказал Пенроуз. — И просмотрел историю болезни вашего отца, миссис Рид. Я, разумеется, отлично помню этого пациента, но мне захотелось

освежить свою память, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы, которые у вас могут возникнуть. Как я понимаю, вы только недавно узнали обо всем?

Гвенда объяснила, что ее маленькой забрали в Новую Зеландию родственники по материнской линии, и единственное, что она знает об отце, это то, что он умер в лечебнице.

Доктор Пенроуз кивнул:

— Совершенно верно. Болезнь вашего отца, миссис Рид, не укладывалась в обычные, хрестоматийные рамки.

— А именно? — спросила Гвенда.

— Ну, навязчивые идеи или галлюцинации были очень сильны. Майор Холидей даже в состоянии сильного возбуждения настойчиво и категорично утверждал, что задушил свою вторую жену в приступе ревности. Большое число обычных симптомов подобной болезни в данном случае не наблюдалось, и я скажу вам откровенно, миссис Рид, если бы не заверения доктора Кеннеди, что миссис Холидей в действительности жива, я в то время готов был принять слова вашего отца за чистую монету.

— У вас сложилось впечатление, что он и в самом деле убил ее? — спросил Джайлс.

— Я сказал «в то время». Позже мне представился случай пересмотреть свое мнение, потому что я лучше узнал и характер майора Холидея, и его душевное состояние. Ваш отец, миссис Рид, вполне определенно не был похож на параноика. Он не страдал манией преследования, у него не было приступов ярости. Это был добрый, кроткий человек, хорошо владеющий собой. И никак не подходил под категорию тех, кого принято называть сумасшедшими, не говоря уже о том, что он не представлял какой-либо опасности для окружающих. Но у него была эта навязчивая идея об удушении миссис Холидей, и, чтобы докопаться до ее истоков, нам требовалось подробно исследовать его жизнь: возможно, предполагал я, причина кроется в каких-то его детских переживаниях. Должен признать, что все методы такого исследования не дали должных результатов. Сломать сопротивление пациента к исследованиям подчас бывает очень трудным делом. На это могло уйти несколько лет. В случае с вашим отцом времени было недостаточно. — Он немного помолчал, а потом,

глядя в глаза Гвенде, сказал: — Знаете, я считаю, что майор Холидей совершил самоубийство.

— О нет! — вскричала Гвенда.

— Я сожалею, миссис Рид. Я думал, вы знаете об этом. Вы, видимо, вправе отчасти винить в случившемся нас. Я допускаю, что надлежащий надзор мог предотвратить все это. Но, откровенно говоря, у майора Холидея не было симптомов, характерных для категории пациентов суицидного типа. У него не было склонности ни к меланхолии, ни к задумчивости или подавленности. Он жаловался на бессонницу, и мои коллеги назначили ему снотворное. Но он его не принимал и, когда накопил достаточное количество таблеток...

— Отец был так ужасно несчастлив?

— Нет, я так не думаю. Это было нечто большее, насколько я могу судить, — комплекс вины, и он искал для себя наказания. Поначалу, как вы знаете, он требовал, чтобы вызвали полицию, утверждал, что совершил преступление, и упорно отвергал все попытки разубедить его в этом. Но мы повторяли это вновь и вновь, и в конце концов он был вынужден признать, что не может вспомнить, как именно он совершил акт убийства. — Доктор Пенроуз поворошил лежащие перед ним бумаги. — Его рассказ о том вечере ни разу не претерпел каких-либо изменений за все время пребывания в клинике. Он пришел домой, по его словам, когда стемнело. Слуг уже не было. Он, как всегда, зашел в столовую, налил себе виски, выпил, а потом прошел через дверь, соединяющую две комнаты, в гостиную. И после этого он ничего не помнит, совсем ничего, до того момента, когда обнаружил себя стоящим в спальне возле жены, которая была мертва — задушена. Он знал, что это сделал он...

Джайлс прервал рассказ доктора:

— Извините меня, доктор Пенроуз, но почему он решил, что это сделал он?

— У него на этот счет не было сомнений. Однако спустя несколько месяцев у него зародились дикие подозрения. Он сказал мне, например, что жена давала ему наркотики. Думаю, это связано с его пребыванием в Индии. В тамошних судах часто разбирали иски к женам, которые изводили мужей, отравляя их дурманом. У него часто бывали галлюцинации, в которых смещались время и место. Он категорически отрицал, что подозревал свою жену в неверности, но я

думаю, что это была главная мотивация его поступка. Похоже, в действительности все выглядело так: он вошел в гостиную, прочитал оставленную женой записку, где было сказано, что она покидает его, и, чтобы не допустить этого, он предпочел ее «убить». А дальше пошла галлюцинация.

— Вы хотите сказать, что он ее очень любил? — спросил Джайлс.

— Безусловно, мистер Рид.

— И он никогда не сознавал, что это была галлюцинация?

— Он был вынужден признать, что она должна была быть, но его внутренняя убежденность оставалась непоколебленной. Навязчивая идея оказалась слишком сильной, чтобы так просто выяснить ее причину. Вот если бы мы могли узнать скрытые детские комплексы...

Гвенда перебила его. Ее не интересовали детские комплексы.

— Но вы говорите, что абсолютно уверены... что он не делал этого?

— О, если это беспокоит вас, миссис Рид, то можете выбросить это из головы. Келвин Холидей, как бы он ни ревновал свою жену, решительно не мог стать убийцей.

Доктор Пенроуз кашлянул и взял маленькую потрепанную черную книжку.

— Если не возражаете, миссис Рид, именно вам можно это передать. Здесь содержатся некоторые краткие записи, которые делал ваш отец, пока находился у нас. Когда мы передавали его вещи душеприказчику — адвокатской фирме, — доктор Макгуайр, тогдашний управляющий, решил приобщить эту книгу к истории болезни. Случай с вашим отцом описан в книге Макгуайра — разумеется, только под инициалами — майор К. Х. Если хотите взять этот дневник...

Гвенда с готовностью протянула руку.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я очень хотела бы его взять.

II

В поезде на обратном пути в Лондон Гвенда вытащила потрепанную черную книжицу и начала читать. Она открыла ее наугад. Келвин Холидей писал:

«Полагаю, что эти парни-доктора знают свое дело... Все это звучит как пустая болтовня. Любила ли меня моя мать? Ненавидел ли я отца? Не верю ни одному слову об этом... Я не могу отделаться от мысли, что все это — сугубо полицейский случай, дело для криминального суда, а вовсе не повод запрятать меня в желтый дом. И еще, некоторые люди здесь — совершенно естественные и разумные, как все остальные, пока дело вдруг не дойдет до их вывертов. Очень хорошо, но кажется, что и у меня тоже есть выверт...

Я писал Джеймсу... умолял его связаться с Элен... Пусть бы она приехала и увидела меня во плоти, если только она жива... Он сказал, что не знает, где она теперь... а все потому, что он знает, что она мертва и что это я убил ее... он хороший человек, но меня ему не обмануть... Элен мертва.

Когда я начал подозревать ее? Очень давно... Вскоре после того, как мы приехали в Дилмут. Она очень изменилась... Постоянно что-то скрывала. Я стал следить за ней... Да и она тоже начала следить за мной...

Добавляла ли она наркотики в мою еду? Эти странные, ужасные ночные кошмары... Необычные сны... Страшные кошмары... Я понимаю, что это были наркотики... Только она могла сделать это... Но зачем?... Значит, был другой мужчина... Другой мужчина, которого она боялась...

Но буду честным. Я подозревал, что у нее есть любовник, не так ли? Она так много рассказывала мне еще на пароходе... Кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж... Но это все равно для нас обоих...

...Я не мог забыть Меган... Как похожа иногда бывает на нее маленькая Гвенда... Элен мило играла с маленькой Гвенни на пароходе... Элен... Ты так красива, Элен.

Жива ли Элен? Или я стиснул ей горло и лишил ее жизни? Я прошел через дверь в столовой и увидел записку у себя на письменном столе... и потом... все померкло... только темнота. Но в этом нет сомнений... Я убил ее... Слава богу, что Гвенни в Новой Зеландии. Они полюбят дочь Меган. Меган, Меган, как бы я хотел, чтобы ты оказалась здесь...

Это лучший выход... Никаких скандалов... Лучший выход для ребенка... Я не могу больше жить. Год за годом. Я должен найти

самый короткий путь, чтобы уйти отсюда. Гвенни никогда ничего не узнает. Она никогда не узнает, что ее отец был убийцей...»

Слезы застилали глаза Гвенды. Она посмотрела на Джайлса, сидевшего напротив. Но взгляд Джайлса был устремлен в противоположный угол.

Почувствовав на себе испытующий взгляд Гвенды, он чуть заметно кивнул в сторону их попутчика, читавшего газету. На странице, обращенной к ним, крупным шрифтом был напечатан интригующий заголовок: «Кем были мужчины в ее жизни?»

Гвенда скользнула взглядом по заголовку и, никак не отреагировав, снова углубилась в чтение дневника.

«Кто-то был — я знаю, что кто-то был...»

Глава 11

Мужчины в ее жизни

I

Мисс Марпл пересекла улицу Си-Переид и пошла по Фор-стрит, обходя холм у Аркады. Здесь было множество старомодных магазинчиков, где продавались кондитерские изделия, шерстяные и вышитые вещи, дамская одежда, словно вернувшаяся из Викторианской эпохи, галантерея и прочие товары под стать одежде.

Мисс Марпл заглянула в витрину магазина художественных вышивок. Две молодые продавщицы обслуживали покупателей, а пожилая женщина в глубине магазина была свободна.

Мисс Марпл открыла дверь и вошла. Она присела у прилавка, и продавщица, пожилая седовласая женщина, спросила:

— Что вам угодно, мадам?

Мисс Марпл хотела купить светло-голубую шерстяную пряжу на детскую кофточку. Пряжа выбиралась тщательно и неторопливо, применительно к образцам фасонов в детских журналах. При этом мисс Марпл рассказывала о своих внучатых племянниках и племянницах. Ни она, ни продавщица не выказывали признаков нетерпения. Продавщица обслуживала таких покупателей, как мисс Марпл, уже много лет. Она предпочитала этих достойных, разговорчивых, праздных пожилых дам нетерпеливым, невежливым молодым мамашам, которые сами не знают, чего хотят, — главное, чтобы вещь была дешевой и броской.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Думаю, что остановлю свой выбор вот на этом. Я всегда считала товар фирмы «Сторклег» лучшим. Эта пряжа совершенно не садится. Наверное, мне следует взять две унции про запас.

Продавщица, заворачивая покупку, заметила, что сегодня очень холодный ветер.

— Да, в самом деле, я почувствовала это, когда шла по набережной. Дилмут сильно переменялся. Я не была здесь, дайте

вспомнить, девятнадцать лет.

— В самом деле, мадам? В таком случае вы обнаружите много перемен. Тогда, как я думаю, универмаг еще не был выстроен, да и отель «Саутвью» тоже.

— Тогда это был совсем маленький городок. Я останавливалась у своих друзей... Дом назывался «Сан-Кэтрин», может быть, вы знаете его? На Лихемптонской дороге.

Но, как оказалось, продавщица жила в Дилмуте всего около десяти лет.

Мисс Марпл поблагодарила ее, взяла свой сверток и зашла в соседний магазин, где продавались ткани. И здесь она снова облюбовала продавщицу постарше. Разговор происходил по тому же сценарию, но на сей раз речь шла о выборе тканей для летних распашонок. Эта продавщица отреагировала на вопрос немедленно:

— Вы, наверное, имеете в виду дом миссис Файндисон.

— Да-да. От своих друзей я слышала, что его сдали в аренду. Майору Холидею с женой и ребенком, девочкой.

— О да, мадам. Они жили там около года, я думаю.

— Да. Он вернулся из Индии. У них была очень хорошая кухарка, она дала мне чудесный рецепт пудинга с печеными яблоками... и еще, как я помню, имбирного хлеба. Я часто ее вспоминаю.

— Вы, наверное, имеете в виду Эдит Педжет, мадам. Она все еще в Дилмуте. Служит в доме «Уиндраш-Лодж».

— И здесь был еще кто-то — семья Фейн. Он, по-моему, был адвокатом!

— Старый мистер Фейн умер несколько лет назад, а молодой мистер Фейн — Уолтер Фейн — живет со своей матерью. Мистер Уолтер Фейн никогда не был женат. Он теперь глава фирмы.

— В самом деле? А мне казалось, что мистер Уолтер Фейн уехал в Индию разводить чайную плантацию или еще что-то.

— Я думаю, так и было, мадам. Когда он был молодым. Но примерно через год или два он вернулся домой, в свою фирму. Они делают здесь много добрых дел, и их здесь все уважают. Очень приятный, степенный джентльмен, мистер Уолтер Фейн. Он всем нравится.

— Да, вот что! — воскликнула мисс Марпл. — Он был помолвлен с мисс Кеннеди, не так ли? А она разорвала помолвку и вышла замуж

за майора Холидея.

— Это верно, мадам. Она уехала в Индию, чтобы выйти замуж за мистера Фейна, но передумала и вместо этого вышла совсем за другого джентльмена.

В голосе продавщицы послышалась нотка неодобрения.

Мисс Марпл придвинулась поближе и понизила голос:

— Мне так жаль бедного майора Холидея (я знавала его мать) и его маленькую девочку. Я так понимаю, что вторая жена бросила его. Убежала с кем-то. Взбалмошная особа, судя по всему.

— Настоящая вертихвостка. А вот ее брат, доктор, очень приятный человек. Отлично вылечил мое колено от ревматизма.

— С кем она убежала? Я никогда не слышала.

— Вот этого я не могу сказать вам, мадам. Говорили, что это один из отдыхающих. Но я знаю, что майор Холидей был совершенно убит. Он уехал отсюда, и его здоровье совсем расстроилось... Ваша сдача, мадам.

Мисс Марпл взяла сдачу и свою покупку.

— Премного вам благодарна, — сказала она. — Думаю, у Эдит Педжет сохранился рецепт имбирного хлеба? Я потеряла его, или его куда-то подевала моя горничная... а я так люблю хороший имбирный хлеб.

— Могу себе представить, мадам. Кстати, ее сестра живет здесь рядом, в соседнем доме. Она замужем за мистером Маунфордом, кондитером. Эдит постоянно навещает сюда по выходным, и я уверена, что миссис Маунфорд передаст ей вашу просьбу.

— Великолепная идея! Весьма признательна вам за любезное внимание и простите за доставленное беспокойство.

— О, ваш визит доставил мне огромное удовольствие, уверяю вас...

Мисс Марпл вышла на улицу.

— Приятная старомодная фирма, — сказала она себе. — И распашонки будут просто прелесть, так что я не выбросила деньги на ветер.

Она взглянула на часики с бледно-голубым эмалевым циферблатом, которые носила как подвеску на платье. «Всего пять минут осталось до встречи с этой молодой парой в кафе «Джинджер Кэт». Надеюсь, они не узнали в той лечебнице чего-то ужасного».

Джайлс и Гвенда сидели за угловым столиком кафе «Джинджер Кэт». Перед ними на столике лежала небольшая черная книжечка.

Мисс Марпл вошла с улицы и присоединилась к ним.

— Что вы будете пить, мисс Марпл? Кофе?

— Да, благодарю вас... нет, кекса не надо, только булочку и масло.

Джайлс сделал заказ, а Гвенда подвинула маленькую черную книжечку к мисс Марпл.

— Сначала прочтите вот это, — сказала она, — а потом мы поговорим. Вот что писал мой отец, когда находился в клинике. О, но прежде, Джайлс, перескажи мисс Марпл все, о чем поведал нам доктор Пенроуз.

Джайлс так и сделал. Потом мисс Марпл стала читать указанную Гвендой страницу, а официантка тем временем принесла три чашки слабого кофе, булочку с маслом и тарелку с кексами. Джайлс и Гвенда сидели молча, пока мисс Марпл читала.

Наконец она закончила чтение и закрыла книжечку. Выражение ее лица было трудно понять. Гвенде показалось, что оно было гневным. Она крепко стиснула зубы, а в ее глазах появился блеск, редкостный для человека ее возраста.

— Да, действительно, — проговорила она, — действительно!

— Вы однажды нам посоветовали, помните, не влезать в это дело, — сказала Гвенда. — Я понимаю теперь почему. Но мы не послушали вас и получили то, что имеем. Сейчас мы оказались в ситуации, когда при желании можно остановиться... Вы считаете, что нам надо остановиться? Или нет?

Мисс Марпл медленно покачала головой. Она выглядела встревоженной и растерянной.

— Не знаю, — ответила она. — Я действительно не знаю. Возможно, так и надо поступить, это было бы лучшим решением. Прошло очень много времени, и вы не в состоянии что-либо сделать — что-либо, я имею в виду, в конструктивном плане.

— Вы имеете в виду, что по прошествии стольких лет мы не сможем ничего узнать? — спросил Джайлс.

— О нет, — возразила мисс Марпл. — Я вовсе не это имела в виду. Девятнадцать лет — не такой уж большой период времени. Еще

есть люди, которые помнят, что тогда происходило, и которые могут ответить на ваши вопросы, — и таких людей много. Например, слуги. В доме должно было быть по меньшей мере двое слуг и няня, а возможно, и садовник. Потребуется только время и немного усилий, чтобы отыскать этих людей и поговорить с ними. А я уже нашла по крайней мере одного, вернее, одну из них. Кухарку. Но я, конечно, имела в виду не это, а совсем другое: какой практической цели вы достигнете? И на этот вопрос я склонна ответить однозначно — никакой. — Она умолкла. — Тем не менее... Я принадлежу к разряду тугодумов, но я чувствую, что в этой истории есть что-то... что-то, возможно, не вполне осязаемое, но ради чего стоило бы — и даже следовало бы рискнуть. Но я затрудняюсь сказать вам, что это такое.

Джайлс перебил ее:

— Мне кажется... — И осекся.

Мисс Марпл с готовностью повернулась к нему.

— Джентльменам, — сказала она, — присуща способность логического мышления. Я уверена, что вы все уже обдумали.

— Да, я все обдумал, — согласился Джайлс. — И на мой взгляд, в данном случае возможны две версии. Первая — та самая, о которой я говорил прежде: Элен Холидей не была мертва, когда Гвенни видела ее лежащей в холле. Позже она пришла в себя и исчезла со своим любовником. Такой вывод согласуется с убеждением Келвина Холидея в том, что это он убил жену, а также объясняет факт исчезновения чемодана и вещей Элен и, наконец, записку, найденную доктором Кеннеди. Но при этом остается неясным, почему Келвин был убежден, что задушил жену в спальне. И мы не получаем ответа на один, как мне кажется, самый важный вопрос — где сейчас Элен Холидей? Трудно себе представить, чтобы об Элен никто, никогда и ничего не слышал. Пусть те два письма, которые получил доктор Кеннеди, были подлинными, но что произошло после этого? Почему она больше никогда не писала? Она была в добрых отношениях со своим братом, и он всегда испытывал к ней привязанность. Он мог не одобрять ее поведение, но это не значит, что он ею не интересовался. Должен вам сказать, отсутствие вестей от нее тревожит и самого Кеннеди. Скажем так, он уверовал в ту историю, которую нам рассказал. Его сестра бежала, и это столь пагубно сказалось на Келвине. Но Кеннеди уже не надеется, что сестра снова напишет ему. Шли годы, от сестры не было

вестей, а Келвин Холидей упорствовал в своем заблуждении и в конце концов совершил самоубийство; в результате, я думаю, доктор Кеннеди поверил, что Келвин действительно задушил Элен. Значит, Келвин на самом деле убил Элен. Ведь если бы она умерла где-то за границей, то ему так или иначе стало бы об этом известно. Мне кажется, это объясняет его мгновенную реакцию на наше объявление. Он надеялся таким образом узнать, где она находится теперь и чем занимается. Я абсолютно убежден, что человек не может вот так бесследно исчезнуть, как это произошло с Элен. Это само по себе весьма подозрительно.

— Я согласна с вами, — призналась мисс Марпл. — Но какую вы можете предложить альтернативу, мистер Рид?

Джайлс ответил с расстановкой:

— У меня есть альтернатива, но она достаточно фантастична, а главное — просто страшна. Потому что здесь... как бы мне лучше выразиться... присутствует некий злой умысел.

— Да, — согласилась Гвенда. — Злой умысел — это именно то самое слово. Даже, мне кажется, в этом есть нечто, не поддающееся разумному объяснению...

— Думаю, это действительно так, — согласилась мисс Марпл. — Знаете, мне многое представляется здесь, скажем так, странным, не укладывающимся в общепринятые человеческие представления. Мне приходилось сталкиваться с этим...

Ее лицо приняло задумчивое выражение.

— Как видите, этому не может быть никакого нормального объяснения, — сказал Джайлс. — Я допускаю фантастическую гипотезу, что Келвин Холидей не убивал жену, но на самом деле думаю, что он все-таки ее убил. Да и доктор Пенроуз, который кажется мне приличным человеком, думает так же. Поначалу он считал, что Холидей убил жену и хочет отдаться в руки полиции. Потом он выслушал Кеннеди и склонился к мнению, что Холидей — жертва комплексов, или навязчивых идей, или как это там у них называется, но такое заключение не казалось ему убедительным. Как опытный специалист, он понимал, что Холидей не вполне подходит под эту категорию больных. Более тщательно изучив Холидея, он пришел к твердому убеждению, что тот не мог задушить женщину. Поэтому в конце концов уверовал в то, что Холидей страдает навязчивой идеей. А

это на самом деле означает, что кто-то внушил Холидею, будто он убил свою жену. Другими словами, снова встает вопрос о некоем Иксе.

Тщательно обдумав все факты, — продолжал Джайлс, — должен сказать, что эта теория, по крайней мере, приемлема. По его собственному признанию, Холидей в тот вечер вернулся домой, зашел в столовую, по обыкновению выпил, а потом прошел в соседнюю комнату, увидел записку на письменном столе, и у него случился провал в памяти... — Джайлс сделал паузу, и мисс Марпл в знак одобрения кивнула. Он продолжал: — А если предположить, что это был не провал в памяти, а результат действия наркотика, какого-то дурманящего снадобья, которое подмешали в виски? Следующий шаг совершенно ясен, не так ли? Икс задушил Элен в холле, а потом оттащил ее наверх и положил на кровать. Там и нашел ее Келвин, когда поднялся наверх, и бедняга, снедаемый ревностью, подумал, что он сам сделал это. Как он действует дальше? Отправляется к ее сводному брату на другой конец города, к тому же пешком. А тем временем этот самый Икс проделывает следующий трюк. Упаковывает и уносит вещи, а также прячет тело, хотя что он мог с ним сделать, — сердито закончил он, — я совершенно не могу понять.

— Меня удивляет ваше недоумение, мистер Рид, — возразила мисс Марпл. — Я не продвигу особых сложностей в выяснении того, что Икс сделал с трупом, но, пожалуйста, продолжайте.

— «КЕМ БЫЛИ МУЖЧИНЫ В ЕЕ ЖИЗНИ?» — процитировал Джайлс. — Я увидел такой заголовок в газете, когда мы возвращались в Дилмут поездом. Это заставило меня задуматься, потому что здесь и кроется главная загадка. Если существует некий Икс, как мы считаем, то нам известно о нем лишь одно: должно быть, он сходил по ней с ума... в буквальном смысле слова.

— И поэтому ненавидел моего отца, — вставила Гвенда. — И хотел как следует насолить ему.

— Вот мы и пришли к главному, — продолжал Джайлс. — Мы знаем, что представляла собой эта Элен... — Он замешкался, подбирая подходящие слова.

На вырчку мужу пришла Гвенда, выпалив:

— Помешанная на мужчинах.

Мисс Марпл оживилась, словно желая что-то сказать, но потом, видимо, передумала. А Джайлс продолжал:

— И она была красива. Но у нас нет никаких сведений о мужчинах в ее жизни, кроме Келвина. А их могло быть сколько угодно.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вряд ли. Она же была совсем молода. Но вы не вполне точны, мистер Рид. Мы знаем кое-что о «мужчинах в ее жизни». Был мужчина, к которому она отправилась в Индию с намерением выйти за него замуж...

— Ах да, тот самый адвокат? Как его имя?

— Уолтер Фейн, — ответила мисс Марпл.

— Да, но он не в счет. Он находился в этот момент то ли в Малайе, то ли в Индии, то ли еще где-то.

— Но был ли он действительно там? Вы же знаете, он не захотел разводить чайные плантации, — напомнила мисс Марпл. — Он вернулся домой и устроился в фирму, которую теперь и возглавляет.

Гвенда воскликнула:

— Он последовал сюда за нею?!

— Вполне возможно. Нам это неизвестно.

Джайлс с любопытством посмотрел на пожилую леди.

— Как вы все это узнали?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась.

— Я немного посплетничала. В магазинах и на автобусных остановках. Пожилые дамы отличаются любопытством. Да, таким способом можно собрать уйму местных новостей.

— Уолтер Фейн, — задумчиво повторил Джайлс. — Элен отвергла его. Это могло глубоко ранить его. Он был когда-нибудь женат?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Живет с матерью. Я приглашена к ним на чай в конце недели.

— Нам известно, что был еще один обожатель, — неожиданно заявила Гвенда. — Это человек, с которым она была помолвлена или в которого была влюблена, когда закончила школу, нежелательный, по словам доктора Кеннеди, человек. Интересно, почему он был нежелателен...

— Уже двое мужчин, — подытожил Джайлс. — У каждого была причина завидовать Холидею и вынашивать план мести... Возможно, у первого молодого человека были какие-то психические отклонения.

— Доктор Кеннеди мог бы сказать нам об этом при встрече, — заметила Гвенда. — Но вот спрашивать его об этом сейчас довольно

затруднительно. И тем не менее мне вполне прилично поехать к нему и спросить о моей мачехе, которую я едва помню. Но потребуются какие-то объяснения, если при этом я захочу узнать еще и о ее любовных приключениях, предшествовавших браку с моим отцом.

Джайлсу эта идея не пришлась по вкусу.

— Такой чрезмерный интерес к мачехе, которую ты едва знала, будет выглядеть весьма странно.

— Есть, наверное, другие способы узнать обо всем этом, — сказала мисс Марпл. — О да, я думаю, что со временем и проявив должное терпение, мы раздобудем необходимую нам информацию.

— Так или иначе, у нас имеется две версии, — подытожил Джайлс.

— Мы могли бы, мне кажется, выдвинуть и третью, — заявила мисс Марпл. — Это была бы, конечно, чистая гипотеза, но подтвержденная, как я думаю, ходом событий.

Гвенда и Джайлс посмотрели на нее с некоторым удивлением.

— Это всего-навсего предположение, — начала мисс Марпл, слегка волнуясь. — Элен Кеннеди поехала в Индию, чтобы выйти замуж за молодого Фейна. Возможно, она не была так уж влюблена в него, но относилась с уважением и собиралась прожить с ним всю жизнь. Однако, приехав туда, она разрывает помолвку и просит брата выслать ей деньги на обратный билет. Почему бы это?

— Наверное, она передумала, — предположил Джайлс.

Обе женщины, мисс Марпл и Гвенда, посмотрели на него с легким презрением.

— Конечно, она передумала, — подтвердила Гвенда. — Мы знаем это. Мисс Марпл имела в виду другое: почему она передумала?

— Ну, девушки часто меняют свое мнение... — смущенно заметил Джайлс.

— Под давлением определенных обстоятельств, — уточнила мисс Марпл.

В этих словах содержался скрытый намек, к которым часто прибегают пожилые дамы, не сообщая при этом ничего определенного.

— Может быть... — неуверенно начал Джайлс. Гвенда не дала ему договорить, выпалив:

— Конечно, другой мужчина! — Она и мисс Марпл переглянулись с убежденностью, присущей братству франкмасонов, куда простому

человеку нет доступа. Гвенда с уверенностью добавила: — На пароходе! По пути туда!

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл.

— Палуба, залитая лунным светом, — продолжала Гвенда, — и все такое. Но только это должно быть серьезно, а не просто флирт.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Я думаю, это было вполне серьезно.

— Если так, то почему она не вышла за того парня? — недоумевал Джайлс.

— Может быть, он сам не очень хотел этого, — предположила Гвенда, но тут же отвергла свое предположение: — Нет, думаю, в этом случае она все-таки вышла бы за Уолтера Фейна. О, конечно, какая я глупая. Это был женатый мужчина.

Она с победоносным видом посмотрела на мисс Марпл.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И вот как я представляю себе данную ситуацию. Они влюбились друг в друга, может быть, даже безрассудно. Но если он был женатый человек и, скорее всего, имел детей, к тому же порядочный, то их любовь была обречена.

— И все же она не смогла выйти замуж за Уолтера Фейна, — вторила ей Гвенда. — Поэтому она телеграфировала брату и отправилась домой. Да, все сходится. И на пароходе по пути домой познакомилась с моим отцом... — Она подумала немного и продолжала: — Нет, она не влюбилась в него без памяти, но он ей понравился. Да тут еще я. Оба они были несчастливы... и утешали друг друга. Отец рассказал ей о моей матери, а она, наверное, ему — о том мужчине... Да... конечно... — Она открыла дневник отца и прочитала: — «Я знал, что у нее был кто-то... она поведала мне об этом на пароходе... кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж». Да, так и есть. Элен и отец оба были в схожей ситуации... а тут еще я, требующая ухода и внимания, и она, наверное, подумала, что может сделать его счастливым... а может, и сама в конце концов будет вполне счастлива.

Завершив свою тираду, Гвенда обратила взгляд на мисс Марпл и с полной уверенностью заключила:

— Вот как все было.

Джайлс с трудом сдерживал раздражение.

— В самом деле, Гвенда, ты произвольно конструируешь ситуацию, полагая, что в действительности все было именно так.

— Все так и было. Другого просто не дано. И теперь становится ясно, кто та персона, которую мы обозначили как Икс.

— Ты имеешь в виду...

— Женатого мужчину. Мы не знаем, как он выглядит. Он вовсе не должен быть красивым. Может быть, он был немного сумасшедшим. И последовал за нею сюда...

— Но ты только что утверждала, что он отправился в Индию.

— Ну, люди могут и возвращаться из Индии, не так ли? Уолтер Фейн вернулся. Это было примерно годом позже. Я не говорю, что тот человек на самом деле вернулся из Индии, но утверждаю, что это вполне возможно. Ты без конца говоришь о мужчинах в ее жизни. Ну так вот, у нас есть трое. Уолтер Фейн, некий молодой человек, имени которого мы не знаем, и женатый мужчина.

— И не знаем, существует ли он на самом деле, — парировал Джайлс.

— Но мы это выясним, — возразила Гвенда. — Разве не так, мисс Марпл?

— Со временем, запасаясь терпением, — ответила мисс Марпл, — мы можем узнать очень много. А пока — вот мой вклад в расследование. В результате короткой, но весьма полезной беседы в магазине тканей я узнала, что Эдит Педжет, служившая кухаркой в доме под названием «Сан-Кэтрин» как раз в то время, когда происходили интересующие нас события, по-прежнему живет в Дилмуте. Ее сестра замужем за здешним кондитером. Думаю, что для вас, Гвенда, будет совершенно естественным навестить ее. Она может многое рассказать.

— Превосходно! — живо отозвалась Гвенда. — Но я придумала кое-что еще. Я намерена оформить новое завещание. Не хмурься, Джайлс, я не собираюсь что-либо менять в своем прежнем завещании, это всего лишь предлог для обращения к Уолтеру Фейну.

— Гвенда, — попросил Джайлс. — Только будь осторожна.

— Составление завещания, — возразила Гвенда, — вполне естественная вещь. И хороший предлог для визита к Фейну. Во всяком случае, я хочу увидеть его. Хочу увидеть, что он собой представляет, и, если сочту возможным...

Она не закончила фразу, и снова заговорил Джайлс:

— Что меня удивляет, так это то, что никто больше не откликнулся на наше объявление. Вот эта Эдит Педжет, например...

— В маленьких городках люди долго обдумывают свои решения в подобных случаях, — сказала мисс Марпл. — Они подозрительны. Они любят все тщательно взвесить.

Глава 12

Лили Кимбл

Лили Кимбл расстелила на кухонном столе пару старых газет, готовясь выложить на них картофельные чипсы, уже шипевшие на сковороде. Напевая популярную мелодию, она бросила взгляд на одно из объявлений в газете, расстеленной на столе.

Она вдруг перестала напевать и окликнула мужа:

— Джим... Джим. Послушай-ка!

Джим Кимбл, пожилой молчаливый мужчина, умывался в это время над кухонной раковиной.

— Ну? — как всегда лаконично отозвался он на зов жены.

— Тут объявление в газете. «Просим тех, кому хоть что-нибудь известно об Элен Спенлав Холидей, урожденной Кеннеди, связаться с мистером и миссис Рид на Саутгемптон-роу!» Наверно, речь идет о миссис Холидей, у которой я служила, когда они жили в «Сан-Кэтрин». Снимали дом у миссис Файндисон, она и ее муж. Ее звали Элен, точно... Да, и она приходилась сестрой доктору Кеннеди, он всегда говорил мне, что надо избавиться от аденоидов.

Последовала короткая пауза, пока миссис Кимбл умелой рукой помешивала картофель на сковороде. Джим Кимбл, вытирая лицо, фыркнул в полотенце, висящее на ролике.

— Конечно, это старая газета, — заметила миссис Кимбл, посмотрев на дату. — Примерно недельной или около того давности. Думаешь, это как-то связано с деньгами, Джим?

Мистер Кимбл уклончиво ответил:

— Ну-у...

— Должно быть, это связано с завещанием или что-то еще в этом роде, — предположила жена. — Как давно это было! Лет восемнадцать назад, а то и больше. Интересно... Интересно, с чего бы это они теперь копаются в этом? А не думаешь ли ты, Джим, что на самом деле тут копается полиция, а?

— С какой это стати? — возразил мистер Кимбл.

— Ну, ты же знаешь, о чем я всегда думаю, — таинственным тоном продолжала миссис Кимбл. — Я говорила тебе еще тогда, когда

мы уезжали. Изобразили все так, будто она удрала с каким-то парнем. Говорят, так всегда поступают мужья, когда укокошат жену. Но по всему было видно, что это убийство. Так я и сказала тогда тебе и Эди, но Эди ни за что не хотела мне верить. Никакого воображения у нее. Одежда, которую она вроде бы собиралась взять с собой, была вовсе не та, если ты понимаешь, что я имею в виду. Исчезли чемодан и сумка, битком набитые одеждой, но совсем не той, которую берут с собой, уезжая навсегда. Я еще тогда сказала Эди: «Все сходится, хозяин убил ее и спрятал в подвале». Но на самом деле не в подвале, потому что та самая Лейони, швейцарская воспитательница, она кое-что видела. Из окна. Ходила со мной в кино, хотя ей не разрешалось покидать детскую, но в тот раз я убедила ее, что ребенок никогда не просыпается ночью... она, золотая девочка, всегда спокойно спит в постели всю ночь. «И мадам никогда не поднимается в детскую по вечерам, — сказала я. — Никто не узнает, что ты ускользнешь со мной». А когда мы вернулись, уже всю шел скандал. Там был доктор, хозяин, больной, спал в гардеробной, а доктор ухаживал за ним, вот тогда он и спросил меня насчет одежды, и тогда казалось, что было все в порядке. Я подумала, что она все-таки сумела удрать с тем парнем, которым была увлечена, а это был женатый мужчина. Эди сказала, что надеется и будет молиться, чтобы мы не оказались замешаны в какой-нибудь бракоразводный процесс. Так как же его звали? Не могу припомнить. Начинается с М, а может быть, с Р? Боже, память уже подводит.

Тем временем мистер Кимбл, закончив плескаться у раковины и игнорируя все второстепенные проблемы, требовательно спросил, готов ли ужин.

— Вот сейчас, стечет лишнее масло с картошки... Погоди, я достану другую газету. Эту надо сохранить. Наверно, все-таки полиция тут ни при чем. Столько времени прошло. А может, это адвокаты и за всем этим деньги? Там ничего не сказано о вознаграждении... но может быть... Хотела бы я знать, кого можно спросить об этом. Там сказано, что надо написать по такому-то адресу в Лондоне... но я не уверена, что буду писать... в Лондоне и так полно народа... Что скажешь, Джим?

— Ну-у, — по обыкновению, изрек свое любимое междометие мистер Кимбл, жадно взирая на рыбу с чипсами.

Дискуссия была приостановлена.

Глава 13

Уолтер Фейн

Гвенда смотрела через широкий стол красного дерева на мистера Уолтера Фейна.

Это был мужчина лет сорока, с невыразительной внешностью и со следами усталости на лице. «Встреть такого человека случайно на улице, и ни за что не вспомнишь, что только что беседовала с ним», — подумала Гвенда. Словом, выражаясь современным языком, этот человек был начисто лишен индивидуальности. Когда он наконец неторопливо заговорил, то оказалось, что у него приятный голос. Наверное, решила Гвенда, он — толковый адвокат.

Она украдкой окинула взглядом офис — офис главы фирмы — и решила, что он соответствовал личности Уолтера Фейна. Офис выглядел старомодно, обивка на креслах, хотя и добротная, изрядно потерта. Вдоль стен — ящики с документами, на которых значились имена уважаемых граждан графства: «Сэр Джон Вавасур-Тренч. Леди Джессап. Артур Фолкс, эсквайр. Скончался».

Большие окна с подъемными рамами и довольно грязными стеклами выходили на квадратный задний двор, огражденный массивными стенами примыкающего дома постройки XVII века. В кабинете не было ни одной изящной современной вещицы, но в то же время ничто здесь не вызывало неприязни. На первый взгляд офис казался неопрятным, с этими громоздящимися один на другом ящиками, беспорядком на столе, с множеством всевозможных кодексов, сводов законов, кое-как рассованных по полкам, и тем не менее это был кабинет человека, который точно знает, где что находится, — достаточно протянуть руку, чтобы достать нужный документ или справочник.

Уолтер Фейн отложил наконец перо и, сдержанно улыбнувшись, сказал:

— Я думаю, что здесь все ясно, миссис Рид. Очень простое завещание. Когда вы соизволите зайти, чтобы подписать его?

Гвенда ответила, что в любое время. Особой спешки нет.

— Мы приобрели дом, там, внизу, вы, наверное, знаете, он называется «Хиллсайд».

— Да, вы указали мне свой адрес... — ответил он ровным голосом.

— Очень хороший дом, — добавила Гвенда. — Мы полюбили его.

— В самом деле? — улыбнулся Фейн. — Он на берегу моря?

— Нет, — ответила Гвенда. — Насколько мне известно, прежде он назывался «Сан-Кэтрин».

Мистер Фейн снял пенсне и, потупив взор, принялся протирать стекла шелковым носовым платком.

— Ах да, — поправился он, — это на Саутгемптон-роу?

Он взглянул на Гвенду, и она подумала о том, что люди, которые постоянно носят очки, без очков выглядят совершенно иначе. Взгляд его светло-серых глаз казался рассеянным и как бы ничего не видящим.

«Поэтому, — подумала Гвенда, — у него такой отсутствующий вид».

Уолтер Фейн снова водрузил пенсне на нос и сказал своим специфическим адвокатским тоном:

— Кажется, вы сказали, что оформляете завещание в связи с замужеством?

— Да. Но прежде я указывала в завещании родственников в Новой Зеландии, которые уже умерли, поэтому решила, что проще сделать новое завещание, нежели вносить изменения в старое, тем более что мы намерены постоянно жить в этой стране.

Уолтер Фейн кивнул:

— Да, вы поступаете очень разумно. Я думаю, здесь все ясно, миссис Рид. Вы сможете зайти послезавтра. Одиннадцать часов вас устраивает?

— Да. Вполне.

Гвенда поднялась, а вслед за ней поднялся и Уолтер Фейн.

Гвенда сказала с некоторым волнением, которое она отрепетировала заранее:

— Я... я обратилась специально к вам, потому что думаю, вернее, знаю, что вы когда-то были знакомы с моей... с моей матерью.

— В самом деле? — Уолтер Фейн стал более дружелюбным. — Как ее звали?

— Холидей. Меган Холидей. Кажется... так мне, по крайней мере, говорили... что вы были помолвлены с ней?

Часы на стене тикали. Один-два, один-два, один-два.

Гвенда вдруг почувствовала, что сердце у нее забилось чуть чаще. Какое непроницаемое лицо у Уолтера Фейна. Так выглядит дом, где на всех окнах опущены шторы. Это означает, что в доме покойник. («Что за идиотские мысли у вас, Гвенда!»)

— Нет, я никогда не был знаком с вашей матерью, миссис Рид, — сказал Уолтер Фейн все тем же невозмутимым тоном. — Но я был помолвлен, правда очень недолго, с Элен Кеннеди, которая потом вышла замуж за вашего отца, став его второй женой.

— Ах вот как! Я все перепутала. Значит, это была Элен — моя мачеха. Конечно, все это было так давно, что я просто не могла этого знать. Я была малолетним ребенком, когда распался второй брак моего отца. Но слышала от кого-то, что вы были помолвлены с миссис Холидей в Индии... и я подумала, что это могла быть моя мать, потому что именно в Индии мой отец встретил ее.

— Элен Кеннеди приехала в Индию, чтобы сочетаться со мной браком, — сказал Уолтер Фейн, — но потом передумала. На пароходе, возвращаясь домой, она встретила вашего отца.

Это была простая, спокойная констатация фактов. Гвенда все еще воспринимала его как дом с зашторенными окнами.

— Я очень сожалею, что невольно затронула деликатную тему.

Уолтер Фейн снова улыбнулся своей сдержанной приятной улыбкой — шторы раздвинулись.

— Это было восемнадцать или двадцать лет назад, миссис Рид. Все эти юношеские переживания и безрассудные поступки теперь, по прошествии такого длительного времени, утратили свое значение. Так вы — та самая маленькая дочка Холидея? А вы знаете, что ваш отец и Элен жили некоторое время здесь, в Дилмуте?

— О да, — ответила Гвенда. — Собственно, поэтому мы и приехали сюда. Я, естественно, не помнила Дилмута, но когда мы решили обосноваться в Англии, то я прежде всего подумала о Дилмуте и приехала сюда посмотреть, как он выглядит на самом деле. Мне здесь понравилось, и мы решили поселиться именно здесь. И не удача ли это? Мы приобрели тот самый дом, где когда-то, очень давно, жили мои родственники.

— Я вспомнил этот дом, — сказал Уолтер Фейн. И снова улыбнулся своей приятной улыбкой. — Вы, наверное, не помните меня, миссис Рид, но мне кажется, что однажды я таскал вас на закорках.

Гвенда рассмеялась.

— В самом деле? Тогда мы, выходит, с вами старые друзья, не так ли? Я не стану притворяться, что помню вас, мне тогда было всего два или два с половиной года, я думаю... Вы тогда приезжали из Индии в отпуск или что-то в этом роде?

— Нет, я покинул Индию раз и навсегда. Я поехал туда с намерением заняться разведением чайных плантаций, но тамошняя жизнь не пришлась мне по вкусу. Я обречен был следовать по стопам отца и стать обычным, заурядным сельским адвокатом. Еще до отъезда в Индию я сдал все необходимые экзамены, поэтому по возвращении сразу поступил в фирму. — Он помолчал и добавил: — С тех пор я здесь.

Снова последовала пауза, и он повторил совсем тихо:

— Да, с тех пор...

Но восемнадцать лет, подумала Гвенда, не такой уж большой срок, чтобы...

Потом, уже энергично, он пожал ей руку, говоря:

— Коль скоро мы с вами давние друзья, вы должны прийти вместе с мужем как-нибудь на чай к моей матушке. Она пошлет вам приглашение. Что, если в одиннадцать часов в четверг?

Гвенда вышла из офиса и начала спускаться вниз. В углу лестничной площадки она заметила паутину, а в ней — здоровенного мерзкого паука. «Он не похож на обычного паука, — подумала Гвенда. — На тех жирных пауков, которые ловят мух и поедают их». Он скорее был подобен пауку-привидению. Точь-в-точь как сам Уолтер Фейн.

Джайлс встретил жену на набережной.

— Ну как? — с ходу спросил он.

— В то время он находился здесь, в Дилмуте, — сказала Гвенда. — То есть уже вернулся из Индии. Оказывается, однажды он таскал меня на закорках. Но он не мог никого убить — это просто невозможно. Он спокойный и добрый человек. Очень симпатичный, в сущности, но какой-то совершенно безликий. Знаешь, из числа гостей,

ухода которых никто не замечает. Мне кажется, он безупречно честен и все такое, почитителен с матерью и имеет множество других достоинств. Но с женской точки зрения ужасно скучен. Я понимаю, почему у него ничего не получилось с Элен. Приятный, вполне надежный человек, только никто не желает выходить за него замуж.

— Бедняга, — пожалел его Джайлс. — Думаю, он был безумно влюблен в нее.

— Не знаю... Но думаю, что это не так. Зато я уверена, что он не является тем злодеем-убийцей. Он совершенно не соответствует моему представлению об убийцах.

— Но много ли ты знаешь об убийцах, моя дорогая?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... взять хотя бы тихую Лиззи Борден — только жюри присяжных признало ее невиновной. А Уоллес, тихий мужчина, который, по мнению присяжных, убил жену, был впоследствии оправдан. А Армстронг, которого долгие годы люди считали добропорядочным человеком? Я не думаю, что убийцу можно определить по внешнему виду.

— Но я правда не верю, что Уолтер Фейн...

Гвенда вдруг осеклась.

— В чем дело?

— Все в порядке.

Но она вспомнила, как Уолтер Фейн протирает стекла пенсне и, когда Гвенда упомянула о «Сан-Кэтрин», в его глазах появилось какое-то странное выражение.

— Может быть, — задумчиво произнесла она, — он был безумно влюблен в нее...

Глава 14

Эдит Педжет

Гостиная миссис Маунфорд выглядела очень уютной. Там стоял круглый стол, покрытый скатертью, несколько старинных кресел и жесткая на вид, но оказавшаяся мягкой софа у стены. Каминная полка была заставлена фарфоровыми собачками, а на стене над полкой висели в рамках цветные фотографии принцессы Элизабет и Маргарет Роуз. На другой стене красовались портрет короля в морской форме и многочисленные фотографии мистера Маунфорда в группе пекарей и кондитеров. С ними соседствовала акварель, на которой был изображен остров Капри с плещущимся у его берегов изумрудно-зеленым морем. Здесь было множество других вещей, не притязавших на красоту или изысканность, но в целом это была милая, уютная комната, где можно было посидеть и насладиться приятной беседой, когда появлялась такая возможность.

Миссис Маунфорд, урожденная Педжет, оказалась низенькой, толстенькой дамой с темными волосами, в которых уже появились первые седые пряди. Эдит Педжет, в отличие от сестры, была высокая, худая и такая же темноволосая, но без единого седого волоска, хотя, судя по всему, ей было около пятидесяти.

— Трудно поверить, что передо мной маленькая мисс Гвенни, — говорила Эдит Педжет. — Вы уж извините меня, мадам, но я не могу не вспомнить вас такой, какой вы были в то время. Вы часто прибегали ко мне на кухню, такая хорошенькая! И обычно говорили: «уинниз», имея в виду изюм. Почему вы называли его «уинниз», я не знаю. И я всегда давала вам изюм или кишмиш, который был, словно камушки.

Гвенда всматривалась в эту стройную даму с румяными щеками и черными глазами, стараясь вспомнить те далекие времена, но не могла. Память — странная штука.

— Я хотела бы вспомнить... — проговорила она.

— Едва ли вам удастся. Вы были такой крошечкой. В наши дни никто не хочет служить в доме, где есть дети. И я этого просто не понимаю. Дети оживляют дом, вот что я чувствую. Хотя кормление детей всегда связано с некоторыми затруднениями. Но если вы

правильно поняли, мадам, что я хочу сказать, то это ошибка воспитательницы, а не ребенка. А с воспитательницами всегда трудно — подносы, ожидания, и то одно им не так, то другое. А вы помните Лейони, мисс Гвенни, то есть я хотела сказать, миссис Рид?

— Лейони? Она была моей воспитательницей?

— Да, девушка из Швейцарии. Не очень хорошо говорила по-английски, но была очень чувствительная. Плакала, если Лили говорила ей что-нибудь обидное. Лили была горничной в доме. Лили Эбботт. Молодая девушка, немного дерзкая и развязная. Она часто играла с вами, мисс Гвенни. Играли в «Ку-ку», в прятки на лестнице.

Гвенду невольно прохватила дрожь.

Лестница...

И вдруг она сказала:

— Я вспомнила Лили. Она еще повязывала бант коту.

— Как забавно, что вы вспомнили. По случаю вашего дня рождения Лили решила повязать коту Томасу бант. Сняла ленту с коробки от шоколада, а бедный Томас чуть с ума не сошел. Выскочил в сад и терся о кусты, пока не избавился от банта. Кошки не любят, когда с ними вытворяют такие шутки.

— Кот был черный с белым.

— Совершенно верно. Добрый старый Томми. Хорошо ловил мышей. Был настоящим охотником. — Эдит Педжет замолчала и чуть слышно кашлянула. — Извините меня, мадам, за эти разговоры. Вспомнились прошлые дни. Вы хотели меня о чем-то спросить?

— Мне приятно было слушать ваши воспоминания, — ответила Гвенда. — Для этого я и пришла. Как вы знаете, меня отправили к родственникам в Новую Зеландию, и, конечно, они не могли мне ничего рассказать о моем отце и мачехе. Она... она была хорошая, верно?

— Очень любила вас. О да, часто брала вас на море или играла в саду. Она и сама была очень молода. Совсем девочка. Я часто думала, что, играя с вами, она радуется не меньше вас. В сущности, она сама была ребенком. Доктор Кеннеди, ее брат, был гораздо старше ее и вечно сидел за своими книгами. И когда она приходила из школы, то вынуждена была играть одна...

Мисс Марпл, сидевшая у стены, спросила:

— Вы живете в Дилмуте всю свою жизнь, не так ли?

— О да, мадам. Отец владел фермой за холмами, она называлась «Рейландс». У него не было сыновей, и мать не могла вести хозяйство после его смерти, поэтому она продала ферму и приобрела маленький модный магазинчик в конце Хай-стрит. Да, я всю жизнь прожила здесь.

— И я полагаю, вы все знаете о жителях Дилмута?

— Ну да, конечно, это же был маленький городок. Хотя летом, насколько я помню, сюда приезжало много народу. И все это были очень приличные люди, которые селились здесь на все лето, не то что эти теперешние туристы и экскурсанты. Добропорядочные семьи, из года в год снимавшие одно и то же жилье.

— Наверное, вы знали мисс Кеннеди до того, как она стала миссис Холидей?

— Ну да, знала ее в лицо и иногда встречала на улице. Но узнала ее как следует, только когда поступила к ним работать.

— И она вам нравилась? — поинтересовалась мисс Марпл.

Эдит Педжет повернулась к ней.

— Да, мадам, нравилась, — ответила она, и в ее словах явно чувствовался вызов. — Хотя говорили о ней всякое. Она была очень добра ко мне. Я не могла себе представить, что она способна совершить такое. Я просто места себе не находила. Хотя, знаете, прошел слух...

Она вдруг осеклась и виновато взглянула на Гвенду. Гвенда поспешила ее успокоить:

— Я хочу все знать. Пожалуйста, не думайте, что я могу обидеться на вас. Она ведь не родная мне мать...

— Это верно, мадам.

— И знаете, мы очень заинтересованы в том, чтобы... отыскать ее. Мы не знаем, где она живет, и даже жива ли она вообще. И есть основания...

Она замешкалась, и Джайлс быстро сказал:

— Вполне законные основания. Мы не знаем, действительно ли она умерла или нет.

— О, я вполне понимаю вас, сэр. Муж моей двоюродной сестры пропал... это произошло после Ипра... и мы до сих пор никак не можем добиться, чтобы признали факт его смерти. Бедняжка вдова совершенно измучилась. Естественно, сэр, если вас интересует что-то,

что мне известно, я охотно вам расскажу. Вы же для меня не чужие люди. Мисс Гвенда с ее «уинниз»... Как забавно она это говорила!

— Это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил ее Джайлс. — Итак, если вы не возражаете, я приступлю к делу. Миссис Холидей покинула дом совершенно внезапно, как я понимаю?

— Да, сэр, это был большой удар для всех нас и особенно для бедняги майора. Он был совершенно убит.

— Я хочу спросить вас напрямик — имели вы хоть малейшее представление о мужчине, с которым она сбежала?

Эдит Педжет покачала головой.

— Вот и доктор Кеннеди спрашивал меня об этом, и я тоже не смогла ему ответить. И Лили не могла. Не говоря уже об этой Лейони, она же иностранка.

— Вы не знали, — продолжал Джайлс. — Но могли догадываться. Теперь это уже дело далекого прошлого, и ничего страшного не произойдет, если вы ошибетесь в своих предположениях. У вас, несомненно, должны были возникнуть какие-то подозрения.

— Да, у нас были подозрения... но имейте в виду, это только подозрения. И я ничего не могу утверждать с уверенностью. Я ничего не видела. Но у Лили, которая, как я сказала, была неглупая девушка, задолго до этого возникли подозрения. «Попомни мои слова, — говаривала она мне. — Этот парень влюблен в нее. Обрати внимание, как он смотрит на нее, когда она разливает чай. И как его жена ведет себя при этом».

— Понятно. А что это... э-э... за парень?

— Сейчас, сэр, боюсь, уже забыла его фамилию. Столько прошло лет! Капитан Эсдейл... нет, не то... Эмери... тоже нет. Мне кажется, что она начиналась с Э. А может быть, и с Х. Скорее всего, какая-то необычная фамилия. Но я никогда не вспоминала об этой чете за все прошедшие шестнадцать лет. Он с женой останавливался в отеле «Роял Кларенс».

— Отдыхали здесь?..

— Да, но мне казалось, что он или они оба были знакомы с миссис Холидей прежде. Они навевались к нам в дом довольно часто. Так или иначе, если верить Лили, он был влюблен в миссис Холидей.

— И его жене это не нравилось.

— Не нравилось, сэр... Но знаете, мне никогда в голову не приходило, что в этом таится какая-то опасность. И до сих пор не знаю, что и подумать.

Гвенда спросила:

— Они были все еще там, в отеле «Роял Кларенс», когда Элен, моя мачеха, убежала?

— Насколько я помню, они уехали как раз в то же самое время, днем раньше или днем позже, чем доставили людям пищу для разговоров. Но я никогда не слышала ничего определенного. Если что-то и было, то все делалось очень тихо. Все удивились, что миссис Холидей так внезапно покинула мужа. Правда, люди поговаривали, что она всегда была вертихвосткой, но я сама ничего такого не замечала. И мне не так уж хотелось ехать с ними в Норфолк, если сказать правду.

Все трое визитеров недоуменно уставились на хозяйку. Потом Джайлс спросил:

— В Норфолк? Они собирались в Норфолк?

— Да, сэр. Они купили там дом. Миссис Холидей сказала мне об этом за три недели до того... до того, как все это случилось. Она спросила меня, поеду ли я с ними, и я ответила согласием. В конце концов, я никогда не покидала Дилмута и подумала: может быть, мне понравится на новом месте, да и семья мне тоже нравилась.

— Я никогда не слышал о покупке дома в Норфолке, — заметил Джайлс.

— И это неудивительно, потому что миссис Холидей, кажется, всячески это скрывала. Она просила меня не говорить об этом совсем никому, и я, конечно, так и поступила. Но она уже давно подумывала о том, чтобы уехать из Дилмута. Она уговаривала майора, но тому нравилось в Дилмуте. Кажется, он даже писал миссис Файндисон, спрашивая, не продаст ли она им «Сан-Кэтрин». Но миссис Холидей категорически возражала. Казалось, ей не нравится Дилмут. Вроде бы даже она опасалась оставаться здесь.

Рассказ Эдит выглядел вполне правдоподобно, и все трое слушали ее с напряженным вниманием.

— Вам не кажется, — спросил Джайлс, — что она хотела переехать в Норфолк, чтобы быть поближе к тому человеку... имя которого вы не можете вспомнить?

Лицо Эдит Педжет приняло страдальческое выражение.

— О, в самом деле, сэр, мне не хотелось так думать. И я ни единой минуты не думала так. И кроме того, я теперь припоминаю: та леди и джентльмен приехали откуда-то с севера. Думаю, из Нортгумберленда. Они захотели поехать на юг в отпуск, потому что там сыро.

— Она боялась чего-то, верно? — спросила Гвенда. — Или кого-то? Моя мачеха, я хочу сказать.

— Я припомнила, вот теперь, когда вы сказали...

— Да?

— Как-то Лили пришла на кухню. Она убирала на лестнице и сказала: «Скандал!» Она всегда говорила напрямик, эта Лили, поэтому вы должны меня извинить.

Я спросила, что она имеет в виду, и она сказала, что хозяйка с хозяином вернулись из сада в гостиную, дверь в холл осталась открытой, и было слышно, о чем они говорили. «Я вас боюсь, — будто бы сказала миссис Холидей. И по словам Лили, у нее на самом деле был испуганный вид, когда она продолжала: — Я уже давно боюсь вас. Вы сумасшедший. Вы ненормальный. Уходите прочь и оставьте меня в покое. Вы должны оставить меня. Я боюсь. Теперь я понимаю, что всегда боялась вас...» В точности я, конечно, не могу воспроизвести слова миссис Холидей, но смысл их был примерно такой. Лили была потрясена услышанным, и поэтому после того, как все это случилось, она... — Эдит Педжет умолкла на полуслове, а на лице у нее отразился испуг. — Я ничего не выдумала. Я уверена... — словно вдруг спохватившись, сказала она. — Извините меня, мадам, но язык перестал меня слушаться.

— Пожалуйста, — принялся увещевать ее Джайлс, — скажите нам, Эдит. Это очень важно. Вы понимаете, что нам необходимо знать правду. Все это произошло очень давно, но нам необходимо знать.

— Я не могу говорить, — упавшим голосом сказала Эдит.

Мисс Марпл спросила:

— А чему это не поверила или, наоборот, поверила Лили?

Эдит Педжет сказала извиняющимся тоном:

— У Лили в голове постоянно возникали всякие догадки. Я никогда не придавала им значения. Она любила ходить в кино и нередко подражала тому, что видела в фильмах. Вечером в тот злополучный день она, по обыкновению, отправилась в кино и

уговорила Лейони пойти с ней. Я не раз говорила, что так нельзя поступать. «О, все будет в порядке, — ответила она мне, — ведь ребенок не один остается в доме. Вы будете внизу, на кухне, хозяин с хозяйкой скоро вернутся, к тому же ребенок никогда не просыпается». Словом, я высказала свое мнение и полагала, что после этого Лейони не посмеет уйти. Но она все же ушла. Если бы я знала об этом, то поднялась бы взглянуть на ребенка, то есть на вас, мисс Гвенда, и все было бы в порядке. В кухне ничего не слышно, когда закрыта обитая сукном дверь.

Эдит Педжет помолчала, а потом заговорила снова:

— Я как раз гладила и не помню уж, сколько прошло времени, когда на кухне появился доктор Кеннеди. Он спросил, где Лили, и я сказала, что у нее свободный вечер и что она вернется с минуты на минуту. И в этот самый момент она и пришла. Он повел ее наверх, в комнату хозяйки. Хотел узнать, взяла ли та с собой вещи и какие. Лили осмотрела шкаф и сказала, какие вещи отсутствуют, после чего спустилась ко мне. Страшно возбужденная.

«Она смылась, — сообщила Лили. — Убежала с кем-то. Хозяин в отключке. Удар или что-то еще. Ясно, это было ужасным ударом для него. Ну и дурак. Должен был догадаться...» — «Тебе не следует так говорить, — возразила я. — Откуда ты знаешь, что она убежала с кем-то? Может быть, пришла телеграмма о болезни родственника». — «Как же, так я тебе и поверила, — сказала Лили в обычной своей манере. — Она оставила записку». — «А с кем она убежала?» — спросила я. «Ну уж не с мистером Фейном, хотя он смотрел на нее бараньими глазами и ходил за нею как собачонка», — сказала Лили. «Ты думаешь, что это капитан... как там его зовут?» — спросила я. И она ответила: «Он, держу пари. Если только не какой-нибудь таинственный господин в шикарном автомобиле» (такие у нее были глупые шуточки). «Не верю. Миссис Холидей никогда не смогла бы поступить так», — возразила я. «Но тем не менее смогла», — ответила Лили. Вот такой разговор у нас состоялся, что называется, по горячим следам. А позже, когда я уже спала в нашей общей комнате, Лили разбудила меня.

«Послушай-ка, — говорит, — дело плохо». — «Что плохо?» — «Да с этой одеждой». — «Что ты имеешь в виду?» — «Послушай, Эди. Я осмотрела шкаф, как меня просил доктор. Оказалось, что исчез

чемодан, в который были напиханы вещи без всякого разбора и вовсе не те». — «Что значит «не те»?» — «Она взяла вечернее платье, серое с люрексом, но не взяла пояс, и бюстгальтер, и комбинацию, которые под него надеваются, захватила золотые парчовые вечерние туфли, а не серебряные босоножки. Взяла зеленый твидовый костюм, который носит осенью, но не взяла более уместный сейчас красивый пуловер. Взяла кружевные блузки, которые носит с уличным костюмом. Да и из белья тоже взяла разрозненные вещи. Попомни мои слова, Эди. Она никуда не убежала. Хозяин прикончил ее». Тут я окончательно проснулась, села в кровати и спросила, о чем это она, черт возьми, толкует. «Точь-в-точь как в «Новостях мира» на прошлой неделе, — ответила Лили. — Хозяин обнаружил, что у жены любовник, убил ее, отнес в подвал и спрятал под полом. Ты ничего не слышала, потому что подвал под передним холлом. Он покончил с ней, а потом упаковал чемодан, чтобы представить дело так, будто она сбежала от него. А она вот где — под полом в подвале. Она никуда не убегала из дома». Я посоветовала ей держать язык за зубами и не распространять такие зловещие слухи, но утром все-таки украдкой спустилась в подвал. Там все было как всегда, никаких признаков того, что пол поднимали. Я сказала Лили, чтобы она не выставляла себя в дурацком свете, но она продолжала твердить, что хозяин убил жену. «Помнишь, — сказала она, — хозяйка боялась, что он убьет ее. Я сама слышала, как она это говорила». — «А вот тут ты не права, моя девочка, — сказала я. — Потому что это был вовсе не хозяин. Как только ты сказала мне в тот день об их разговоре, я выглянула в окно и увидела, что хозяин идет вниз со своими клюшками для гольфа, значит, это был не он с хозяйкой в гостиной. Это был кто-то еще».

Эти слова эхом прозвучали в гостиной.

Джайлс с облегчением вздохнул:

— Это был кто-то еще...

Глава 15

Адрес

«Роял Кларенс» был самым старым отелем в городе. С красивым фасадом, украшенным арками. Здесь царила атмосфера, унаследованная от старых добрых времен. В нем обычно селились семьи, приезжающие на отдых к морю.

За конторкой восседала мисс Нэрекотт, грудастая сорокасемилетняя дама со старомодной прической.

Она приосанилась, увидев Джайлса, в котором ее наметанный глаз сразу же распознал «одного из наших приличных людей». И Джайлс, у которого был хорошо подвешен язык и который умел понравиться, когда это было нужно, сочинил целую историю. Будто он поспорил с женой, которая утверждает, что ее крестная мать останавливалась в «Роял Кларенс» восемнадцать лет назад. Жена считает, что им никогда не разрешить свой спор, поскольку все тогдашние регистрационные книги наверняка уничтожены, он же считает, что этого не может быть. Такие заведения, как «Роял Кларенс», он абсолютно уверен, хранят записи, и их можно востребовать хоть через сто лет.

— Ну, сто лет, может быть, срок слишком большой, мистер Рид. Но у нас на самом деле сохраняются «гостевые книги» — мы так предпочитаем их называть. Там значатся очень солидные имена. Даже король однажды останавливался здесь, когда был принцем Уэльским, княгиня Альдемар Хольстен-Ротц приезжала к нам каждую зиму со своей придворной дамой. У нас останавливались знаменитые писатели и мистер Дови, художник-портретист.

Джайлс проявил приличествующий случаю интерес и уважение, и в результате ему принесли и предоставили в распоряжение том за интересующий его год.

Сначала ему продемонстрировали все громкие имена, а потом он отыскал страницу, где были поименованы все останавливавшиеся в гостинице в августе.

И он без труда отыскал интересовавшую его пару.

Майор и миссис Эркин, поместье Анстелл, Дайт, Нортумберленд, 27 июля — 17 августа.

— Могу я переписать это?

— Конечно, мистер Рид. Вот бумага и чернила, о, у вас своя ручка. Извините, мне необходимо отлучиться.

Она оставила его с открытой книгой, и Джайлс принялся за дело.

Вернувшись в «Хиллсайд», он нашел Гвенду в саду хлопотавшей над бордюром клумбы.

Она выпрямилась и окинула его быстрым испытующим взглядом.

— Удачно?

— Думаю, что да.

Гвенда, прочитав запись, задумчиво произнесла:

— Поместье Анстелл, Дайт, Нортумберленд. Да, Эдит Педжет говорила о Нортумберленде. Едва ли они по-прежнему живут там.

— Надо съездить туда и выяснить все на месте.

— Да, да, конечно, лучше съездить самим, но когда?

— Чем скорее, тем лучше. Завтра? Возьмем автомобиль и поедем.

И кстати, увидишь еще кусочек Англии.

— Ну а что, если они умерли или переехали куда-то и там живет кто-то другой?

Джайлс пожал плечами.

— Тогда мы вернемся домой и начнем поиски в другом направлении. Кстати, я написал Кеннеди и спросил его, не может ли он передать мне те последние два письма, полученные от Элен, если они еще сохранились у него, а также образец ее почерка.

— Хорошо бы нам встретиться с другими слугами, — сказала Гвенда. — С Лили, той самой, которая повязала Томасу бант...

— Забавно, что ты об этом вспомнила, Гвенда...

— Да, верно. Я вспомнила Томаса. Весь в черных и белых пятнах, и еще у него было три хорошеньких котеночка.

— Как? У Томаса?

— Ну, это мы так звали его, Томас, а на самом деле он оказался Томасиной. Ты же знаешь, какие они, эти кошки. Кстати, о Лили... интересно, где она теперь? Эдит Педжет, похоже, совсем потеряла ее из виду. Она не появлялась здесь и после «Сан-Кэтрин» устроилась в Торки. Прислала оттуда одно или два письма, и все. Эдит слышала, будто она вышла замуж, но не знает за кого. Если мы разыщем ее, то узнаем гораздо больше.

— И от Лейони, той швейцарской девушки.

— Может быть, но она иностранка и могла не понять всего, что происходило. Знаешь, я совсем ее не помню. Нет, я чувствую, что встреча с Лили была бы для нас полезней. Лили наблюдательная... Я думаю, Джайлс, надо дать еще одно объявление — специально для Лили Эбботт, так ее полное имя.

— Можно попытаться, — согласился Джайлс. — И давай завтра же отправимся на север, к Эрскинам.

Глава 16

Маменькин сынок

— Тихо, Генри, — сказала миссис Фейн своему астматическому спаниелю, влажные глаза которого светились злобой. — Еще булочку, мисс Марпл, пока они еще горячие?

— Благодарю вас. Очень вкусные булочки. У вас отличная кухарка.

— Луиза на самом деле не так уж плоха. Только забывчива, как все они. И не очень изобретательна в приготовлении пудингов. А скажите, как ревматизм у Дороти Ярд сейчас? Она ужасно страдает от него. Но, как я думаю, это у нее скорее на нервной почве.

Мисс Марпл пришлось принять участие в обсуждении болезней общих знакомых. «Как мне повезло, — подумала она, — что среди множества моих друзей и родственников, разбросанных по всей Англии, нашлась дама, знакомая с миссис Фейн». Она-то и написала ей, что мисс Марпл в настоящее время находится в Дилмуте и было бы хорошо, если бы дорогая Элеонора пригласила ее к себе и побеседовала с ней.

Элеонора Фейн была дама внушительных габаритов, с серыми холодными глазами, вьющимися седыми волосами и бело-розовой, как у детей, кожей, предполагавшей детскую мягкость натуры, которая ей отнюдь не была свойственна.

Они обсудили недомогания Дороти, действительные или мнимые, а потом перешли к здоровью мисс Марпл, воздали должное целительному воздуху Дилмута и осудили поведение большей части молодого поколения.

— Дерзость надо пресекать в самом начале, в детском возрасте, — провозгласила миссис Фейн. — У меня с этим никогда не было проблем.

— У вас всего один сын? — спросила мисс Марпл.

— Трое. Старший, Джералд, — в Сингапуре, служит в «Фар-ист-бэнк». Роберт — в армии. — Миссис Фейн хмыкнула. — Женат на католичке, — со значением уточнила она. — Вы знаете, что это означает. Все дети вырастут католиками. Не знаю, что сказал бы отец

Роберта. Он был ярким сторонником «низкой церкви». Сейчас Роберт почти не пишет мне. Он не следует советам, которые я давала ему для его же пользы. Я считаю, что надо всегда откровенно говорить то, что думаешь. Его женитьба, на мой взгляд, была большой неудачей. Он может делать вид, что счастлив, бедный мальчик, но я-то чувствую, что там не все в порядке.

— А ваш младший сын не женат, как я понимаю?

Миссис Фейн расцвела улыбкой.

— Нет, Уолтер живет дома. Он не отличается богатырским здоровьем — с самого детства мне приходилось внимательно следить за его самочувствием. Он скоро должен прийти. Я просто не могу выразить словами, какой это заботливый и преданный сын.

— И он никогда не помышлял о женитьбе? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Уолтер говорит, что не может увлечься современной молодой женщиной. Они его не интересуют. У нас с ним много общего, боюсь, что именно поэтому он редко бывает на людях. Он читает Теккерея мне по вечерам, мы часто играем в пикет. Уолтер настоящий домосед.

— Как это хорошо, — заметила мисс Марпл. — А он всегда работал в фирме? Кто-то говорил мне, что один из ваших сыновей занимался разведением чайных плантаций на Цейлоне, но у него вроде бы не пошло дело.

Миссис Фейн слегка нахмурилась и принялась настойчиво потчевать гостью ореховым кексом. Потом, собравшись с мыслями, вернулась к прерванной беседе:

— Тогда он был очень молод. И плантации — одно из юношеских увлечений. Мальчики стремятся повидать мир. Действительной подоплекой этой затеи с плантациями была девушка. Девушки способны смешать все планы.

— О да, конечно. Моя собственная племянница...

Но миссис Фейн уже не могла остановиться. Проигнорировав племянницу мисс Марпл, она завладела инициативой и не хотела упустить возможности рассказать все этой симпатичной подруге милой Дороти.

— Как это всегда бывает, девушка оказалась самой не подходящей из всех. О, я не имею в виду актрис или что-нибудь в этом роде. Сестра здешнего доктора, больше похожая на его дочь из-за большой разницы

в возрасте. Бедняга не имел ни малейшего представления о том, как следовало бы ее воспитывать. Мужчины совершенно беспомощны в таких делах, не правда ли? Она выросла совсем дикой, спуталась сначала с молодым человеком, клерком и тоже довольно неприятным типом. В конце концов его были вынуждены уволить. Тем не менее эта девушка, Элен Кеннеди, была, по общему мнению, хорошенькая, хотя я так не считаю. Мне всегда казалось, что она подкрашивает волосы. Но Уолтер, бедный мальчик, страстно влюбился в нее. Как я сказала, девица была совершенно нестоящей: ни денег, ни перспектив — словом, не из числа тех невесток, о которых мечтают матери сыновей. Ну а что в подобной ситуации может мать? Уолтер сделал ей предложение, она отказала ему, и тогда у него родилась в голове эта бредовая идея — отправиться в Индию и заделаться чайным плантатором. Муж сказал: «Пусть едет», хотя, конечно же, он был очень огорчен. Муж хотел, чтобы Уолтер работал у него в фирме, и Уолтер сдал все экзамены по юриспруденции и получил соответствующий сертификат. Но тут случилась эта страстная любовь. Вот какое пагубное воздействие способны оказать эти молодые женщины на судьбу мужчины.

— О, я знаю. Вот моя племянница...

Но миссис Фейн снова оставила без внимания слова мисс Марпл и продолжала:

— И вот мой дорогой мальчик поехал то ли в Ассам, то ли в Бангалор, я уже толком и не помню, ведь прошло столько лет. Я, естественно, была очень огорчена, ибо знала, что при его слабом здоровье задуманное им предприятие не осуществится. И вот проходит год, как он уехал, все у него идет успешно (у Уолтера всегда получалось все, за что бы он ни взялся), вдруг эта бессовестная дрянь меняет свое намерение и пишет ему, что согласна выйти за него.

— Да неужели! — сокрушенно воскликнула мисс Марпл.

— Он готовится к женитьбе, покупает ей билет... и что, по-вашему, следует дальше?

— Не могу представить. — Мисс Марпл буквально превратилась в слух.

— Она заводит любовную интригу с женатым мужчиной, вот вам пожалуйста. На пароходе по пути туда. Женатый человек с тремя детьми, как я полагаю. Уолтер встречал ее на пристани, и первое, что

она сделала, едва сойдя с корабля, так это заявила Уолтеру, что не может выйти за него замуж. Вы же согласитесь со мной, что на подобный поступок способен только абсолютно безнравственный человек.

— Конечно, соглашусь. Это могло полностью разрушить веру вашего сына в людей.

— Казалось бы, теперь-то он должен был понять, что она собой представляет. Но такие женщины способны выкрутиться из любой ситуации.

— А он не... — мисс Марпл помедлила, подбирая подходящее слово, — возмутился таким поведением? Другой мужчина пришел бы в ярость.

— Уолтер всегда умел владеть собой. И никогда не обнаруживает огорчения или обиды.

Мисс Марпл испытующе посмотрела на нее и очень осторожно, что называется, запустила пробный шар:

— Может, это потому, что он испытывал к ней действительно глубокое чувство? Такое часто случается с детьми. Внезапная вспышка у ребенка, который, казалось, равнодушен ко всему. Бывают чувствительные натуры, никак себя не проявляющие до тех пор, пока их полностью не выведут из терпения.

— О, вы высказали весьма любопытную мысль, мисс Марпл. Я хорошо помню, как Джеральд и Роберт, будучи оба вспыльчивыми, то и дело начинали драться, и это совершенно естественно для здоровых мальчиков...

— О, конечно, совершенно естественно.

— А мой дорогой Уолтер всегда был такой тихий и сдержанный! И вот однажды Роберт схватил его модель самолета — Уолтер собственноручно мастерил ее много дней, — схватил и по неаккуратности сломал. Так вот, зайдя в их классную комнату, я увидела Роберта лежащим на полу, в то время как Уолтер колотил его кочергой и, наверное, забил бы до смерти, не сумей я его оттащить. Уолтер при этом без конца повторял: «Он сделал это нарочно... он сделал это нарочно. Я сейчас убью его». Знаете, я была просто в ужасе. Мальчики все воспринимают очень остро, не так ли?

— Да, конечно, — проговорила мисс Марпл с задумчивым видом и возобновила прерванный разговор о несостоявшейся женитьбе

Уолтера: — Итак, помолвка была разорвана. Что же случилось с девушкой?

— Она вернулась домой. Но по пути в Англию у нее возникло еще одно любовное приключение, и на этот раз она вышла замуж. Это был вдовец с ребенком. Мужчина, только что потерявший жену, — хорошая мишень, он абсолютно беспомощный, бедняга. Они поженились и поселились здесь, на другом конце городка — дом «Сан-Кэтрин», почти рядом с госпиталем. Брак длился недолго, и года не прошло, как она бросила его. Бежала с каким-то другим мужчиной.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Как счастливо избежал ваш сын этого кошмара!

— Я постоянно твержу ему это.

— А он бросил чайные плантации из-за того, что здоровье не позволило ему адаптироваться к тамошним условиям?

Миссис Фейн слегка нахмурила брови.

— Жизнь как-то не заладилась там, — ответила она. — Он вернулся домой примерно через шесть месяцев после возвращения этой девушки.

— Ситуация для Уолтера, наверное, была довольно тягостной, — рискнула заметить мисс Марпл. — Если эта молодая женщина действительно жила здесь. В одном и том же городе...

— Уолтер был великолепен, — сказала его мать. — Он вел себя так, словно ничего не произошло. Мне и самой надо было подумать о том, чтобы порвать окончательно всякие отношения, ибо случайные встречи могли доставлять неудобство для обеих сторон. Но Уолтер настоял, чтобы они сохранили дружеские отношения. Он запросто ходил к ним в дом без каких-либо формальных поводов и играл с их маленькой дочкой... Кстати, весьма странно, что эта девочка вернулась сюда. Теперь она взрослая замужняя женщина. На днях приходила в контору к Уолтеру оформить завещание. Рид — вот теперь как ее фамилия. Рид.

— Мистер и миссис Рид! Я знакома с ними. Какая приятная, интеллигентная пара! Подумать только! И она действительно ребенок...

— Ребенок от первой жены. Первая жена умерла в Индии. Бедный майор... я забыла его имя... кажется, Холидей... что-то в этом роде... был совершенно убит, когда эта распутница покинула его. И почему

это самые хорошие мужчины влюбляются в самых отвратительных женщин?

— А тот молодой человек, с которым она была помолвлена до этого? Клерк, служивший в конторе вашего сына? Что с ним случилось?

— Он преуспел. Он — глава туристского автобусного бюро. «Желтые туры Эффлика». Автобусы, выкрашенные в ярко-желтый цвет. Выглядят совершенно вульгарно.

— Его фамилия Эффлик? — уточнила мисс Марпл.

— Да, Джекки Эффлик. Противный, но на редкость пробивной парень. И очень напористый в достижении цели. Думаю, интерес к Элен Кеннеди был отнюдь не случаен. Видно, решил, что брак с сестрой доктора упрочит его общественное положение.

— И эта Элен никогда больше не появлялась в Дилмуте?

— Нет. И слава богу. Может, теперь она уже окончательно пала. Мне жаль доктора Кеннеди. Это не его вина. Вторая жена его отца была ветреная штучка. Намного моложе его. Наверное, Элен пошла в мать. Я всегда думала... — Миссис Фейн замолкла на полуслове. — Вот и Уолтер.

Ее материнский слух уловил знакомые звуки в холле. Дверь открылась, и вошел Уолтер Фейн.

— Это мисс Марпл, сынок. Позвони в колокольчик, и нам принесут свежего чая.

— Не беспокойтесь, мама. Я пил чай в конторе.

— Принесите нам свежего чая с булочками, Беатрис, — сказала она горничной, которая появилась, чтобы забрать чайник.

— Да, мадам.

Со сдержанной, но вместе с тем приятной улыбкой Уолтер Фейн сказал:

— Боюсь, что мама портит меня.

Мисс Марпл улыбнулась в ответ и продолжала внимательно разглядывать его.

Кроткий, спокойный на вид человек, предупредительный, немного застенчивый... совершенно бесцветный. Совершенно невыразительная личность. Тот самый тип молодых людей, которые не нравятся женщинам, и если женщина выходит за такого замуж, то только потому, что мужчина, которого она любит, не отвечает ей взаимностью. Уолтер, который всегда рядом с матерью... Бедный Уолтер, маменькин

любимчик... Маленький Уолтер Фейн, который набросился на брата с кочергой и готов был его убить...

Мисс Марпл было над чем подумать.

Глава 17

Ричард Эрскин

I

Поместье Анстелл выглядело уныло. Это был белый дом, приютившийся у подножия серых холмов. К нему вела вьющаяся среди кустарников дорога.

— Зачем мы приехали? — задумчиво произнес Джайлс, обращаясь к Гвенде. — Что мы можем сказать?

— Но мы же обо всем договорились.

— Да, насколько это возможно. Нам повезло, что кузина сестры тетки шурина мисс Марпл, или кем там она ей приходится, живет здесь поблизости... Но ведь неприлично, явившись в дом человека, приступать к нему с расспросами о его прошлых любовных связях.

— Да еще по прошествии стольких лет. Может быть... может быть, он даже и не помнит ее.

— Может, и не помнит. А может, и вообще не было любовной истории.

— Джайлс, что же мы, совсем уж непроходимые дураки?

— Не знаю... Иногда я и впрямь ощущаю себя дураком. Не понимаю, зачем мы ввязались во всю эту историю. Какое это имеет значение теперь?

— Как давно все это было... Да, я знаю... Мисс Марпл и доктор Кеннеди, они оба говорили: «Прекратите расследование». Почему мы их не послушались, Джайлс? Что заставило нас его продолжать? Она?

— Кто?

— Элен. И мои воспоминания. Мои детские воспоминания — единственное связующее звено во всей этой истории. И может, именно дух Элен побуждает меня — и тебя — докопаться до правды?

— Потому что она умерла насильственной смертью?..

— Да. Говорят, да и в книгах пишут, что умершие насильственной смертью не могут обрести покой...

— Думаю, это из области фантазии, Гвенда.

— Может быть, и так. В любом случае у нас есть выбор. Наш визит может выглядеть как сугубо светский. И мы можем не касаться его истинной цели, если не захотим...

Джайлс покачал головой:

— Нет, мы должны задать интересующие нас вопросы. Просто обязаны.

— Да, ты прав. Но все равно, Джайлс, мне страшно...

II

— Подыскиваете дом, да? — осведомился майор Эрскин.

Он протянул Гвенде блюдо с сэндвичами. Гвенда взяла один, окинув майора внимательным взглядом. Ричард Эрскин был невысок ростом, пять футов и девять дюймов или около того. У него были седые волосы и усталый, чуть задумчивый взгляд. Голос низкий и приятный, а говорил он слегка нараспев. В нем не было ничего примечательного, но, на взгляд Гвенды, он определенно выглядел привлекательным... Конечно, он далеко не так импозантен, как Уолтер Фейн, но если большинство женщин пройдут мимо Фейна не оглянувшись, то Эрскин наверняка не оставит ни одну женщину равнодушной. Фейн являл собою нечто неопределенное. А в Эрскине при его скромных внешних данных ощущалась личность. Он говорил об обыденных вещах просто, но в нем было что-то такое, что безошибочно и сразу распознают женщины и на что они реагируют чисто по-женски. Вот и Гвенда, войдя в дом, совершенно бессознательно одернула юбку, поправила завиток на лбу и подретушировала губы. Девятнадцать лет назад Элен Кеннеди вполне могла влюбиться в этого мужчину. Гвенда была уверена в этом.

Когда майор подавал Гвенде блюдо с сэндвичами, она поймала на себе его пристальный взгляд и невольно покраснела. Миссис Эрскин беседовала с Джайлсом, но не спускала глаз с Гвенды, и ее взгляд был одновременно изучающим и подозрительным. Джанет Эрскин, высокая дама с грудным голосом, низким, почти как у мужчины, крепкого телосложения, была в добротном твидовом костюме с большими накладными карманами. Она выглядела старше мужа, но Гвенда решила, что это, может быть, и не так. У нее был какой-то

несчастный, загнанный вид. «Бедняжка, явно обделенная вниманием мужа, — подумала Гвенда. — Держу пари, ему сегодня достанется».

— Искать дом — занятие хлопотное, — сказала она. — Агенты по продаже недвижимости способны так расписать продающийся дом, что покупатель немедленно устремляется увидеть это чудо и чаще всего бывает горько разочарован.

— Вы хотите поселиться здесь, где-нибудь поблизости?

— Да, это одно из мест, о которых мы думали. Потому что здесь недалеко Стена Адриана. Джайлс всегда восхищался Стеной Адриана. Вам покажется это немного странным, но нас устроит любое место в Англии. Дело в том, что мой родовой дом — в Новой Зеландии, и здесь у меня нет никаких связей. И у Джайлса тоже нет привязанности к какому-то определенному месту, он проводил каникулы у многочисленных теток, живших в разных местах. Единственное, чего мы хотим, — поселиться поближе к Лондону, но непременно в сельской местности.

Эрскин улыбнулся.

— Здесь всюду истинно сельская местность. Мы живем изолированно от немногочисленных соседей. Поместья далеко отстоят друг от друга.

Гвенда уловила скрытые нотки грусти в его приятном голосе. И внезапно подумала о его одиночестве в этом краю: короткие зимние дни, завывающий в трубах ветер, окна, наглухо закрытые плотными шторами, и эта женщина с загнанным недобрым взглядом... а соседей мало, и до них далеко.

Потом представшая ее мысленному взору картина исчезла. И опять было лето, настезь распахнутые решетчатые стеклянные двери в сад, и доносящийся оттуда аромат роз, и веселое щебетание птиц.

Она спросила:

— Это старый дом?

Эрскин кивнул:

— Времен королевы Анны. Мои родственники жили здесь почти три сотни лет.

— Дом очень приятный. Вы, должно быть, гордитесь им.

— Он нуждается в ремонте. Налоги не позволяли поддерживать его в надлежащем состоянии. Но теперь, когда дети взрослые и способны сами себя обеспечить, можно подумать о ремонте.

— Сколько у вас детей?

— Два сына. Один в армии. Вторым только что кончил Оксфорд. Собирается работать в издательской фирме.

Он посмотрел на каминную полку, и взгляд Гвенды последовал туда же. Там стояли две рамки с фотографиями парней — предположительно восемнадцати и девятнадцати лет — с гордыми добрыми лицами. Фотографии сделаны, видимо, несколько лет назад.

— Они хорошие парни, извините, что я хвалю их сам.

— Они действительно очень милы, — сказала Гвенда.

— Да, — задумчиво проговорил Эрскин. — Думаю, и впрямь дети стоят того, чтобы ради них жертвовать... собой, — уточнил он после короткой паузы, отвечая на вопросительный взгляд Гвенды.

— Я полагаю, при этом приходится от многого отказываться?

— Порой от очень многого...

Она снова уловила в его словах некий скрытый смысл, но миссис Эрскин перебила его, спросив властным тоном:

— И вы в самом деле ищете дом в этой части страны? Боюсь, я не смогу посоветовать вам ничего подходящего поблизости.

«И даже если бы знала подходящую усадьбу, то все равно не сказала бы, — подумала Гвенда с внезапной враждебностью. — Эта глупая старая дама просто ревнует. Ревнует потому, что я беседую с ее мужем, и потому, что я молода и привлекательна».

— Это зависит от того, насколько срочно вам нужен дом, — сказал Эрскин.

— Никакой спешки, — спокойно сказал Джайлс. — Мы хотим найти нечто действительно стоящее. В настоящее время у нас есть дом в Дилмуте, на южном побережье.

Майор Эрскин поднялся с места, чтобы принести коробку с сигаретами, стоявшую на столе у окна.

— Дилмут, — сказала миссис Эрскин безразличным голосом, пристально глядя в затылок мужа.

— Прелестный небольшой городок, — продолжал Джайлс. — Вам не приходилось там бывать?

На какой-то короткий момент воцарилась тишина, которую нарушил все тот же безразличный голос миссис Эрскин:

— Однажды, много лет назад, мы провели там летом несколько дней. Нам там не понравилось, слишком расслабляющий климат.

— Да, — согласилась Гвенда. — Нам тоже так показалось. Мы с Джайлсом предпочли бы более бодрящий воздух.

Эрскин вернулся с сигаретами и протянул коробку Гвенде, говоря:
— Вы найдете здешний воздух действительно бодрящим. — В его голосе отчетливо слышалась жесткость.

Гвенда подняла на него взгляд, когда он поднес ей зажигалку.

— А вы хорошо помните Дилмут? — равнодушным тоном спросила она.

Его губы дернулись, словно от внезапной болевой спазмы. Он ответил уклончиво:

— Думаю, достаточно хорошо. Мы останавливались, кажется, в отеле «Роял Джордж»... нет, дайте вспомнить, — в «Роял Кларенс».

— О да, это чудный старомодный отель. Наш дом почти рядом. Он называется «Хиллсайд», но раньше назывался «Сан... Сан... Мэри», так, Джайлс?

— «Сан-Кэтрин», — поправил ее Джайлс.

На этот раз реакция была явной. Эрскин быстро отвернулся. А чашечка миссис Эрскин запрыгала по блюдцу.

— Может быть, вы хотите посмотреть сад? — поспешно предложила она.

— О да, с удовольствием.

Они вышли через балконную дверь в сад, со вкусом устроенный и ухоженный, с длинной оградой и дорожками, выложенными плиткой. Как поняла Гвенда, уход за садом был приятной обязанностью майора Эрскина. Когда он говорил о розах и травяных газонах, его мрачное, печальное лицо прояснялось. Несомненно, работа в саду была его призванием.

Когда они наконец распрощались и ехали в автомобиле обратно, Джайлс нерешительно спросил:

— Ты... ты на самом деле уронила его?

Гвенда кивнула.

— Около второго куста дельфиниума. — Она взглянула на свой палец и рассеянно покрутила на нем обручальное кольцо.

— И думаешь, что никогда уже его не найдешь?

— Да это же не настоящее мое обручальное кольцо. Этим я никогда не стала бы рисковать.

— Я рад это слышать.

— Я очень дорожу этим кольцом. Помнишь, что ты сказал, когда надевал его мне на палец? «Этот зеленый изумруд моей хорошенькой зеленоглазой маленькой кошечке».

— Я сказал бы, — бесстрастно произнес Джайлс, — что наши проявления нежности могут со стороны выглядеть странными, скажем, в глазах людей поколения мисс Марпл.

— Я все думаю, что она делает сейчас, наша милая старушка. Греется на солнышке?

— Как бы не так! Насколько я ее знаю, она не сидит на месте, высматривает, выведывает, задает кому-то вопросы. Надеюсь, она не слишком усердствует?

— Для пожилой леди разговорчивость и общительность совершенно естественны. Другое дело, если бы мы с тобой этим занимались.

Джайлс снова помрачнел.

— Я не согласен с тобой. — Он немного помолчал. — Ты именно этим и занимаешься. У меня такое чувство, что я сам сижу дома, а тебя посылаю делать грязную работу.

Гвенда провела пальцем по его щеке, чтобы успокоить.

— Знаю, дорогой, знаю. Но ты должен признать, что тут требуется сноровка. Ведь это же наглость — выпрашивать мужчину о его старых любовных делах, только дерзкая женщина может с этим справиться, и к тому же умная. А я считаю себя умной.

— Я знаю, что ты умная. Но что, если Эрскин и есть тот человек, которого мы ищем...

Гвенда ответила с уверенностью:

— Не думаю, что это он.

— Ты считаешь, что мы идем по ложному следу?

— Вовсе нет. Я полагаю, что он был влюблен в Элен. Но он хороший, Джайлс, очень хороший. Совсем не из тех, которые могут задушить.

— У тебя невероятно большой опыт общения с людьми, которые способны задушить человека, да, Гвенда?

— Нет. Но мне присущ женский инстинкт.

— Именно так, я думаю, часто говорят жертвы душителей. Ну, Гвенда, шутки в сторону, смотри будь осторожна.

— Конечно. Мне так жаль этого беднягу... жить с такой женой-драконом. Держу пари, у него несчастная жизнь.

— Она странная женщина...

— Да, какая-то зловещая. Ты видел, как она все время смотрела на меня?

— Надеюсь, наш план удастся.

III

План был приведен в действие на следующее утро.

Джайлс, словно детектив в бракоразводном деле, занял наблюдательный пост, откуда хорошо просматривались ворота поместья Анстелл. Примерно в половине двенадцатого он доложил Гвенде, что все идет нормально. Миссис Эрскин уехала на маленьком «Остине», видимо, на рынок в городок, что находится в трех милях отсюда.

Гвенда подъехала к воротам и позвонила в колокол. Она спросила миссис Эрскин, и ей сказали, что та уехала. Тогда она попросила майора Эрскина. Майор Эрскин был в саду. Он занимался клумбой и при появлении Гвенды оставил свое занятие.

— Мне так жаль беспокоить вас, — сказала Гвенда. — Но, думаю, вчера где-то здесь я уронила кольцо. Помню, что оно было у меня на пальце, когда мы вышли сюда после чая. Оно мне немного велико. Я просто не переживу, если потеряю его, потому что это мое обручальное кольцо.

И тут же начались поиски. Гвенда повторила свой вчерашний путь, стараясь вспомнить, где она останавливалась и до каких цветов дотрагивалась. И вдруг кольцо обнаружилось около большой купы дельфиниума. Гвенда вздохнула с огромным облегчением.

— А теперь могу ли я предложить вам что-нибудь выпить, миссис Рид? Пива? Бокальчик шерри? Или, может быть, вы предпочитаете кофе или что-то вроде этого?

— Я не хочу ничего, нет, в самом деле. Вот если только сигарету... благодарю вас.

Она опустила на скамью, и Эрскин сел рядом.

Несколько минут они молча курили. Сердце Гвенды отчаянно колотилось. У нее нет выбора. Она должна сделать решительный шаг.

— Я хочу кое о чем вас спросить, — начала она. — Может быть, вы сочтете это большой наглостью с моей стороны. Но мне необходимо знать... и, возможно, вы — единственный человек, который способен мне помочь. Мне кажется, что вы когда-то были влюблены в мою мачеху.

Он повернулся и с удивлением посмотрел на нее.

— В вашу мачеху?

— Да, в Элен Кеннеди. Позже ставшую Элен Холидей.

— Понятно. — Мистер Эрскин казался совершенно спокойным. Его невидящий взор был устремлен на залитую солнцем лужайку. Сигарета тлела у него в руке. Сидевшая рядом Гвенда ощутила смятение в его напряженной позе. Потом его рука осторожно коснулась руки Гвенды, и, будто отвечая на вопрос, заданный самому себе, он сказал: — Письма, я полагаю.

Гвенда не ответила.

— Я не писал ей много: два, может быть, три раза. Она сказала, что уничтожила их, но ведь женщины никогда не уничтожают писем, не так ли? И вот они попали к вам. И вы хотите все узнать.

— Просто я хотела больше знать о ней. Я... очень любила ее. Хотя и была совсем маленьким ребенком, когда она ушла.

— Она ушла?

— А вы не знали?

Его взгляд, искренний и удивленный, встретился с ее взглядом.

— Я ничего не знал о ней, — сказал он, — с... с того лета в Дилмуте.

— Так вы не знаете, где она теперь?

— Откуда мне знать? Столько лет прошло... лет. Все кончено и забыто.

— Забыто?

Он горько улыбнулся.

— Нет, наверное, не забыто... Вы очень проникательны, миссис Рид. Но расскажите мне о ней. Ведь она не... умерла, верно?

Внезапно налетел порыв холодного ветра и охладил их разгоряченные лица.

— Не знаю, мертва она или нет, — сказала Гвенда. — Я ничего о ней не знаю. Я думала, может, вы что-то знаете?

Он покачал головой, и она продолжала:

— Знаете, она ушла из Дилмута тем летом. Совершенно неожиданно, однажды вечером. Никому ничего не сказав. И больше не вернулась.

— И вы думали, может быть, у меня были какие-нибудь известия от нее.

— Да.

Он покачал головой:

— Нет. Ни единого слова. Но, наверное, ее брат, доктор... который живет в Дилмуте. Он должен знать. Или он тоже умер?

— Нет, он жив. Но тоже ничего не знает. Понимаете, все думают, что она исчезла с кем-то.

Он повернулся и посмотрел на нее. Глубоким печальным взглядом.

— Полагали, что она ушла со мной.

— Да, такое предположение высказывалось.

— А была ли такая возможность? Не думаю. Нет. Или мы были настолько глупы, что сознательно упустили такую счастливую возможность?

Гвенда промолчала, и Эрскин снова повернул голову и посмотрел на нее.

— Лучше послушайте обо всем этом. Хотя, в сущности, вы не много узнаете из моего рассказа. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ошибочное представление об Элен. Мы познакомились на пароходе по пути в Индию. К моменту нашего отъезда один из сыновей заболел, и жене пришлось ждать следующего рейса. Элен ехала туда, чтобы выйти замуж за чиновника лесной или какой-то другой фирмы. Она не любила его. Это был просто старый друг, хороший и добрый, и она хотела уехать из дома, где была несчастлива. И мы влюбились друг в друга. — Он помолчал, а потом продолжал: — Эти слова звучат банально. Но в данном случае это не так, я хочу, чтобы вы поняли: это не была обычная любовная интрижка на корабле. Мы полюбили всерьез. Для нас это было... потрясением. Но я не мог оставить Джанет и детей. Элен считала так же. Если бы речь шла только о Джанет, но ведь были еще и мальчишки. Словом, никаких

надежд на будущее. И мы договорились попроситься и постараться забыть друг друга. — Он грустно усмехнулся. — Забыть? Я никогда не забывал ее — ни на один миг. Моя жизнь превратилась в ад. Я не мог заставить себя не думать об Элен... Да, она не вышла замуж за парня, к которому ехала. В последний момент отказалась. Она поехала домой, в Англию, и на обратном пути встретила другого мужчину, вашего отца, как я понимаю. Она сообщила мне об этом через пару месяцев. Тот мужчина был ужасно несчастлив, потеряв жену, писала она, а при нем был еще и ребенок. Она подумала, что сможет сделать его счастливым, и решила выйти за него замуж. Она писала из Дилмута. Примерно через восемь месяцев скончался мой отец, и я вернулся в Англию. Мы хотели отдохнуть несколько недель, прежде чем поселиться в родовом поместье. Моя жена предложила Дилмут. Какие-то ее друзья настоятельно советовали это приятное и тихое место. Она, конечно, ничего не знала об Элен. Можете представить себе мое искушение: увидеть ее снова! Увидеть того самого мужчину, за которого она вышла замуж... — Эрскин помолчал немного, потом продолжал: — Мы остановились в отеле «Роял Кларенс». И этот приезд был ошибкой. Видеть Элен было для меня адской мукой... Она казалась довольно счастливой... я не знал, сохранились у нее ко мне какие-то чувства или нет... Возможно, они уже остались в прошлом. Но тем не менее моя жена, видимо, что-то заподозрила. Она... она очень ревнивая женщина, всегда была такой. — Он резко оборвал себя: — Вот и все. Мы уехали из Дилмута...

— Семнадцатого августа, — подсказала Гвенда.

— Именно в тот день? Возможно, я точно не помню.

— Это была суббота.

— Да, вы правы. Как сейчас помню, Джанет еще сказала, что дороги на север будут забиты, но, кажется, она была не права...

— Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, майор Эрскин. Когда вы в последний раз видели мою мачеху... Элен?

Он улыбнулся доброй улыбкой.

— Мне не придется для этого чересчур напрягаться. Я видел ее вечером накануне нашего отъезда. На пляже. Я прогуливался там после обеда... и увидел ее. Вокруг никого не было. Я проводил ее до дому. Мы прошли через сад...

— Который был час?

— Не знаю... Часов девять, наверное.

— И вы попрощались?

— И мы попрощались. — Он снова засмеялся. — О, это было совсем не то прощание, о котором вы думаете. Оно было коротким и сухим. Элен сказала: «Пожалуйста, уходите. Уходите быстро. Лучше мне не...» Она замолчала... и я... я ушел.

— Снова в отель?

— Да, да, в конечном счете в отель. Но сначала я долго ходил по округе.

— Трудно ориентироваться в датах по прошествии стольких лет, — сказала Гвенда. — Но мне кажется, что именно в тот самый вечер она исчезла навсегда.

— Ясно. И поскольку мы с женой уехали на следующий день, пошла молва, что она убежала со мной. Странные мысли порой приходят людям в голову.

— И все-таки, — напрямик спросила Гвенда, — она не уехала с вами?

— Боже правый, нет, у нас никогда не возникало такой мысли.

— Тогда как вы думаете, почему она ушла?

Эрскин нахмурился. Он посерьезнел и задумчиво проговорил:

— Понимаю. Ответ на этот вопрос весьма важен в данной ситуации. Она не оставила... э-э... какого-нибудь объяснения?

Гвенда подумала и высказала свое личное мнение:

— Нашли какую-то записку. А вы считаете, что она бежала с кем-нибудь другим?

— Нет, конечно.

— Вы, кажется, уверены в этом.

— Уверен.

— Так почему же она убежала?

— Если она убежала вот так, внезапно, возможно только одно объяснение: она бежала от меня.

— От вас?

— Да. Она, возможно, боялась, что я буду искать новых встреч с ней, буду надоедать. Она, должно быть, видела, что я все еще влюблен в нее, схожу по ней с ума... Да, должно быть, причина в этом.

— Но это не объясняет, почему она так и не вернулась. Скажите, рассказывала ли вам Элен что-нибудь о моем отце? Что она

беспокоится о нем? Или... или боится его? Что-то подобное?

— Боялась его? Почему? О, я понимаю, вы думаете, что он был ревнив. Он действительно был ревнивым человеком?

— Не знаю, он умер, когда я была ребенком.

— Вот как. Нет, он всегда казался мне нормальным и симпатичным человеком. Я знаю, что он любил Элен, гордился ею. Это я ревновал Элен к нему.

— Они казались вам счастливой парой?

— Да. Я радовался этому... и в то же время болезненно переживал... Нет, Элен никогда не говорила со мной о нем. Как я уже сказал, мы почти никогда не оставались с ней наедине и никогда не вели доверительных бесед. Но теперь, в свете того, что вы мне рассказали, мне начинает казаться, что Элен в ту последнюю нашу встречу выглядела встревоженной...

— Встревоженной?

— Да. Тогда я думал, что это из-за моей жены... — Он вдруг замолчал. — Но, видимо, причина была более серьезной? — Он взглянул на Гвенду в упор. — Боялась ли она мужа? Ревновал ли он ее к другим мужчинам?

— Вы, кажется, думаете, что нет.

— Ревность — весьма странная вещь. Внешне она может никак не проявляться. — Он чуть заметно передернул плечами. — Но она может быть страшной, очень страшной.

— И еще одно мне хотелось бы узнать... — Гвенда вдруг замолчала.

Послышался шум подъезжающего автомобиля. Майор Эрскин сказал:

— О, жена вернулась, она ездила за покупками.

И в мгновение ока он превратился совсем в другого человека. Его тон сделался официальным, а лицо бесстрастным. И лишь легкий трепет рук выдавал его нервное состояние.

Из-за угла дома показалась миссис Эрскин.

Муж поспешил ей навстречу.

— Миссис Рид обронила вчера в саду кольцо, — объяснил он.

— В самом деле? — сурово спросила миссис Эрскин.

— Доброе утро, — сказала в свою очередь Гвенда. — Да, но, к счастью, я нашла его.

— Вам повезло.

— О да. Было бы ужасно лишиться его. Ну, мне надо идти.

Миссис Эрскин промолчала. Майор Эрскин сказал:

— Я провожу вас до машины.

Он двинулся было за Гвендой, но тут послышался резкий голос его жены:

— Ричард. Надеюсь, миссис Рид извинит тебя, тебе звонят по очень важному делу...

— Все в порядке, — поспешно сказала Гвенда. — Не беспокойтесь, пожалуйста.

Гвенда быстро сбежала с террасы и, обогнув угол дома, вышла к подъездной дорожке. И в растерянности остановилась. Миссис Эрскин так поставила свой автомобиль, что Гвенда при всем желании не сможет выехать на дорогу. Она немного поколебалась, а потом направилась назад к дому.

У самой двери она застыла как вкопанная.

— Я не желаю слушать твои объяснения, — услышала она резкий низкий голос миссис Эрскин. — Ты специально подстроил это. Договорился вчера с этой женщиной, чтобы она приехала сюда, когда я буду в Дайте. Ты всегда был таким... любая хорошенькая девушка. Я не потерплю этого. Запомни, не потерплю.

А потом молящий, полный отчаяния голос майора:

— Порой, Джанет, мне кажется, что у тебя и в самом деле с психикой не все в порядке.

— Это не у меня, а у тебя непорядок с психикой. Ты не можешь оставить женщин в покое.

— Ты же знаешь, что это не так, Джанет.

— Нет, это именно так! Еще давно... в том городе, откуда приехала эта женщина... в Дилмуте. И ты еще смеешь мне говорить, что не был влюблен в ту, желтоволосую, жену Холидея?

— Ты все никак не можешь забыть? Зачем ворошить старое? Ты просто распаляешь себя и...

— Ты! Ты разбиваешь мое сердце... Я не вынесу этого, попомни мои слова! Не вынесу! Запланированное любовное свидание! Смеетесь у меня за спиной. Ты не заботаешься обо мне и никогда не заботился. Я покончу с собой! Брошусь со скалы... я хочу умереть...

— Джанет, Джанет, ради бога...

Резкий голос умолк. Звук страстных рыданий сотряс летний воздух.

Гвенда на цыпочках пробралась обратно к подъездной дороге. Она подумала минуту и позвонила во входную дверь.

— Не найдется ли кого-нибудь, кто смог бы передвинуть этот автомобиль? — спросила она вышедшего на звонок слугу. — Я не могу выехать отсюда.

Слуга пошел в дом. Вскоре из-за здания, которое, скорее всего, служило конюшней, появился человек. Он коснулся рукой кепки, приветствуя Гвенду, сел в «Остин» и отогнал его во двор. Гвенда проворно нырнула в свою машину и помчалась в отель, где ее ждал Джайлс.

— Сколько же времени ты там пробыла! — воскликнул он. — Получилось что-нибудь?

— Да. Теперь мне известно все. Просто романтическая история. Он был страстно влюблен в Элен. — И она рассказала Джайлсу о своем визите во всех подробностях. — Я в самом деле думаю, — заметила она, заканчивая рассказ, — что миссис Эрскин немного не в себе. То, что она говорила, весьма смахивает на бред. Я теперь понимаю, что он имел в виду, говоря о ревности. Это просто ужасно. Но так или иначе, мы теперь знаем, что Эрскин не бежал с Элен и что ему ничего не известно о ее смерти. Она была жива в тот вечер, накануне его отъезда из Дилмута.

— Да, — сказал Джайлс. — По крайней мере, он это утверждает.

Гвенда была явно недовольна реакцией мужа и, твердо чеканя слова, повторила:

— Именно так он и сказал.

Глава 18

Вьюнки

Мисс Марпл, стоя на ступеньках террасы, ведущих в сад, пыталась раздвинуть непокорные плети вьющихся растений. Ей удалось это лишь отчасти, потому что они прочно вросли в землю. Но по крайней мере хотя бы на время она высвободит дельфиниумы из плена.

В окно гостиной выглянула миссис Коккер.

— Извините меня, мадам, но пришел доктор Кеннеди. Он хочет узнать, как долго будут отсутствовать мистер и миссис Рид. Я не смогла дать ему точный ответ и решила спросить вас. Я приглашу его сюда?

— О! О да, конечно, миссис Коккер.

Вскоре миссис Коккер появилась снова, сопровождаемая доктором Кеннеди.

С некоторым трепетом мисс Марпл представилась ему.

— ...И я договорилась с милой Гвендой, что, пока их нет, буду заходить и понемногу заниматься прополкой. Думаю, вам известно, что моим юным друзьям навязали бездельника садовника по имени Фостер. Он приходит дважды в неделю, выпивает несчетное количество чашек чаю, много болтает и, насколько я знаю, не так уж много работает.

— Да, — ответил доктор Кеннеди несколько рассеянно. — Да. Они все одинаковы, все одинаковы.

Мисс Марпл оценивающе посмотрела на него. Он показался ей старше, чем она думала, судя по описаниям Ридов. Преждевременная старость, догадалась она. Да и вид у него был обеспокоенный и несчастный. Он стоял, поглаживая рукой свой слегка вздернутый подбородок.

— Так, значит, они уехали, — сказал он. — Не знаете, надолго ли?

— О нет, ненадолго. Они поехали навестить друзей в Северной Англии. Молодые люди кажутся мне такими беспокойными, вечно кидаются то туда, то сюда.

— Да, — ответил доктор Кеннеди. — Да, это верно. — Он помолчал, а потом сказал как-то неуверенно: — Молодой Джайлс Рид писал мне и просил некоторые бумаги... э... письма... если я смогу их отыскать...

Он замешкался, и мисс Марпл спокойно спросила:

— Письма вашей сестры?

Он бросил на нее быстрый, пронизательный взгляд.

— Так... вы в курсе дела? Вы — родственница?

— Всего только друг, — ответила мисс Марпл. — Я советовала им, пуская в ход все разумные доводы, оставить все как есть, но люди редко внемлют советам... Жаль, конечно, но это так...

— И каков же был ваш совет? — с любопытством спросил он.

— Не углубляться в расследование, — твердо заявила мисс Марпл.

Доктор Кеннеди тяжело опустился на неудобный деревенский стул.

— Это неплохой совет. Мне нравится Гвенда. Она была прекрасным ребенком. И насколько я могу судить, со временем превратилась в славную молодую женщину. И я боюсь, что ее подстерегают неприятности.

— Да, вокруг столько разных неприятностей! — сказала мисс Марпл.

— Э? Да-да... совершенно справедливо. — Он вздохнул, а потом продолжал: — Я получил письмо от Джайлса Рида, в котором он просил предоставить в его распоряжение письма моей сестры, написанные после того, как она покинула эти места, а также образец ее подлинного почерка. — Он бросил на мисс Марпл пронизательный взгляд. — Вы понимаете, что это значит?

Мисс Марпл кивнула:

— Думаю, что да.

— Они снова вернулись к версии, согласно которой Келвин Холидей говорил правду и именно он задушил жену. Они считают, что письма, полученные мною после исчезновения Элен, написаны не ею, что это фальшивка. Они уверены, что она не покинула этот дом живой.

Мисс Марпл мягко спросила:

— Ну а у вас самого нет такой уверенности?

— Нет. — Доктор Кеннеди все еще продолжал смотреть прямо перед собой. — Мне все кажется совершенно ясным. Чистая галлюцинация у Келвина. Нет ни тела, ни чемодана с вещами... что еще я могу подумать?

— А ваша сестра... в то время... скажем так... проявляла интерес... к... к определенному джентльмену?

Доктор Кеннеди перевел взгляд на мисс Марпл. В его глазах была глубокая боль.

— Я любил сестру, — ответил он. — Но должен признать, что Элен всегда была равнодушна к мужчинам. Есть такой тип женщин, которые просто не могут обходиться без мужчин.

— Тогда вам все казалось ясным, — сказала мисс Марпл. — Но сейчас представляется не столь уж бесспорным. Почему?

— Да потому, что я глубоко убежден: будь Элен жива, она непременно давала бы время от времени знать о себе. И так же странно, что в случае ее смерти меня об этом не уведомили. Ну... — Он достал из кармана конверт. — Здесь все, что я смог отыскать. Первое письмо, полученное от Элен, оказалось утерянным. Я так и не смог отыскать его. Но сохранилось второе, то самое, где был указан адрес до востребования. А это для сравнения единственный образец почерка Элен, который у меня сохранился. Список луковиц и семян для посадки. Копия заказа. Почерк в обоих случаях мне кажется похожим, но я не специалист. Я оставляю это для Джайлса и Гвенды. Думаю, не стоит все это пересылать им туда.

— О нет. Мне кажется, они должны вернуться завтра или послезавтра.

Доктор кивнул. Он все еще стоял, устремив отсутствующий взгляд куда-то вдаль. И вдруг сказал:

— Знаете, что беспокоит меня? Если Келвин Холидей на самом деле убил жену, он должен был спрятать тело или каким-то иным образом избавиться от него... а это значит (ибо что еще это могло бы значить?), что вся история, которую он мне поведал, была им тщательно продумана... включая исчезнувший чемодан с вещами Элен... и даже два письма, якобы посланных ею из-за границы... А это означало бы, что он хладнокровный, расчетливый убийца. Маленькая Гвенни была очаровательным ребенком. Нет ничего страшнее для

ребенка, чем знать, что твой отец — параноик; но в десять раз хуже, если он окажется хладнокровным и расчетливым убийцей.

Он направился к выходу, но мисс Марпл остановила его, спросив:

— А кого боялась ваша сестра, доктор Кеннеди?

— Боялась? Никого, насколько мне известно.

— Я только подумала... Ради бога, извините, если мой вопрос покажется вам бестактным... но был некий молодой человек, не так ли? Я имею в виду какую-то историю... когда она была совсем молодой. Некто по фамилии Эффлик. Так, кажется.

— А, это. Глупые истории, в которые попадают девушки по неопытности. Молодой парень, темная личность и, уж конечно, не ее круга, совсем не ее круга. Потом у него здесь были неприятности.

— Я подумала, не мог ли он... мстить.

Доктор Кеннеди улыбнулся, скорее скептически:

— О, не думайте, что это было глубокое чувство. Так или иначе, как я сказал, у него возникли неприятности, и он был вынужден навсегда покинуть город.

— А что за неприятности?

— О, ничего криминального. Только неблагоразумие. Много болтал о делах хозяина.

— А его хозяином был мистер Уолтер Фейн?

Доктор Кеннеди посмотрел на нее с некоторым удивлением.

— Да... да... вы сказали, и я вспомнил, он действительно работал в фирме Фейна и Уотчмена. Не стажером. Простым клерком.

Простым клерком? Мисс Марпл была слегка удивлена. После ухода доктора Кеннеди она вернулась к своим вьюнкам.

Глава 19

Мистер Кимбл заговорил

— Не знаю, я уверена в этом, — сказала миссис Кимбл.

И тут нарушил свое привычное молчание ее супруг, а побудило его к тому не что иное, как гнев.

Решительным жестом он отодвинул от себя чашку.

— О чем это ты думаешь, Лили?! Почему без сахара?

Миссис Кимбл поспешно исправила оплошность и вернулась к своей теме:

— Я все думаю насчет этого объявления, вот что. Лили Эбботт, написано там, ясно и понятно. И «бывшая горничная в «Сан-Кэтрин» в Дилмуте». Это я и есть, все верно.

— Ну, — подтвердил мистер Кимбл.

— После стольких лет, согласишься, Джим, это очень странно.

— Ну...

— Так что мне делать, Джим?

— Выбрось вон из головы.

— А если это связано с деньгами?

Раздался булькающий звук — это мистер Кимбл осушал чашку чаю, чтобы вооружиться для умственного напряжения, связанного с необходимостью произнести длинную речь. Он отодвинул чашку и, прежде чем пуститься в рассуждения, бросил лаконичное: «Еще».

— Ты одно время много говорила о том, что случилось в «Сан-Кэтрин». Я не очень-то в это верю, все это глупости, бабская болтовня. А может, и нет. Может быть, что и случилось. Если так, то это дело полиции и тебе незачем в это влезать. Все давно прошло, верно? Выбрось все это из головы, моя девочка.

— Тебе хорошо говорить. А если речь идет о деньгах, которые причитаются мне по завещанию? Может быть, миссис Холидей умерла только теперь и упомянула меня в своем завещании.

— Упомянула тебя в завещании? Да с какой стати? Подумай только! Ну! — сказал мистер Кимбл, закончив эту необычайно длинную для него тираду своим излюбленным односложным восклицанием, на этот раз выразившим презрение.

— А даже если и полиция... Знаешь, Джим, иногда обещают большое вознаграждение за помощь в поимке убийцы.

— И чем же ты можешь помочь? Знать ты ничего не знаешь, а все выдумала из головы.

— Это ты так говоришь. А я думаю...

— Ты думаешь! — с презрительной гримасой изрек мистер Кимбл.

— Да, я думаю... С того самого момента, как прочитала в газете. Может быть, я знаю что-то и похуже. Та самая Лейони, она была немного глуповата, как все иностранцы, не могла как следует понять, что ей говорили, ее английский был совершенно ужасен. Если она не имела в виду то, что она мне сказала... Я все пытаюсь вспомнить имя того мужчины... И если она видела именно его... Помнишь фильм, про который я тебе рассказывала? Тайный любовник. Такой интересный! В конце концов его распознали по автомобилю. Он заплатил пятьдесят тысяч долларов рабочему в гараже, чтобы тот забыл, что заправлял его машину ночью. Не знаю, сколько это будет в переводе на фунты... А там был еще один, и муж просто рехнулся от ревности. Все они по ней с ума сходили. А в конце...

Мистер Кимбл с грохотом отодвинул свой стул. Он медленно и с сознанием своей важности поднялся на ноги. Готовясь покинуть кухню, он выдвинул ультиматум, ультиматум человека, который, несмотря на неумение членораздельно излагать свои мысли, отличался определенным хитроумием.

— Выбрось все это из головы, моя девочка, — заявил он. — Иначе будешь горько потом жалеть.

Он вышел в судомойню при кухне, надел сапоги (Лили ревностно следила за чистотой пола на кухне) и удалился.

Лили села за кухонный стол и погрузилась в фантазии, доступные ее ограниченному умишку. Конечно, она не может действовать наперекор мужу, но тем не менее... Джим такой ограниченный, такой отсталый. Вот если бы можно было с кем-то посоветоваться... Кто знает про вознаграждения, и про полицию, и про все прочее. Жаль упускать возможность получить хорошие деньги.

Радиоприемник... прибор для завивки... пальто вишневого цвета, такое модное... и даже, может быть, старинный гарнитур «Жакоб» для гостиной...

Распаляемая алчностью, она все глубже и глубже погружалась в мечты... Так что же точно сказала ей Лейони много лет назад?

Наконец она приняла решение. И вооружилась чернилами, пером и стопкой бумаги.

— Знаю, как мне следует поступить, — сказала она себе. — Напишу доктору, брату миссис Холидей. Он-то скажет мне, что надо делать... если только он жив. И пусть останется на моей совести, что я ничего не сказала тогда ему про Лейони... и про тот автомобиль.

Потом на некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом пера. Ей очень редко случалось писать письма, и сочинение послания доктору потребовало от нее больших усилий.

Тем не менее письмо было написано, положено в конверт и запечатано.

Однако она не испытала при этом того огромного удовлетворения, на которое рассчитывала. Десять к одному за то, что доктор или умер, или уехал из Дилмута.

Был ли замешан в этой истории кто-нибудь еще?

И как звали того молодого человека?

Если бы только она могла вспомнить *это*...

Глава 20

Девушка Элен

Джайлс и Гвенда едва закончили завтрак на следующий день после возвращения из Нортумберленда, как им доложили о приходе мисс Марпл.

Она начала с извинения:

— Боюсь, я слишком рано явилась с визитом. Это совсем не в моих правилах. Но мне надо кое-что сообщить вам.

— Мы всегда счастливы видеть вас, — сказал Джайлс, подвигая ей стул. — Выпейте чашечку кофе.

— О, нет, нет, благодарю, не надо ничего. Я уже неплохо позавтракала. Позвольте мне сказать кое-что. Пока вы были в отъезде, я приходила сюда, с вашего любезного позволения, чтобы заняться прополкой...

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила ее Гвенда.

— Кстати, два раза в неделю совсем недостаточно для этого сада. Во всяком случае, думаю, что Фостер пользуется вашей добротой. Слишком много чая и слишком много разговоров. Мне стало ясно, что он не сможет работать еще и третий день, поэтому я взяла на себя смелость нанять еще одного человека — на среду — как раз на сегодня.

Джайлс с недоумением посмотрел на нее. Он был немного удивлен. Трудно поверить, но действия мисс Марпл напоминали вмешательство в их дела. А это было совсем не похоже на нее.

— Фостер, — робко заметил он, — по-моему, слишком стар для такой тяжелой работы.

— Боюсь, мистер Рид, что Мэннинг даже старше Фостера. Ему семьдесят пять, как он мне сказал. Но, понимаете ли, я решила его нанять всего на несколько дней, и это может оказаться очень полезным, потому что он много лет назад работал у доктора Кеннеди. А имя того молодого человека, с которым Элен была помолвлена, было, между прочим, Эффлик.

— Мисс Марпл, — сказала Гвенда. — Я мысленно упрекнула вас. Но вы — гений. А знаете ли вы, что я получила образцы почерка Элен

от Кеннеди?

— Знаю. Я была здесь, когда он принес их.

— Отправлю их по почте сегодня же. Я на прошлой неделе достала адрес хорошего графолога. Пойдемте в сад, познакомимся с Мэннингом, — предложила Гвенда.

Мэннинг был согбенным, сварливым стариком со слезящимися хитроватыми глазками. Когда наниматели подошли ближе, темп его работы по расчистке дорожки заметно ускорился.

— Доброе утро, сэр. Доброе утро, мадам. Леди сказала, что вам требуется еще один работник на среду. Мне это подходит. А здесь все ужасно запущено.

— Боюсь, что садом не занимались много лет.

— Так и есть. Я припоминаю, какой он был при миссис Файндисон. Просто картинка. Она очень любила сад, миссис Файндисон.

Джайлс взялся за газонокосилку, Гвенда срезала несколько бутонов роз. Мисс Марпл, немного отойдя в сторону, занялась вьюнками. Старик Мэннинг снова начал орудовать граблями. Все располагало к непринужденному разговору о прежних временах и садоводстве в те старые добрые времена.

— Я полагаю, вы знаете все сады в округе, — для затравки сказала Гвенда.

— Да, я действительно знаю эти места сравнительно хорошо. Забавные люди здесь жили. Вот миссис Юл, в «Ниагре», у нее была живая изгородь из тиса, и она подстригала ее в форме белок. Глупо, я думаю. Павлины — совсем другое дело, а белки — нет. А вот полковник Лампард был большой любитель бегоний. У него были красивые клумбы с бегониями. Теперь клумбы вышли из моды. Не буду вам говорить, сколько мне пришлось разбивать клумб на газонах перед домами и выкладывать их дерном за последние шесть лет. Кажется, люди совсем потеряли интерес к герани и лобелии.

— Вы работали у доктора Кеннеди, не так ли?

— Да, давно это было. Наверное, в двадцатом году. Теперь он уехал, насовсем. Сейчас в его доме, в «Кросби-Лодж», живет доктор Brent. У него странные методы лечения — маленькие белые таблетки. Он зовет их виттапины.

— Думаю, вы помните Элен Кеннеди, сестру доктора.

— Да, я хорошо помню мисс Элен. Хорошенькая была. С длинными желтыми волосами. Доктор очень заботился о ней. Когда она вернулась, то жила в этом самом доме, после того как вышла замуж. Военный джентльмен, из Индии.

— Да, — сказала Гвенда, — мы знаем.

— А, я слышал — как раз вечером в субботу, — что вы и ваш муж приходите ей родственниками. А мисс Элен была хорошенькая, как картинка, когда она вернулась из школы. Полная веселья. Хотела успеть и на танцы, и на теннис, и повсюду. А мне тогда пришлось размечать теннисный корт, и, скажу вам, им не пользовались лет двадцать. И он зарос кустами. Мне пришлось обрезать их. И добыть извести, чтобы разметить линии. Много работы сделано, а там почти не играют. Странная вещь вышла, скажу я вам.

— Какая странная вещь? — спросил Джайлс.

— Дела на теннисном корте. Кто-то пришел ночью и порезал сетку на ленты. Прямо на ленты. Со зла, скажу я вам. Так оно и было — мерзкое зло.

— Но кто мог сделать такую вещь?

— Вот и доктор тоже хотел это знать. Он был вне себя от этого, и я его не виню. Но никто из нас не мог сказать, кто это сделал. Мы так никогда и не узнали. А он сказал, что не собирается покупать другую — и правильно сделал, — порезали, мол, одну, порежут и другую. Но мисс Элен очень переживала, ей всегда не везло, сначала эта сетка, а потом ее бедная нога.

— Бедная нога? — переспросил Джайлс.

— Да, споткнулась о железную скобу или еще обо что-то и поранила ногу. Казалось бы, всего лишь легкая царапина, но никак не заживала. Доктор очень беспокоился. Он перевязал и лечил рану, но лучше не становилось. Я помню, как он говорил: «Не могу понять, здесь, наверное, был какой-то скептик — или еще какое-то слово он сказал, — на той скобе. И кстати, откуда эта скоба взялась на дорожке?» Мисс Элен споткнулась об нее, идя домой темным вечером. Бедная девочка, не могла ходить на танцы и все сидела, держа вытянутую ногу на стуле. Казалось, что ей просто не везет.

«Сейчас как раз время перевести разговор в нужное русло», — подумала Гвенда. И как бы невзначай спросила:

— А вы знали некоего Эффлика?

— Да. Вы имеете в виду Джекки Эффлика? Который служил у Фейна и Уотчмена?

— Да. Он был другом мисс Элен?

— Это была ерунда. Доктор быстро пресек ее и был совершенно прав. Он был непорядочный, этот Джекки Эффлик, и к тому же жулик. Ничего не признавал. Но он был здесь недолго. Попал в беду по своей вине. Пришлось ему убираться. В Дилмуте его никто не любил. Уехал и на чем-то хорошо заработал.

— Он был здесь, когда порезали теннисную сетку? — спросила Гвенда.

— А, понимаю, что вы думаете. Но он не смог бы сотворить такую глупость. Он был толковый, Джекки Эффлик. А тот, кто это сделал, был просто зол.

— А был здесь кто-нибудь, кто питал неприязнь к мисс Элен? Был бы зол на нее?

Старик Мэннинг тихонько фыркнул.

— Некоторые молодые люди вполне могли затаить на нее злобу. Большинство из них ей в подметки не годились. Нет, я скажу, что все это было сделано по глупости. Какой-то бродяга из зависти.

— А может быть, мисс Элен была в ссоре с Джекки Эффликом? — предположила Гвенда.

— Не думаю, что мисс Элен вообще обращала внимание на молодых людей. Просто любила развлекаться, вот и все. Некоторые из них бегали за ней... молодой Уолтер Фейн прежде всего. Ходил за ней по пятам, как собачка.

— Но она вообще не обращала на него внимания?

— Нет, не обращала. Мисс Элен только смеялась, вот и все. Он потом уехал за границу, в чужие края. Но вскоре вернулся. Теперь главный в конторе. Так и не женился до сих пор. Я его не виню. Женщины создают много трудностей в жизни мужчины.

— А вы сами женаты? — спросила Гвенда.

— Схоронил двоих, вот так, — ответил Мэннинг. — Да ладно, я не жалею. Покуриваю потихоньку трубочку всегда, когда захочу.

Разговор иссяк, и Мэннинг снова взялся за грабли.

Джайлс и Гвенда направились по дорожке к дому, и мисс Марпл, отказавшись от своих атак на вьюнки, присоединилась к ним.

— Мисс Марпл, вы что-то неважно выглядите, — заметила Гвенда. — Может быть, что-нибудь...

— Все в порядке, дорогая. — Пожилая дама немного помолчала, прежде чем сказать с какой-то странной озабоченностью: — А знаете, мне не нравится эта история с теннисной сеткой. Порезали на ленты. Даже если...

Она вдруг замолчала. Джайлс с любопытством взглянул на нее.

— Я не совсем понимаю... — начал было он.

— Не понимаете? А мне это представляется предельно ясным. Но, может быть, к лучшему, что вы не поняли. А может быть, я и не права. А теперь расскажите, как вы съездили в Нортумберленд.

Они подробно изложили все, что им удалось выяснить, и мисс Марпл внимательно их выслушала.

— Все это очень печально, — сказала Гвенда. — Просто трагично.

— Да, в самом деле. Бедняга... бедняга.

— И я тоже так думаю. Как же этот мужчина должен страдать...

— Он? О да. Да, конечно.

— Но вы хотите сказать...

— Ну да... я думаю о ней... о жене. Возможно, она очень его любила, и он женился на ней, потому что она казалась ему подходящей парой, а может быть, он пожалел ее по доброте и чувствительности, а на деле — что чаще всего бывает в подобных случаях — такой брак оказывается истинной пыткой для обоих супругов.

— *«Мне знакомы сотни путей любви, но все они чреватые для любимого печалью»*, — тихо процитировал Джайлс.

— Да, как верно сказано! — подхватила мисс Марпл. — Ревность, как правило, не какое-то одномоментное чувство. Это нечто большее — как бы поточнее выразиться? — нечто гораздо более серьезное. Оно основывается на сознании человека, что его любовь не находит отклика. В его душе зарождается сомнение, он настораживается, опасаясь, что любимый человек увлечется кем-то другим. Что чаще всего и происходит. Миссис Эрскин превратила жизнь мужа в ад, а он, не в силах что-либо изменить, превратил в ад ее жизнь. Но мне кажется, что она страдает больше. И все же, знаете, я беру на себя смелость сказать, что он действительно любит ее.

— Не может этого быть! — воскликнула Гвенда.

— О, моя дорогая, вы еще очень молоды. Он же не оставил жену, а это кое-что значит. Вы же знаете.

— Из-за детей. Из-за чувства долга.

— Из-за детей, может быть, — согласилась мисс Марпл. — Но я должна сказать, что у джентльменов, как мне кажется, чувство долга по отношению к женам развито не столь уж сильно, главное для них — карьера.

— Как вы восхитительно циничны, мисс Марпл!.. — рассмеялся Джайлс.

— О, дорогой мистер Рид, надеюсь, что это не так. Всегда надо надеяться на добрые качества человеческой природы.

— Я по-прежнему думаю, что это не мог быть Уолтер Фейн, — задумчиво сказала Гвенда. — И я уверена, что это не майор Эрскин. Я просто *знаю*, что это был не он.

— Чувство не всегда служит надежным советчиком, — возразила мисс Марпл. — Порой люди совершают уж вовсе невероятные вещи. В моей маленькой родной деревне казначей Рождественского клуба был уличен в том, что поставил все деньги из фонда до последнего пенни на лошадь. А ведь он осуждал лошадиные скачки, так же как любой вид пари и других азартных игр. Его отец был букмекером на скачках и очень плохо обращался со своей женой — так что наш казначей по логике вещей действовал вполне искренно. Но однажды он проезжал на автомобиле около Ньюмаркета и увидел, как наездники тренируют своих лошадей. И не устоял — кровь взяла свое.

— Пропшая жизнь обоих — Уолтера Фейна и Ричарда Эрскина, — кажется, вне всяких подозрений, — мрачно, но с легкой усмешкой заметил Джайлс. — И все же убийца представляется мне дилетантом, а не профессионалом.

— Важно, — сказала мисс Марпл, — что оба они находились в этот момент там. На месте. Уолтер Фейн был в Дилмуте. Майор Эрскин, по его собственному свидетельству, должно быть, виделся с Элен Холидей перед самой ее смертью... и вернулся в отель лишь спустя продолжительное время.

— Но он совершенно откровенно рассказал мне обо всем этом. Он... — Гвенда вдруг осеклась. Мисс Марпл смотрела на нее очень внимательно.

— Я только хочу подчеркнуть, — сказала мисс Марпл, — важность того, что они находились здесь, на месте.

Она перевела взгляд с Гвенды на Джайлса и сказала:

— Мне кажется, вам не составит труда отыскать адрес Д. Д. Эффлика, владельца компании междугородных автобусов.

Джайлс кивнул:

— Я этим займусь. Может быть, он значится в телефонном справочнике. — И после некоторой паузы спросил: — Вы считаете, что нам надо встретиться с ним?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Если вы решите поехать, — сказала она наконец, — то должны быть очень осторожны. Вспомните, что говорил о нем старый садовник. «Джекки Эффлик — умный человек». Пожалуйста... пожалуйста, будьте осторожны.

Глава 21

Д. Д. Эффлик

I

У Д. Д. Эффлика, владельца нескольких автобусных компаний, в телефонном справочнике значилось два номера: конторы в Эксетере и домашний — на окраине города.

Встреча была назначена на следующий день.

Когда Джайлс и Гвенда уже усаживались в автомобиль, из дома, бурно жестикулируя, выбежала миссис Коккер:

— Звонит доктор Кеннеди, сэр.

Джайлс выскочил из машины и устремился в дом.

— Джайлс Рид слушает.

— Доброе утро. Я только что получил довольно странное письмо. От женщины по имени Лили Кимбл. Я ума не приложу, кто бы это мог быть. Сначала решил, что какая-нибудь пациентка, и это сбило меня с толку. Но потом подумал, что это может быть девушка, которая служила в вашем доме. Горничная, и как раз в то время, которое нас интересует. Я почти уверен, что ее звали Лили, но фамилию я не могу вспомнить.

— Ее звали именно Лили. Гвенда помнит ее. Она повязывала на шею коту бант.

— У Гвенды замечательная память.

— Да, это так.

— Так я хотел бы поговорить с вами по поводу этого письма, но не по телефону. Я застаю вас дома, если приеду сегодня?

— Мы сейчас отправляемся в Эксетер. Можем заехать к вам, если не возражаете, сэр. Нам как раз по пути.

— Это было бы прекрасно.

— Мне не хотелось распространяться об этом по телефону, — объяснил доктор, когда они приехали. — Мне всегда кажется, что мой телефон прослушивается на станции. Вот это письмо.

Он разглядел на столе листок дешевой линованной бумаги, испещренный каракулями явно малограмотного человека.

«Дорогой сэр!

Я буду благодарна если вы могли бы дать мне совет насчет прилагаемой заметки которую я вырезала из газеты.

Я все думала и говорила про это с мужем но не знаю как лучше поступить. Как вы думаете это означает деньги или вознаграждение потому что деньги мне нужны но я не хочу иметь дело с полицией я часто думаю про ту ночь когда миссис Холлидей ушла и я не думаю что она на самом деле так сделала потому что вещи были не те. Я сперва думала что это сделал хозяин но теперь я не так уверена потому что видела в окно автомобиль. Шикарный автомобиль и я видела его раньше но не хочу ничего делать не спросясь вас сперва все ли здесь в порядке и не привяжется ли полиция потому что я раньше не связывалась с полицией и мужу это не понравится. Я могла бы приехать и поговорить с вами сэр если можно в четверг потому что это базарный день и мужа не будет. Буду очень благодарна если вы сможете. С уважением

Лили Кимбл».

— Письмо было послано на мой старый адрес в Дилмуте, — сказал Кеннеди, — и оттуда переправлено мне сюда. Приложенная к письму вырезка — ваше объявление.

— Прекрасно! — воскликнула Гвенда. — Эта Лили, вы же видите, она не думает, что мой отец сделал это!

Гвенда буквально ликовала. Доктор Кеннеди обратил на нее свой добрый усталый взгляд.

— Это прекрасно, Гвенни, — мягко сказал он. — Надеюсь, так оно и есть. А теперь, я думаю, нам лучше поступить следующим образом. Я напишу ей ответ и попрошу приехать сюда в четверг. Сообщение поездом вполне хорошее. Сделав пересадку в Дилмуте, она прибудет сюда вскоре после четырех. Если вы оба тоже приедете сюда в это время, мы сможем все вместе побеседовать с ней.

— Отлично, — согласился Джайлс. Он взглянул на часы. — Поехали, Гвенда, нам надо торопиться. У нас назначена встреча с мистером Эффликом, а он, как сам изволил заметить, занятой человек.

— Эффлик? — Кеннеди нахмурился. — Ну конечно же! Эти ужасные здоровенные монстры цвета сливочного масла. Но имя Эффлик откуда-то мне знакомо.

— В связи с Элен, — подсказала Гвенда.

— Боже мой... не тот ли это самый парень?

— Да.

— Но он же ничтожный крысенок! И что, он преуспел?

— Не можете ли вы кое-что прояснить, сэр? — спросил Джайлс. — Вы разрушили какие-то отношения, возникшие у него с Элен. Вы поступили так из-за его... так сказать, социального статуса?

— Я весьма старомоден, молодой человек, — сухо заявил доктор Кеннеди. — По современным понятиям, каждый человек так же хорош, как любой другой. Это справедливо, вне всяких сомнений. Но я все же придерживаюсь того мнения, что существует определенный социальный статус, который вы обретаете вместе с рождением, и я убежден, что необходимо всеми силами стремиться сохранить его. Кроме того, — добавил он, — я считаю, что тот парень — плохой человек. Что он и доказал.

— А что именно он сделал?

— Вот этого я теперь припомнить не могу. Но помню нашу мевшую тогда другую историю — он пытался заработать деньги на выдаче какому-то лицу конфиденциальной информации, которой он располагал, работая у Фейна.

— Было ли увольнение из конторы серьезным ударом для него?

Кеннеди бросил на Джайлса быстрый взгляд и коротко ответил:

— Конечно.

— А никаких других поводов для неприязни к Эффлику у вас не было? Вы не находили его в какой-то степени странным?

— Уж если вы спросили об этом, я отвечу вам откровенно. Мне казалось, особенно после его увольнения, что в поведении Джекки Эффлика проявляются признаки неуравновешенности. А точнее — мании преследования. Но, судя по всему, это не помешало ему впоследствии вполне преуспеть в делах.

— А кто уволил его? Уолтер Фейн?

— Не имею понятия, настоял ли на этом именно Уолтер Фейн. Он был уволен конторой.

— И он утверждал, что из него сделали козла отпущения?

Кеннеди кивнул.

— Ясно... Ну, нам надо мчаться со скоростью ветра. До четверга, сэр.

II

Дом был совсем новый. Белый, вычурной архитектуры, с огромными окнами. Через богато обставленный холл Гвенда и Джайлс были препровождены в кабинет, половину которого занимал письменный стол, украшенный хромированными деталями.

Гвенда нервно пробормотала Джайлсу:

— Право, не знаю, что бы мы делали без мисс Марпл. Каждый раз она направляет нас куда следует. Сначала ее друзья в Нортумберленде, а теперь «Клуб летних экскурсий» для мальчиков ее знакомой, жены викария.

Джайлс жестом остановил ее, потому что дверь открылась и в комнату быстро вошел Д. Д. Эффлик.

Это был полный мужчина средних лет, одетый в клетчатый костюм, с темными пронизательными глазами и румяным, добродушным лицом. Такими обычно представляют себе преуспевающих букмекеров.

— Мистер Рид? Доброе утро. Рад познакомиться.

Джайлс представил Гвенду. Она протянула ему руку и ощутила чрезмерно крепкое рукопожатие.

— И чем же я могу быть вам полезен, мистер Рид?

Эффлик уселся за громадный письменный стол и протянул Джайлсу ониксовый портсигар.

Джайлс начал с «Клуба летних экскурсий». Его старые друзья, мол, устраивают развлечения для детей. Он хотел бы договориться о двухдневном туре в Девон.

Эффлик назвал цены и высказал рекомендации, как и подобает человеку, хорошо знающему свое дело. Но по его лицу было видно, что он слегка озадачен.

— Ну, с этим ясно, мистер Рид, и я пошлю вам подтверждение нашей договоренности. Но это чисто деловой вопрос. А как я понял со слов своего клерка, вы хотели приватной встречи у меня дома.

— Именно так, мистер Эффлик. Я просил о встрече, чтобы обсудить с вами две проблемы. Одну мы решили. Другая же — сугубо личная. Моя жена очень хотела бы связаться со своей мачехой, которую она не видела много лет, и мы подумали, что, может, вы сумеете нам помочь.

— Охотно, если вы назовете имя той леди. Полагаю, я был когда-то знаком с ней?

— Ее имя — Элен Холидей, а до замужества она была мисс Элен Кеннеди.

Эффлик сощурился и вместе со стулом слегка отклонился назад.

— Элен Холидей... не припомню... Элен Кеннеди...

— Это было в Дилмуте, — подсказала Гвенда. Ножки стула, на котором сидел Эффлик, с шумом опустились на пол.

— Вспомнил, — сказал он. — Конечно. — Его круглое румяное лицо засияло от удовольствия. — Маленькая Элен Кеннеди! Да. Я вспомнил ее. Но это было так давно. Может быть, лет двадцать назад.

— Восемнадцать.

— В самом деле? Как быстро летит время. Но боюсь, что разочарую вас, миссис Рид. Я не видел Элен с тех пор. И даже никогда не слышал о ней.

— О боже! — воскликнула Гвенда. — Какое огорчение! А я так надеялась, что вы сможете нам помочь.

— А в чем затруднение? — Его глаза быстро перебежали с Джайлса на Гвенду. — Ссора? Ушла из дома? Денежный вопрос?

Гвенда ответила:

— Она ушла из дома... внезапно... из Дилмута... восемнадцать лет назад... с кем-то.

Джекки Эффлик с удивлением спросил:

— И вы решили, что она могла уйти со мной? Но почему?

Гвенда смело ответила:

— Потому что мы слышали, будто вы с ней... одно время... были... ну, влюблены друг в друга.

— Я и Элен? Да ничего подобного. Всего лишь обычный флирт между юношей и девушкой. И ничего серьезного... К тому же нас не

поощряли к этому, — сухо добавил он.

— Возможно, вы сочтете это весьма нескромным... — начала Гвенда, но он перебил ее:

— Что здесь странного? Я не такой уж щепетильный человек. Вы хотите отыскать определенного человека и полагаете, что я могу вам помочь. Спрашивайте все, что хотите, мне нечего скрывать. — Он задумчиво посмотрел на нее. — Так вы дочь Холидея?

— Да. Вы знали моего отца?

Он покачал головой.

— Я зашел как-то навестить Элен, когда оказался в Дилмуте по делам. Я знал, что она вышла замуж и живет там. Она была довольно любезна. — Он помолчал немного, потом закончил фразу: — Но не пригласила остаться на обед. Нет, я не был знаком с вашим отцом.

«Не возникла ли, — подумала Гвенда, — озлобленность из-за того, что Элен не пригласила его остаться на обед?»

— Как вам показалось тогда: она выглядела счастливой?

Эффлик пожал плечами:

— Достаточно счастливой. Но ведь с тех пор прошло много времени. Я наверняка запомнил бы, если бы она выглядела несчастной. — Он добавил с любопытством, казалось бы, совершенно естественным: — Вы хотите сказать, что ничего не слышали о ней целых восемнадцать лет?

— Ничего.

— А письма?

— Было два письма, — ответил Джайлс. — Но у нас есть некоторые основания полагать, что они написаны не ею.

— Вы думаете, что их написала не она? — Эффлик казался слегка удивленным. — Ну прямо-таки фантастика. Как в кино.

— Вот и нам кажется то же самое.

— А что насчет ее брата, того доктора, он-то знает, где она?

— Нет.

— Понятно. Тайна, покрытая мраком. Почему бы вам не дать объявление?

— Уже давали.

Эффлик обронил, будто невзначай:

— Похоже, ее нет в живых. Вы могли не знать об этом.

Гвенду прохватила дрожь.

— Вам холодно, миссис Рид?

— Нет. Я вдруг представила себе Элен мертвой, хотя не допускаю мысли о ее смерти.

— Тут вы правы. Я тоже не хочу об этом думать. Она была потрясающе красива.

Гвенда импульсивно воскликнула:

— Вы знали ее! Знали ее хорошо! У меня же о ней сохранились только детские воспоминания. Какая она была? Как к ней относились люди? И какие чувства вы испытывали по отношению к ней?

Он молча смотрел на нее несколько мгновений, потом заговорил снова:

— Я буду откровенен с вами, миссис Рид. Хотите — верьте мне, хотите — нет. Мне было жаль девочку.

— Жаль? — Она устремила на него удивленный взгляд.

— Именно так. Тогда она только что возвратилась после окончания школы. Ей хотелось развлечений, как любой девушке, а тут этот суровый старший брат со своими допотопными воззрениями, что можно ей делать, а чего нельзя. Никакой радости не было у этого дитяти. Ну, я проявил к ней внимание, познакомил немного с жизнью. Я не очень интересовался ею, так же как и она мной. Ей просто нравилось казаться сорвиголовой. Потом, конечно, стало известно, что мы встречаемся, и брат решил положить этому конец. Но я не виню его. Он хотел отделаться от меня. Мы не были помолвлены, ничего подобного. Я собирался жениться со временем, но только когда стану немного постарше. Я хотел встать на ноги и найти жену, которая помогла бы мне в этом. У Элен не было денег, и поэтому она никак не могла меня устроить. Мы были просто хорошими друзьями, только немного флиртовали.

— Но вы, должно быть, сердились на доктора...

— Я был раздражен, признаю, — подтвердил Эффлик. — Вы тоже не придете в восторг, если вам скажут, что вы недостаточно хороши. Но знаете, не следует быть тонкокожим.

— И потом, — сказал Джайлс, — вы лишились работы.

Лицо Эффлика утратило свое благодушное выражение.

— Меня уволили. Из фирмы «Фейн и Уотчмен». И я прекрасно понимаю, кому я должен сказать за это спасибо.

— Вот как?! — желая подстегнуть Эффлика к дальнейшим откровениям, воскликнул Джайлс, но тщетно.

— Я не намерен пускаться в рассуждения. У меня есть свое мнение на этот счет. Меня подставили, и я прекрасно знаю, кто это сделал. И почему. — На его щеках проступил румянец. — Грязное дело — шпионить за человеком, расставлять ему ловушки, распускать ложные слухи о нем. О, у меня, конечно же, были враги. Но я так и не дал им одолеть меня. Я всегда платил им той же монетой.

Он замолчал. И тотчас же от его гнева не осталось и следа. Он снова стал добродушным.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Кое-какие невинные забавы между мной и Элен — и только. Дальше дело не пошло.

Гвенда пристально посмотрела на него. Рассказанная им история была проста, но насколько она правдива? Что-то внушало ей сомнения, и вот она поняла, что именно.

— И тем не менее, — сказала она, — виделись с ней, когда позже приезжали в Дилмут.

Он засмеялся.

— Вот вы и поймали меня, миссис Рид. Да, это так. Наверное, хотел показать ей, что не пошел на дно, после того как этот зануда адвокат выгнал меня из своей конторы. Я основал собственное дело, разъезжал в шикарном автомобиле и очень много зарабатывал.

— Вы приезжали навестить ее не один раз, не так ли?

Он помедлил немного, потом сказал:

— Два, а может быть, три раза. Просто заезжал по пути, — а потом добавил, как бы давая понять, что разговор окончен: — Сожалею, что не могу вам помочь.

Джайлс поднялся.

— Мы должны извиниться, что отняли у вас так много времени.

— Все в порядке. Приятно для разнообразия поговорить о старых временах.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женщина, которая тут же вежливо извинилась:

— О, прошу прощения, я не знала, что ты здесь не один...

— Входи, дорогая, входи. Познакомьтесь с моей женой. Это мистер и миссис Рид.

Миссис Эффлик пожала им руки. Это была высокая, худая женщина с унылым лицом, одетая в неожиданно хорошо сшитое платье.

— Вспоминали старые времена, Дороти, — сказал мистер Эффлик. — Еще до того, как я встретил тебя. Мы познакомились с женой во время круиза, — объяснил он. — Она не из здешних краев. Кузина лорда Полтерхема, вот она кто, — с нескрываемой гордостью изрек он, а худая дама залилась краской.

— О, эти круизы совершенно бесподобны, — заметил Джайлс.

— Особенно в познавательном плане, — согласился Эффлик. — А то у меня нет никакого образования, о котором стоило бы говорить.

— Я уговариваю мужа отправиться в круиз по Греции, — сказала миссис Эффлик.

— Нет времени. Я занятой человек.

— И мы не смеем дольше задерживать вас, — сказал Джайлс. — До свидания и благодарим вас. Так вы сообщите мне по поводу экскурсий?

Эффлик проводил их до дверей. Гвенда взглянула через плечо на миссис Эффлик, стоявшую в дверях кабинета и неотрывно смотревшую вслед мужу. В ее лице читалось любопытство и какая-то смутная тревога.

Джайлс и Гвенда попрощались еще раз и направились к своему автомобилю.

— Тьфу ты! Я оставила там свой шарф! — воскликнула Гвенда.

— Обычная история, — буркнул Джайлс.

— Не строй из себя мученика. Я сейчас вернусь.

Она побежала обратно к дому. Из открытой двери кабинета до нее донесся громкий голос Эффлика:

— Почему ты всюду суешь свой нос? И всегда попусту.

— Мне очень жаль, Джекки. Я не знала, что ты не один. А кто эти люди и чем они тебя так расстроили?

— Они вовсе не расстроили меня. Я... — Он замолчал, увидев Гвенду в дверях.

— О, мистер Эффлик, я не оставила здесь шарф?

— Шарф? Нет, миссис Рид. Здесь нет никакого шарфа.

— Извините. Наверное, я потеряла его где-то еще. — И она удалилась.

Джайлс развернул машину. Припаркованный у обочины дороги, стоял огромный желтый лимузин, сверкающий хромом.

— Вот это машина! — воскликнул Джайлс.

— «Шикарная машина», — добавила Гвенда. — Ты помнишь, Джайлс, что, по словам Эдит Педжет, сказала ей в тот злополучный вечер Лили? Лили сделала ставку на майора Эрскина, а не на того «таинственного мужчину в шикарном автомобиле». Разве ты не понимаешь, что таинственным мужчиной в шикарном автомобиле мог быть Джекки Эффлик?

— Да, — согласился Джайлс. — И в своем письме доктору Лили упоминает шикарный автомобиль.

Они переглянулись.

— Он был там «и присутствовал на месте», как выражается мисс Марпл, в ту ночь. О, Джайлс, я не могу дождаться четверга, чтобы услышать, что скажет Лили Кимбл!

— А что, если она испугается и вообще не появится?

— О, она приедет, Джайлс, и если в ту ночь там был красивый автомобиль...

— Думаешь, что это и есть «желтая угроза»?

— Восхищаетесь моей машиной? — Добродушный голос Эффлика заставил их вздрогнуть. Он стоял позади них, перегнувшись через аккуратно подстриженную живую изгородь. — «Маленький лютик», вот как я ее называю. Мне всегда нравились хорошо сработанные кузова. Впечатляет, верно?

— Несомненно, — согласился Джайлс.

— Люблю цветы, — признался мистер Эффлик. — Нарциссы, лютики, кальцеоларии, все они — мои любимцы. Вот ваш шарф, миссис Рид. Он соскользнул за стол. До свидания. Рад был познакомиться с вами.

— Как ты думаешь, он слышал, что мы назвали его автомобиль «желтой угрозой»? — спросила Гвенда, когда они отъехали.

— О, не думаю. Он говорил вполне дружелюбно, разве не так?

Джайлс выглядел слегка встревоженным.

— Да-а... но я не думаю, что это так уж важно. Джайлс, эта его жена... она боится его. Я видела ее лицо.

— Что? Боится этого общительного приятного парня?

— Наверное, на самом деле он не такой уж общительный и приятный... Джайлс, не могу сказать, что мне нравится мистер Эффлик. Интересно, как долго он подслушивал наш разговор? А о чем именно мы говорили?

— Да ни о чем особенном, — успокоил жену Джайлс, хотя вид у него был встревоженный.

Глава 22

Лили идет на встречу

I

— О, будь я проклят! — воскликнул Джайлс.

Он только что вскрыл письмо, пришедшее с дневной почтой, и с крайним удивлением читал его.

— В чем дело?

— Это заключение графолога.

— Ну и что? — живо спросила Гвенда. — Ведь она не писала эти письма, пришедшие из-за границы?

— Как раз напротив, Гвенда. Писала.

Они переглянулись.

Гвенда нехотя констатировала:

— Так, значит, эти письма не подделка. Они подлинные. Элен действительно ушла из дома в ту ночь. И сама писала эти письма из-за границы. И вовсе не была задушена?

Джайлс в раздумье произнес:

— Кажется, так и есть. Но все это выглядит очень странно. Я ничего не понимаю. Потому что все, казалось бы, свидетельствует об обратном.

— Может быть, графолог ошибся?

— Думаю, что такое возможно. Хотя вряд ли. Гвенда, во всем этом деле я не могу понять только одного. Не ведем ли мы себя как самые настоящие идиоты?

— И все это из-за моей дурацкой сцены в театре? Вот что я скажу, Джайлс, давай заедем к мисс Марпл. К доктору Кеннеди нам надо попасть в половине пятого, так что у нас есть время для визита к ней.

Мисс Марпл, однако, отнеслась к новостям совсем не так, как они ожидали. Она сказала, что все это очень мило.

— Но, дорогая мисс Марпл, — спросила озадаченная Гвенда, — что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, моя дорогая, что некто мог бы действовать гораздо умнее.

— Но как, в каком смысле?

— Допустил промах, — многозначительно заявила мисс Марпл.

— Но какой?

— Ну, дорогой мистер Рид, вы же прекрасно видите, как сужается область поиска.

— И даже с учетом того, что письма действительно написаны Элен, вы по-прежнему считаете, что она была убита?

— Я думаю, что кому-то было очень важно, чтобы эти письма написала собственноручно Элен.

— Понимаю... По крайней мере, надеюсь, что понимаю. Значит, должны были возникнуть какие-то определенные обстоятельства, при которых Элен могли принудить написать эти письма... Это многое объясняет. Но какие это обстоятельства?

— Мистер Рид, вы просто не подумали. Это же так просто.

Джайлс казался раздраженным и смущенным.

— Мне это не совсем ясно, уверяю вас.

— Если вы немного подумаете...

— Джайлс, нам пора. Мы опаздываем.

Молодые люди попрощались с мисс Марпл, продолжавшей загадочно улыбаться своим мыслям.

— Эта пожилая дама порой меня раздражает, — признался Джайлс, — я не понимаю, к чему она клонит.

Они приехали к дому Кеннеди вовремя. Доктор сам открыл дверь.

— Я отпустил свою домоправительницу на весь вечер, — объяснил он. — Думаю, так будет лучше.

Он провел их в гостиную, где был приготовлен поднос с чайными приборами, хлебом, маслом и кексами.

— Не выпить ли нам по чашечке чаю, а? — спросил он как-то робко, глядя на Гвенду. — Забудем пока про миссис Кимбл и всю эту историю.

— Вы абсолютно правы, — согласилась с ним Гвенда.

— А как быть с вами? Следует ли мне сразу представить вас? Или это смутит ее?

— Деревенские люди очень подозрительны, — задумчиво проговорила Гвенда. — Мне кажется, будет лучше, если вы сами

побеседуете с ней.

— Я тоже так думаю, — согласился Джайлс.

— Если вы будете находиться в соседней комнате, а дверь мы оставим слегка приоткрытой, то вы сможете услышать весь разговор. В данных обстоятельствах я не вижу в этом ничего предосудительного.

— Мы будем подслушивать вашу беседу, но меня это не смущает, — сказала Гвенда.

Доктор Кеннеди, чуть улыбнувшись, продолжал:

— Я не думаю, что мы нарушим тем самым какие-то этические нормы. Я не намерен обещать ей сохранить в тайне полученную от нее информацию, хотя охотно дам ей совет, если она попросит. — Он взглянул на часы. — Поезд прибывает на Вудлей-роуд в четыре тридцать пять, то есть через несколько минут. И еще ей потребуется пять минут на дорогу до моего дома.

Он беспокойно прошелся по комнате. Его морщинистое лицо казалось усталым.

— Не понимаю, — сказал он. — Совершенно не понимаю, что все это значит. Если Элен все-таки не покидала дом и ее письма ко мне были фальшивкой...

Гвенда подалась всем корпусом вперед, намереваясь что-то сказать, но Джайлс жестом остановил ее, и доктор продолжал:

— Если Келвин, бедняга, не убивал ее, то что же, черт побери, произошло?

— Ее убил кто-то другой, — сказала Гвенда.

— Но, дорогое мое дитя, если ее убил кто-то другой, то почему Келвин так настойчиво утверждал, что это сделал он?

— Потому что ему так казалось. Он обнаружил ее на кровати и подумал, что это сделал он. Ведь могло же так случиться, разве нет?

Доктор Кеннеди с раздражением потер нос.

— Откуда мне знать? Я не психиатр. Нервный шок? Психическое расстройство? Да, полагаю, это вполне возможно. Но кому понадобилось убивать Элен?

— Мы считаем, что одному из трех человек, — сказала Гвенда.

— Трех человек? Каких трех человек? Ни у кого не могло быть повода для убийства Элен, если, конечно, убийцей не оказался какой-нибудь сумасшедший. У нее не было врагов. Все любили ее.

Он выдвинул ящик письменного стола и порылся в нем. Извлек оттуда поблекший моментальный снимок. На нем была запечатлена рослая девочка в гимназической форме, с гладко причесанными волосами и лицом, излучающим радость, а рядом с нею — Кеннеди, молодой и счастливый, с щенком терьера на руках.

— В последнее время я много думал о ней, — как-то невнятно произнес он. — Многие годы я вообще не вспоминал о ней, может быть стараясь забыть... А вот теперь думаю о ней постоянно. И все это из-за вас.

Его слова звучали укором.

— Думаю, что это не из-за нас, а из-за нее самой, — возразила Гвенда.

Он резко повернулся к ней:

— Что вы имеете в виду?

— Только это. Не могу объяснить. Но мы тут ни при чем. Дело в самой Элен.

Послышался печальный гудок паровоза. Доктор Кеннеди подошел к окну, и они последовали за ним. Струйка дыма медленно расплзлась по долине.

— Это поезд, — сказал Кеннеди.

— Прибывает на станцию?

— Нет, уже отправился дальше. — Он помолчал. — Лили Кимбл будет здесь с минуты на минуту.

Но минуты шли, а миссис Кимбл все не появлялась.

II

Лили Кимбл вышла из поезда на станции Дилмут и прошла по пешеходному мостику к боковой ветке, где уже стоял маленький местный поезд. Пассажиров было немного, самое большее — дюжина. Тихое время дня, и к тому же в Хелчестере был базарный день.

Вскоре поезд тронулся, отправляясь в путь по извилистой долине. На своем пути до конечной станции Лонсбери-Бей поезд делал три остановки: Ньютон-Лэнгфорд, Мэтчингс-Холт и Вудлей-Болтон.

Лили Кимбл смотрела в окно, но вместо проплывавших мимо лугов, поросших буйными травами, ей виделся гостиный гарнитур

«Жакоб» с зеленой обивкой. На маленькой станции Мэтчингс-Холт, кроме нее, никто не сошел. Она сдала контролеру билет и вышла на улицу. Следуя указателю на табличке с надписью «Вудлей-Кемп», она зашагала по тропе, круто поднимавшейся по холму.

Тропа пролежала по опушке леса, а по другую сторону от нее вздымались холмы, поросшие вереском и утесником.

Вдруг кто-то вышел из-за деревьев, и Лили Кимбл отпрянула.

— Ой, вы испугали меня! — воскликнула она. — Я не ожидала вас тут встретить.

— Преподнес тебе сюрприз, а? У меня есть для тебя еще один сюрприз.

Поблизости не было ни души. Никто не мог бы услышать ее крик. Собственно, она и не кричала, все кончилось мгновенно.

Потревоженный лесной голубь вспорхнул и улетел.

III

— Что могло случиться с этой женщиной? — недоумевал доктор Кеннеди.

Стрелки часов показывали без десяти пять.

— Не могла ли она заблудиться по пути от станции?

— Я подробно объяснил ей дорогу. В любом случае заблудиться здесь невозможно. От станции повернуть налево, а потом первый же поворот направо. Да тут ходьбы-то всего пять минут.

— Она, скорее всего, передумала и решила не ехать, — предположил Джайлс.

— Похоже на то.

— Или опоздала на поезд, — сказала Гвенда.

— Нет, скорее всего, она решила не ехать, — задумчиво произнес Кеннеди. — А может, муж ее не пустил. Эта деревенская публика ужасно подозрительна.

Доктор Кеннеди без конца шагал по комнате из угла в угол, потом подошел к телефону и назвал номер дежурного по станции.

— Алло? Говорит доктор Кеннеди. Ко мне в четыре тридцать пять должна была приехать деревенская женщина средних лет. Не известно ли что-нибудь о ней? Может, она спрашивала дорогу ко мне?

Гвенда и Джайлс стояли рядом с доктором и слышали ответ дежурного по станции:

— Не думаю, что кто-то приезжал к вам, доктор. На поезде в четыре тридцать пять чужих не было. Мистер Нарракотс из Медоуса, Джонни Лоус и дочь старика Бенсона. Больше не было никаких пассажиров.

— Значит, она передумала, — сказал доктор Кеннеди. — Ну тогда давайте пить чай. Чайник уже вскипел.

Он вернулся с чайником, и они сели за стол.

— Ну, ничего страшного, — успокоил он молодых супругов. — У нас есть ее адрес. Съездим к ней сами.

Зазвонил телефон, и доктор поспешно вскочил с места.

— Доктор Кеннеди?

— Слушаю.

— Это инспектор Ласт из полицейского участка Лонгфорд. Вы ждали женщину по имени Лили Кимбл, миссис Лили Кимбл, которая должна была посетить вас во второй половине дня?

— Да. А что? Несчастный случай?

— Не совсем. Она мертва. При ней обнаружено ваше письмо. Поэтому я и звоню вам. Сможете ли вы приехать в полицейский участок Лонгфорд как можно скорее?

— Я немедленно выезжаю.

IV

— Ну а теперь давайте выяснять все по порядку, — сказал инспектор Ласт.

Он перевел взгляд с Кеннеди на Джайлса и Гвенду, которые приехали вместе с доктором. Гвенда была очень бледна, руки крепко стиснуты.

— Женщина должна была приехать поездом, который отправляется из Дилмута в четыре часа пять минут и прибывает в Вудлей-Болтон в четыре тридцать пять.

Доктор Кеннеди кивнул.

Инспектор Ласт взглянул на письмо, найденное у женщины.

«Дорогая миссис Кимбл, я буду рад дать вам самый искренний совет с учетом того, что мне известно. Как следует из обратного адреса на конверте, я не живу более в Дилмуте. Если вы на станции Кумбелей сядете на поезд, отправляющийся в 3.30, и в Дилмуте пересядете на поезд, идущий в Лонсбери-Бей, то от станции Вудлей-Болтон до моего дома всего пять минут ходьбы.

Выйдя со станции, идите по дорожке налево, а потом сверните в первую улицу направо. Мой дом в конце улицы справа. На воротах табличка, где значится мое имя.

С почтением,

Джеймс Кеннеди».

— А что, если она выехала раньше, другим поездом?

— Другим поездом? — Доктор Кеннеди выглядел удивленным.

— Именно так она и поступила. Выехала со станции Кумбелей не в три тридцать, а в час тридцать, сделала пересадку в Дилмуте в два часа пять минут и вышла из поезда не в Вудлей-Болтон, а в Мэтчингс-Холт, на одну остановку раньше.

— Но это очень странно!

— Она была вашей пациенткой, доктор?

— Нет. Я оставил практику несколько лет назад.

— Понимаю. Вы хорошо ее знали?

Кеннеди покачал головой:

— Я не видел ее почти двадцать лет.

— Но вы... э-э... могли бы узнать ее теперь?

Гвенда задрожала, но видеть мертвые тела привычно для доктора, и Кеннеди задумчиво ответил:

— При данных обстоятельствах не знаю, сумею ли я ее узнать. Она, скорее всего, была задушена?

— Да. Труп обнаружили в кустарнике у дороги, ведущей из Мэтчингс-Холт в Вудлей-Кемп. Его обнаружил любитель пеших прогулок из Кемпа примерно без десяти четыре. Медэксперт полиции зафиксировал наступление смерти между двумя часами пятнадцатью минутами и тремя часами. Скорее всего, она была убита вскоре после

того, как покинула станцию. В Мэтчингс-Холт никто, кроме нее, с поезда не сходил.

— Но почему она вышла на станции Мэтчингс-Холт? Перепутала станции?

— Не думаю. Так или иначе, она выехала на два часа раньше назначенного времени и не на том поезде, который значится в вашем письме, письмо находилось при ней. А по какому делу она ехала к вам, доктор?

Доктор Кеннеди достал из кармана письмо Лили.

— Я захватил его с собой. Там же вырезка из местной газеты с объявлением, которое дали мистер и миссис Рид.

Инспектор Ласт прочитал письмо Лили Кимбл и газетную вырезку. Потом перевел взгляд с Кеннеди на Джайлса и Гвенду.

— Могу я узнать, какова подоплека всей этой истории? Как я понимаю, речь идет о событиях...

— Восемнадцатилетней давности, — уточнила Гвенда.

Инспектор Ласт оказался терпеливым слушателем. Он дал возможность высказаться всем троим, ни разу никого не перебив. Кеннеди был сух и придерживался фактов. Гвенда излагала события сумбурно, но весьма образно. Но самым вразумительным был рассказ Джайлса. Он говорил только по существу, менее сдержанно, чем Кеннеди, но более связно, чем Гвенда. Рассказ занял много времени.

Выслушав всех, инспектор Ласт вздохнул и подвел итог:

— Миссис Холидей была сестрой доктора Кеннеди и вашей мачехой, миссис Рид. Она исчезла из дома, в котором вы жили восемнадцать лет назад. Лили Кимбл (в девичестве Эбботт) в то время была служанкой (горничной) в доме. По какой-то причине (по прошествии многих лет) Лили Кимбл склонилась к мысли, что тогда произошло убийство, а в то время считалось, что миссис Холидей сбежала с каким-то мужчиной (имя которого неизвестно). Майор Холидей умер в психиатрической клинике пятнадцать лет назад, будучи по-прежнему уверенным, что это он задушил жену, если, конечно, это не была всего лишь навязчивая идея... — Он выдержал паузу, потом продолжал: — Все это интересные, но не связанные между собой факты. Ключевой вопрос, по моему мнению, — это жива миссис Холидей или нет? Если умерла, то когда? И что было известно

Лили Кимбл?.. Судя по всему, она знала что-то очень важное. Поэтому и лишилась жизни.

Гвенда не выдержала и взорвалась:

— Но никто, кроме нас, не знал о предстоящей встрече!

Инспектор Ласт окинул ее задумчивым взглядом.

— В данном случае, миссис Рид, весьма существенен факт, что она поехала из Дилмута на поезде, отправляющемся в два часа пять минут, а не в четыре часа пять минут. Этому должно быть какое-то объяснение. И еще: она вышла не на станции Вудлей-Болтон, а раньше. Почему? Скорее всего, написав доктору, она послала письмо кому-то еще, назначив встречу в Вудлей-Кемп. Возможно, она решила, что, если эта встреча не принесет ей желаемого результата, она отправится за советом к доктору Кеннеди. Возможно также, у нее были подозрения в отношении какого-то лица и она написала этому лицу, намекая на свою осведомленность и предлагая встретиться.

— Прибегла к шантажу, — уточнил Джайлс.

— Не думаю, что она могла пуститься на открытый шантаж, — возразил инспектор Ласт. — Она была жадной и надеялась извлечь из этой истории хоть какую-нибудь выгоду. И не задумывалась над тем, к чему все это может привести. Но посмотрим. Может быть, ее муж скажет нам побольше.

V

— Предупреждал же ее, — горестно сказал мистер Кимбл, — не связывайся с этим — такие были мои слова. Отправилась тайком — вот что она сделала. Решила, что лучше знает, как надо поступать. Вот такая она была, Лили. Смышленная, да только не очень.

Как оказалось, мистер Кимбл мало что мог сообщить.

Лили уже работала служанкой в «Сан-Кэтрин», когда они познакомились и он начал за ней ухаживать. Она была помешана на кино и говорила, что, вполне возможно, в доме, где она жила, произошло убийство.

— Я не обращал на это внимания, совсем не обращал. Думал, все это выдумки. Ей мало было простых фактов. Она долго толковала мне про всякий вздор, про хозяина, который вроде бы убил хозяйку и,

может быть, спрятал тело в подвале, и про французскую девушку, которая будто бы выглянула из окна и что-то или кого-то там увидела... «Не обращай внимания на иностранцев, моя девочка, — говорил я ей. — Они все лгуны. Не то что мы». И когда она начала крутиться вокруг этого дела, я не слушал, потому что, заметьте, она умела раздуть дело из ничего. Любила читать о преступлениях. Читала «Санди ньюс», где писали о знаменитых убийцах. Очень увлекалась всем этим, и если ей нравилось думать, что в доме, где она работала, произошло убийство, ну и пусть, ведь от этого никому не было вреда. Но когда она решила отозваться на то объявление, я ей сказал: «Оставь это дело в покое, ни к чему нарываться на неприятности». И если бы она послушалась меня, то была бы сейчас жива. — Он подумал еще немного и заключил: — Да, она была бы сейчас жива. Умная-то умная, да не совсем, эта Лили.

Глава 23

Который из них?

Джайлс и Гвенда не поехали с инспектором к мистеру Кимблу. Они вернулись домой около семи вечера. Гвенда выглядела бледной и совершенно разбитой. Доктор Кеннеди сказал Джайлсу: «Дайте ей немного бренди и заставьте что-нибудь съесть, а потом уложите в постель. У нее нервный шок».

— Это так ужасно, Джайлс, — без конца твердила Гвенда. — Так ужасно. Эта глупая женщина назначила свидание с убийцей и пошла, чтобы быть убитой, словно овца на бойню.

— Ладно, не думай об этом, дорогая. В конце концов, теперь нам известно, что на самом деле существовал убийца.

— Нет, это теперешний убийца. Мы не знаем, что было тогда, восемнадцать лет назад. А в действительности все было не так. Все представляется мне каким-то неправдоподобным...

— Ты всегда была права, Гвенда. И сегодняшнее событие доказывает, что никакой ошибки не было.

Джайлс был счастлив, застав мисс Марпл в «Хиллсайде». Она и миссис Коккер хлопотали вокруг Гвенды, которая отказалась от бренди, сказав, что оно напоминает ей запах пароходов в проливе Ла-Манш, но согласилась выпить горячего виски с лимоном, а миссис Коккер уговорила ее еще и съесть омлет.

Джайлс намеренно говорил на отвлеченные темы, но мисс Марпл, которую он считал эталоном деликатности, начала обсуждать убийство Лили в присутствии ей спокойной, отчужденной манере.

— То, что случилось, ужасно, моя дорогая. И естественно, вы испытали сильное потрясение, но следует признать, что событие представляет несомненный интерес. Конечно, я так стара, что смерть не шокирует меня так, как вас, молодую; единственное, что меня страшит... это если придется умирать медленно, в муках, скажем, от рака. Но вот что действительно важно: сегодняшнее происшествие доказывает со всей очевидностью, что несчастная Элен Холидей на самом деле была убита. Мы все время подозревали это, а теперь — знаем.

— И следовательно, мы должны знать, где находится тело, — сказал Джайлс. — В подвале, я полагаю.

— Нет, нет, мистер Рид. Помните, Эдит Педжет сказала, что на следующее утро она спустилась в подвал, потому что была обеспокоена словами Лили, но не обнаружила там ничего подозрительного. А следы должны были быть, если бы только кто-нибудь попытался их отыскать.

— Так что же произошло с трупом? Отвезли в автомобиле и сбросили со скалы в море?

— Нет. А вспомните, моя дорогая, что поразило вас прежде всего, когда вы оказались в этом доме восемнадцать лет спустя, что поразило вас, Гвенда, хочу я спросить? Да то, что из окна гостиной не было видно моря. Там, где, как вы полагали, ступеньки должны вести с веранды вниз, к лужайке, дорожки не было, там были посажены кусты. Да и сами ступеньки были перемещены в конец террасы. Почему бы это?

Гвенда начинала что-то понимать.

— Вы хотите сказать, что именно там...

— Если говорить откровенно, то глупее, чем разместить ступеньки с террасы в дальнем ее конце, ничего не придумаешь. Но в то же время это самое укромное место, его не видно из дома, если не считать одного окна в детской, на первом этаже. Ведь для того, чтобы похоронить тело, надо потревожить землю, а для этого должна быть причина. Именно для этого и было решено перенести ступеньки от входа в гостиную в конец террасы. Я узнала от доктора Кеннеди, что Элен Холидей и ее муж очень любили свой сад и уделяли ему много внимания. Садовник, работавший у них каждый день, едва успевал выполнять их указания, и если, придя утром, он заметил бы, что некоторые плитки уже перенесены в другое место, он подумал бы, что Холидей начали эту работу в его отсутствие. Тело, разумеется, могло быть похоронено в любом месте, но мы можем быть абсолютно уверены, что оно зарыто у дальнего конца террасы, а не перед окном гостиной.

— А почему мы можем быть в этом уверены? — спросила Гвенда.

— Потому что, как написала бедная Лили Кимбл в своем письме, она изменила свое мнение о том, что тело спрятано в подвале, узнав, что Лейони кое-что увидела, выглянув в окно. Все становится ясным,

не так ли? Швейцарская девушка выглянула ночью из окна детской в сад и увидела, что там роют могилу. А может быть, она увидела и того, кто ее рыл.

— И ничего не сообщила в полицию?

— Моя дорогая, в то время никто не знал, что было совершено преступление. Миссис Холидей убежала с любовником — вот и все, что она могла знать. Да она к тому же, скорее всего, и по-английски говорила плохо. Она упомянула как-то в разговоре с Лили, наверное, не тогда же, а позже, о странной картине, которую наблюдала из окна в ту ночь, и это навело Лили на мысль о возможном преступлении. Но я не сомневаюсь, что Эдит Педжет сказала Лили, чтобы она не болтала чепухи, а швейцарская девушка приняла ее точку зрения и к тому же определенно не желала связываться с полицией. Иностранцы, находясь в чужой стране, очень боятся полиции. Она вернулась к себе в Швейцарию и, скорее всего, никогда больше не вспоминала об этом.

— Вот если бы она была жива сейчас... если бы отыскать ее... — мечтательно произнес Джайлс.

Мисс Марпл кивнула ему в ответ:

— А почему бы и нет?

— А как это можно сделать? — живо спросил он.

— Полиция справится с этим лучше вас.

— Инспектор Ласт приедет сюда завтра утром.

— Думаю, следует сказать ему о предполагаемом месте захоронения трупа.

— И о том, что я видела, или думаю, что видела, тогда в холле? — взволнованно спросила Гвенда.

— Да, дорогая. Вы очень разумно поступили, никому не рассказав об этом до сих пор. Очень разумно. Но, думаю, теперь пришло время это сделать.

Джайлс принялся размышлять вслух:

— Она была задушена в холле, а потом убийца отнес ее наверх и положил на кровать. Келвин Холидей пришел, выпил виски, в которое было что-то подмешано, и поднялся по лестнице в спальню. Увидев тело жены, он подумал, что это он убил ее. А убийца тем временем наблюдал за ним, прячась где-то поблизости. Когда Келвин отправился к доктору Кеннеди, убийца отнес тело в сад и, видимо, спрятал в

кустах, а когда все в доме стихло, выкопал могилу и захоронил тело. Значит, он должен был крутиться возле дома всю ночь?

Мисс Марпл кивнула.

— Он должен был присутствовать там, на месте. Я помню, вы сказали, что это важно. Нам предстоит определить, кто из троих подозреваемых отвечает этому условию. Начнем с Эрскина. Он совершенно точно находился там, на месте. По его собственному признанию, он провожал Элен Кеннеди и примерно в девять часов попрощался с ней. Но действительно ли он попрощался с ней? А если вместо этого он задушил ее?

— Но ведь между ними все было кончено! — воскликнула Гвенда. — Задолго до этого. Он сам сказал, что почти не встречался с Элен наедине.

— Разве ты не понимаешь, Гвенда, сейчас мы не должны полагаться на чьи-то заявления, — заметил Джайлс.

— Я счастлива слышать от вас эти слова, — обрадовалась мисс Марпл. — Признаюсь, я была несколько обескуражена тем, с какой готовностью вы оба принимали за чистую монету все, что вам говорят. Боюсь, что я очень недоверчива по натуре, особенно когда речь идет об убийстве. Я исповедую принцип не верить тому, что мне говорят, пока сама все не проверю. Например, кажется совершенно достоверным заявление Лили Кимбл о том, что вещи, упакованные в чемодан и увезенные, наверняка не были отобраны самой Элен Холидей, потому что сообщила нам об этом не только Эдит Педжет, узнавшая это от Лили, но и сама Лили упомянула об этом в письме к доктору Кеннеди. Вот это и есть факт. Доктор Кеннеди сообщил нам, будто Келвин Холидей знал, что жена тайно отравляет его наркотиками, и Келвин Холидей в дневнике подтверждает это — и это еще один факт, и довольно любопытный, как вы думаете? Но сейчас мы не станем углубляться в эту проблему.

Джайлс пытливо взглянул на мисс Марпл.

— Но я позволю себе заметить: большинство из ваших посылок основываются именно на том, что вам рассказывают. Когда рассказы кажутся вам правдоподобными.

Гвенда, уже порозовевшая, потягивала кофе.

— Давайте проверим, — продолжал Джайлс, — что нам сказали эти трое. Начнем с Эрскина. Он сказал...

— Оставь Эрскина, — прервала его Гвенда. — Мы просто потеряем время, потому что с ним все ясно. Он не мог убить Лили Кимбл.

Джайлс оставил замечание Гвенды без внимания.

— Он сказал, что познакомился с Элен на пароходе по пути в Индию и что они влюбились друг в друга. Но он не смог заставить себя бросить жену и детей, и они решили расстаться. А если предположить, что все было не совсем так? Предположим, что он отчаянно влюбился в Элен и что это она не захотела уйти с ним. Предположим, он грозился убить ее, если она выйдет замуж за другого.

— Самое невероятное предположение! — воскликнула Гвенда.

— Такие вещи случаются. Вспомни, что ты подслушала, когда вернулась за кольцом. Ты все объясняешь ревностью, это могло быть правдой. Может быть, ей с ним было ужасно трудно, когда дело касалось женщин. Возможно, он в какой-то степени сексуальный маньяк.

— Я не могу в это поверить.

— Не можешь, потому что он привлекателен для женщин. Я же считаю, что в Эрскине есть что-то странное. Но так или иначе, выслушайте мои доводы против него. Элен разорвала помолвку с Фейном, вернулась домой, вышла за твоего отца и поселилась в этом доме. И вдруг появляется Эрскин. Он приезжает сюда с женой, якобы на отдых. Странно, не правда ли? Он признался, что приезжал сюда, чтобы повидаться с Элен. Теперь предположим, что именно с Эрскином в тот день в гостиной разговаривала Элен, и Лили случайно подслушала, что говорила Элен. А говорила она: «Я вас боюсь... Я всегда боялась вас... Мне кажется, вы сумасшедший».

И потому, что она боялась, она строила планы поселиться в Норфолке, но всячески скрывала это. Никто не должен был знать об этом. Никто не должен был знать, пока чета Эрскинов не уехала из Дилмута. До сих пор все совпадает. Теперь мы подходим к той роковой ночи. Что Холидеи делали в тот вечер, мы не знаем...

Мисс Марпл кашлянула, желая привлечь к себе внимание:

— Признаться, я еще раз виделась с Эдит Педжет. Она вспомнила, что в тот вечер у них был ранний ужин, в семь часов, потому что майор Холидей должен был куда-то идти, то ли в гольф-клуб, то ли на

приходское собрание, она не помнит. После ужина миссис Холидей тоже ушла.

— Правильно. Элен предстояло свидание с Эрскином, вероятно, на пляже. На следующий день он уезжал. Но, может быть, передумал. Или стал уговаривать Элен уехать с ним. Она вернулась домой вместе с ним. Возможно, в припадке бешенства он и задушил ее. Дальнейшие события мы уже смоделировали. Ночью Эрскин захоронил тело. Помните, он сказал Гвенде, что вернулся в отель поздно вечером, потому что бродил по Дилмуту.

— Неясно только одно, — сказала мисс Марпл. — Что делала в это время его жена?

— Может быть, маялась ревностью, — сказала Гвенда. — И устроила ему скандал, когда он вернулся.

— Таким мне представляется ход событий, — закончил Джайлс. — И он вполне реален.

— Но он не мог убить Лили Кимбл, — возразила Гвенда, — потому что живет в Нортумберленде. Так что не будем впустую тратить время. Давайте поговорим об Уолтере Фейне.

— Хорошо. Уолтер Фейн — весьма уравновешенный тип. Он кажется добрым, мягким и покладистым. Но мисс Марпл подметила одну черту его характера. Уолтер Фейн однажды вошел в такой раж, что чуть не убил своего брата. Правда, это было в детстве, но это-то и настораживает, потому что он всегда слыл мягким, уступчивым человеком. Так или иначе, Уолтер Фейн влюбился в Элен Холидей. И не просто влюбился, а был без ума от нее. Она не отвечала ему взаимностью, и он уехал в Индию. Позже она пишет ему, что готова выйти за него замуж, и отправляется к нему в Индию. Но тут Фейна постигает второй удар. Она разрывает помолвку, так как «встретила кого-то на пароходе». Она возвращается домой и выходит замуж за Келвина Холидея. Возможно, Уолтер Фейн думает, что Келвин Холидей и есть тот человек, из-за которого Элен отвергла его. Гонимый дикой ревностью и ненавистью, Фейн возвращается домой. Ведет себя дружелюбно, как человек, все простивший, часто бывает у них в доме на правах преданного друга. Но, очевидно, Элен поняла, что под внешним дружелюбием творится у Фейна в душе. А может, уже давно она почувствовала что-то пугающее во внешне спокойном молодом Уолтере Фейне. Она заявляет ему: «Я всегда боялась тебя». Строит

тайные планы покинуть Дилмут и поселиться в Норфолке. Но почему? Потому что боится Уолтера Фейна. А теперь мы снова подходим к тому роковому вечеру. Здесь мы ощущаем себя не столь уверенно. Мы не знаем, что делал Уолтер Фейн в тот вечер, и я не вижу никакой возможности узнать это. Но он соответствует требованию мисс Марпл «быть на месте», потому что живет в доме, который находится всего в двух-трех минутах ходьбы. Он может сказать, что рано лег спать из-за головной боли, или закрылся в кабинете, чтобы поработать, или еще что-нибудь в этом роде. Он мог проделать все, что, по нашему мнению, проделал убийца, но мне кажется, что он единственный из троих, кто мог ошибиться в выборе вещей, упакованных в чемодан.

— Странно, — сказала Гвенда. — Тогда, у него в офисе, он показался мне похожим на дом с зашторенными окнами... и у меня даже возникло странное ощущение, что в доме находится покойник. — Она посмотрела на мисс Марпл. — Я говорю глупости?

— Нет, дорогая. Думаю, может быть, вы и правы.

— А теперь, — сказала Гвенда, — настал черед Эффлика. Туры Эффлика. Джекки Эффлик, который всегда был слишком умен. Первый довод не в его пользу — мнение доктора Кеннеди о присущей ему мании преследования. А это означает, что он никогда не был вполне нормальным. Он рассказал нам об отношениях Джекки с Элен, но мы знаем теперь, что все это была сплошная ложь. Он относился к ней не как к милому ребенку — он был безумно, неистово в нее влюблен. Но она его не любила. Она просто забавлялась. Она была, по выражению мисс Марпл, женщиной, «помешанной на мужчинах».

— Нет, дорогая. Я этого не говорила. Ничего подобного.

— Ну хорошо, пусть она будет нимфоманкой, если вы предпочитаете такой термин. Так или иначе, у нее была любовная интрижка с Джекки Эффликом, а потом она решила его бросить. А он не хотел, чтобы его бросали. Брат вытащил ее из этой истории, но Джекки Эффлик не простил ему этого. Он лишился работы — по его словам, он был уволен Уолтером Фейном. Это свидетельствует о наличии у него симптома мании преследования.

— Верно, — согласился Джайлс, — но с другой стороны, если это действительно так, то данный факт — серьезное свидетельство против Фейна.

Гвенда продолжала:

— Элен уехала за границу, и он тоже покинул Дилмут, но никогда не забывал ее, и, когда она вернулась в Дилмут уже замужней женщиной, он нанес ей визит. Сначала он сказал, что виделся с ней всего один раз, но позже признался, что больше чем один раз. Джайлс, разве ты не помнишь? Эдит Педжет обронила фразу о «нашем таинственном мужчине в шикарном автомобиле». Если об этом судачили слуги, значит, он приезжал достаточно часто. Но Элен никогда не приглашала его к столу, она не хотела, чтобы он встречался с Келвином. Может быть, она боялась его. А может быть...

Джайлс перебил ее:

— Может быть, это перекрывает обе версии. Предположим, Элен любила его — это была ее первая любовь, — и вполне вероятно, что она продолжала его любить. Возможно, их любовная связь продолжалась и она не хотела, чтобы кто-нибудь об этом узнал. А может быть, он требовал, чтобы она ушла от мужа, но к этому времени он ей надоел, и она не согласилась... и вот... и вот... он убил ее. Лили в письме доктору Кеннеди упомянула о шикарном автомобиле, стоявшем в тот вечер неподалеку. Это был автомобиль Джекки Эффлика. Джекки Эффлик тоже «присутствовал там».

Это всего лишь предположение, — продолжал Джайлс. — Но мне оно кажется резонным. Однако как в эту версию вписываются письма Элен? Я долго ломал голову, пытаюсь понять, под влиянием каких «обстоятельств», как выразилась мисс Марпл, Элен могла написать эти письма. Мне кажется, чтобы узнать, что это за обстоятельства, нам придется предположить, что у Элен на самом деле был любовник и что она рассчитывала убежать с ним. Давайте снова вернемся к нашим трем версиям. Первая — Эрскин. Допустим, что он все еще не был готов оставить жену и разрушить семью, но Элен согласилась бросить Келвина и поселиться где-то, где Эрскин смог бы время от времени ее навещать. В этом случае прежде всего надо было развеять подозрения миссис Эрскин, поэтому Элен пишет пару писем брату, из которых станет ясно, что она уехала с кем-то за границу. В пользу этой версии говорит и то, что в письмах она не назвала имени этого таинственного человека.

— Но если она готова была бросить мужа ради него, зачем ему понадобилось ее убивать? — спросила Гвенда.

— Возможно, она внезапно изменила свое намерение. Решила, что ей лучше остаться с мужем. Тогда он расвирепел и задушил ее. А потом забрал одежду, чемодан и заготовленные Элен письма. Великолепное объяснение, не оставляющее никаких неясностей. Такое толкование событий вполне применимо и по отношению к Уолтеру Фейну. Могу себе представить, насколько губительным мог оказаться такой скандал для провинциального адвоката. Элен могла согласиться уехать куда-нибудь недалеко, где Фейн мог бы ее навещать, а представить дело так, будто она уехала за границу с кем-то еще. Письма были заготовлены, а потом, как вы предположили, она передумала. Уолтер обезумел и убил ее.

— А что насчет Джекки Эффлика?

— В случае с ним труднее найти объяснение заготовленным письмам. Вряд ли он мог опасаться какого-либо скандала. Возможно, Элен боялась не его, а твоего отца и считала, что лучше представить дело так, будто она уехала за границу. Или, может быть, у жены Эффлика имелись деньги, которые он хотел вложить в свое предприятие. О да, здесь может быть много объяснений появлению этих писем.

— А кого вы подозреваете, мисс Марпл? — поинтересовалась Гвенда. — Я все-таки не думаю, что это Уолтер Фейн...

В этот момент вошла миссис Коккер, чтобы убрать кофейные чашки.

— Да, вот еще что, мадам, — сказала она. — Совсем забыла. Все эти дела с бедной убитой женщиной и то, что вы с мистером Ридом заняты расследованием этого дела, совсем некстати для вас, мадам, именно теперь. Мистер Фейн приходил после обеда. Спрашивал вас. Ждал целых полчаса. Похоже, вы договорились о встрече с ним.

— Как странно, — задумчиво проговорила Гвенда. — Когда он приходил?

— Должно быть, в четыре часа или немного позже. А потом, после этого, был другой джентльмен, приезжал в большом желтом автомобиле. Он тоже был уверен, что вы ждете его. Ничего не сказал. Ждал двадцать минут. Я подумала, уж не пригласили ли вы их всех на чай, а потом запамятовали.

— Нет, — сказала Гвенда. — Как странно...

— Давайте позвоним Фейну прямо сейчас, — предложил Джайлс. — Он еще не должен спать.

Он тут же сделал это.

— Алло, это Фейн? Говорит Джайлс Рид. Я слышал, что вы заходили к нам сегодня вечером... Что?.. Нет, нет, я уверен в этом... нет, как странно. Да, я тоже хотел знать.

Он положил телефонную трубку.

— Какая странная вещь. Сегодня утром ему позвонили в контору. И оставили сообщение, что ему следует зайти к нам во второй половине дня. Что это очень важно.

Джайлс и Гвенда переглянулись. Потом Гвенда предложила:

— Позвони Эффлику.

Джайлс отыскал номер Эффлика и позвонил. Это потребовало немного больше времени, но наконец ему ответили на другом конце линии.

— Мистер Эффлик? Говорит Джайлс Рид, я...

Джайлс умолк, видимо заглушенный обрушившимся на него потоком гневных слов.

— Но мы тут ни при чем, — извиняющимся тоном сказал Джайлс. — Уверю вас... ничего подобного. Мне бы никогда не пришло в голову... Да, но постойте, кто вам звонил... мужчина? Нет. Говорю вам, это был не я. Нет... нет, я понимаю. Да, я согласен, это необычайно странно.

Джайлс положил трубку и вернулся к столу.

— Вот в чем дело, — сказал он. — Какой-то мужчина, назвавшийся моим именем, позвонил Эффлику и попросил его приехать. Сказал, что это важно... и связано с крупной суммой денег.

Все трое переглянулись.

— Это мог быть любой из них, — сказала Гвенда. — Ты понимаешь, Джайлс? Любой из них мог убить Лили и приехать сюда, чтобы заручиться алиби.

— Едва ли их интересовало алиби, дорогая, — возразила мисс Марпл.

— Я не имею в виду подлинное алиби, а просто чтобы оправдать свое отсутствие в офисе. Я хочу сказать, что один из них говорит правду, а второй лжет. Один из них позвонил другому и попросил его приехать сюда... чтобы на него пало подозрение, но мы не знаем, кто

именно из них двоих звонил. И нам предстоит это решить. Я считаю, что Джекки Эффлик. Я говорю: Джекки Эффлик.

— А я думаю, что Уолтер Фейн, — сказал Джайлс. Они оба взглянули на мисс Марпл.

Та покачала головой, говоря:

— Возможен и третий вариант.

— Конечно. Это Эрскин! — воскликнул Джайлс и бросился к телефону.

— Что ты собираешься делать? — спросила Гвенда.

— Звонить по междугородному в Нортумберленд.

— О, Джайлс, неужели ты и в самом деле думаешь...

— Сейчас узнаем. Если он там, то станет ясно: он не мог убить Лили Кимбл сегодня во второй половине дня. У него нет личного самолета или чего-нибудь в этом роде.

В напряженном молчании все трое ждали, когда зазвонит телефон.

Наконец раздался звонок, и Джайлс поднял трубку.

— Вы заказывали разговор с Эрскином. Говорите, пожалуйста. Майор Эрскин на проводе.

Джайлс нервно прочистил горло.

— Эр... Эрскин? Говорит Джайлс Рид... Рид, да.

Он бросил испуганный взгляд на Гвенду, как бы спрашивая: «Что же, черт побери, мне сказать ему?» Гвенда проворно встала и взяла у мужа трубку.

— Майор Эрскин? Говорит миссис Рид. Мы узнали о доме... «Линскотт-Брейк». Это... это... вам что-нибудь известно о нем? Я полагаю, это где-то недалеко от вас.

— «Линскотт-Брейк»? — уточнил Эрскин. — Нет, кажется, никогда не слышал о таком. А какой указан почтовый адрес?

— Здесь напечатано очень неразборчиво, — ответила Гвенда. — Вы же знаете, эти ужасные, рассылаемые агентами объявления, напечатанные на машинке. Но это примерно в пятнадцати милях от Дейта, и мы подумали...

— Мне очень жаль. Я не слыхал о таком. А кто там живет?

— О, дом пустует. Но не беспокойтесь, мы уже почти обосновались в своем нынешнем доме. Мне так неудобно, что я потревожила вас и оторвала от дел.

— Нет, нет, все в порядке. Я занимался домашними делами. Жена уехала, а кухарка отлучилась к своей матери. Поэтому мне пришлось погрузиться в домашнюю рутину. Боюсь, я не преуспею в этом. Куда привычнее мне было бы поработать в саду.

— Мне тоже больше по душе работа в саду, нежели хлопоты по дому. Надеюсь, ваша жена здорова?

— О да. Она поехала к сестре. Вернется завтра.

— Ну, спокойной ночи и извините за то, что потревожила вас.

Она положила трубку.

— Эрскин отпадает, — с триумфом заявила она. — Его жена в отъезде, и он занимается домашними делами. Значит, остаются двое других, не так ли, мисс Марпл?

Мисс Марпл выглядела мрачной.

— Мне не кажется, мои дорогие, — сказала она, — что вы дали себе труд как следует все продумать. О боже, я и впрямь очень обеспокоена. Если бы только я знала, что надо делать...

Глава 24

Обезьяньи лапы

I

Подперев руками подбородок, Гвенда бесстрастно взирала на остатки торопливого ленча. Скоро ей придется убрать со стола, вымыть посуду и подумать об ужине.

Но она не станет спешить. Ей нужно время, чтобы привести в порядок свои мысли. Слишком стремительно развивались события.

Когда она прокручивала их в памяти, они казались ей хаотичными и просто невысказанными. Все произошло очень быстро и просто неправдоподобно.

Инспектор Ласт появился рано — в половине десятого. С ним приехали детектив, инспектор Праймер из главного управления, и главный констебль графства. Последний задержался ненадолго. Инспектору Праймеру было поручено расследование убийства Лили Кимбл и всех сопутствующих ему обстоятельств.

Инспектор Праймер, мужчина с обманчиво мягким характером, вкрадчивым голосом спросил, не причинит ли он ей излишнего неудобства, если его люди немного покопают в саду.

Сказано это было так, будто его люди займутся раскопками ради физической разминки, а не ради поисков мертвого тела, захороненного восемнадцать лет назад.

Джайлс вмешался в разговор, сказав:

— Думаю, вам могут оказаться полезными наши предположения. — И он рассказал инспектору о переносе ступенек, после чего препроводил его на террасу.

Инспектор взглянул на забранное решеткой окно угловой комнаты на первом этаже и высказал предположение, что там была детская. Джайлс подтвердил это.

Потом инспектор и Джайлс вернулись в дом, а двое людей с лопатами спустились в сад, и Джайлс, прежде чем инспектор успел задать вопрос, сказал:

— Думаю, инспектор, вам было бы полезно выслушать то, чего моя жена не говорила ни одному человеку, кроме меня и... э-э... еще одной персоны.

Доброжелательный и вместе с тем испытующий взгляд инспектора Праймера обратился на Гвенду. Ей показалось, что инспектор задается вопросом: «Можно ли полагаться на суждения этой женщины или она из числа фантазерок?» Поэтому начала она с оговорки:

— Возможно, мне это только показалось. Вполне возможно. Но мне представляется все абсолютно правдоподобным.

— Хорошо, миссис Рид, давайте послушаем, — подбадривающим тоном сказал он.

И Гвенда рассказала. Как дом показался ей знакомым, когда она впервые переступила его порог. Как она постепенно убеждалась, что на самом деле жила здесь, будучи ребенком. Как она вспомнила обои в детской, и дверь, ведущую из гостиной в столовую, и то, где пролежала прежде дорожка от террасы к лужайке.

Инспектор Праймер кивнул. Он не сказал, что детские воспоминания Гвенды не особенно интересны ему, но Гвенда опасалась, что он думает именно так.

А потом она с трудом заставила себя перейти к заключительной части рассказа. Как, сидя в театре, она вдруг вспомнила: стоя наверху, она увидела сквозь стойки перил лежащую в холле мертвую женщину.

— С синим лицом, задушенную. С золотистыми волосами... И это была Элен, но, как ни странно, я не знала, кто такая была Элен.

— Мы думаем, что... — начал было Джайлс, но инспектор Праймер предостерегающе поднял руку.

— Пожалуйста, позвольте миссис Рид самой рассказать обо всем.

И Гвенда взволнованно, запинаясь, продолжала свой рассказ, а инспектор Праймер умело направлял его в нужное русло, прекрасно понимая, как важно ее свидетельство.

— Уэбстер? — задумчиво произнес он. — Хм, «Герцогиня Мальфи»? Обезьяньи лапы?

— Но это мог быть страшный сон, — вмешался Джайлс.

— Прошу вас, мистер Рид!

— Да, это, скорее всего, был ночной кошмар, — сказала Гвенда.

— Нет, я так не думаю, — возразил инспектор Праймер. — Очень трудно объяснить смерть Лили Кимбл, если не предположить, что в этом доме было совершено убийство женщины.

Слова инспектора звучали так убедительно и даже успокаивающе, что Гвенда поспешила сказать:

— Но только убил ее не мой отец. Он не мог, правда? Даже доктор Пенроуз считает, что отец — не тот человек, который способен убить кого-то. И доктор Кеннеди совершенно уверен, что он не убивал, а только думал, что убил. Вы же видите, есть некто, желавший представить дело так, будто убийца — мой отец, и нам кажется, мы знаем, кто этот некто, вернее, знаем, что это один из двух...

— Гвенда, — перебил ее Джайлс. — Мы не можем с уверенностью...

— Мистер Рид, — сказал инспектор, — не спуститесь ли вы в сад взглянуть, как продвигается работа у моих людей? Если не возражаете, конечно. Скажите им, что я послал вас.

Он закрыл за Джайлсом балконную дверь, запер ее и возвратился к Гвенде.

— Ну а теперь расскажите мне, миссис Рид, о ваших предположениях. Ничего, если они будут не вполне убедительными.

И Гвенда рассказала обо всех предположениях — своих и Джайлса, о логических доводах, о шагах, которые они предпринимали, чтобы разузнать все, что только возможно, о том, какое место эти трое мужчин могли занимать в жизни Элен Холидей, и к каким выводам они в конечном счете пришли. Не забыла она упомянуть и о том, как Уолтер Фейн и Д. Д. Эффлик были кем-то от их имени приглашены по телефону в «Хиллсайд» накануне вечером.

— Вам не кажется, инспектор, что один из них говорит неправду? — спросила Гвенда.

Инспектор ответил усталым голосом:

— Это одна из главных трудностей в моей работе. Многие люди способны лгать. И лгут... Хотя не всегда по той причине, о которой вы думаете. А некоторые люди даже и не догадываются, что они лгут.

— И вы думаете, что я из их числа? — с опаской спросила Гвенда.

— Я думаю, что вы — очень правдивый свидетель, миссис Рид, — ответил инспектор с улыбкой.

— И вы думаете, что я права насчет того, кто убил ее?

— В своей работе мы не можем полагаться на домыслы. Мы обязаны все тщательно проверить: где и кто находился в момент преступления, выслушать их показания, сопоставить с нашими данными и так далее. Мы с точностью до десяти минут знаем, когда была убита Лили Кимбл. Между двумя часами двадцатью минутами и двумя часами сорока пятью минутами. Любой человек мог убить ее и явиться сюда вчера во второй половине дня. Лично я не вижу никакого смысла в этих телефонных вызовах. Это не дает ни одному из двоих названных вами лиц алиби на время, когда было совершено убийство.

— Но ведь вы будете выяснять, что они делали в то самое время? Между двумя двадцатью и двумя сорока пятью? Вы же спросите их об этом.

Инспектор Праймер улыбнулся:

— Мы зададим все необходимые вопросы, миссис Рид, можете быть уверены в этом. Все в свое время. Спешка в таких делах ни к чему. Необходимо прежде всего правильно определить стратегию.

Гвенда вдруг поняла, что это кропотливая, рутинная работа. Тщательная, самоотверженная...

— Понимаю... да, — сказала Гвенда. — Вы — профессионал. А мы с Джайлсом просто любители. У нас может возникнуть счастливая догадка, но мы не будем знать, что делать дальше.

— Да, примерно так, миссис Рид.

Инспектор снова улыбнулся. Он подошел к балконной двери и, распахнув ее, собрался было выйти наружу, но вдруг замер на месте. Прямо как охотничья собака, сделавшая стойку, подумала Гвенда.

— Извините меня, миссис Рид. Вот та леди не мисс ли Джейн Марпл?

Гвенда подошла к нему. Там, в саду, мисс Марпл опять вела изнурительную войну с вьюнками.

— Да, это мисс Марпл. Она самоотверженно помогает нам, работая в саду.

— Мисс Марпл, — повторил инспектор. — Я вижу.

И когда Гвенда вопросительно взглянула на него и сказала: «Она такая милая», он ответил:

— Весьма знаменитая леди эта мисс Марпл. Заткнула за пояс главных констеблей по меньшей мере трех графств. До моего

начальника она пока не добралась, но это всего лишь вопрос времени. Выходит, она тоже приложила руку к этому делу.

— Она высказала уйму полезных предложений, — сказала Гвенда.

— Не сомневаюсь, — ответил инспектор. — А не высказывала она предположений, где следует искать труп Элен Холидей?

— Она сказала, что мы с Джайлсом должны прекрасно знать, где искать, — ответила Гвенда. — И что было очень глупо с нашей стороны не подумать об этом раньше.

Инспектор весело усмехнулся и направился к мисс Марпл.

— Кажется, мы не были представлены друг другу, мисс Марпл. Но вас мне показал однажды полковник Мелроуз.

— О да. Милейший полковник Мелроуз. Он был всегда необычайно любезен. Еще с той поры...

— Еще с той поры, когда застрелили церковного старосту в кабинете vicar. Как давно это было. Но у вас с тех пор были и другие успехи. Например, дело с отравлением в Лимстоке.

— Кажется, вы много обо мне знаете, инспектор...

— Мое имя Праймер. А вы здесь основательно заняты, как я посмотрю.

— Да, я делаю, что могу, в саду. Он очень запущен. Вот эти вьюнки, например, они такие противные. Их корни, — продолжала мисс Марпл, многозначительно глядя на инспектора, — они так глубоко уходят в землю. И разрастаются там во все стороны.

— Думаю, вы совершенно правы, — согласился инспектор. — И успели прорасти очень глубоко за это время... я имею в виду убийство. Имевшее место восемнадцать лет назад.

— А может быть, они росли здесь и прежде, — сказала мисс Марпл. — Как ужасно лишать жизни эти хорошенькие цветы...

Один из полицейских констеблей, весь в испарине, направлялся к ним по дорожке. Лоб у него был вымазан землей.

— Мы наткнулись на что-то, сэр, — доложил он. — Похоже, что это труп и есть.

Вот так, вспоминала Гвенда, начался этот день кошмаров. Вошел Джайлс, бледный, и сообщил:

— Это... она, все так, Гвенда.

Потом один из констеблей позвонил по телефону, и вскоре приехал медэксперт полиции, низкорослый, суетливый человек.

И в этот момент миссис Коккер, спокойная и невозмутимая миссис Коккер, вышла в сад, ведомая отнюдь не отвратительным любопытством, как можно было бы подумать, а единственно желанием сорвать какие-то съедобные растения, которые потребовались ей, чтобы приготовить блюда к ленчу. И миссис Коккер, чья реакция на новости об убийстве в тот день сводилась к резкому порицанию и тревоге о том, как это отразится на здоровье Гвенды (потому что у миссис Коккер возникла догадка, что детская комната наверху скоро, после должного количества месяцев, будет занята), увидела это ужасное зрелище и немедленно пришла в жалкое состояние.

— Так ужасно, мадам. Кости всегда вызывали у меня отвращение. Любые кости, не говоря уж о скелете. Здесь, в саду, рядом с мятой и другими съедобными растениями! У меня так забилося сердце... Меня колотит дрожь, и я едва перевожу дыхание. Что, если я наберусь смелости и попрошу у вас глоточек бренди...

Испуганная состоянием миссис Коккер и бледностью ее лица, Гвенда кинулась к буфету, плеснула в бокал немного бренди и дала выпить миссис Коккер.

Миссис Коккер успела только сказать: «Вот что мне требовалось, мадам...» — и тут неожиданно умолкла и лишилась чувств. Гвенда закричала, призывая на помощь Джайлса.

— На счастье, я оказался поблизости, — говорил потом врач. — Она была на волосок от смерти. Не окажись меня здесь в этот момент, женщина неминуемо умерла бы.

Инспектор Праймер забрал графин с бренди, и, разглядывая его, они с доктором совещались о чем-то. Инспектор Праймер спросил Гвенду, когда они с Джайлсом в последний раз пили из этого графина.

По словам Гвенды, в последние несколько дней не пили. Они были в отъезде, на севере, и в последние несколько дней пили джин, а не бренди.

— Но вчера я чуть не выпила бренди, — вспомнила Гвенда. — И только потому, что его запах напоминает мне о пароходах в проливе

Ла-Манш, я попросила Джайлса открыть новую бутылку виски.

— Вам очень повезло, миссис Рид. Если бы вы выпили вчера бренди, то, скорее всего, сегодня вас уже не было бы в живых.

— Джайлс тоже собирался выпить бренди, но в последний момент решил выпить со мной виски.

Гвенда задрожала.

Даже теперь, оставшись одна в доме, когда полиция уехала, а Джайлс ушел; после того как они наскоро перекусили консервами, поскольку миссис Коккер увезли в больницу, Гвенда не могла поверить в реальность того, что происходило здесь утром.

Одно было совершенно ясно: вчера в доме побывали Джекки Эффлик и Уолтер Фейн. Каждый из них мог добавить яд в бренди, а смысл телефонных звонков состоял в том, чтобы дать возможность одному из них подсыпать в графин отраву. Гвенда и Джайлс слишком близко придвинулись к правде. Или был третий человек, который проник снаружи, скажем, через открытое окно столовой, пока она и Джайлс сидели в доме доктора Кеннеди, ожидая, когда Лили Кимбл явится на назначенную встречу? Третье лицо, которое организовало эти телефонные звонки, чтобы бросить подозрение на тех двоих?

Но предположение о третьем лице, подумала Гвенда, лишено смысла. Потому что это третье лицо должно было звонить только одному из тех двоих. Третье лицо должно было рассчитывать на одного подозреваемого, а не на двух. И как бы то ни было, кто мог стать этим третьим лицом? Эрскин определенно был в Нортумберленде. А если Уолтер Фейн позвонил Эффлику, а потом притворился, что ему тоже звонили? Или Эффлик позвонил Фейну и сделал вид, что и сам получил вызов? Один из этих двоих, и полиции, у которой больше опыта и возможностей, предстоит узнать — который? А пока за каждым из них будут наблюдать. Они не смогут... попробовать еще раз.

Гвенда снова поежилась. Как неприятно ощущать, что кто-то стремится тебя убить. «Это опасно», — сказала мисс Марпл им еще тогда.

Но они с Джайлсом не приняли всерьез ее предостережение. Даже после убийства Лили Кимбл ей не пришло в голову, что кто-то попытается убить ее и Джайлса. И только потому, что они с Джайлсом слишком близко подошли к правде о том, что произошло восемнадцать

лет назад! Начали раскапывать, что произошло тогда и как это стало возможно.

Уолтер Фейн и Джек Эффлик...

Который из них?

Гвенда закрыла глаза, как бы рассматривая их снова, в свете новых событий. Смиренный Уолтер Фейн, сидящий в своем офисе, бледный паук в центре своей паутины. Такой смиренный, такой безобидный на вид. Как дом с зашторенными окнами. И покойник, скончавшийся восемнадцать лет назад, все еще находится в доме. Каким зловещим представлялся ей теперь Уолтер Фейн! Уолтер Фейн, который когда-то чуть не убил своего брата. Уолтер Фейн, с которым Элен дважды разрывала помолвку, сначала здесь, а потом в Индии. Дважды отвергла его. Дважды он пережил унижение. Уолтер Фейн, такой смиренный, такой бесстрастный, который мог выразить себя только в жестоком насилии... как, кстати, однажды сделала тихая Лиззи Борден...

Гвенда открыла глаза. Ведь она убедила себя, не так ли, что Уолтер Фейн и есть убийца? Но, может быть, следует подозревать Эффлика? На сей раз она не стала закрывать глаза.

Его кричащий клетчатый костюм, властный характер — прямая противоположность сдержанному, тихому Уолтеру Фейну. Но, скорее всего, таким образом Эффлик компенсировал свойственный ему комплекс неполноценности. Именно так, по мнению психологов, проявляется этот комплекс. Если человек не уверен в себе, то должен хвастать, самоутверждаться и демонстрировать властность. Элен отвергла его, посчитав неподходящим. Рана не заживала, постоянно напоминая о себе. Он полон решимости выйти в люди. Но терпит неудачу. Все против него. Его увольняют из фирмы по ложному навету «врага». Все это, конечно, свидетельство того, что Эффлик не вполне нормален. И какое ощущение власти испытывает такой человек, совершая убийство! Его добродушное, живое лицо на самом деле было жестким. Он — жестокий человек... и его тощая бледная жена знает это и боится его. Лили Кимбл была опасна для него и поэтому должна была умереть. Гвенда и Джайлс вмешались в его дела, значит, Гвенда и Джайлс должны умереть тоже, и он сделает так, чтобы подозрение пало на Уолтера Фейна, который когда-то его уволил.

Гвенда встряхнула головой, прогоняя прочь свои видения и возвращаясь к реальной жизни. Скоро вернется Джайлс и захочет выпить чаю. Надо вымыть посуду.

Она взяла поднос с посудой и направилась в кухню. Там царил идеальный порядок. Миссис Коккер была истинным сокровищем.

Рядом с раковиной лежали резиновые перчатки. Миссис Коккер всегда в них мыла посуду. Ее племянница, работавшая в больнице, приобретала их для нее по дешевке.

Гвенда надела перчатки и начала мыть посуду.

Она вымыла тарелки и поставила их на стеллаж, вымыла и вытерла ножи и вилки и все аккуратно разложила по местам.

Потом, по-прежнему занятая своими мыслями, поднялась наверх. Надо бы, подумала она, выстирать чулки и пару джемперов. Перчатки все еще были на ней. Сейчас она думала о предстоящей стирке, но где-то на уровне подсознания ее не покидала тревога и сомнения.

Уолтер Фейн или Джекки Эффлик, сказала она себе. Один из них. У нее было достаточно убедительных доводов, чтобы считать виновным как одного, так и другого. Возможно, именно это и не давало ей покоя. Строго говоря, было бы лучше иметь неоспоримые свидетельства виновности одного из них. Сейчас же она была в затруднении.

Если только существовал кто-то еще... Но это невозможно. Ричард Эрскин отпадает. Ричард Эрскин находился в Нортумберленде, когда убили Лили Кимбл и подсыпали отраву в графин. Да, Ричард Эрскин должен быть исключен из числа подозреваемых лиц. И Гвенда радовалась этому, потому что Ричард Эрскин понравился ей. Ричард Эрскин был привлекательным, весьма привлекательным мужчиной. Жаль, что он женился на этом чудовище с недобрый подозрительным взглядом и низким басовитым голосом... Как у мужчины...

И вдруг ее пронзила мысль, заронив в душу дурное предчувствие.

Мужской голос... А может, это миссис Эрскин отвечала вчера вечером на звонок Джайлса, а вовсе не ее муж?

Нет... нет, не может быть! Она и Джайлс узнали бы ее. Начать с того, что миссис Эрскин не могла знать, кто это звонит. Нет, конечно, подошел к телефону Эрскин, а его жена, как он сказал, уехала.

Его жена уехала...

Нет... нет, это невозможно... Могла ли это быть миссис Эрскин? Миссис Эрскин, помрачившаяся умом от ревности? Миссис Эрскин, которой писала Лили Кимбл? А может быть, Лейони видела той ночью в саду женщину?

Вдруг внизу хлопнула дверь. Кто-то вошел в холл.

Гвенда вышла из ванной и, склонившись над перилами, посмотрела вниз. Она с облегчением перевела дух при виде доктора Кеннеди.

— Я здесь! — крикнула она, помахав руками.

Ее мокрые, блестящие, странного розовато-серого цвета руки... напомнили ей что-то.

Кеннеди посмотрел вверх, прикрывая глаза рукой.

— Это вы, Гвенни? Я не вижу вашего лица. Мне слепит глаза...

И вдруг Гвенда вскрикнула... Глядя на эти гладкие обезьяньи лапы и слыша этот голос в холле...

— Так это вы... — выдохнула она... — Вы убили ее... убили Элен... Теперь я знаю. Это были вы... все время... вы...

Он начал подниматься по ступенькам. Медленно. Не спуская с нее глаз.

— Почему вы не можете оставить меня в покое? — спросил он. — Зачем вам понадобилось вмешиваться? Зачем вам понадобилось возвращать... ее... из небытия? Я только-только начал забывать... забывать. Вы вернули ее... Элен... мою Элен. Снова вернули. Мне пришлось убить Лили, а теперь я вынужден убить вас. Так же, как убил Элен. Да, так же, как я убил Элен...

Он был уже совсем близко к ней, и его руки тянулись к ее шее. Это приятное, добродушное лицо... это добродушное лицо осталось прежним, только глаза, глаза были безумными...

Гвенда медленно отступала по мере его приближения. Крик застрял у нее в горле. Она уже крикнула раз. И больше кричать не может. Но если даже и закричит, все равно ее никто не услышит. Потому что в доме никого нет — ни Джайлса, ни миссис Коккер, ни даже мисс Марпл в саду. Никого. А соседний дом слишком далеко, чтобы там услышали ее крик. И все равно она пыталась кричать, но не могла... Потому что была парализована страхом... этими тянущимися к ней ужасными руками...

Сейчас она упрется спиной в дверь детской, и тогда... тогда эти руки сомкнутся у нее на шее...

С ее губ сорвался жалкий и приглушенный стон.

И вдруг доктор Кеннеди остановился и отпрянул назад, когда сильная струя мыльной воды ударила ему между глаз. Он задохнулся, заморгал и закрыл лицо ладонями.

— Какое счастье, — сказала мисс Марпл, с трудом переводя дыхание, потому что ей пришлось быстро подняться по черной лестнице, — что как раз в это время я выводила тлю на ваших розах.

Глава 25

Эпилог в Торки

— Конечно, дорогая Гвенда, я никогда и не помышляла о том, чтобы уйти и оставить вас одну в доме, — сказала мисс Марпл. — Я знала, что это очень опасная личность, и в тот день тайком наблюдала за ним из сада.

— И вы знали... что это он... все время? — спросила Гвенда.

Мисс Марпл, Гвенда и Джайлс сидели втроем на террасе отеля «Империял» в Торки.

«Надо сменить декорации», — посоветовала мисс Марпл, и Джайлс согласился, что это будет самое лучшее для Гвенды. Инспектор Праймер тоже был с этим согласен, и они немедленно уехали в Торки.

Отвечая на вопрос Гвенды, мисс Марпл сказала:

— Ну, я заметила кое-какие симптомы, моя дорогая. Хотя не было никаких фактов и тем более доказательств. Только симптомы, ничего больше.

Глядя на нее с любопытством, Джайлс сказал:

— Но я не замечал никаких симптомов.

— Ну что вы, Джайлс, подумайте. Начать с того, что он присутствовал *на месте*.

— Присутствовал?

— Да, конечно. Когда Келвин Холидей пришел к нему в ту ночь, он только что вернулся домой из больницы. А больница в те времена, как нам говорили многие люди, была буквально рядом с «Хиллсайдом» или, как его тогда называли, «Сан-Кэтрин». Так вот, как видите, он оказался в нужном месте и в нужное время. А потом были еще сто и один маленький, но существенный факт. Элен Холидей сказала Ричарду Эрскину, что она отправилась в Индию, чтобы сочетаться браком с Уолтером Фейном, потому что не была счастлива дома. Хотя ее брат, судя по всему, был заботлив и внимателен по отношению к ней. Так почему же она не была счастлива? Мистер Эффлик сказал вам, что «ему было жаль бедное дитя». Я думаю, что он был абсолютно правдив, когда говорил это. Он жалел ее. Почему ей

приходилось встречаться с молодым Эффликом тайно? Пусть даже она не была страшно влюблена в него. Почему же она не могла встречаться с молодыми людьми открыто? Ее брат был «строг» и «старомоден». Он немного напоминает мистера Баретта из «Уимпл-стрит», не так ли?

Гвенда содрогнулась.

— Он сумасшедший, — сказала она. — Сумасшедший.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Он не был нормальным. Он обожал свою сестру, и привязанность к ней переросла в порочное чувство. Такие вещи случаются чаще, чем вы думаете. Отцы, которые не хотят, чтобы их дочери выходили замуж и даже встречались с молодыми людьми. Как мистер Баретт. Я подумала об этом, когда узнала историю о теннисной сетке.

— О теннисной сетке?

— Да, это показалось мне очень существенным. Подумайте об этой девочке, юной Элен, которая только что вернулась из школы и, как все девушки, мечтала встречаться с молодыми людьми, флиртовать с ними...

— Немного сексуально озабоченная.

— Нет, — решительно возразила мисс Марпл. — Это одна из самых порочных черт этого преступления. Доктор Кеннеди не только убил ее физически. Если вы внимательно проанализируете случившееся, то обнаружите, что единственным свидетелем того, что Элен Кеннеди была помешана на мужчинах (или как вы выразились, дорогая? Ах да, была нимфоманкой), являются слова самого доктора Кеннеди. А я считаю, что она была вполне нормальной молодой девушкой, которая хотела развлекаться и весело проводить время, флиртовать и, наконец, выйти замуж за мужчину по собственному выбору — только и всего. Но посмотрите, как ведет себя ее брат. Прежде всего проявляет «строгость» и «старомодность» относительно предоставления ей свободы. Потом, когда она захотела пригласить знакомых поиграть в теннис — вполне нормальное и безобидное желание, — он вроде бы не возражал, но однажды ночью порезал теннисную сетку на ленты. Это весьма показательная садистская акция. А потом, чтобы она не могла играть в теннис или танцевать, внес инфекцию в рану на ноге, чтобы она подольше не заживала. О да, я думаю, он так именно и поступил... Я уверена в этом. Учтите, — продолжала мисс Марпл, — я не думаю, что Элен осознавала все это.

Она знала, что брат любит ее, и вряд ли понимала, почему ей так неуютно и тягостно в его доме. Чтобы вырваться из этой гнетущей атмосферы, она в конце концов решила уехать в Индию и выйти замуж за молодого Фейна. Но от чего именно она бежала? Она и сама не знала. Была слишком молода и бесхитростна, чтобы понять. Итак, она отправляется в Индию и по пути встречает Ричарда Эрскина и влюбляется в него. И в этой ситуации она ведет себя отнюдь не как сексуально озабоченная, а, напротив, как порядочная и благородная девушка. Она не требует, чтобы он оставил жену. Она уговаривает его не делать этого. Но когда она увидела Уолтера Фейна, то поняла, что не может выйти за него замуж, телеграфировала брату, чтобы тот прислал денег на обратную дорогу.

По пути домой она познакомилась с вашим отцом, и перед ней открылся еще один путь к спасению. На сей раз это было хорошим предзнаменованием счастья... Она вышла замуж за вашего отца с лучшими намерениями, Гвенда. Он снова обретал счастье после смерти горячо любимой жены. Она приходила в себя после неудачной любовной истории. Они помогали друг другу. Я считаю, очень важно, что они поженились в Лондоне и только потом приехали в Дилмут и объявили об этом доктору Кеннеди. Она, наверное, инстинктивно чувствовала, что так будет лучше, нежели венчаться в Дилмуте, а ведь вообще-то это было бы более естественно. Думаю, что она все еще не осознавала, каким это будет ударом для брата, а инстинктивно чувствовала, что лучше представить свое замужество как свершившийся факт. — Мисс Марпл сделала короткую паузу, после чего продолжала: — Келвин Холидей дружил с Кеннеди, и тот нравился ему. А Кеннеди делал вид, что рад их женитьбе. Новобрачные сняли здесь меблированный дом... и теперь мы подходим к весьма серьезному моменту — предположению, что жена травила Келвина наркотиками. Есть только два возможных объяснения этому, потому что только два человека имели возможность делать это. Либо Элен Холидей травила мужа — но зачем? Либо наркотики прописывал доктор Кеннеди. Кеннеди пользовал Холидея, поскольку Холидей ценил профессионализм Кеннеди, и мысль о том, что жена травит его, могла быть внушена Келвину лечащим врачом, то есть Кеннеди.

— Но способны ли какие-либо наркотики вызвать у человека галлюцинации, вследствие которых он уверует, будто задушил жену? — спросил Джайлс. — Меня интересует, существует ли наркотик, который может оказать на человека такое специфическое воздействие?

— Мой дорогой Джайлс, вы снова попали в ловушку — нельзя верить всему, что вам говорят. Ведь только доктор Кеннеди сказал, что у Холидея случались такие галлюцинации. Он сам никогда не упоминал о них в своем дневнике. У него случались галлюцинации, да, однако он не говорил, какие именно. Но я смею утверждать, что Кеннеди рассказывал ему о людях, которые задушили своих жен после того, как миновали стадию болезни, которая была у Холидея.

— А доктор Кеннеди и на самом деле злобный человек, — сказала Гвенда.

— Мне кажется, — продолжала мисс Марпл, — что к тому моменту он перешел грань между нормальной психикой и сумасшествием. И Элен, бедная девочка, начала понимать это. Именно своему брату она говорила в тот день, когда Лили подслушала их разговор: «Я всегда боялась вас». И эта фраза была по-своему знаменательна. Она решила уехать из Дилмута и уговорила мужа купить дом в Норфолке, но просила держать это в тайне. И эта таинственность многое объясняет. Она явно опасалась, что кто-то узнает о планах переезда, но речь не шла об Уолтере Фейне или Джекки Эффлике и, уж конечно, не о Ричарде Эрскине. Нет, она боялась того, кто был гораздо ближе.

И наконец, Келвин Холидей, которого, несомненно, начинала раздражать эта скрытность, казавшаяся ему бессмысленной, рассказал обо всем ее брату... тем самым подведя роковую черту под своей судьбой и судьбой жены. Потому что Кеннеди не мог допустить, чтобы Элен жила там счастливо со своим мужем. Думаю, его план состоял в том, чтобы подорвать здоровье Холидея наркотиками. Но, узнав, что его жертва и Элен намерены убежать от него, он уже не мог стерпеть. Прихватив из больницы пару хирургических перчаток, он пошел в «Сан-Кэтрин». Отыскал Элен в холле и задушил ее. Поблизости не оказалось никого, кто мог бы его увидеть, по крайней мере, так он думал и, ослепленный любовной страстью и безумием, процитировал те трагические строки, которые так подходили к случаю. — Мисс

Марпл вздохнула и прищелкнула языком. — Как же я была глупа... ужасно глупа. Мы все были глупы. Мы должны были сразу же догадаться. Те строки из «Герцогини Мальфи» и впрямь служили ключом к разгадке этой истории. Ведь они произнесены братом, только что убившим сестру, чтобы отомстить за брак с женщиной, которого она любила... Да, мы были глупы...

— А потом? — спросил Джайлс.

— А потом он продолжал действовать в соответствии со своим дьявольским планом. Поднял тело наверх. Упаковал вещи в чемодан. Бросил записку в корзину для бумаг, чтобы потом легче было убедить Холидея в якобы совершенном им преступлении.

— Но мне казалось, — сказала Гвенда, — что ему было бы выгоднее представить в роли убийцы моего отца.

Мисс Марпл покачала головой:

— О нет, он не мог так рисковать. Вы же знаете, у него хитрый шотландский склад ума. Он относится к полиции с полным уважением. Полиция проводит тщательное расследование, прежде чем признать человека виновным в убийстве. Она может задать множество неудобных вопросов относительно времени и места, где произошло убийство. Нет, его план был более простым и, я считаю, истинно дьявольским. Ему нужно было только убедить Холидея. Во-первых, в том, что он убил жену. Во-вторых, что он сумасшедший. Он уговорил Холидея лечь в психиатрическую клинику, и я не думаю, что он на самом деле хотел убедить его, будто все дело в галлюцинации. Ваш отец принял его правила игры, Гвенда, главным образом, как я себе представляю, ради вашей безопасности. Он продолжал утверждать, что это он убил Элен. С этим он и умер.

— Какое коварство! — тихо сказала Гвенда. — Зло... зло... зло...

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Более точного слова не сыщешь. И я думаю, Гвенда, именно поэтому так сильно запечатлелось увиденное в вашем детском сознании. Потому что в ту ночь там царил истинное зло.

— Но письма, — спросила Гвенда, — письма Элен? Они были написаны.

— И тем не менее это были фальшивки! Но тут он переусердствовал. Ему нужно было во что бы то ни стало заставить вас с Джайлсом прекратить расследование. Вероятно, он мог бы

подделать почерк Элен, но это не обмануло бы графолога. Образец почерка Элен и ее письма, которые он вам передал, были написаны вовсе не ею. А им самим. И они, естественно, совпали.

— Боже! — воскликнул Джайлс. — Мне это и в голову не приходило.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Вы просто поверили тому, что он сказал. А принимать все сказанное на веру бывает очень опасно. Я уже давно никому и ничему не верю.

— А бренди?

— Он проделал это в тот день, когда принес письма Элен и беседовал со мною в саду. Он оставался в доме, пока миссис Коккер ходила в сад, чтобы доложить о его приходе. На это ему достаточно было одной минуты.

— О боже! — воскликнул Джайлс. — А в полицейском участке после убийства Лили Кимбл он еще рекомендовал мне отвезти Гвенду домой и дать ей бренди. Как же получилось, что он встретился с Лили раньше условленного времени и не у себя дома?

— Очень просто. В первом письме, которое он ей послал, была оговорена встреча в Вудлей-Кемп, и она должна была приехать в Мэтчингс-Холт поездом, который отходит из Дилмута в два часа пять минут. Наверное, он вышел из кустов, когда она шла по тропинке, и задушил ее. Потом просто подменил письмо, находившееся при ней (он предусмотрительно велел ей захватить его с собой, потому что в нем говорилось, как его найти), тем, которое вы все видели, и направился домой ждать вас, чтобы разыграть эту маленькую комедию с ожиданием Лили.

— А Лили действительно была опасна для него? Это не следует из ее письма. Похоже, она подозревала Эффлика.

— Может быть, и так. Но Лейони, швейцарская девушка, что-то рассказывала Лили и потому представляла угрозу для Кеннеди. Ведь она выглянула тогда из окна и увидела, что он копает в саду. Утром он поговорил с ней, намекнул, что майор Холидей убил жену, что майор Холидей психически нездоров и что он, Кеннеди, хочет замять это дело ради ребенка. Если Лейони считает, что ей все же следует заявить в полицию, она вольна это сделать, но это чревато большими неприятностями для нее и так далее.

Лейони испугалась одного упоминания о полиции. Она обожала вас и считала, что мсье доктор делает все как лучше. Кеннеди заплатил ей приличную сумму и поспешил отправить ее обратно в Швейцарию. Но прежде чем уехать, она намекнула Лили о том, что ваш отец убил жену и она видела, как хоронили ее труп. Это совпадало с тогдашними представлениями Лили о случившемся. И она утвердилась в мнении, что именно Келвина Холидея видела Лейони, когда тот копал могилу.

— Но Кеннеди этого, конечно, не знал, — сказала Гвенда.

— Конечно, нет.

— В письме Лили его насторожило упоминание о том, что Лейони видела из окна, и об автомобиле, стоявшем у дороги.

— Автомобиль? Автомобиль Джекки Эффлика?

— Еще одно заблуждение. Лили вспомнила, или ей так показалось, что у дороги стоял автомобиль, похожий на автомобиль Джекки Эффлика. И в ее воображении возник некий таинственный мужчина, приехавший проведать миссис Холидей. Но рядом с домом находилась больница, и вдоль дороги могла стоять не одна машина. Вы должны вспомнить, что у больницы в ту ночь действительно стояла машина доктора, — и он, возможно, пришел к заключению, что она имеет в виду его машину. Прилагательное «шикарная» не имело для него значения.

— Я понимаю, — сказал Джайлс, — он мог расценить письмо Лили как шантаж. Но каким образом вы все развели о Лейони?

Мисс Марпл ответила, поджав губы:

— Видите ли, как я уже говорила, он вышел за рамки пограничного состояния психики. Как только люди инспектора Праймера арестовали его, он сразу же признался во всех своих преступлениях. Лейони, кажется, умерла вскоре после возвращения в Швейцарию. Передозировка каких-то снотворных таблеток... Нет, он не упускал ни единого шанса.

— Например, пытался отравить меня этим бренди.

— Вы были очень опасны для него, вы и Джайлс. К счастью, вы так и не сказали ему о том, что видели Элен мертвую в холле. Он не знал о наличии свидетеля.

— А эти телефонные вызовы Фейну и Эффлику? — спросил Джайлс. — Тоже его работа?

— Да. В случае если бы возникло разбирательство по поводу отравления бренди, то подозрение пало бы на любого из них... А если бы Джекки Эффлик приехал в своем автомобиле один, то его можно было бы заподозрить и в убийстве Лили Кимбл. У Фейна, скорее всего, нашлось бы алиби.

— А ведь он, кажется, любил меня, — сказала Гвенда, — маленькую Гвенни.

— Он должен был сыграть свою роль, — объяснила мисс Марпл. — Представьте себе, что это значило для него. Спустя восемнадцать лет приезжаете вы с Джайлсом, задаете вопросы, копаетесь в прошлом, раскрываете убийство, которого на самом деле вроде бы и не было... Убийство, совершенное в прошлом... Весьма опасная затея, мои дорогие. Я ужасно беспокоилась за вас.

— Бедная миссис Коккер! — сказала Гвенда. — Она была на волосок от смерти. Я так рада, что она поправляется. Как ты думаешь, она вернется к нам, Джайлс? После всего этого?

— Вернется, если понадобится детская комната, — серьезно ответил Джайлс.

Гвенда покраснела, а мисс Марпл чуть заметно улыбнулась и посмотрела вдаль.

— Надо же было такому случиться, — задумчиво сказала Гвенда, — что я взглянула на свои руки в резиновых перчатках как раз в тот момент, когда он вошел в холл и произнес несколько вполне невинных фраз, живо воскресивших в памяти те самые злосчастные слова. — Она поежилась. — «Прикройте ей лицо... Я не могу смотреть... она умерла молодой...» Эти слова вполне могли бы быть сказаны обо мне... Если бы не подросла мисс Марпл. — Она помолчала, а потом грустно добавила: — Бедная Элен... Бедная милая Элен, которая умерла молодой... Знаешь, Джайлс, ее больше нет... ни в доме, ни в холле. Я почувствовала это вчера, еще до того, как мы уехали оттуда... Теперь это просто дом. Дом, любящий нас. Мы можем вернуться туда в любой момент...

Примечания

Дань исторической приверженности англичан к числу «шесть» — полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т. д., и т. п. Отсюда и шесть — минимальное число членов клуба. *(Здесь и далее прим. перев.)*

«Сотни и тысячи» — так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.

Дартмур — холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

4

Мур — река, впадает в залив Лайм.

Друиды — жрецы у древних кельтов в Британии.

Астарта — греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

7

Дик — уменьшительное от Ричарда.

Часовой гольф — малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

Имеется в виду неделя между Духовым днем, который Англиканская церковь отмечает в седьмое воскресенье после Пасхи, и Троицей, которая соответственно отмечается в восьмое воскресенье после Пасхи.

Непобедимая армада — военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

Галеон — большой старинный, богато украшенный резными фигурами парусник.

Духов понедельник — первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.

Букв.: после смерти (*лат.*).

Пикша — разновидность трески с характерными пятнами на коже.

По свидетельству Библии, святой Петр был ранее рыбаком Симоном и лишь от Христа получил имя Петр — камень (*греч.*).

В данном случае речь о словах, которые имеют несколько различное написание и значение, но произносятся одинаково. Так, «Gray Wethers» — место, близ которого находятся остатки предполагаемого древнего храма друидов в виде каменных кругов, и «grey weathers» — буквально «серые погоды», то есть мрачные пасмурные погоды.

В Англии имена вступающих в брак по обычаю трижды оглашаются в церкви, чтобы выяснить, нет ли препятствий к заключению брака.

Род шейного платка, косынки (*фр.*).

Работные дома — благотворительные учреждения для оказания помощи нуждающимся. Они должны были работать и жить в них, подчиняясь заведенным порядкам. В своем первоначальном виде прекратили существование в конце XIX века; в настоящее время так называют дома инвалидов с ограниченной трудоспособностью.

Правильное название — Пико-де-Тейде, действующий вулкан на острове Тенериф.

Бедкер — по имени немецкого издателя Карла Бедкера (1801–1859), название путеводителя по разным странам для путешественников и туристов.

То есть мисс Бартон. В Англии нередко то или иное часто упоминаемое в разговоре или в тексте лицо обозначают начальной буквой фамилии.

Каморра — тайная итальянская террористическая организация, образовавшаяся в конце XVIII — начале XIX века. Орудие реакции. В конце XIX века была проведена кампания борьбы против Каморры, однако ее организации существуют до сих пор.

Имеется в виду Первая мировая война.

Сомерсетшир — графство на юго-западе Англии, у побережья Бристольского залива.

И так далее (*лат.*).

Тсингау — немецкий вариант названия морского порта Циндао в Восточном Китае, использовавшегося немцами в качестве военно-морской базы во время Первой мировой войны.

Собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

Кестен-Спа-Гидро — слившиеся воедино курортные городки, известные своими минеральными водами; в данном случае «Гидро» — еще и название пансионата, где происходит действие.

Аскот — скачки, по названию ипподрома близ Виндзора.

Шалфей с луком применяется в английской кулинарии для фаршировки гусей и уток.

«Двадцать вопросов» — популярная развлекательная радиопередача Би-би-си; нужно отгадать задуманное слово, задав не более двадцати вопросов.

Компаньонка (*фр.*).

Физическая сексуальная привлекательность, особенно женщины
(фр.).

Хороший горох (*англ.*).

«Низкая церковь»— одно из направлений англиканской церкви.
(Здесь и далее примеч. перев.)